

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

*дефект,
не в сдв.
193-200*

3/89

СССР — КНР: новая
ступень сотрудничества

Советский
Дальний Восток и АТР

Воспоминания
китаеведа

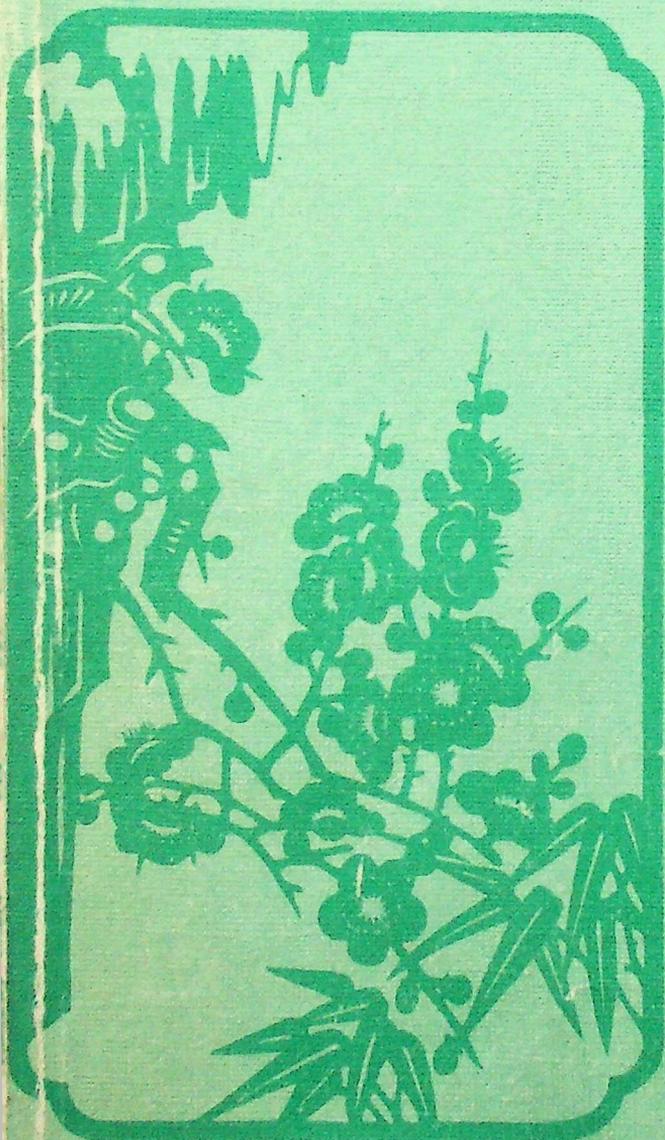
Поэты
русского Харбина

Сейсмостойкое
строительство
в Японии

Врачеватели
и маги ушу

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/89

Научный и общественно-политический журнал
выходит шесть раз в год на русском,
английском, японском и испанском языках

3/89
Издается с марта 1972 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СССР — КНР

Подведена черта под прошлым — открыт путь в будущее	3
Новая ступень сотрудничества. Интервью Председателя Президиума ТПП СССР В. Л. Малькевича	7
М. Л. ТИТАРЕНКО. Расширяются научные контакты	11

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПДВ

Советский Дальний Восток и АТР	16
--------------------------------	----

ПУЛЬС РЕГИОНА

И. Л. ТИМОНИНА. Природе — юридическую защиту	35
В. И. МОИСЕЕВ. Поучительный опыт (экономическое сотрудничество между СССР и КНДР)	44
М. И. КРУПЯНКО. Япония — КОКОМ: двойной подход	50
О. В. ДАВЫДОВ, В. И. МЕЛЬНИКОВ. Сеул ищет партнеров	57

ШАГИ КИТАЙСКОЙ РЕФОРМЫ

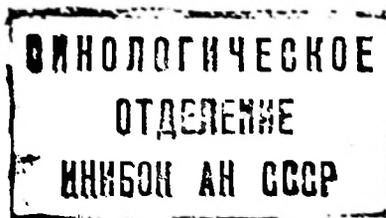
В. Е. ЗОТОВ. Общественное производство в новых условиях	66
Л. А. ВОЛКОВА. Плюсы и минусы семейного подряда	77
А. М. КРУГЛОВ. Частный сектор: масштабы и возможности	86
Т. М. ЕМЕЛЬЯНОВА. Самоуправление на селе	92
Ю. Б. САВЕНКОВ. Киноэкран — зеркало перемен	95

ПРОШЛОЕ: ГОЛОС ОЧЕВИДЦА

С. Л. ТИХВИНСКИЙ. Китай в моей жизни	104
Е. П. ТАСКИНА. Поэты русского Харбина	120

ТОЧКА ЗРЕНИЯ УЧЕНОГО

Б. Н. СЛАВИНСКИЙ. На пути к советско-японскому мирному договору	132
ХЭ ЦИНЬ (КНР). О понятии «национальная революция»	146

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- М. В. СОФРОНОВ. Движение «4 мая» и проблемы национального языка 151
В. Н. НИКИФОРОВ. Трудные дороги китаеведения 160
Л. А. АНОСОВА. Вьетнамцы во Франции 169

КЛУБ КОНФУЦИЯ

- А. И. КОБЗЕВ. «Чжоу из» — китайская библия 175

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- А. К. ЛЕБЕДЕВ. Небоскребы на тектонических разломах 190
О. В. ВАСЬКОВ. ЮНЕСКО и азиатско-тихоокеанский регион 194
Р. ХАНСЕН, Г. А. БОГОЛЮБОВ. Кампучия: возрождение культуры 200
Е. Ю. БОНДАРЕНКО. «Жестокий русский плен»? (Свидетельствуют японцы.) 204
П. КОРРАДИ (Италия). Рождение новой Ассоциации 207

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

- А. А. ДОЛИН. «Наука жизни» древних даосов (окончание) 209
О. И. ЗАВЬЯЛОВА. Токио книжный 219
Р. Б. НОЗДРЕВА. Икэбана: школы и направления 225

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

- О чем пишут читатели 229
А. В. СТОЦЕНКО. О «великих стройках» Дальнего Востока (записки
заслуженного деятеля науки СССР) 232

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- Э. З. ИМАМОВ. Современное китайское право 237

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале,
не обязательно соответствует позиции редакции

Адрес редакции:
Москва, 117848
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Б. ВОРОНЦОВ (главный редактор), В. И. ГЛУНИН, А. М. ГРИГОРЬЕВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО, В. Г. КАРЫМОВ (зам. главного редактора), В. Н. КАШИН, И. И. КОВАЛЕНКО, А. И. КРУШАНОВ, А. П. МОРОЗОВ, С. Н. МОРОЗОВ, В. С. МЯСНИКОВ, Д. В. ПЕТРОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, И. А. РОГАЧЕВ, Б. Л. РИФТИН, Г. С. САДВАКАСОВ, А. И. СЕНАТОРОВ, Б. Н. СЛАВИНСКИЙ (зам. главного редактора), В. Ф. СОРОКИН, Г. Д. СУХАРЧУК, М. Л. ТИТАРЕНКО, Н. С. ТИХОНОВ (ответственный секретарь)

© Издательство «Прогресс»,
Проблемы Дальнего Востока,
1989

Подведена черта под прошлым — открыт путь в будущее

В мае 1989 г. состоялось долгожданное, поистине эпохальное событие. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачев посетил КНР и провел переговоры с высшими китайскими государственными и партийными руководителями. За плечами советских и китайских участников встречи в Пекине разносторонний опыт межгосударственного общения, включающий в себя и груз обоюдной отчужденности 60-х и 70-х годов, и взаимный, пусть медленный, похожий на переход вброд с осторожным ощупыванием камней на дне реки, поиск путей развития диалога с целью создания отношений нового типа на равноправной и принципиальной основе независимо от различных подходов к решению ряда международно-политических проблем. Генеральная задача встречи, как ее видели в Москве и Пекине, состояла в том, чтобы, осмыслив прошлое, открыть путь в будущее.

Советско-китайская встреча на высшем уровне была по существу логическим продолжением целеустремленных усилий как советской, так и китайской стороны, усилий, направленных на оздоровление международно-политического климата и тесно взаимодействующих с программами перестройки в СССР и модернизации Китая, ставших в свою очередь важным внутренним стимулом для обновления внешней политики двух соседних стран.

Китайская сторона с большим удовлетворением, как отмечал во время встречи Дэн Сяопин, восприняла Владивостокскую речь М. С. Горбачева (28 июня 1986 г.), увидела в ней новое содержание внешней политики СССР, позволившее начать подготовку к диалогу между ведущими китайскими и советскими руководителями. И до этой речи, конечно, в Москве уделяли немало внимания процессам в АТР. Но именно с Владивостокских инициатив Советский Союз начал предпринимать последовательные меры, способствовавшие крушению представлений о «советской угрозе», связанных с наследием «холодной войны», волюнтаризмом застойных в нашей стране времен, и на практике обозначившие приоритетность общечеловеческих усилий по предотвращению ядерной катастрофы, при решении иных глобальных проблем. Китайские эксперты вскоре после Владивостокской речи поставили в фокусе своего внимания мысль М. С. Горбачева о первоочередном значении для обеспечения международной безопасности средств экономических и политических, а не военных.

На советско-китайский диалог позитивно воздействовали оздоровление международного климата, улучшение отношений между СССР и США, дальнейшая интернационализация мировых хозяйственных связей, формирование в СССР и Китае новых внешнеполитических доктрин, исключающих войну в качестве средства решения международных споров, составляющих добротную основу для соприкосновения позиций сторон по жизненно важным для человечества вопросам — таким, как разоружение, международная, региональная, политическая и экономическая безопасность, экология, новый мировой политический порядок и т. п. И в Москве, и в Пекине исходят из того, что не силовое противостояние, а постоянный политический диалог как на двусторонней, так и многосторонней основе, с активным участием общественности различных стран мира становится неотъемлемым элементом международной жизни.

К 1989 г., когда состоялся выход советско-китайских отношений на новый уровень, произошли серьезные изменения в политическом облике ряда социалистических стран, там начали формироваться новые государственные и общественные механизмы, основанные на плюрализме и в сфере экономики, и в политике. Сама жизнь опровергла представление о существовании якобы универсальной модели социалистического строительства, унифицированных путей перестройки и привела к признанию многообразия путей обновления казалось бы устоявшихся социальных структур. Это само по себе стало одним из проявлений эволюции об-

щественного сознания в социалистических странах и, что весьма важно, обозначило крушение стереотипа восприятия международно-политического сотрудничества, основанного на антитезе: «кто не с нами, наш враг!»

Советско-китайские отношения на новом этапе освобождены, как показала встреча в Пекине, от всякого рода издержек времен застойного периода в СССР и «культурной революции» в Китае. Новый этап этих отношений складывается на основе, исключающей какое-либо вмешательство в дела друг друга, на равенстве, суверенитете, взаимовыгодном сотрудничестве. Иными словами, универсальные принципы мирного сосуществования, которые сравнительно недавно звучали лишь как декларации, сегодня наполняются практическим, вполне конкретным содержанием, охватывают все сферы развития советско-китайских отношений.

Осуществление реформ как в Советском Союзе, так и в Китае вызвало к жизни острые столкновения различных общественных сил. Обнажилась сложная диалектика противоборства между инициаторами экспериментального поиска путей и средств преодоления отставания от ведущих промышленно-развитых стран и догматиками, продолжающими стоять на страже командно-административной системы. Взаимодействие процессов осуществления реформ в СССР и в Китае ведет к усилению позиций в наших странах приверженцев нового мышления, или раскрепощения сознания, как говорят в Китае, сторонников движения за скорейшее создание правовых государств. Идущие в авангарде в Китае ведут борьбу с нелегким наследием многовековой замкнутости и полукOLONиальной отсталости, в Советском Союзе — с бюрократическими извращениями командно-административной системы. Они видят, что неременным условием успеха реформ в обеих странах являются открытость в политике, углубление демократизации общества. Оказавшиеся в арьергарде уповают на возврат к изоляции от внешнего мира, усматривают, как и в годы сталинизма и «культурной революции», угрозу национальным интересам не в собственном невежестве, рабской психологии, разложившейся бюрократии, а в достижениях иных цивилизаций, ушедших вперед по пути научно-технической революции. Естественно, что, несмотря на различия как функционального, так и структурно-организационного плана, которые имеются во взаимодействии наших стран с внешним миром, в том числе со странами развитого капитализма, у советского и китайского народов и здесь есть немало общего. Прежде всего это обоюдная заинтересованность в том, чтобы процесс демократизации, гуманизации наших обществ, движение их ко все большей открытости — а это неременное условие приобщения к достижениям мировой цивилизации в области экономики, политики, культуры, науки, техники, права — не ограничивал, а, напротив, способствовал развитию национальных культур, умножая вклад народов СССР и КНР в строительство безопасного мира. Вместе с тем нормализация отношений между двумя великими государствами, вставшими на путь коренных социально-экономических и политических преобразований, разрушающих барьеры изоляции от остального мира, несомненно служит упрочению в международных отношениях принципов мирного сосуществования, укреплению международного экономического сотрудничества — и не только через двусторонние торгово-экономические, но и многосторонние связи, как по линии Восток — Запад, так и Север — Юг.

Встреча в верхах не могла полностью устранить существующие между партнерами различия в сфере идеологии. Главный же ее итог состоит в том, что нейтрализуется негативное влияние такого рода различий на состояние межгосударственных, да и межпартийных связей. Не эмоции, не устоявшиеся догматы, а реалистическое восприятие действительности, трезвые, свободные от предвзятости оценки должны ныне определять развитие советско-китайских отношений.

Новым содержанием наполняются торгово-экономические и научно-технические связи. Ведь в 80-х годах товарооборот между СССР и КНР возрос в 10 раз. Два миллиарда рублей, которыми исчисляется его объем, можно оценить как позитив, особенно сравнив положение в торговле между нашими странами в 70-е годы. Если же посмотреть на это в свете дальнейшей интернационализации мирового хозяйства, развития торгово-экономических связей КНР с западными партнерами, то уровень советско-китайских торгово-экономических отношений выглядит, мягко говоря, достаточно скромно. Участники встречи в верхах призвали к развитию этих связей с использованием новых форм, конкретизировали приоритетные направления в области сотрудничества. Это энергетика, транспорт, металлургия,

производство товаров народного потребления, медицина, здравоохранение, предоставление трудовых услуг.

Велики резервы советско-китайского сотрудничества между различными регионами наших стран в развитии приграничной торговли (за последние годы резко возрос ее объем, расширена география). Немало предстоит еще сделать по созданию необходимой инфраструктуры для обеспечения всесторонних связей в приграничных районах.

Встреча М. С. Горбачева с высшим китайским руководством стала отправной точкой для развития нормальных отношений между КПСС и КПК, которые должны занять важное место в процессе обновления двух соседних социалистических государств. Развиваясь строго в духе равноправия, полного уважения независимости партнеров, межпартийные связи призваны способствовать обмену опытом (как между центральными, так и региональными партийными организациями) по актуальным проблемам партийной жизни в современных условиях, на практике содействовать взаимному использованию всего лучшего из арсенала перестройки и реформ — а это поможет избежать ошибок, которые уже не раз становились тормозом экономического и социального развития. Особое внимание, как было отмечено в Пекине, будет уделено сотрудничеству специалистов-обществоведов СССР и Китая в разработке теоретических проблем, оказавшихся в центре современной общественно-политической мысли в наших странах. Свой посильный вклад в это важное дело могут внести и советские китаеведы, вовлеченные, например, в исследование таких проблем, как развитие социалистического общества в СССР и КНР (общее и особенное), социализм и собственность и т. п. (См.: «Проблемы Дальнего Востока». — 1989. — № 1, 2).

Встреча в Пекине стала фактором, исправляющим определенный дисбаланс в международных отношениях. Советско-китайские связи явно отстали от связей между СССР и США, СССР и странами Западной Европы, КНР и Японией, КНР и США, что в известной мере подрывало развитие стабилизирующих тенденций в международных отношениях последних лет. Советско-китайские переговоры в Пекине подвели черту под так называемой «треугольной дипломатией», инициаторы которой пытались строить отношения между двумя государствами в треугольнике США — СССР — Китай, придавая им явно конфронтационный смысл. Во время советско-китайской встречи в верхах на страницах западной печати проскальзывали опасения относительно того, что поездка М. С. Горбачева в КНР может нарушить сложившийся баланс в «треугольнике», нанести ущерб военно-стратегическим интересам США. Подобные опасения безосновательны. Советско-китайская нормализация не направлена против третьих стран. Более того, с этой встречей повышается значимость для СССР, США и КНР мер взаимного доверия, осуществление которых стало возможным как вследствие снижения уровня международной напряженности, последовавшего после осуществления крупных акций в сфере разоружения по линии СССР — США, так и благодаря пересмотру в Советском Союзе и в КНР приоритетов в сфере экономики и политики. Китайское руководство в одностороннем порядке сократило свои вооруженные силы на миллион человек. По этому же пути идет и советская сторона.

Вряд ли сегодня можно отрицать то обстоятельство, что развитие советско-китайских отношений создало благоприятные условия для осуществления советским руководством в рамках концепции оборонительной достаточности дополнительных мер по снижению уровня своего военного присутствия в АТР. М. С. Горбачев, выступая в Пекине, подчеркнул важность совместных усилий по демилитаризации советско-китайских границ. В восточной части СССР в соответствии с советско-американской договоренностью намечено уничтожение 436 ракет средней и меньшей дальности. В 1989—1990 гг. размещенная там группировка советских войск будет уменьшена на 200 тыс. человек, в том числе на 120 тыс. на Дальнем Востоке. Сухопутные войска сокращаются на 12 дивизий, расформируются 11 авиационных полков, из состава Тихоокеанского флота исключаются 16 боевых кораблей. В течение 1989—1990 гг. из МНР будут выведены три дивизии, включая две танковые, а также вся авиационная группировка. В расположенных вдоль советско-китайской границы советских войсках начата перестройка в соответствии с принципом оборонительной достаточности.

Желание сторон поддерживать нормальные, добрососедские отношения привело к зафиксированному в коммюнике согласию принять меры к сокращению воору-

женных сил в районе советско-китайской границы. Создание двустороннего механизма по демилитаризации границы должно содействовать превращению пограничных между СССР и КНР территорий в районы мира и делового сотрудничества.

Сближение позиций СССР и КНР по вопросам снижения уровня военной напряженности в АТР будет способствовать ослаблению военного противостояния там, где сталкиваются военно-стратегические интересы ведущих ядерных держав и где сближаются побережья СССР, КНР, Японии, КНДР и Южной Кореи, замораживанию и в конечном счете сокращению военно-морских и военно-воздушных сил сторон, ликвидации военно-морских баз на чужих территориях.

Нельзя не видеть воздействия советско-китайской встречи в верхах на оздоровление обстановки в АТР. В последние годы в современном мировом хозяйстве все больше возрастает удельный вес государств АТР, растет взаимозависимость их экономик, повышается интернациональная значимость внутрирегионального сотрудничества. Советско-китайская встреча в верхах облегчила поиск точек соприкосновения в рамках субрегиональных и общеазиатских отношений, например, в ЮВА — между странами, входящими в АСЕАН, и Вьетнамом, Лаосом, Кампучией и Бирмой. Она дала известный толчок усилиям, направленным на повышение эффективности сотрудничества между государствами ЮВА, Советским Союзом, КНР, Индией, другими странами мира. Сегодня, как, возможно, никогда ранее, становится актуальной проблема образования в АТР механизма многосторонних консультаций, повышения роли ООН по стимулированию общеазиатского процесса.

Советский Союз и Китайская Народная Республика, идя на нормализацию отношений, предприняли ряд практических мер по укреплению гарантий международной и региональной безопасности.

Значительное место в советско-китайском коммюнике заняла проблема кампучийского урегулирования. При осуществлении намеченного на конец сентября 1989 г. вывода вьетнамских войск из Кампучии в этой стране возникнет новая обстановка. Как советская, так и китайская стороны ясно подчеркнули необходимость предотвращения здесь новой вспышки гражданской войны. На переговорах общность позиций сторон по этому вопросу проявилась прежде всего в желании достичь политического урегулирования застарелого конфликта, в поддержке политики национального примирения в этой стране с участием четырех кампучийских сторон, в стремлении добиться скорейшего созыва международной конференции по кампучийской проблеме. В совместном коммюнике были зафиксированы и различия в позициях участников переговоров по кампучийской проблеме. Советская сторона подчеркнула необходимость решения внутренних проблем Кампучии, включая подготовку и проведение под международным контролем всеобщих выборов самими кхмерами. Китайские участники переговоров выступали за создание в стране в переходный период после вывода вьетнамских войск и до завершения всеобщих выборов временного четырехстороннего коалиционного правительства во главе с Н. Сиануком. При всем большом значении позитивных перемен в международно-политическом климате главное для урегулирования региональных проблем — позитивное развитие социальных и политических процессов в зоне конфликтов, включение конфронтационных сил в общенациональное движение за создание общеприемлемого правительства. Право решать вопросы собственной безопасности принадлежит прежде всего народам, волей судеб оказавшихся вовлеченными в трагические междоусобицы, будь то на земле Афганистана или Кампучии.

Советско-китайская встреча в верхах оказала положительное влияние на китайско-индийские отношения. Премьер-министр Индии Раджив Ганди выразил надежду, что она будет способствовать делу обеспечения мира в Азии. Более благоприятные условия появились для развития индо-пакистанских, советско-пакистанских отношений, для продвижения китайско-вьетнамского диалога, мирного урегулирования в Индокитае, на Корейском полуострове.

Итак, советско-китайские отношения вышли на новый уровень, подведена черта под историей печальных событий прошлых лет, когда обе стороны пытались оказывать давление друг на друга. Состоявшийся визит М. С. Горбачева в КНР обозначил завершение процесса нормализации между двумя великими державами. Восстановление контактов между КПСС и КПК содействовало развитию всесторонних связей между нашими странами, провозгласившими социалистический путь развития.

Новая ступень сотрудничества Интервью Председателя Президиума ТПП СССР В. Л. Малькевича

В советско-китайских отношениях в последнее время произошли коренные качественные изменения, начался принципиально новый этап их развития. Большие возможности открываются и для дальнейшего всестороннего расширения торгово-экономического сотрудничества. Значительная роль в этом принадлежит Торгово-промышленной палате СССР.

В связи с этим корреспондент журнала «Проблемы Дальнего Востока» взял интервью у Председателя Президиума ТПП СССР В. Л. Малькевича.

Вопрос: В советско-китайских торгово-экономических отношениях появились новые формы. Входит в практику производственная кооперация, все большее значение приобретают прямые торгово-экономические связи между отдельными отраслями и предприятиями двух стран. Развивается приграничная торговля. Какие формы сотрудничества с Китаем Вы считаете наиболее перспективными?

Ответ: Прежде всего я бы подчеркнул, что широкие перспективы сотрудничества в торгово-экономической области обусловлены заинтересованностью в нем как советской, так и китайской стороны. Новые возможности расширения сотрудничества связаны с реализацией инициатив, выдвинутых Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачевым во время его пребывания во Владивостоке в июле 1986 г. и в Красноярске в сентябре 1988 г., а также принятых правительством СССР мер по осуществлению программы комплексного развития Дальневосточного экономического района СССР до 2000 г.

Что касается Дальнего Востока и Сибири, то речь может идти о создании там зон совместного предпринимательства, организации в Амурской, Читинской областях и в Приморском крае совместного с китайской стороной производства сельскохозяйственной продукции, участия в строительстве в этих районах объектов социального назначения на принципах взаимности. Хорошие возможности для развития советско-китайского сотрудничества имеются в таких областях, как цветная и черная металлургия, легкая промышленность.

Предприятия советских среднеазиатских республик проявляют заинтересованность в развитии сотрудничества с КНР по многим направлениям. Это легкая и местная промышленность, мелиорация и водное хозяйство, геология, товарообмен по линии предприятий торговли и пр.

Большое значение имеют соглашения, подписанные в ходе третьего заседания Советско-Китайской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству в июне 1988 г. Это — «Соглашение об установлении и развитии торгово-экономических связей между союзными республиками, министерствами, ведомствами, объединениями и предприятиями СССР и провинци-

ями, автономными районами и городами КНР» и «Соглашение о принципах создания и деятельности советско-китайских совместных предприятий». Они создают необходимые условия для расширения сотрудничества между организациями и предприятиями обеих стран особенно после принятия Постановления Совета Министров СССР № 1405 от 2 декабря прошлого года, в соответствии с которым значительная внешнеэкономическая самостоятельность предоставляется государственным, кооперативным и иным общественным предприятиям, объединениям и организациям.

В связи с получением права выхода на внешний рынок министерствами, предприятиями и организациями намечается организация семинаров, «круглых столов» для представителей советской промышленности по вопросам развития советско-китайского торгово-экономического сотрудничества, ознакомление их со спецификой китайского рынка. Устанавливаются контакты, в частности, с пятью отраслевыми торговыми палатами в КНР, координирующими экспортно-импортную деятельность китайских предприятий и компаний по таким товарам, как пищевые продукты, зерновые, продукты животного происхождения, металлы, химические продукты, изделия легкой промышленности, электротехнические изделия и станки. Проводится работа по изучению китайского опыта в осуществлении внешнеэкономической деятельности, в частности, функционированию специальных экономических зон, совместных предприятий, деятельности лизинговых компаний и т. п. Этот опыт представляет большой интерес для наших сторон в связи с намечаемой организацией в Советском Союзе зон совместного предпринимательства, в особенности на Дальнем Востоке.

Таким образом, с учетом экономических интересов партнеров, их производственных и технологических возможностей разнообразятся формы экономического взаимодействия советских и китайских организаций.

Вопрос: После возобновления приграничной торговли между нашими странами она стремительно развивается, что приносит большую пользу народному хозяйству той и другой стороны. В чем выражается содействие ТПП СССР развитию советско-китайской приграничной торговли?

Ответ: Приграничная торговля является одним из самых динамичных факторов советско-китайских экономических отношений, ее рост опережает темпы роста общего советско-китайского товарооборота. Так, только в 1988 г. она выросла более чем в два раза по сравнению с 1987 г. и, по оценкам, превысит 100 млн. рублей. Торгово-промышленная палата СССР занимается анализом и выявлением потребностей советских и китайских предприятий и организаций в тех или иных товарах, машинах и оборудовании. Так, в ходе поездки нашей делегации в КНР в ноябре 1988 г. мы передали Китайскому комитету содействия развитию международной торговли (ККСРМТ) предложения предприятий приграничных с Китаем союзных республик, краев и областей по развитию сотрудничества с китайскими предприятиями и организациями. Эти предложения вызвали живейший интерес китайской стороны, и теперь уже ведется проработка ряда конкретных проектов.

Попутно несколько слов об упомянутой поездке, оказавшейся чрезвычайно интересной и полезной в деловом плане. В состав делегации входили руководители Приморского края, Ассоциации делового сотрудничества со странами азиатско-тихоокеанского региона, ряда промышленных предприятий (Производственного объединения «ГАЗ», Владивостокского инструментального завода «Амурлитмаш»), представители Минстанкопрома, Внешэкономбанка СССР. Мы были приняты заместителем Премьера Госсовета КНР Тянь Цзиюнем, провели переговоры в Китайском комитете содействия развитию международной торговли, Консультативном центре по вопросам торгово-эко-

номических связей с СССР и странами Восточной Европы при Институте СССР и стран Восточной Европы, ряде других организаций. Китайские коллеги предоставили нам возможность ознакомиться с деятельностью специальной экономической зоны Шэньчжэнь, системой организации внешнеэкономических связей г. Гуанчжоу. Посетили мы и промышленные предприятия, внешнеторговые компании. Визит позволил нам обменяться с китайскими товарищами мнениями о задачах, решаемых в настоящее время Торгово-промышленной палатой СССР и Китайским комитетом содействия развитию международной торговли, о ходе осуществления экономической реформы в КНР и перестройки народного хозяйства в СССР. Состоялись переговоры по конкретным направлениям сотрудничества.

В связи с благоприятными перспективами для активизации советско-китайских прямых связей и приграничной торговли работу по аккумуляции информации о запросах советских и китайских предприятий на установление таких связей и оказанию содействия в поиске партнеров, по изучению потребности и возможности развития производственной кооперации с китайской стороны берут на себя региональные отделения Торгово-промышленной палаты на Дальнем Востоке, торговые палаты союзных республик, которые осуществляют приграничную торговлю с Китаем. Удовлетворение спроса на внешнеэкономическую информацию, на услуги консультационного характера по всем аспектам внешнеэкономических связей имеет особое значение для экономических районов Сибири и Дальнего Востока. Поэтому деятельность всесоюзных объединений «Внешэкономсервис» и «Союзрегион», созданных при ТПП СССР, во многом ориентирована именно на обслуживание этого региона.

Вопрос: Известно, с каким успехом прошли в 1986 г. первые, организованные после значительного перерыва, торгово-промышленные выставки СССР и КНР. Как реализуется подписанное ранее между ТПП СССР и Китайским комитетом содействия развитию международной торговли соглашение об обмене выставками в 1987—1990 гг.?

Ответ: В соответствии с утвержденным Межправительственной Советско-Китайской комиссией по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству планом по обмену выставками между СССР и КНР Торгово-промышленная палата и Китайский комитет содействия развитию международной торговли организуют участие Советского Союза в 1-й международной Пекинской ярмарке в июле 1989 г. и КНР — во 2-й международной выставке «Оборудование, приборы и инструменты для металлообрабатывающей промышленности» в Москве в мае—июне 1989 г. Торгово-промышленная палата и Китайский комитет содействия развитию международной торговли проведут в 1990 г. Торгово-промышленную выставку СССР в Китае и Торгово-экономическую выставку КНР в Советском Союзе.

Стороны договорились также ввести в практику сотрудничества организацию передвижных выставок деловой информации на взаимной основе. Выставочный обмен безусловно будет способствовать рекламе экспортных возможностей советских предприятий, объединений и организаций, продвижению новых экспортных товаров на китайский рынок, установлению устойчивых деловых отношений с потенциальными импортерами и экспортерами советских товаров. В равной степени это относится и к китайским партнерам.

Вопрос: Не могли бы Вы поделиться планами сотрудничества ТПП с китайскими коллегами?

Ответ: Одним из важных направлений сотрудничества в дополнение к отмеченным выше, нам представляется содействие установлению прямых связей между советскими и китайскими организациями и компаниями, разви-

тию между ними прогрессивных форм экономического сотрудничества, промышленного и научного кооперирования. Мы предложили в этой связи китайской стороне обсудить целесообразность организации в СССР и КНР семинаров для специалистов в области машиностроения, электроники, химии, легкой промышленности.

Торгово-промышленная палата СССР и Китайский комитет содействия развитию международной торговли намерены регулярно обмениваться перечнями организаций и компаний, желающих установить торгово-экономические связи и публиковать эти перечни в своих изданиях.

Кроме того, в 1989—1990 гг. ТПП СССР готова организовать в КНР выступления советских специалистов с разъяснением особенностей нового советского законодательства в области торгово-экономического сотрудничества, в том числе в области высоких технологий.

Как я уже отмечал, одним из главных направлений сотрудничества на ближайшие годы останется выставочный обмен.

В заключение хочу сказать, что развитие связей между советскими и китайскими организациями в новых нетрадиционных формах только начинается. Предстоит большая и кропотливая работа как самих участников этого сотрудничества, так и организаций, призванных оказывать конкретную помощь в решении стоящих перед ним задач. Новые широкие перспективы развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества открываются в результате советско-китайской встречи на высшем уровне. Торгово-промышленная палата СССР в тесном взаимодействии с Китайским комитетом содействия развитию международной торговли, другими организациями — партнерами в КНР будет продолжать и совершенствовать свою работу в свете договоренностей, достигнутых в Пекине.

СИС — СОЦИУМ, ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Рост советско-китайской торговли

По подписанному в Москве между СССР и КНР протоколу о товарообмене в 1989 г. последний должен достичь 4,8 млрд. швейцарских франков и увеличиться на 17 % по сравнению с 1988 г.

СССР будет экспортировать в Китай нефть и нефтепродукты, прокат черных металлов, машины, станки и оборудование, минеральные удобрения и лес. Причем удельный вес машин и оборудования составит около 50 % от всего советского экспорта. Значительно увеличится объем поставок в КНР комплектного оборудования, общая сумма таких поставок составит 164 млн. швейцарских франков против 110 млн. в 1988 году. КНР будет поставлять в Советский Союз цветные металлы, продукты питания, изделия легкой и текстильной промышленности и другие товары.

Расширяются прямые связи советских и китайских предприятий, приграничная и региональная торговля. В 1989 г. эти виды сотрудничества дадут возможность дополнительно увеличить товарооборот между СССР и КНР еще на 1,2 млрд. швейцарских франков.

Расширяются научные контакты

*М. Л. ТИТАРЕНКО,
доктор философских наук,
директор ИДВ АН СССР*

С 9 по 17 февраля с. г. по приглашению президента Академии наук Китая Чжоу Гуанчжао делегация Академии наук СССР во главе с ее президентом Г. И. Марчуком посетила Китайскую Народную Республику. В состав делегации входили многие видные ученые, руководители крупнейших научных институтов: вице-президент АН СССР О. М. Нефедов, президент АН Казахской ССР У. М. Султангазин, академики Ж. И. Алферов, В. С. Владимиров, В. А. Мельников, В. Т. Иванов и др.

Членам делегации в соответствии с их интересами была предоставлена возможность встретиться с представителями руководства Академии наук Китая, провести беседы с китайскими коллегами. За короткий срок они посетили свыше 20 научных учреждений КНР в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, ознакомились с исследованиями китайских ученых в области естественных, технических и общественных наук.

Визит представительной делегации АН СССР в КНР был осуществлен после более чем 30-летнего перерыва в развитии научных контактов между учеными двух стран. В дружеских беседах советские и китайские коллеги искренне сожалели о еще недавних серьезных трудностях в советско-китайских отношениях, которые, естественно, серьезно задержали развитие весьма плодотворных контактов и многостороннего взаимовыгодного сотрудничества. В 50-е гг. многие китайские ученые стажировались или проводили совместно с советскими коллегами исследования в СССР. Нынешний президент АН Китая Чжоу Гуанчжао, являющийся одним из выдающихся физиков и крупнейших специалистов в области физики высоких энергий и физики элементарных частиц, в 1957—1961 гг. проводил исследования в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне. И хотя в беседах он лишь изредка прибегал к русскому языку, президент сумел, судя по тому, как деликатно поправлял переводчиков, сохранить хорошее знание русского языка. Члены советской делегации встретились и с другими своими коллегами, которые в 50-е гг. учились или работали в научных учреждениях СССР.

10 февраля с. г. член Госсовета КНР и председатель Государственного планового комитета КНР Яо Илинъ принял делегацию советских ученых в здании Всекитайского собрания народных представителей. В беседе с академиком Г. И. Марчуком он подчеркнул важность поэтапного восстановления советско-китайского сотрудничества в области науки и техники и необходимость активного развития обмена опытом.

В Пекине в ходе переговоров были одобрены «Основные направления научного сотрудничества между АН СССР и АН Китая на период до 2000 года». Этот документ принят в качестве основы для отбора конкретной проблематики совместных исследований с использованием наиболее прогрессивных форм и методов работы.

В целях научно-организационного обеспечения сотрудничества ученых в рамках этого документа было подписано Соглашение между АН СССР и АН Китая об организации непосредственного сотрудничества между их научными учреждениями. Было признано целесообразным создать специальный механизм для обеспечения эффективной координации и контроля за осуществлением совместных работ, предусмотренных соглашениями и планами.

Полезными и весьма содержательными стали беседы руководителей двух академий о роли науки и вкладе ученых в социалистическое строительство, в укрепление мира и развитие взаимопонимания между народами. Для укрепления сотрудничества было признано целесообразным проводить регулярный обмен визитами.

Таким образом в результате февральского визита в КНР сотрудничество ученых двух стран постепенно перейдет на новый этап, этап кооперации исследований как между отдельными учеными, так и между целыми институтами. Будут задействованы ранее не использованные возможности ведения совместных исследовательских работ, начнут складываться совместные научные коллективы и вырабатываться другие прогрессивные формы сотрудничества.

Что касается нынешнего развития китайской науки, то необходимо прежде всего отметить особенности ее организации. В отличие от АН СССР, соединяющей ученых, занимающихся исследованием проблем естествознания, техники, обществоведения в рамках единой организации, в КНР после «культурной революции» было создано две академии: Академия наук Китая, где осуществляются исследования по фундаментальным направлениям естествознания и техники, и Академия общественных наук Китая, в рамках которой ведутся исследования в сфере гуманитарных наук. Следует отметить, что в КНР одновременно существует и большое количество научно-исследовательских институтов и конструкторских учреждений, находящихся в прямом подчинении различных министерств и ведомств Госсовета КНР, а также провинциальных правительств. АН Китая имеет 5 отделений: физико-математических, химических, биологических, технических наук и науки о Земле. Кроме того, она располагает 12 филиалами в Шанхае, Нанкине, Хэфэе, Чанчунь, Шэньяне, Ухани, Гуанчжоу, Чэнду, Куньмине, Сиани, Ланьчжоу, Урумчи. В составе АН Китая 123 научно-исследовательских учреждения, располагающихся в провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения, имеется 8 заводов по производству научной аппаратуры и криогенной техники, а также издательство «Кэсюэ» («Наука»), которое выпускает ежегодно до 400 наименований книг и брошюр. Отличительной особенностью структуры АН Китая является и то, что она имеет собственную базу подготовки научных и инженерных кадров, которой является Китайский университет науки и техники, расположенный в Хэфэе. В нем обучается около 3 тыс. студентов и аспирантов.

Всего в системе АН Китая в настоящее время занято более 70 тыс. сотрудников, из них 37 тыс. — ученые и инженеры и свыше 10 тыс. — научно-технический персонал. Первым президентом АН Китая был выдающийся общественный и государственный деятель, историк и писатель Го Можо. В 1987 г. Постоянный комитет ВСНП КНР назначил видного китайского ученого, внесшего большой вклад в создание китайского ядерного и термоядерного оружия, Чжоу Гуанчжао президентом АН Китая. По сложившейся в КНР практике общее собрание АН Китая имеет статус совещательного и консультативного органа при президенте АН Китая, который назначается Постоянным комитетом ВСНП. Что же касается Президиума АН Китая, то он избирается общим собранием академии в составе 29 человек на 4 года, но не более, чем на два срока. Президиум руководит текущей работой академии, назначает главного ученого секретаря, его заместите-

лей, а также временных председателей Президиума для контроля за текущими делами.

Мне, как философу-историку, трудно судить об уровне исследований в области естественных и технических наук, особенно по сравнению с мировым уровнем. Из бесед с членами делегации, руководителями ведущих институтов АН СССР, знакомившихся с научными исследованиями соответствующих НИИ Китая, выяснилось, что за последние 10 лет китайская наука достигла выдающихся успехов в ряде важных направлений: в области математики, ядерной физики, информатики и вычислительной техники, химии, биофизики, генетики, геологии и ряде других наук. Знакомство с Академией наук и ее институтами в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу показало, что многие из них располагают самой современной отечественной и зарубежной аппаратурой и приборами. Это свидетельствует о большой заботе государства и руководства АН Китая об укреплении материально-технической базы НИИ. Например, уровень современного оборудования и оснащения вычислительной техникой институтов физического профиля АН Китая, как отмечали члены нашей делегации, хотя и уступает западным лабораториям, но не уступает, а часто и превосходит средние показатели большинства институтов АН СССР. Оснащенность институтов химии уникальным импортным научным оборудованием и доступность комплектующих блоков и частей, производимых западными фирмами, позволяет им быстро разрабатывать и создавать оригинальные установки и устройства, проводить фундаментальные и прикладные исследования на мировом уровне. Библиотеки институтов прекрасно обеспечены соответствующей отечественной и зарубежной литературой. Здесь широко практикуется прямое репродуцирование научных журналов.

Вместе с тем, как отмечалось в АН Китая и в тех научных институтах, где побывали советские ученые, в целом китайская наука пока еще отстает от мирового уровня, как по размаху исследований, так и по обеспеченности их научными кадрами. Обращает на себя внимание, однако, то обстоятельство, что в Китае ведется большая работа по расширению подготовки научных кадров по важнейшим направлениям научно-технического прогресса. Для этого используются возможности как внутри страны, так и широкое командирование молодежи для обучения в университеты США, Японии, стран Западной Европы, Австралии. За последние годы, например, только в США ежегодно обучалось 15—17 тыс. китайских студентов и стажеров. Подавляющее большинство исследователей, занятых в сфере биологии, генетики, биотехнологии, прошли 2—3-годовалую стажировку в зарубежных лабораториях (США, Англии, ФРГ), вернулись в Китай с серьезными научными заделами, сохранили тесное сотрудничество с центром, где проходила стажировка, и продолжают поддерживать установленные научные связи.

В последнее время постоянно увеличивается число китайской молодежи, направляемой на обучение в Советский Союз. В Китае существуют так называемые открытые университеты и кафедры, куда может приехать, сделав предварительную заявку, ученый из любой страны для чтения лекций и проведения исследований. Подобная практика широко распространена.

* * *

Хотя абсолютное большинство членов советской делегации занимаются исследованиями в области естественных наук, руководством АОН КНР был устроен прием для наших ученых, в ходе которого состоялся содержательный обмен опытом. Организация в Китае исследований в области общественных наук также имеет ряд интересных и заслуживающих серьезного внимания и изучения особенностей. АОН КНР охватывает 33 научных учреждения, расположенных

в Пекине. Кроме того, существует 28 академий общественных наук провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, которые являются самостоятельными научными организациями, находящимися на финансировании местных органов власти. В каждой из этих академий также имеются собственные институты.

Во время визита мы посетили Институт Советского Союза и стран Восточной Европы, возглавляемый профессором Сюй Куем, Институт мировой экономики и политики, а также имели продолжительную встречу с руководством АОН Шанхая. Встречи показали, что китайские обществоведы проявляют растущий интерес к развитию сотрудничества с советскими коллегами, прежде всего в области сравнительного изучения экономических реформ в социалистических странах, реформ политической системы, проблем политэкономии, демографии, а также различных вопросов истории, философии, актуальных тем мировой политики и экономики. Из бесед с китайскими коллегами мы узнали, что в КНР изучением Советского Союза и стран Восточной Европы занимается свыше 60 различных научных учреждений как в рамках академий, так и университетов. Основные кадры специалистов-советологов составляют ученые, получившие образование в СССР и странах Восточной Европы в 50-х гг. В течение почти 30 лет преподавание русского языка в КНР было практически свернуто, и лишь в последние годы стало постепенно расширяться. Несмотря на это, изучение СССР и других социалистических стран ведется достаточно широко.

Так, Институт Советского Союза и стран Восточной Европы АОН Китая в настоящее время особое внимание уделяет изучению новых форм советско-китайского сотрудничества. При институте создан Консультативный центр по развитию торгово-экономических отношений с Советским Союзом, в котором собирается информация о различных предприятиях, учреждениях Китая, желающих установить торгово-экономические связи с краями, областями и отдельными предприятиями в Советском Союзе. Центр оказывает помощь китайским предприятиям в установлении контактов с советскими партнерами. Руководство института обратилось в ИДВ АН СССР с предложением создать аналогичный центр и установить сотрудничество между ними. Предложение китайской стороны представляет интерес и в настоящее время прорабатывается.

Одновременно была достигнута договоренность о подписании Соглашения о прямом сотрудничестве между ИДВ АН СССР и Институтом Советского Союза и стран Восточной Европы АОН Китая. Стороны договорились о том, что в конце текущего года в Москве будет проведена советско-китайская научно-практическая конференция по вопросам новых форм сотрудничества между двумя странами.

Вопросы дальнейшего расширения взаимодействия между учеными-обществоведами двух стран будут обсуждены во время визита в Советский Союз делегации АОН Китая во главе с ее президентом профессором Ху Шэном в мае этого года.

В настоящее время в Китае проводится реформа системы управления развитием науки и техники. Одной из важных особенностей перестройки АН и АОН Китая, начавшейся в 1984—1985 гг., является тесная увязка научных исследований с потребностями производства и социалистического строительства в целом. Это находит свое выражение в том, что абсолютное большинство исследований как в области естествознания, техники, так и обществоведения ныне осуществляется по контрактам с государственными учреждениями и практическими организациями. Результат научных исследований рассматривается сегодня в КНР как товар, в стране проводится большая работа по расширению рынка научных идей и разработок. В Советском Союзе аналогичная работа находится лишь на начальной стадии и выражается в переходе академических институтов

на первую форму хозрасчета и предоставлении права институтам заключать хоздоговоры с различными государственными учреждениями, продавать свою научную продукцию. Это обстоятельство стимулирует, как представляется, наш интерес к изучению позитивных и негативных моментов китайского опыта перестройки в области науки и техники.

Многочисленные встречи с китайскими учеными произвели на членов советской делегации глубокое впечатление, позволили на основе личных наблюдений составить представление об уровне развития китайской науки, о бурном подъеме экономического строительства в Китае. Члены делегации убедились также в искренних дружеских чувствах китайского народа и китайских ученых к СССР и советским людям.

Следует подчеркнуть, что визит делегации советских ученых состоялся после принятого руководством двух стран решения о проведении советско-китайской встречи в верхах. Сам фон подготовки к ней содействовал созданию благоприятной атмосферы для встречи советских и китайских ученых. М. С. Горбачев пользуется в Китае большой популярностью, его книга о новом политическом мышлении была переиздана различными издательствами пять раз.

В ходе бесед советские и китайские ученые подчеркивали, что полная нормализация советско-китайских отношений отвечает интересам всеобщего мира, укреплению международной стабильности в Азии и на всей планете. Профессор Сюй Куй и его коллеги по институту, равно как и ученые Института Советского Союза и стран Восточной Европы АОН Китая неизменно подчеркивали, что в современных условиях советско-китайские отношения будут строиться на основе, определяемой новым политическим мышлением, принципы которого сформулированы М. С. Горбачевым, и будут соответствовать идеям нового международного политического порядка, провозглашенным Дэн Сяопином.

И в Советском Союзе, и в Китае понимают, что полная нормализация двусторонних отношений не может означать возврата к тому типу сотрудничества, которое имело место между СССР и КНР в 50-х гг. Ныне речь идет о том, что все виды советско-китайских связей будут базироваться на полном и последовательном осуществлении принципов мирного сосуществования, учета современных реальностей, взаимного уважения интересов, взаимоприемлемом их балансе. Разумеется, что советско-китайские отношения будут развиваться не в ущерб связям каждой страны с третьими странами, будут служить делу всеобщего мира и прогресса. Уроки горького периода отчуждения многому нас научили. Осмотрительность, взвешенность, с которой подходит каждая из сторон к развитию двусторонних связей, свидетельствуют о глубокой заинтересованности в том, чтобы сотрудничество народов двух стран развивалось на здоровой основе, поступательно, уверенно. Поездка делегации советских ученых в КНР и тот теплый прием, который был ей оказан китайскими коллегами, заинтересованные, откровенные беседы и дискуссии, которые вели между собой ученые двух стран, — еще одно свидетельство того, что потенциал взаимопонимания и сотрудничества между двумя странами огромен, что ученые СССР и КНР могут сделать много полезного для его реализации. Это сотрудничество умножит усилия народов наших стран в направлении к достижению успехов в научно-техническом прогрессе.

В журнале «Проблемы Дальнего Востока» проведен «круглый стол» на тему: «Азиатско-тихоокеанский регион: проблемы и перспективы регионального экономического сотрудничества советского Дальнего Востока». В заседании «круглого стола» приняли участие: сотрудники ВНИИ внешнеэкономических связей при Государственной внешнеэкономической комиссии Совета Министров СССР (зав. отделом, к. э. н. В. И. Филатов, зав. сектором, к. э. н. С. А. Дийков; зав. отделом, к. э. н. В. В. Ранаенко; с. н. с. Б. П. Фантаев; с. н. с., к. э. н. И. П. Барабанов; с. н. с., к. э. н. В. А. Иванов); сотрудники Института экономических исследований Дальневосточного отделения АН СССР (вед. н. с., к. э. н. Е. Б. Ковригин; зав. сектором, к. э. н. Н. Л. Шлык; с. н. с., к. э. н. Н. Б. Писаренко), с. н. с. Института США и Канады АН СССР, к. э. н. А. Б. Парканский; ведущий научный сотрудник ИДВ АН СССР, к. э. н. Ю. С. Столяров, сотрудник Советского национального комитета по азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, к. ю. н. А. А. Ковалев. Вел заседание заместитель главного журнала «ПДВ» Б. Н. Славинский.

Б. Н. Славинский. Два года назад была принята Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района на период до 2000 г. Однако она, как и предыдущие постановления — 1967 и 1972 гг., — не выполняется. Причина этого, на мой взгляд, состоит в том, что Программа сформирована на базе старых концепций, в ее основу положены пресловутый вал и экстенсивное развитие. Недостаточно учтены были в Программе международный фактор, возможности активного вовлечения экономики ДВЭР в международное региональное разделение труда.

В нашем журнале публиковались статьи о социально-экономическом развитии советского Дальнего Востока (см. «ПДВ». — 1988. — № 1, 2). Однако следует признать, что эти публикации носили довольно декларативный и описательный характер, им явно не хватало глубокого критического анализа, на что справедливо обращали внимание наши читатели (см. подборку писем в этом номере журнала).

Большой интерес к советскому Дальнему Востоку проявляют иностранные фирмы, которые рассматривают возможности своего участия в налаживании здесь торгово-экономического сотрудничества. Как показали контакты и беседы с нашими возможными зарубежными партнерами (см., например, «ПДВ». — 1989. — № 1), у них имеются неясности относительно того, как будет функционировать механизм особых экономических зон, совместных предприятий, много вопросов и к юридической стороне такого сотрудничества.

В мире накоплен большой опыт использования для целей развития особых экономических зон, «льготного внешнеэкономического режима», привлечения зарубежной рабочей силы, создания смешанных предприятий. Задача нашего сегодняшнего обсуждения — отметить то положительное, что уже имеется в международной практике и может быть использовано в наших конкретных условиях, а также попытаться найти новые идеи, новые подходы к проблеме ускорения социально-экономического развития советского Дальнего Востока.

В. И. Филатов. В принятом 2 декабря 1988 г. Постановлении Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций»* особое внимание уделяется формированию более благоприятных экономических условий для развития внешнеэкономической деятельности в районах Дальнего Востока. Таким образом положено начало практической реализации экономической части дальневосточных инициатив, содержащихся в выступлениях М. С. Горбачева во Вла-

* В дальнейшем — Постановление СМ СССР.

дивостоке и Красноярске. Повышенное внимание к развитию внешнеэкономических связей Дальневосточного экономического района (ДВЭР) не случайно. Район, занимающий 27 % территории СССР, обладает значительными ресурсами полезных ископаемых, прежде всего цветных металлов. Здесь находится более 30 % разведанных в Советском Союзе запасов угля и гидроресурсов, на шельфе региона сосредоточена треть запасов углеводородов. В районе имеются значительные ресурсы химического сырья, запасы леса и биологических ресурсов.

Вместе с тем на Дальнем Востоке проживает лишь 2,6 % населения страны, производится 2,9 % общего объема промышленной продукции СССР, 2,8 % национального дохода.

Темпы комплексного экономического развития региона сдерживаются нехваткой трудовых и инвестиционных ресурсов, отдаленностью от наиболее развитых в экономическом отношении районов страны, низким уровнем его инфраструктурного освоения.

Однако даже в сложившихся условиях удельный вес ДВЭР в общесоюзном экспорте (4,4 %) превышает долю региона по общеэкономическим показателям. Это свидетельствует об относительно более интенсивной внешнеэкономической направленности сформировавшегося здесь хозяйственного комплекса.

При анализе возможных проектов развития внешнеэкономических связей ДВЭР необходимо учитывать, что он является составной частью азиатско-тихоокеанского региона — наиболее динамично развивающегося центра мировой экономики. Уже в настоящее время около 80 % экспортной продукции советского Дальнего Востока (СДВ) приходится на страны АТР, в том числе более 60 % — на Японию. Однако страны региона занимают менее 10 % в общем товарообороте страны, в то время как в США на эти страны приходится более половины внешнеторгового оборота, в Японии — 60, в КНР — более 60 %.

Таким образом, участие СССР в международном разделении труда в АТР тесно связано с развитием внешнеэкономических связей ДВЭР.

В свою очередь активизация экономических отношений со странами АТР, развитие которых уже сейчас начинает определять динамику мировой экономики в целом, может явиться заметным фактором в ускорении развития советского Дальнего Востока и формировании здесь высокоэффективного, структурнобалансированного народнохозяйственного комплекса с достаточно высоким уровнем развития внешнеэкономических связей.

С. А. Дийков. Действительно, современную роль СССР в складывающейся в АТР системе разделения труда следует признать не соответствующей потенциальным возможностям нашей страны. И дело здесь не только в низких количественных показателях вовлеченности советской экономики в экономические процессы, идущие в регионе, но, что более тревожно, в качественном, структурном несовпадении тенденций развития экономического и научно-технического потенциала восточных регионов СССР с основными направлениями формирования региональной системы разделения труда. Сохранявшаяся на протяжении последних 15—20 лет ориентация на сырьевую специализацию экспорта, бессистемное осуществление импортных закупок, использование главным образом традиционных форм товарообмена, неотработанность механизмов управления внешнеэкономическими связями и включения в международное экономическое сотрудничество находились в явном диссонансе с идущей в АТР интенсивной структурной перестройкой торгово-экономических и научно-технических отношений.

Хочется верить, что предпринимаемые меры по радикальной перестройке экономики и системы внешнеэкономических связей, направленные на обеспечение крупных структурных сдвигов, ускоренное развитие машиностроительного комплекса, наукоемких отраслей и технологий, откроют возможности для совершенствования структуры советского экспорта, налаживания кооперации по перспективным направлениям научно-технического прогресса. Вместе с тем необходимость улучшения структуры капитальных вложений, связанная с техническим перевооружением, модернизацией производственных мощностей и ускоренным развитием прогрессивных отраслей, может ограничить возможности выделения крупных финансовых ресурсов на развитие восточных районов СССР.

В этой связи представляется перспективным более широкое использование материальных, финансовых и трудовых ресурсов стран АТР для обеспечения развития инфраструктуры, добывающих и перерабатывающих производств, воспроизводства и модернизации этих районов. На основе разработки комплексной программы включения ДВЭР в систему разделения труда в АТР с тщательным, наиболее перспективным

партнеров для конкретных отраслевых направлений и форм взаимовыгодной кооперации предстоит найти оптимальные пути использования богатейшего ресурсного потенциала Дальнего Востока на качественно новом уровне.

Международные экономические связи в АТР характеризуются не только развитой структурной взаимодополняемостью экономик входящих в регион государств, но и нарастающим накалом конкурентной борьбы за рынки сбыта и сферы приложения капитала. Это обстоятельство может оказать двоякое воздействие на процесс подключения экономики ДВЭР к региональному сотрудничеству. С одной стороны, обострение торговых противоречий между основными контрагентами в АТР (Японией и США, новыми индустриальными и развитыми капиталистическими странами, АСЕАН и Японией и т. д.) будет способствовать повышению интереса наших потенциальных партнеров к кооперации с дальневосточными районами СССР. С другой стороны, выход на рынки стран АТР с топливно-сырьевой и даже частично переработанной продукцией (не говоря о готовых, высокотехнологичных изделиях) будет весьма затруднен, поскольку в регионе сосредоточены крупные поставщики большинства видов таких товаров, отличающиеся к тому же достаточно высоким уровнем конкурентоспособности.

Поэтому представляется безусловно необходимым не только существенно повысить степень привлекательности условий для деятельности иностранного капитала и развития новых форм сотрудничества в ДВЭР по сравнению с конкурентами, но и обратить самое пристальное внимание на обеспечение высококонкурентоспособных условий — ценовых и неценовых — при поставке за рубеж товаров дальневосточного производства.

Е. Б. Ковригин. Следует отметить, что в АТР сложилась вполне четкая трехступенчатая структура международного разделения труда, которая формируется за счет постоянного изменения отраслевой структуры отдельных стран региона или их групп в соответствии с наличием определенных ресурсов и уровнем экономического развития в каждый данный момент.

Верхний этаж указанной структуры прочно занят Японией и западным побережьем США. В качестве главных направлений развития их экономик определились микроэлектронная технология, комплексная автоматизация и роботизация, биотехнология конструирование новых материалов. По ряду направлений научно-технического развития этим ведущим державам примаыкают, хотя и играют более скромную роль, Канада, овая Зеландия и Австралия.

В качестве второго этажа укрепляют свои позиции новые индустриальные страны. Видимо, кроме нынешней четверки восточноазиатских стран, в близком будущем в эту группу войдут такие государства, как Малайзия, Мексика, Коста-Рика и др.

Нижний этаж занимает большая часть стран — членов АСЕАН и, по-видимому, КНР, хотя специальные экономические зоны Китая, вместе взятые, условно могли бы быть приравнены к новым индустриальным странам. За такой системой разделения труда закрепилось название «бега вперегонки» или «принципа летящих гусей». В оборот между указанными группировками стран включена почти полная номенклатура мыслимых ныне товаров, а конкурентные отношения выражены менее ярко по сравнению с классическими вертикальным или горизонтальным принципами разделения труда.

Создавшиеся условия делают систему внутрирегиональных связей устойчивой и весьма автономной. В перспективе просматривается возможность формирования на Тихом океане экономического сообщества нового типа, объединяющего страны не только с разным уровнем хозяйственного развития, но и с разными принципами управления экономикой.

В то же время постепенное формирование такого сообщества объективно затруднит проникновение на его рынки товаров и услуг, производимых аутсайдерами. Если учесть, что на страны региона приходится менее 10 % всей советской экспортно-импортной торговли, а в импорте нашего главного тихоокеанского партнера — Японии — доля СССР едва превышает один процент, то на данном этапе к числу аутсайдеров приходится отнести Советский Союз.

В новой системе разделения труда в АТР наиболее динамичным сектором международного товарообмена впервые в истории становятся не сырье и полуфабрикаты, а машины и оборудование и их компоненты. Это также является серьезным вызовом советскому Дальнему Востоку, основной экспорт которого в настоящее время представлен необработанным или слабо обработанным сырьем.

С точки зрения форм внешнеэкономических связей основой международного разделения труда в АТР вместо простой экспортно-импортной торговли становится передви-

жение капиталов, прямые зарубежные инвестиции и основанное на них интернациональное производство. Именно прямые инвестиции являются важнейшим каналом распространения научно-технических достижений, способствуют переходу стран Тихого океана с одного технологического этапа на другой. Ни для одной из стран полномасштабное включение в новую тихоокеанскую структуру немислимо за счет количественного наращивания товарного экспорта.

В формировании системы тихоокеанского экономического сотрудничества (или «тихоокеанского сообщества») определяющую роль играют внешние инвестиции Японии и США. При этом, если отбросить американские инвестиции в Канаде (которая связана с США в основном по атлантической вертикали), в целом именно Япония является лидером зарубежного инвестирования в Тихоокеанском бассейне. Похоже, что японские корпорации обладают еще значительным потенциалом роста, особенно при сохранении высокого курса иены. Согласно авторитетным американским оценкам, даже если Япония откажется от курса на превращение в великую военную державу, она сможет активно влиять на стратегическую картину развития мира путем соответствующей инвестиционной политики.

Нельзя, разумеется, недооценивать и возможности инвестиционной экспансии американских корпораций в регионе. 80-е годы ознаменовались существенным расширением технологических и производственных связей между фирмами США и азиатских государств. В ряде стран Юго-Восточной Азии американцам удалось оттеснить японских предпринимателей с первого места на второе.

В 80-е годы в число международных инвесторов постепенно стали входить также новые индустриальные страны. Напористую инвестиционную политику в тихоокеанском регионе и за его пределами начала Южная Корея, становясь в некоторых отраслях заметным конкурентом Японии и США. Похоже, по южнокорейскому пути начинает двигаться Тайвань, в краткие сроки накопивший необычайно крупные инвалютные резервы. Доминирующим инвестором в КНР стал Гонконг.

В течение текущего десятилетия в бассейне Тихого океана произошли серьезные изменения в отношении к иностранному капиталу. Исходя из потребностей приобщения к передовой технологии, правительства едва ли не всех стран региона перешли к самым активным мерам по его привлечению. Несмотря на очевидные отрицательные стороны иностранного предпринимательства, главной тенденцией в тихоокеанском регионе стала широкая либерализация импорта капитала, культивирование благоприятных условий для его функционирования, создание особых стимулов.

В середине 80-х годов стало ясно, что складывающееся в Тихоокеанском бассейне международное разделение труда, растущая регионализация внутрибассейновых связей при сохранении неизменной нашей внешнеэкономической политики будут объективно вести к хозяйственной изоляции Советского Союза в регионе.

Последние два-три года отмечены крупными переменами в системе внешнеэкономических связей СССР вообще и советского Дальнего Востока в особенности. Научные и плановые органы страны приступили к глубокому изучению возможностей Дальнего Востока в развертывании взаимовыгодного сотрудничества с зарубежными партнерами, к изучению мнения последних о путях оптимального сочетания интересов обеих сторон.

Б. П. Фантаев. Мне кажется, рассматривая вопросы развития внешнеэкономических связей ДВЭР со странами АТР, необходимо прежде всего иметь в виду расширение сотрудничества с социалистическими государствами (КНР, КНДР, МНР, СРВ, НРК, ЛНДР), которые являются основными торговыми партнерами Советского Союза на данном направлении: наш совокупный экспорт в эти страны колеблется в пределах 4—5 млрд. руб., а импорт составляет около 2 млрд. руб. Значительный сдвиг в этой области как по объемам торговли, так и по формам сотрудничества предусмотрен долгосрочной программой комплексного развития ДВЭР. В частности, предполагается создание за рубежом совместных предприятий по производству из советского сырья сельскохозяйственной продукции и потребительских товаров, которые должны будут затем импортироваться в СССР. Данная форма сотрудничества на основе использования дальневосточного сырья может быть дополнена перемещением части советских дальневосточных предприятий легкой промышленности в СРВ и КНДР с целью использования там избыточных трудовых ресурсов. Целесообразность этого вытекает из того, что снабжение населения СДВ потребительскими товарами происходит во многом из европейской части СССР. В проектах такого сотрудничества могли бы участвовать также средние и мел-

кие фирмы ряда других стран региона, способные обеспечить технологическое обновление производства. Экспорт изделий таких предприятий мог бы покрывать значительный дефицит социалистических стран региона в торговле с СССР.

Наряду с этим, принимая во внимание удаленность ДВЭР от основных индустриальных центров СССР и близость относительно емких рынков Китая, КНДР, Вьетнама, для дальневосточного машиностроительного комплекса является перспективной реализация различных проектов сотрудничества с иностранными фирмами, что дало бы дополнительный толчок развитию производства пользующихся спросом видов оборудования, расширило бы экспортные возможности, повысило насыщенность внутреннего рынка.

С. А. Дийков. Нельзя забывать, что крупнейшим контрагентом СССР в АТР является Япония. На ее долю, как уже было сказано, приходится до 60 % экспорта ДВЭР. С японскими фирмами налажен и довольно широкий круг форм взаимовыгодного сотрудничества — от компенсационных соглашений до прибрежной торговли и совместных предприятий.

К сожалению, в отношениях именно с этой страной в наибольшей степени проявилась «нестыковка» экономических интересов партнеров, приведшая в конечном итоге к возникновению по существу тупиковой ситуации в двусторонних деловых связях. Товарооборот практически не растет, физический объем советского экспорта падает, новые формы кооперации никак не выходят на передний край.

Однако возможности Японии в активизации участия ДВЭР во внутрирегиональном экономическом сотрудничестве трудно переоценить. Она находится как бы в эпицентре экономических процессов, идущих в регионе, поддерживает интенсивные торговые, инвестиционные и научно-технические связи практически со всеми странами АТР. Думается, что в долгосрочном плане стратегические направления развития экономик ДВЭР и Японии можно было бы согласовать и реализовать с достаточной степенью совместности. Интерес японских промышленников к получению стабильных и диверсифицированных поставок первичных материалов (в виде сырья или продуктов его первичной переработки) сохраняется, несмотря на заметное снижение энерго- и материалоемкости экономики Японии.

Важность партнерства с Японией обусловлена не только возможностью воспользоваться ее емким рынком. Японская промышленность — это источник современной технологии, которая в сочетании с возросшими финансовыми возможностями японских фирм и банков могла бы стать ядром перспективных направлений многосторонней международной кооперации с использованием ресурсного потенциала ДВЭР.

Вместе с тем развитие экономических связей с Японией отражает важную проблему развития регионального сотрудничества в АТР. Ориентация на монопольного зарубежного партнера, каким для ДВЭР являлась на протяжении последних 10—15 лет Япония,ступает сейчас серьезным сдерживающим фактором. Узость пространства для маневра резко изменившихся условиях на основном рынке сбыта обусловила существенное возрастание степени зависимости внешнеэкономических связей и даже отдельных отраслей промышленности ДВЭР от положения в советско-японской торговле. А ведь в регионе появились не только не менее привлекательные альтернативные рынки сбыта, но и перспективные партнеры в области научно-технических и производственных связей. Например, уровень технологии некоторых новых индустриальных стран (Сингапура, Южной Кореи и др.) мог бы еще в большей мере соответствовать современным потребностям базовых отраслей экономики восточных районов СССР. Широкие перспективы для решения социально-экономических проблем СДВ и Сибири открываются на пути налаживания кооперации с этими странами в реконструкции и расширении мощностей легкой, пищевой промышленности, в строительстве, туризме и т. п. Как показывает практика, появление конкурентов способствует существенному «смягчению» позиции традиционных «монопольных» партнеров (так, японские фирмы весьма обеспокоенно отнеслись к расширению поставок леса в КНР, даже в условиях спада на этом рынке в самой Японии). Возросшие финансовые возможности новых индустриальных стран дают основание рассчитывать и на развитие инвестиционных форм сотрудничества с ними.

Б. Н. Славинский. В этой связи мне хотелось бы отметить большие возможности, которые сейчас открываются для сотрудничества СДВ с фирмами Южной Кореи. В последние месяцы в нашей стране побывали многочисленные делегации деловых кругов этой страны, высказавшие желание и готовность принять участие в реализации ряда проектов в Сибири и на Дальнем Востоке на взаимовыгодной основе. Этому процессу будет способствовать создание в Сеуле и Москве торговых контор для организации деловых,

коммерческих и научно-технических связей. При этом Советский Союз не имеет намерения официально признавать Южную Корею, устанавливать с ней политические и дипломатические отношения, отмечалось в сообщении о визите в КНДР министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе (декабрь 1988 г.).

Б. П. Фантаев. В плане географической диверсификации торгово-экономического сотрудничества ДВЭР со странами АТР представляет, на мой взгляд, интерес развитие отношений с государствами южно-тихоокеанского региона, в частности с Австралией и Новой Зеландией. Необходимо отметить, что середина 80-х годов стала периодом заметной активизации отношений с этими странами, которые, столкнувшись в последнее время с обостряющимися проблемами сбыта своей продукции, прежде всего сельскохозяйственной, настойчиво ищут новые рынки. Как перспективный рынок рассматривают деловые круги Австралии и Новой Зеландии советский Дальний Восток. За последние два года бизнесмены и представители правительственных организаций Австралии и Новой Зеландии неоднократно посещали СДВ с целью изучения возможностей и определения конкретных областей сотрудничества. Исходя из задач развития района и учитывая возможности фирм этих стран, на наш взгляд, могли бы представлять интерес такие сферы экономической деятельности, как переработка древесины, лов и переработка рыбы, производство промышленных стройматериалов, создание вместе с фирмами других стран туристических комплексов.

По некоторым направлениям уже ведутся конкретные переговоры, в частности рассматривается предложение одной из австралийских фирм о создании на Дальнем Востоке СССР глиноземно-алюминиевого комплекса на компенсационной основе. Иностранные партнеры проявляют интерес к таким проектам, как участие в реконструкции ряда предприятий пищевой промышленности, разработка торфа с последующей его закупкой, создание животноводческих откормочных комплексов.

Расширению сотрудничества ДВЭР со странами АТР содействует также участие СССР в международных экономических организациях тихоокеанского сообщества, прежде всего в таких, как ЭСКАТО и КТЭС. В настоящее время СССР является нерегиональным членом ЭСКАТО; в КТЭС, не состоя ее членом, он участвует в деятельности рабочих групп. Участие в работе этих организаций позволяет получать необходимую информацию о развитии экономического сотрудничества в регионе, изучать опыт этого сотрудничества, возможности подключения к нему СССР, содействует также укреплению двусторонних отношений со странами АТР. Через свое участие в деятельности этих организаций Советский Союз предоставляет в рамках международного разделения труда возможность использования богатых ресурсов советского Дальнего Востока, накопленного научного потенциала, развитого портового хозяйства, более короткого транспортного пути при связях АТР с Европой.

А. А. Ковалев. Представляется, что решению указанных выше вопросов будет способствовать созданный в марте 1988 г. по решению правительства Советский национальный комитет по азиатско-тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СНКАТЭС), в который вошли представители хозяйственных, торгово-экономических и научно-исследовательских организаций, а также местных органов власти восточных районов нашей страны.

Для решения задач, поставленных перед СНКАТЭС, которые заключаются в наращивании торгово-экономических и научно-технических связей СССР со странами АТР, в рамках комитета создан ряд рабочих групп (по рыболовству, энергетике и минеральным ресурсам, транспорту, связи и туризму, науке и технике). Предполагается, что они будут выработать инициативные предложения по расширению сотрудничества со странами АТР в своих областях, участвовать в реализации этих предложений. Активная деятельность этих подразделений, в частности их сотрудничество с аналогичными рабочими группами, созданными в рамках КТЭС, будет способствовать упрочению связи нашей страны с Конференцией по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству и эффективному включению Советского Союза в международное разделение труда в азиатско-тихоокеанском регионе.

А. Б. Парканский. Считаю, есть значительный неиспользуемый потенциал экономического сотрудничества советского Дальнего Востока и американского тихоокеанского Запада. Об этом свидетельствует история. Так, в 1916 г. экспорт США на русский Дальний Восток превышал 160 млн. долл. Значительны были и американские закупки дальневосточных товаров.

Сегодня же советско-американская тихоокеанская торговля во много раз меньше, чем она была в начале века, и составляет ничтожную часть общего товарооборота между двумя странами. Главные причины этой неестественной ситуации носят политический характер: торговая политика США в отношении нашей страны, основывающаяся на «образе врага», привела к тому, что Советскому Союзу предоставлен «режим наименее благоприятствуемой нации». Отход от старых стереотипов мог бы привести к значительному расширению советско-американского экономического сотрудничества, в том числе и между нашими тихоокеанскими побережьями.

Говорить об этом как о возможной реальности позволяет не только принятая в СССР программа экономического развития СДВ, предусматривающая максимальное использование внешнеэкономических факторов. Налицо и острый интерес бизнесменов из тихоокеанских штатов США к развитию сотрудничества с нашим Дальним Востоком. Еще в 1973 г. штат Вашингтон стал первым американским штатом, организовавшим торговую выставку в Советском Союзе, а в 1975 г. группа бизнесменов оттуда посетила торговую ярмарку в Хабаровске и подписала ряд торговых контрактов.

Имеются и более свежие примеры. Губернатор Аляски С. Каупер предпринимает в последние месяцы комплекс мер по развитию экономических связей этого штата с советским Дальним Востоком, включающий установление «породненных отношений» между Аляской и Хабаровским краем. Власти и бизнесмены Аляски предлагают осуществить на СДВ ряд конкретных проектов: установление регулярного авиасообщения между городом Номе (Аляска) и Бухтой Провиденция (СССР); создание совместного туристического предприятия для развития взаимного туризма в регионе; расширение сотрудничества в рыбной промышленности. Известно, что в нескольких тихоокеанских штатах США сейчас готовится предложение о создании регионального американо-советского торгово-экономического совета, в который вошли бы представители деловых кругов, науки и местных властей этих штатов и краев и областей Дальнего Востока СССР. По нашему мнению, в рамках такого рода организации можно было бы по-деловому обсудить все спорные вопросы, постараться прийти к их взаимоприемлемому решению и на этой основе совместно разработать такую стратегию коммерческого сотрудничества между советским Дальним Востоком и тихоокеанским Западом США, которая отвечала бы интересам обеих сторон.

С. А. Дийков. Складывающаяся в АТР региональная система разделения труда с ее разноэтажностью, диверсифицированностью основных потребностей стран-участниц, формирующиеся организационные структуры и механизмы регионального сотрудничества не могут не вызвать интереса к возможностям использования многосторонних форм кооперации. Не исключено, что именно за ними может оказаться будущее развития внешнеэкономических связей ДВЭР. На наш взгляд, наиболее перспективными направлениями такого сотрудничества могли бы стать освоение ресурсов Мирового океана (рыболовный промысел, производство морепродуктов, развитие аквакультуры, биотехнологические исследования на базе океанических ресурсов, поиски путей использования полезных ископаемых, залегающих на шельфе, и т. д.), топливно-энергетический комплекс (эффективное использование угольных ресурсов, нефтедобыча и т. п.), транспорт и связь, в том числе космическая, освоение космоса, рекреационная сфера, здравоохранение и др.

Советский Дальний Восток участвовал бы в таких международных проектах не только богатейшими природными ресурсами, но и научно-техническими разработками своих научных центров, предоставлением удобной территории для создания зон совместного предпринимательства, рекреационных центров и т. п. Партнеры из развитых стран обеспечивали бы предоставление финансовых и технологических ресурсов, возможности их сбытовой сети. Развивающиеся и некоторые социалистические страны участвовали бы в таком сотрудничестве своими природными и трудовыми ресурсами.

Н. Б. Писаренко. Согласно с мыслью, что новая стратегия развития внешнеэкономических связей СДВ предполагает использование самого широкого спектра уже задействованных и новых форм международного экономического и научно-технического сотрудничества. Для советского Дальнего Востока участие в международном разделении труда на длительной договорной основе не является новым. Здесь уже 20 лет применяются компенсационные соглашения в разработке природных ресурсов региона, более 10 лет успешно работают смешанные рыболовные компании, многие годы вносят свой вклад в развитие ДВЭР и его внешнеэкономических связей прибрежная и приграничная торговля, а также кооперация с КНДР в освоении лесных ресурсов. Сегодня свыше 40 % объема зарубеж-

ных поставок из ДВЭР осуществляется в рамках соглашений о сотрудничестве, заключенных со странами АТР.

Накопленный опыт использования различных форм внешнеэкономических связей со странами АТР позволяет сделать некоторые обобщения, предвидеть положительные и негативные последствия, выработать предложения по совершенствованию этих форм.

Наиболее очевидно сегодня, что заключение соглашений о сотрудничестве, предусматривающих на долговременной основе поставку определенного количества продукции на экспорт, выступает существенным стабилизирующим фактором развития внешнеэкономических связей, особенно в отношениях с фирмами капиталистических стран. В качестве примера можно привести круглый лес, динамика экспорта которого носит циклический характер, отражающий сроки начала и окончания компенсационных соглашений с Японией, периоды наиболее активного выполнения взаимных договоренностей. Сейчас в стадии реализации находится соглашение с Японией о разработке месторождений коксующегося угля в Южной Якутии, также оказывающее весьма заметное влияние на общий рост дальневосточного экспорта.

Общая роль компенсационных проектов и других форм внешнеэкономических связей состоит в том, что на территории региона реализуются оба направления внешнеэкономического обмена — экспорт и импорт. Предприятия региона, получая импортные товары производственного и потребительского назначения, могут реально ощутить результаты компенсационного или прибрежного сотрудничества.

Как показывает анализ, использование различных форм сотрудничества со странами АТР не просто явилось дополнительным каналом сбыта продукции, но и в определенной степени способствовало наращиванию экспортного потенциала ДВЭР. Хотя, и это следует рассматривать как ограниченность имеющихся результатов, речь в данном случае может идти лишь о сырьевых отраслях (лесной, угольной, нефтегазовой).

Из девяти компенсационных проектов с Японией, реализованных или реализуемых на территории СДВ, пять касаются развития его основной отрасли экспортной специализации — лесной — и во многом определили особенности формирования экспортного потенциала отрасли, а также возможность развития внешнеэкономических связей с другими странами АТР. Предусматриваемые генеральными соглашениями поставки японской техники (автолесовозы, экскаваторы, краны и др.) способствовали техническому перевооружению лесозаготовительной промышленности, повышению производительности труда рабочих, занятых на заготовках и вывозке древесины. Вместе с тем мощные поступления импортной техники были направлены на экстенсивное развитие лесной отрасли, лесных массивов путем создания новых, более крупных леспромхозов, ориентированных на экспорт большого количества круглого леса.

Подобная ограниченность присуща и производственной кооперации с КНДР в разработке лесных ресурсов советского Дальнего Востока, результатом которой являются производство и экспорт древесины, а также технологической щепы. Сейчас решается проблема расширения рамок этой кооперации за счет организации производства пиломатериалов, мебели, древесных плит, тары с переработкой отходов лесозаготовки и деревообработки. В этом отношении определенный шаг вперед представляет проект кооперации с Кубой. По соглашению с этой страной предусматривается создание в Хабаровском крае Суклайского ЛПК, где будет осуществляться заготовка древесины, производство технологической щепы, пиломатериалов, древесных плит и гидролизного сырья. Как видно из условий соглашения, оно направлено не только на освоение новых лесных массивов, но и на более полное и комплексное использование отходов лесозаготовок и лесопиления, на выпуск готовой продукции из древесины.

Похожая ситуация сложилась и в рыбной промышленности. Успешно развивающееся здесь сотрудничество с иностранными фирмами в виде взаимного предоставления квот вылова, лицензионного промысла, создания смешанных компаний, осуществления обменных операций и совместных промыслов касается преимущественно сферы рыболовства. Сегодня около одной десятой общего объема добычи рыбы ВРПО «Дальрыба» приходится на зоны других государств. Международное сотрудничество в рыбной промышленности позволяет значительно увеличить объем и разнообразить ассортимент сырой рыбы, идущей на внутренний рынок и на экспорт. Однако сотрудничество почти не затрагивает других стадий сложного технологического процесса в рыбной промышленности — воспроизводства рыбных и нерыбных ресурсов, полной переработки сырья и реализации готовой продукции.

Говоря о влиянии форм экономического сотрудничества со странами АТР на формирование экспортного потенциала СДВ, хочется отметить еще одну назревшую проблему — создание стабильного потенциала прибрежной и приграничной торговли. Без своего потенциала «малая» торговля находится в уязвимом положении, что, в частности, имеет место сегодня. Созданию экспортного потенциала прибрежной и приграничной торговли могла бы способствовать целевая закупка импортного оборудования и использование новых возможностей, предоставляемых в сфере внешнеэкономического кредитования. Однако, по оценкам специалистов, на цели экспортного производства реализуется лишь 7—10 % валютных средств предприятий, участвующих в прибрежной торговле.

Н. Л. Шлык. Следует добавить, что для развития «малой» торговли еще не использованы многие резервы: несмотря на то что географически она распространилась на многие страны АТР (Япония, Австралия, КНДР, КНР, Вьетнам, Сингапур), объемы ее не соответствуют экономическим возможностям как самого ДВЭР, так и соседних стран, о чем свидетельствует скромная доля экспортных поставок по линии «малой» торговли в общем объеме экспорта региона в эти страны (около 6 %). Резервы дальнейшего развития прибрежной и приграничной торговли видятся не только и не столько в расширении круга партнеров (заинтересованность в этом проявляют США, Новая Зеландия, Филиппины, Малайзия и др.), но и в расширении номенклатуры экспортно-импортных товаров, а главным образом в совершенствовании организационных форм «малой» торговли путем перехода от товарообменных операций (на бартерной основе) к использованию новых форм сотрудничества (небольших по объему проектов на компенсационной основе, других форм совместного предпринимательства не только в производстве, но и в сфере различных услуг и др.).

Сейчас это особенно важно, так как в условиях децентрализации внешнеэкономической деятельности в СССР и предоставления права выхода на внешний рынок непосредственным производителям продукции, а краевым органам — возможности установления прямых торговых связей с приграничными районами соседних социалистических стран, по-видимому, будут снижаться посреднические функции «Дальинторга». В этой связи возникает необходимость переосмысливания роли «малой» торговли во внешнеторговом комплексе региона (его краев и областей), совершенствования ее организации и планирования с целью обеспечения согласованности интересов «Дальинторга» и поставщиков экспортной продукции (услуг), повышения заинтересованности последних в развитии прибрежной (приграничной) торговли.

Необходимость перехода на качественно новый уровень сотрудничества назрела не только для «малой» торговли, но и в целом для всего внешнеторгового комплекса советского Дальнего Востока, в основу которого должны быть положены интенсивные факторы развития.

Н. Б. Писаренко. В первую очередь это относится кооперации и научно-техническому сотрудничеству. Наши исследования показывают, что на Дальнем Востоке сложились объективные условия, а также сформировались потребности для развития этих форм международного сотрудничества. Так, развитие специализации и кооперирования производства может дать качественный импульс внешнеэкономическим связям ДВЭР с социалистическими странами Азии, поставить их на стабильную долговременную основу. Сложившаяся структура производственной специализации хозяйственных комплексов ДВЭР и соседних социалистических стран позволяет одновременно развивать межотраслевую специализацию на основе взаимодополняемости экономик и внутриотраслевую специализацию в родственных отраслях промышленности.

Промышленное развитие советского Дальнего Востока на современном этапе характеризуется довольно высокой интенсивностью экономических связей с поставщиками и потребителями продукции в других, в том числе западных, районах страны. К настоящему времени сложилась определенная совокупность производственных потребностей, удовлетворяемая за счет межрайонного ввоза, а также ориентация некоторых отраслей на удовлетворение потребностей других районов. Во многих случаях это ведет к потерям экономической эффективности в результате значительных транспортных затрат и издержек, связанных с большими сроками нахождения продукции в сфере обращения. Возрастает нагрузка на транспортную сеть.

Развитие кооперационных связей между предприятиями СДВ и соседних социалистических стран диктуется прежде всего соображениями экономической целесообразности,

необходимостью замещения этими отношениями некоторых производственных связей с партнерами внутри страны.

Кроме того, необходимо учитывать, что проблема комплексного развития экономики советского Дальнего Востока сдерживается недостатком собственных материальных и трудовых ресурсов для увеличения масштабов вспомогательных и обслуживающих отраслей. Поэтому международная специализация и кооперирование производства в этих отраслях могут стать альтернативой развитию собственного производства, своеобразному выносу производства за пределы своей территории.

Как показывает опыт социалистических стран, наилучших результатов можно достичь в том случае, если производственное сотрудничество связано с научно-техническим сотрудничеством и кооперацией в области науки и техники. И в этом плане совместные исследования научных организаций Дальнего Востока и социалистических стран Азии должны охватывать те области науки и техники, которые определяют перспективы их экономического развития и связаны с поиском наиболее эффективных путей использования природных ресурсов. Хорошей основой для координации совместных исследований является Комплексная программа НТП стран — членов СЭВ до 2000 г., где определена возможность участия в разработке важнейших научных направлений стран, не являющихся членами социалистического содружества.

Мы не случайно столь подробно остановились на проблемах развития производственной кооперации с социалистическими странами Азии. Всемирное развитие экономических связей с КНДР, КНР, СРВ, МНР, на долю которых приходится сегодня лишь 14 % экспорта ДВЭР, является одним из стратегических направлений перспективного роста внешнеэкономических связей СДВ, а производственная кооперация — наиболее целесообразная форма их реализации.

Н. Л. Шлык. Важное значение в дальнейшем развитии внешнеэкономических связей имеет и расширение форм сотрудничества с капиталистическими странами АТР. Здесь наряду с внедрением новых необходимо совершенствование уже хорошо зарекомендовавших себя форм сотрудничества, в частности на компенсационной основе. Целесообразно активное их привлечение в отрасли обрабатывающей промышленности с переходом от крупномасштабного сотрудничества к осуществлению мелких и средних проектов с целью их быстрой реализации. К развитию сотрудничества на компенсационной основе проявляют сегодня интерес фирмы Австралии, Новой Зеландии, новых индустриальных стран и др. Объектом такого сотрудничества могут стать не только отрасли по переработке сырьевых ресурсов Дальнего Востока, но и некоторые отрасли машиностроения.

Новым и весьма перспективным направлением сотрудничества ДВЭР с капиталистическими странами АТР может стать научно-производственная кооперация. Наиболее перспективными областями такого сотрудничества являются биотехнология, материаловедение, фармакология и др. Результатом такого сотрудничества может стать быстрая реализация идей, материализованных в самой современной промышленной продукции, способной закрепиться на международном рынке.

В. В. Раненко. Среди разнообразных форм внешнеэкономических связей дальневосточных предприятий и организаций особое положение могут занять совместные предприятия, формируемые с участием иностранных фирм. С целью более широкого использования этой формы сотрудничества в Постановлении СМ СССР предусмотрены дополнительные льготы для совместной предпринимательской деятельности в ДВЭР. Использование зарубежных инвестиций, привлекаемых в технологической и финансовой форме, в соединении с природными ресурсами и средствами советских предприятий в районах советского Дальнего Востока может оказать положительное воздействие не только на совершенствование производительных сил, но и на развитие социальной инфраструктуры этих районов СССР.

Эффективное использование богатых топливно-энергетических, биологических, рекреационных и прочих ресурсов СДВ сдерживается недостатком современных технологий их освоения и зачастую отсутствием необходимых инвестиций. На эффективность функционирования экономики региона в целом негативное влияние оказывают также сложившиеся диспропорции в развитии смежных отраслей — добывающих, обрабатывающих, транспортных, строительных. Именно на сбалансирование структуры всего народнохозяйственного комплекса СДВ должны быть в первую очередь направлены иностранные инвестиции. Совместное предпринимательство как форма использования этих инвестиций привлека-

тельно для решения этих задач именно тем, что позволяет более эффективно использовать имеющиеся мощности советских объединений и предприятий.

Советское законодательство предоставляет совместным предприятиям достаточно гибкие возможности для самостоятельной хозяйственной деятельности, независимость от директивных воздействий планирующих органов, право выбора форм и условий взаимодействия как с советскими, так и с зарубежными товаропроизводителями.

Иностранным инвесторам гарантируются защита и страхование их собственности, возможность беспрепятственного вывоза прибылей и имущества в случае ликвидации совместного предприятия или при их выходе из соглашения с советскими партнерами о совместном предпринимательстве. Развивается сеть информационных, консультационных услуг для советских и зарубежных инициаторов создания совместных предприятий, проводится соответствующая активная переподготовка советских руководителей и специалистов.

Часть совместных предприятий создана с участием производственных объединений и колхозов советского Дальнего Востока и организаций и фирм Японии, КНДР и КНР.

Несколько из них предназначено для совместного освоения биологических ресурсов дальневосточных акваторий. Рыбное хозяйство — одна из наиболее развитых отраслей дальневосточного региона, в котором сосредоточено более трети производственных мощностей рыбной промышленности страны. В прибрежных акваториях Приморского и Хабаровского краев, Сахалинской области имеются прекрасные естественные условия для развития морской аквакультуры, а советские организации имеют большой научный задел в этой области. Воспроизводством рыбных запасов, выпуском качественной пищевой и технической рыбной продукции будут заниматься СП «Сониго» (партнеры — союзы рыболовецких колхозов Хабаровского края и японская фирма «Ниссо-Бозки»), СП «Пилена годо», образованное сахалинскими рыбохозяйственными организациями и фирмой «Хокуэ годо суйсан» (Япония), СП «Диана», СП «Кита тайхэй годо» (партнеры — Сахалинрыбпром и японские фирмы «Тайё гёгё», «Морикава сёдзи», «Кита тайхэй годо»).

Важно, чтобы эти предприятия не просто обеспечивали доступ партнеров к рыбным запасам двухсотмильной зоны СССР, которые государство выделяет в распоряжение совместных предприятий. Задача таких предприятий — обеспечить прирост этих запасов на базе современной технологии воспроизводства, резко повысить эффективность использования добытого сырья, обеспечить распространение передового технологического и управленческого опыта в других хозяйствах и организациях Дальнего Востока.

В дальневосточном регионе сосредоточены весьма крупные мощности рыбопромышленного и транспортного флота, возрастная структура которого вызывает большую потребность в ремонтных услугах. Явно требуется списание и утилизация большого количества судов. Судоремонтное хозяйство Дальнего Востока нуждается в технологическом переоснащении и реконструкции, специализированные заводы для утилизации отслуживших судов отсутствуют. Создание соответствующих совместных предприятий, очевидно, будет эффективной областью привлечения иностранного капитала. Эти совместные предприятия могут сравнительно легко найти зарубежный рынок для своей продукции, например черного и цветного металлолома, образующегося от слома старых судов.

Совместные судоремонтные предприятия в портах Дальнего Востока, например Находке, смогут оказывать услуги иностранным судам, значительное количество которых обслуживают транзитные и экспортно-импортные грузопотоки через эти порты, что станет надежным источником валютных поступлений.

Эффективными сферами деятельности совместных предприятий может стать строительная индустрия, в том числе прокладка дорог, возведение гидротехнических сооружений, складских помещений, включая охлаждаемые, автомобилестроение и авторемонт, машиностроение для легкой и пищевой промышленности, сельскохозяйственное производство. Зарубежную технологию необходимо использовать для облагораживания и повышения ценности советских экспортных товаров, например леса, ценных видов рыбного сырья и т. д. Такие СП могут быть организованы в портах советского Дальнего Востока, в которых может быть установлен льготный, свободный режим их деятельности. Привлечение иностранного капитала в эти сферы деятельности позволит не только оживить деловую активность, но и поднять уровень жизни населения, привлечь дополнительные ресурсы в дальневосточные районы, принести дополнительные валютные доходы.

Предметом деятельности совместных предприятий может быть освоение нефтяных,

и газовых месторождений шельфа дальневосточных морей, создание и эксплуатация туристических комплексов в приморских территориях.

В Постановлении СМ СССР предусматриваются дополнительные льготы для совместных предприятий, создаваемых на Дальнем Востоке. Такие предприятия освобождаются от уплаты налога на прибыль в течение первых трех лет, впоследствии этот налог уменьшается до 10 %, предусматривается возможность понижения налога и «налоговые каникулы» на часть прибыли иностранного участника, переводимую за границу.

Все это призвано обеспечить дополнительные стимулы для привлечения иностранного и советского капитала в районы Дальнего Востока СССР.

Вместе с тем совместные предприятия на Дальнем Востоке должны создаваться в рамках и с учетом целей комплексного хозяйственного освоения этих районов СССР. Именно узкие места дальневосточного народнохозяйственного комплекса в первую очередь должны быть объектами использования иностранных инвестиций в совместном предпринимательстве. Уже сейчас неустановленность приоритетов и соответствующей дифференциации условий в процессе развития совместных предприятий на территории страны в целом сдерживает эффективность этой формы промышленного сотрудничества СССР с зарубежными партнерами. Для районов СДВ обоснованность стратегии совместного предпринимательства особенно важна потому, что целями привлечения иностранного капитала на эти территории являются не только рост эффективности промышленного производства, но, может, даже в первую очередь социальное развитие региона.

Для достижения этих целей здесь возможно использование других форм внешнеэкономической деятельности, например формирование специальных экономических зон, деятельность которых способна быть особенно интенсивной и оказать воздействие на процесс хозяйственного освоения и социального развития прилегающих к ним территорий. В таких зонах за счет не просто деятельности обособленных совместных предприятий, но за счет их взаимодействия между собой, за счет взаимосвязанного развития многих форм и видов внешнеэкономических связей и связей зон с народным хозяйством СССР возможно обеспечение дополнительного эффекта привлечения иностранных инвестиций.

А. А. Ковалев. Мы здесь лишь вскользь коснулись проблемы создания на Дальнем Востоке специальных экономических зон. Опыт функционирования таких зон, имеющих разные названия, имеют многие страны Латинской Америки, страны АСЕАН, Китай, Индия, США.

Обобщая характерные черты и принципы деятельности различных свободных экономических зон, можно сделать вывод, что свободная экономическая зона — это определенный географический район страны, на который распространяется особый таможенный режим, разрешающий создаваемым здесь промышленным предприятиям, торговым организациям осуществлять беспошлинный ввоз машин, оборудования, материалов, сырья и полуфабрикатов с целью производства продукции на экспорт. Предоставление такого режима сопровождается, как правило, принятием соответствующего законодательства, устанавливающего льготный порядок налогообложения указанных предприятий.

Большинство свободных экономических зон первоначально создавалось на базе свободных зон торговли, для которых устанавливался режим неограниченного беспошлинного ввоза и вывоза товаров. В таких зонах, расположенных, как правило, около крупных морских портов или аэропортов, занимающиеся импортно-экспортными операциями компании могли беспрепятственно ввозить и вывозить товары, складировать их, продавать оптом и в розницу. Со временем в этих зонах стали создаваться промышленные предприятия, деятельность которых была направлена на производство товаров для экспорта на базе импортных полуфабрикатов и комплектующих изделий.

Наибольший интерес в этой связи представляет для нас опыт КНР. Китайские экономисты видят задачи специальных экономических зон в интенсивном привлечении из-за рубежа дефицитных финансовых и материально-технических ресурсов, современной техники и технологии, в изучении зарубежного опыта хозяйственного управления, в развитии экспортной базы страны и стимулирования валютных поступлений.

Оценка опыта Китая и других стран, роли иностранного капитала в их экономике требует, на наш взгляд, тщательного анализа, взаимной увязки и сопоставления целого ряда факторов. Экономические последствия деятельности иностранных инвесторов неоднозначны. В Китае, например, несмотря на то, что иностранные капиталы-

вложения стимулируют быстрый рост отдельных приморских районов, они порождают ряд структурных, технологических, валютно-финансовых и социальных проблем, которые могут стать тормозом на пути сбалансированного развития этих районов на самостоятельной основе.

Н. Л. Шлык. Несомненно, создание совместных предприятий будет способствовать решению конкретных задач, стоящих перед экономикой региона. И вместе с тем, было бы неверным преувеличивать роль совместного предпринимательства на СДВ, полагая, что привлечением иностранного капитала мы решим если не все, то многие проблемы внешнего и внутреннего характера. Необходимость использования каждой из форм совместной предпринимательской деятельности должна соответствовать конкретной цели и основываться на глубокой научно-экономической проработке. К тому же эти цели должны быть дифференцированы с учетом специфики региональной экономики. В частности, на наш взгляд, не всегда оправдывается немедленная экспортная ориентация совместных предприятий.

Для региона в числе основных целей привлечения иностранного капитала, особенно на первом этапе, экономически оправданно создание импортзамещающих и высокотехнологичных производств. К тому же эти предприятия будут иметь больше реальных шансов для стабильного выхода и на внешний рынок.

И еще одна особенность, требующая учета и в определенной мере сдерживающая развитие предпринимательской деятельности на советском Дальнем Востоке — это ориентация с самого начала на сверхсовременные технологии и крупные проекты. Как свидетельствует мировая практика, иностранному капиталу нужно время для адаптации к местным условиям, на создание «приемлемой среды обитания» в виде приспособления принципов его функционирования к внутреннему хозяйственному механизму. Это и достигается путем организации на первых порах относительно небольших, традиционных, менее рискованных с точки зрения приложения капитала производств. В значительной мере это, по-видимому, и определяет круг интересов зарубежных фирм по созданию современных производств прежде всего в области переработки природных ресурсов СДВ.

В. И. Филатов. Необходимо отметить, что в освоении экспортных ресурсов Дальнего Востока гораздо большую активность должны проявлять сами местные органы и подведомственные им хозяйства.

В этой связи следует сказать, что действовавшая до 1987 г. система стимулирования сверхпланового экспорта предприятий и организаций местного подчинения не раскрывала свои возможности в условиях крупных регионов с областным и краевым делением, таких как Дальневосточный район в составе РСФСР.

Предприятия и организации республиканского и местного подчинения участвовали в экспортно-импортной деятельности на общем основании через внешнеторговые объединения бывшего Минвнешторга. За сверхплановые поставки продукции на экспорт предприятия получали почти всю валютную выручку (98 %), до 50 % которой поступало в централизованный республиканский бюджет и использовалось по усмотрению Совета Министров республики.

В условиях РСФСР крайне сложно определить из центра возможные направления увеличения экспортных ресурсов на основе более полного использования местных возможностей СДВ. Областные и краевые исполкомы не были заинтересованы в поисках путей расширения экспорта.

Более привлекательными для местных органов являлись условия приграничной или прибрежной торговли, которая осуществляется на бартерной (товарообменной) основе, что равнозначно 100 %-ным валютным отчислениям от поставок экспортной продукции. Валютные поступления от реализации советских товаров по этой линии централизуются местными органами, до 50 % (с 1988 г. — 30 %) валютных поступлений можно использовать на закупку товаров широкого потребления, что является достаточно мощным стимулом для расширения экспортного потенциала предприятий и региона.

В то же время с точки зрения народного хозяйства страны прибрежная и приграничная торговля имеет ряд существенных недостатков: использование дотаций из централизованного фонда на приобретение продукции не самого высокого качества и по более высоким ценам, чем по обычным каналам; ограниченные возможности эффективного использования валютных средств и завышение цен на импортируемые

продукцию из-за слабого знания состояния мирового рынка. С помощью прибрежной и приграничной торговли не удалось расширить ассортимент советского экспорта за счет новых товаров местного производства. Так, в прибрежной торговле с Японией на долю местных товаров приходится 15 % стоимости экспорта, а для экспорта товаров в КНР (по линии приграничной торговли) многие виды продукции приходится везти из центральных и западных районов.

Сложившаяся дифференциация экономических условий различных каналов внешне-торговой деятельности, в частности соотношение между условиями обычной и приграничной (прибрежной) торговли, отрицательно сказывается на развитии внешнеэкономических связей СДВ. С целью преодоления противоречия между каналами внешнеэкономических связей необходимо увеличить норматив валютных отчислений от экспорта продукции предприятий местного подчинения за лучшее использование местных ресурсов; исполкомам краевых, областных и городских (в крупных промышленных центрах) Советов необходимо разрешить открывать валютные счета для ведения полномасштабных внешнеторговых операций. Такие операции по линии местных органов необходимо ограничить только по номенклатуре экспортируемых товаров предприятий союзного подчинения.

По линии местной региональной торговли (т. е. на приоритетных экономических условиях) продукция предприятий союзного и союзно-республиканского подчинения, а также отходы производства этих предприятий (кроме черных и цветных металлов, а также нефтепродуктов, реализация которых осуществляется по линии Госснаба СССР) должны реализовываться только в той части, в какой они поставляются в рыночные фонды района. На наш взгляд, это повысит заинтересованность местных органов в более полной переработке отходов производства на предприятиях различных министерств и ведомств.

Изменение экономических условий осуществления внешнеторговых операций по линии региональной торговли, создание определенных экономических преимуществ для развития внешнеторговой деятельности предприятий и организаций местного подчинения приблизят эти условия к экономическим условиям приграничной и прибрежной торговли. Тем не менее эта торговля как самостоятельная форма внешнеторговой деятельности в приграничных районах СДВ не должна раствориться в общих условиях региональной внешнеторговой деятельности. Место и роль ее в системе внешнеэкономических связей определяются политическими, социальными и экономическими задачами, решаемыми с ее помощью.

Для советского Дальнего Востока расширение различных взаимосвязанных форм регионального сотрудничества с соседними государствами остается важным источником решения проблем социально-экономического развития за счет более высокой оперативности бартерных сделок, взаимоувязанности импорта с вывозом продукции, которую труднее сбыть по каналам традиционной торговли без встречной закупки, укрепления деловых контактов с традиционными партнерами.

Следует сказать, постановление СМ СССР в определенной степени решает целый ряд отмеченных вопросов. Так, введение 5 %-ных отчислений от валютных средств предприятий и объединений крайисполкомам и облисполкомам должно существенно повысить их заинтересованность в развитии внешнеэкономической деятельности всех предприятий, расположенных на их территории. Вместе с тем ряд вопросов развития региональных внешнеэкономических связей еще ждет своего решения.

И. П. Барабанов. На советском Дальнем Востоке как ни в каком другом регионе страны проявляются негативные последствия узковедомственного подхода к развитию внешнеэкономической деятельности, что привело, в частности, к чрезмерной централизации ее управления, о чем свидетельствует, например, география экспорта машиностроительных предприятий Дальнего Востока. До 60 % комплектующих изделий поступает на дальневосточные машиностроительные предприятия из европейских районов страны, а значительная часть экспорта (подчас до 90 %) дальневосточных предприятий направляется в европейские страны. При более высоких по сравнению с европейскими районами удельных капиталовложений и затратах на производство такой экспорт малозффективен. В этих условиях актуально и своевременно принятие Постановления СМ СССР. Устранение препятствий для самостоятельного выхода на внешний рынок и предоставление льгот для предприятий и организаций, связанных с внешнеэкономической деятельностью, должны повысить заинтересованность в росте эффективности внеш-

неэкономических связей, в первую очередь за счет развития связей с близлежащими странами азиатско-тихоокеанского региона.

Как показывает практика, советские и партийные органы областей и краев Дальнего Востока проявляют заметный интерес к развитию внешнеэкономических связей. Это вызвано прежде всего стремлением обеспечить получение дополнительных ресурсов для эффективного развития народного хозяйства региона, решения социальных проблем.

Определенную заинтересованность в расширении внешнеэкономической деятельности на основе валютной самокупаемости проявляют и отдельные предприятия и организации. Во многом такая заинтересованность диктуется двумя обстоятельствами: желанием модернизировать собственную материально-техническую базу за счет иностранных инвестиций и стремлением к самостоятельному использованию соответствующих инвалютных поступлений.

Меры по расширению самостоятельности во внешнеэкономической деятельности обуславливают необходимость совершенствования организации внешнеторговых связей региона. Наряду с созданием регионального органа для координации внешнеэкономических связей советского Дальнего Востока представляется целесообразным расширение круга организаций для осуществления внешнеторговых операций по линии региональной торговли.

Не вызывает сомнения, что централизация всех внешнеторговых операций РСФСР в одном объединении (Росвнешторг) снижает оперативность внешнеторговых операций, ведет к отходу от осуществления небольших по объему сделок и другим негативным последствиям, которые наиболее остро проявляются в таком отдаленном регионе, как СДВ. В то же время в условиях, когда в регионе крайне остро ощущается нехватка квалифицированных специалистов по внешнеэкономическим связям, создание внешнеторговых организаций на областном и краевом уровне преждевременно и нецелесообразно. В создавшихся условиях целесообразно предоставить право предприятиям и организациям местного подчинения осуществлять внешнеторговые операции на договорной основе через любые внешнеторговые организации, включая внешнеторговые фирмы промышленных предприятий. Координацию внешнеторговых связей может осуществлять региональная ассоциация экспортеров. Следует, очевидно, приступить к формированию новых хозрасчетных организаций (например, внешне-торговых фирм в составе республиканского объединения), обслуживающих внешне-торговые связи предприятий и организаций местного подчинения всего дальневосточного региона, специализированных по определенной номенклатуре продукции, тем более что принятое Постановление СМ СССР создает для этого необходимые организационные предпосылки.

Н. Л. Шлык. В ускорении развития внешнеэкономической деятельности ДВЭР одно из важных мест должно занять создание эффективного организационно-экономического механизма управления региональным развитием и его рабочих органов.

Совершенствование форм и методов управления хозяйственным развитием данной территории требует специальных компенсаторных механизмов, одним из которых является льготный режим внешнеэкономической деятельности на СДВ, предусмотренный в Постановлении.

Здесь имеется в виду разработка системы мероприятий по стимулированию экспортного производства (например, установление льготных нормативов валютных отчислений для ускоренного обновления производства, льготного кредитования объектов, направленных на создание экспортных производств, снижение доли госзаказов и др.); по повышению заинтересованности местных органов управления в активизации внешнеэкономической деятельности (например, путем дифференцированных отчислений в местный бюджет от всех осуществляемых видов внешнеэкономической деятельности); по созданию режима наибольшего благоприятствования для зарубежных партнеров в развитии предпринимательской деятельности и др.

В разработке мероприятий по совершенствованию организации внешнеэкономической деятельности экономического района необходимо усилить исследования долговременных тенденций развития товарных рынков стран АТР, улучшить информационное обеспечение предприятий-экспортеров о конъюнктуре на рынках стран АТР; создать действенную систему (на базе вузов ДВЭР) подготовки и переподготовки кадров управленческого и инженерно-технического состава промышленных предприятий в сфере

внешнеэкономической деятельности; обеспечить развитие внешнеторговой рекламы в регионе.

Принципиальное значение для активизации внешнеэкономической деятельности советского Дальнего Востока приобретает вопрос о создании территориального органа по координации и развитию рассматриваемого направления. Такой орган должен быть наделен определенной степенью самостоятельности и вместе с тем тесно координировать свою деятельность с общерегиональным органом управления и ГВК СМ СССР. Главные функции этого органа — это прежде всего координация всей внешнеэкономической деятельности ДВЭР, разработка ее общей концепции, выбор приоритетных направлений в отношении отраслевых комплексов и отдельных стран АТР с точки зрения народнохозяйственного подхода, выработка рекомендаций для учета внешнеэкономического фактора в процессе планирования развития производительных сил Дальнего Востока и соответственно обоснованных предложений по участию ДВЭР в перспективном формировании экспортной базы страны и использованию импортных поступлений. Важной функцией данного органа должно стать проведение комплексной экспертизы по всем предлагаемым проектам экономического сотрудничества на Дальнем Востоке. Это позволит не только определить приоритетность развития той или иной области сотрудничества, исходя из специфики самого района и складывающихся долговременных тенденций соответствующих товарных рынков стран АТР, но и разработать комплексную систему научно-организационных мероприятий по их реализации.

Наряду с созданием регионального органа по внешнеэкономической деятельности необходимо ускорить реорганизацию деятельности отделов внешнеэкономических связей при краевых и областных исполкомах СДВ. Эти подразделения, координируя свою деятельность с общерегиональным органом, будут рассматривать в комплексе всю внешнеэкономическую деятельность конкретного края (области), в том числе обосновывать предложения по развитию экспорта и потреблению импорта на своей территории, установлению прямых производственных и торговых связей с социалистическими странами Азии, развитию форм приграничного сотрудничества и др.

В. А. Иванов. В условиях проводимой в стране хозяйственной реформы, на мой взгляд, важное значение приобретают вопросы совершенствования механизма управления внешнеэкономической деятельностью на всех уровнях: региональном, краевом, областном, городском, районном, производственного предприятия, внешнеторговой организации.

Речь идет о срочной разработке концепции и создании оптимальной территориальной структуры управления внешнеэкономическими связями СДВ. Следует подчеркнуть, что это является важным разделом более крупной задачи, связанной с созданием региональной структуры управления всем народнохозяйственным комплексом этого экономического района.

Необходимость создания таких территориальных органов управления объективно обусловлена удаленностью от центра, требованием оперативности в принятии важных управленческих решений по различным аспектам деятельности в условиях межведомственной разобщенности промышленных, сельскохозяйственных, торговых, транспортных и других предприятий и организаций, размещенных в регионе. Нужно связать в единый региональный народнохозяйственный комплекс все указанные предприятия, организации и инфраструктурные объекты, организационно оформить территориальные органы управления.

Одной из первостепенных задач представляется создание территориальной организационной структуры управления внешнеэкономическими связями. Такая структура должна включать следующие основные элементы:

- региональный орган управления внешнеэкономическими связями;
- сеть отделов внешнеэкономических связей в структуре исполкомов Советов народных депутатов на краевом, областном, городском и районном уровнях;
- специализированные внешнеторговые объединения и фирмы, а также внешнеэкономические (внешнеторговые) подразделения промышленных предприятий и организаций.

Возможной организационной формой регионального органа управления внешнеэкономическими связями (ВЭС), видимо, могла бы быть внешнеэкономическая комиссия Дальневосточного экономического района, для работы в которой привлекались бы руководители и ведущие специалисты местных партийных, советских и хозяйственных органов,

крупных предприятий и организаций региона. Вместе с тем представляется целесообразным, чтобы такой территориальный орган управления внешнеэкономическими связями имел бы свой рабочий аппарат, состоящий из высококвалифицированных экспертов (специалистов), хорошо знающих специфику региона и имеющих опыт внешнеэкономической деятельности.

Основными функциями регионального органа управления ВЭС должны стать:

- разработка и реализация региональной стратегии и концепции внешнеэкономических связей;

- создание инфраструктуры для развития международного экономического сотрудничества в регионе, в частности гостиничного хозяйства, сервисных служб, системы коммуникаций, транспортной инфраструктуры и т. д.;

- разработка мероприятий по расширению экспортного потенциала СДВ, сокращению нерационального импорта, развитию промышленной кооперации с фирмами стран АТР, по увеличению валютных поступлений и их эффективному использованию;

- оказание предприятиям и организациям региона содействия в развитии внешнеэкономических связей и повышении квалификации кадров для внешнеэкономической деятельности;

- рассмотрение проектов и утверждение планов экспорта-импорта и планов развития ВЭС предприятий и организаций региона;

- координация приграничной и прибрежной торговли в регионе;

- общая координация внешнеэкономической деятельности предприятий, организаций, внешнеторговых объединений и фирм, отделов внешнеэкономических связей в структуре исполкомов Советов народных депутатов различных уровней.

В связи со специфическим географическим положением советского Дальнего Востока и его важностью для развития сотрудничества СССР со странами АТР принципиально важным вопросом, как уже говорилось, является создание территориальных отделов внешнеэкономических связей в структуре краевых, областных, а при необходимости и городских исполкомов Советов народных депутатов. Указанные отделы должны содействовать всестороннему развитию внешнеэкономической деятельности предприятий, производственных кооперативов, организаций, находящихся на их территории, формированию эффективной транспортной и социальной инфраструктуры, условий для развития внешнеэкономических связей края, области, города.

Эффективное решение задач, стоящих в области развития внешнеэкономических связей СДВ, несомненно, потребует значительного расширения числа специализированных внешнеторговых объединений и фирм, промышленных предприятий, которые будут наделены правом самостоятельного осуществления экспортно-импортных операций сети банковских и кредитно-финансовых учреждений, активного привлечения в экономику региона значительных иностранных частных инвестиций. При этом принципиально важно создать дальневосточным предприятиям и организациям льготные условия получения централизованных государственных инвестиций и кредитов для расширения экспортного потенциала, а также предельно увеличить долговременные нормативы отчислений в валютные фонды предприятий за экспорт продукции.

Вместе с тем с целью повышения степени защищенности от коммерческого риска как советских внешнеторговых организаций и предприятий, так и иностранных фирм, видимо, потребуется создать в регионе специализированную страховую компанию для обслуживания внешнеэкономического комплекса СДВ.

Новые возможности совершенствования механизма управления внешнеэкономическими связями советского Дальнего Востока открывает Постановление СМ СССР. В нем, в частности, оговаривается особый статус региона в системе внешнеэкономического комплекса СССР, перевод его на полную валютную самоокупаемость с 1 января 1991 г., возможность использования предприятиями, объединениями и организациями экономического района по решению их трудовых коллективов до 15 % имеющейся свободно конвертируемой валюты (против 10 % — по другим регионам страны) на приобретение товаров народного потребления, медикаментов и медицинской техники, укрепление материально-технической базы социально-культурной сферы. Для совместных предприятий, создаваемых в Дальневосточном экономическом районе, налог на прибыль уменьшен, как уже отмечалось, до 10 %. Кроме того, для размещаемых здесь совместных предприятий установлены льготные условия налогообложения на прибыли, причитающиеся иностранным участникам, при их переводе за границу.

Ю. С. Столяров. Практически полностью согласен со многими оценками роли ДВЭР в региональном экономическом сотрудничестве. Сейчас, думается, важно определить, с чего начинать и каковы приоритеты в дальнейшем. В противном случае мы можем сильно задержаться в реализации выдвинутых предложений.

Главное — отталкиваться от того, что мы уже имеем на советском Дальнем Востоке. Хотя во многом, и очень многом, нас не удовлетворяет сложившееся положение, шагнуть через короткое время в эпоху электронной революции не удастся. Для этого нужно терпеливо формировать предпосылки, на что должно уйти, как показывает мировой опыт, не менее 10—15 лет. За это время необходимо «поставить на ноги» ряд направлений участия ДВЭР в международном разделении труда в АТР. Хочется подчеркнуть, что развитие по этим направлениям в полной мере отвечало бы интересам Советского Союза, т. е. было бы, на наш взгляд, оптимальным, исходя из внутри- и внешнеэкономической обстановки. Имеются в виду следующие направления международной специализации советского Дальнего Востока на ближайшие 10—15 лет:

— развитие на новой технической основе рыбопромышленного комплекса и марикультуры, превращение региона в своего рода рыбный комбинат и морскую плантацию страны;

— формирование Дальнего Востока в качестве одного из крупных звеньев в туристическом комплексе, сложившемся в АТР;

— модернизация судоремонтной и судостроительной промышленности для качественно-го совершенствования дальневосточных торговых, пассажирского и рыболовного флотов, укрепления его роли в качестве одного из главных перевозчиков в регионе;

— развитие машиностроения для рыбо- и лесоперерабатывающей промышленности, а также горнодобывающих отраслей.

Каждое из направлений легко конкретизировать, используя высказанные предложения, а также разработки, уже сделанные в программе развития производительных сил Дальневосточного экономического района до 2000 года.

Кроме того, необходимо решить несколько крупных взаимоувязанных проблем: во-первых, обеспечить источники финансирования, как внутренние, так и внешние; во-вторых, развернуть переподготовку рабочих и ИТР; в-третьих, существенно продвинуться в решении социальных вопросов и в совершенствовании инфраструктуры.

Одних только внутренних источников финансирования для решения указанных задач окажется, вероятнее всего, недостаточно. Думается, что нужно в значительных масштабах, до 20—25 % от собственных текущих капиталовложений, привлекать иностранный капитал и рассматривать это как нормальный, естественный процесс для региона и отраслей, находящихся на пионерной стадии освоения. Во время дискуссии справедливо отмечалось, что для подобного привлечения средств зарубежных партнеров целесообразно иметь льготное законодательство, даже более льготное, чем в соседних странах АТР. Видимо, необходимо пойти на открытие в городах СДВ отделений иностранных банков с правом коммерческой деятельности (как это было в 20-е годы), заключение соглашений о страховании и защите иностранных инвестиций и многое другое. Думается, что Приморскому и Хабаровскому крайпланам следует иметь собственные программы привлечения иностранных ресурсов и концепции политики в этой области.

Не менее важной представляется подготовка и переподготовка кадров (рабочей силы и ИТР) для работы в новых условиях. Помимо этого, можно было бы подумать и о создании на Дальнем Востоке нескольких центров профессионально-технической подготовки с привлечением иностранных специалистов. Создание таких центров могло бы быть одним из условий сотрудничества с той или иной зарубежной фирмой.

В решении социальных вопросов и совершенствовании инфраструктуры, вероятнее всего, придется рассчитывать на собственные возможности, обозначенные в Долговременной государственной программе комплексного развития производительных сил ДВЭР до 2000 года. Ускорить этот процесс чрезвычайно трудно по многим причинам. Было бы поэтому большим достижением, если бы часть сэкономленных средств по инвестиционной части программы за счет привлечения внешних ресурсов удалось перебросить на улучшение социальной обстановки в регионе.

Хочется со всей определенностью подчеркнуть, что полумеры или частичные решения не приведут к кардинальным сдвигам в экономике и социальной сфере советского Дальнего Востока. Требуется динамизм, четкость поставленных целей и

средств их достижения, немалая смелость в действиях хозяйственных и партийных органов, роль которых на местах чрезвычайно важна. Их авторитет несколько не пострадает, если на Дальний Восток на срок до 3—4 месяцев для совместной работы будут приглашены квалифицированные специалисты из других городов страны.

Представляются необходимыми постоянная корректировка и уточнение государственной программы для ДВЭР, поскольку меняются условия и наши представления о самой программе. Особенно это относится к ее внешнеэкономической части.

Очень непросто вопрос о страново-региональной ориентации Дальнего Востока. Проблема в значительной мере и политическая. Самым естественным выглядел бы ответ в том духе, что необходимо развивать прямые производственные связи на базе углубления специализации и кооперации производства с партнерами из социалистических стран АТР. Однако, исходя из нынешней обстановки в этих странах, трудно ожидать, что указанное сотрудничество пойдет быстрыми темпами и с высоким эффектом. Делать чрезмерный крен в сторону партнеров из несоциалистической части АТР было бы пока преждевременно. Где же находится «золотая середина»? Думается, что по одним направлениям, например сельскому хозяйству, более целесообразно налаживать связи с социалистическими странами АТР, по другим, например машиностроению, — с капиталистическими. Межсистемные и страновые перегородки, вносящие значительный элемент политизации, можно было бы в существенной мере уменьшить, развивая трехстороннее сотрудничество. Это — сложные формы взаимодействия, которые пока трудно наполнить конкретным содержанием и которые требуют дальнейшей проработки. Добавим, что проблема страново-региональной ориентации советского Дальнего Востока может быть решена только в рамках нового политического мышления, освобождения от конфронтационных подходов. Для создания такой атмосферы требуется углублять доверие во всех сферах межгосударственных контактов. Советский Союз начал движение в этом направлении. Хотелось бы, чтобы оно было поддержано всеми другими группами государств региона.

В. И. Филатов. Проведенный обмен мнениями показал, что к настоящему времени сложились необходимые как внутренние, так и внешние предпосылки для значительной активизации внешнеэкономической деятельности советского Дальнего Востока. Эти предпосылки диктуются как необходимостью более широкого использования преимуществ экономического сотрудничества со странами АТР для комплексного развития народного хозяйства района, так и наличием естественных условий для более интенсивного включения народнохозяйственного комплекса СДВ в формирующуюся в регионе систему разделения труда.

Б. Н. Славинский. В заключение хотел бы отметить, что идеи и подходы к рассматриваемой проблеме, которые были высказаны участниками нашего «круглого стола», конечно, не являются истиной в последней инстанции. Это скорее приглашение к размышлению. Мы думаем в последующих номерах журнала продолжить начатый разговор. Тем не менее многое из сказанного уже может быть реализовано в решениях по конкретным вопросам внешнеэкономических связей советского Дальнего Востока, а также учтено при разработке годовых планов социально-экономического развития ДВЭР. Думаю, что и наши зарубежные партнеры, познакомившись с этим материалом, смогут лучше уяснить для себя многие нюансы и возможности их предполагаемого участия во внешнеэкономическом сотрудничестве в специфических условиях дальневосточного региона.

И. Л. ТИМОНИНА,
кандидат экономических наук

Разрушение окружающей среды в 80-е гг. стало одной из глобальных общечеловеческих проблем. Последствия деградации окружающей среды в той или иной мере затрагивают все без исключения страны и народы мира, создавая угрозу самому существованию цивилизации. Поэтому как никогда ранее необходимо соединение усилий различных государств в деле защиты природы, в том числе обмен накопленным опытом.

Особый интерес представляет рассмотрение природоохранной политики, проводимой в Японии — стране, которая в последние два десятилетия достигла примечательных успехов в развитии экономики, науки, техники, стала второй экономической державой капиталистического мира, заплатив за эти достижения полным набором экологических бедствий.

С загрязнением среды как общенациональной проблемой Япония столкнулась раньше других стран — еще на рубеже 60—70-х гг., когда экологическая ситуация приобрела здесь кризисный характер. Согласно докладу экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Япония в тот период превратилась в одну из наиболее неблагоприятных в экологическом отношении стран мира¹. Ее стали называть «заповедником экологических бедствий», а в японской публицистике получил широкое распространение специальный термин, обозначающий всю совокупность проблем ухудшения состояния окружающей среды, — «когай» (буквально — «общественный вред»).

Обострение экологических проблем в Японии было связано в первую очередь с особенностями развития ее экономики в предшествующий период. Среднегодовые темпы прироста ВВП в 1961—1971 гг. составили в Японии 10,7 % против 5,7 % по всей группе промышленно развитых капиталистических стран². Ускоренное развитие экономики сопровождалось заметным увеличением масштабов потребления природных ресурсов, все возрастающей нагрузкой на природную среду. Отраслевая структура японской промышленности отличалась высоким удельным весом базовых отраслей, повышенной ресурсоемкостью и нормой отходов. Так, на химическую и металлургическую промышленность приходилось почти $\frac{2}{3}$ общего количества отходов обрабатывающей промышленности при доле этих отраслей в производстве продукции в 30—33 %. Черная металлургия, например, потребляла около четверти всей пресной воды, забираемой промышленностью³. Положение усугублялось ограниченностью территории Японии по сравнению с масштабами ее экономической деятельности. Так, в 1970 г. в расчете на 1 кв. км площади в Японии производилось 180 долл. ВВП, в то время как в США всего 15 долл.⁴

Решающим же фактором резкого ухудшения экологической обстановки в Японии в рассматриваемый период явилось то, что усиление эксплуатации природного потенциала происходило практически при полном отсутствии контроля со стороны общества и государства. Монополии, являющиеся главными природопользователями, не были экономически заинтересованы предпринимать какие-либо действия по восполнению наносимого урона. В результате экономический рост в стране осуществлялся без учета интересов сохранения природы, фактически за счет нее.

Чисто потребительское отношение к окружающей среде привело к тому, что повсеместным явлением в Японии стало загрязнение воздуха сверх допустимых пределов, заражение прибрежных морских вод, рек и озер различными вредными веществами (ртутью, тяжелыми металлами и др.), загрязнение и проседание почвы, засорение

территории бытовыми и промышленными отходами, повышенный уровень шума, вибрации. Стали исчезать целые виды флоры и фауны, были безвозвратно утрачены многие естественные экосистемы. Особенно тяжелое положение сложилось в густонаселенных районах Тихоокеанского промышленного пояса. В 1970 г. в этом регионе, занимающем немногим более 10 % территории страны, производилось 68 % промышленной продукции, в том числе 79 % стали, 75 — химической продукции, 73 % электроэнергии ТЭС. Здесь потреблялось 76 % биохимического кислорода для очистки воды, на этот регион приходилось 68 % общей эмиссии серы. В 1971 г. концентрация окислов серы в районе Токио составляла 165,2 т/кв. км, в то время как в среднем по стране — 45,6 т/кв. км. По окислам азота соотношение было 68,3 и 17 т/кв. км².

Экономический ущерб, нанесенный обществу загрязнением окружающей среды, был огромным. К 1970 г. он оценивался в Японии в 6,3 трлн. иен (или 8 % ВВП) против 35 млрд. иен в 1965 г.⁶ К этому следует добавить и тот, не всегда поддающийся экономической оценке вред, который был причинен здоровью десятков тысяч людей. В Японии получили печальную известность такие специфические экологические заболевания, как «итай-итай», «минамата», «астма Ёккайти». Сотни тысяч людей по всей стране оказались лишенными чистого воздуха и воды, возможности общения с природой, постоянно подвергались неблагоприятному для здоровья воздействию шумов и вибраций.

Преступное отношение монополий к природе, бездействие властей вызывали все более активный протест широких масс населения, для которых борьба «за здоровую окружающую среду» превратилась в неотъемлемую часть борьбы за свои права. В начале 70-х гг. в Японии развернулось мощное экологическое движение, объединившее около 6 тыс. общественных организаций. Требования принять решительные меры против дальнейшего загрязнения среды, положить конец природоразрушительной деятельности компаний заняли заметное место в программах политических партий и профсоюзов.

В сложившейся ситуации, когда «когай» стал острой социальной проблемой, правительство вынуждено было от разрозненных и эпизодических мер перейти к проведению целенаправленной и комплексной природоохранной политики, начать создавать постоянно действующую общегосударственную систему экологического контроля в рамках осударственно-монополистического регулирования экономики.

Отправной точкой стало формирование экологического законодательства. В 1970 г. на 64-й сессии японского парламента был утвержден Основной закон о борьбе с загрязнением окружающей среды. Он имел исключительное значение с точки зрения правового обоснования природоохранной работы в стране, провозгласив сохранение природной среды одним из приоритетов развития наряду с экономическим ростом и прямо признав моральную и финансовую ответственность предпринимателей за разрушение среды. На той же сессии парламента были одобрены еще 14 законов, касающихся различных аспектов охраны среды. Всего же в Японии к настоящему времени принято свыше 30 общегосударственных экологических законов и нормативных актов.

Японское природоохранное законодательство предоставляет право возбуждения гражданских исков лицами, пострадавшими от загрязнения среды. Причем довольно часто компании, признанные судом виновными в отравлении среды, выплачивают пострадавшим компенсации. Важно подчеркнуть, что компенсации за ущерб здоровью людей, а также штрафы за экологические нарушения в пользу местных органов власти носят в Японии отнюдь не символический характер. В последнее время они имеют тенденцию к увеличению и становятся сопоставимыми с размерами затрат, необходимых для проведения природоохранных мероприятий той или иной компанией.

Помимо компенсаций и штрафов, в арсенале санкций против нарушителей экологических законов меры административного воздействия, в том числе приостановка работы предприятия или его закрытие по решению местных властей и даже аресты владельцев предприятий или служащих, непосредственно виновных в отравлении среды. Последняя мера применяется чаще всего за нелегальный сброс неочищенных сточных вод. «Белые книги по окружающей среде» ежегодно сообщают о 1,5—2 тыс. таких случаев.

Одновременно с разработкой экологического законодательства в Японии были созданы и специальные природоохранные службы. Во главе их стало образованное в 1971 г. правительственное Управление по вопросам окружающей среды (УВОС), имеющее статус министерства. В его функции входят выработка общего курса национальной экологической политики, составление планов основных мероприятий по охране среды, распределение государственных ассигнований на экологические цели по программам и ведомствам, подготовка общегосударственных стандартов и нормативов качества среды, согласование природоохранной деятельности различных организаций и ведомств. Занимаясь стратегическими вопросами экологической политики, УВОС опирается на специализированные органы. Так, при управлении работает совещательный орган — Центральный совет по борьбе с загрязнением, а при кабинете министров надведомственный координационный орган — Конференция по борьбе с загрязнением среды. Отдельными вопросами, связанными с природоохраной, занимаются также специальные подразделения 18 министерств и ведомств, а на местах — префектуральные и муниципальные службы.

С начала 70-х гг. в Японии стали выделяться большие средства на цели охраны природы. По данным ОЭСР, в середине десятилетия общенациональные расходы на защиту окружающей среды составляли в Японии 3—5 % ВВП, в США и ФРГ — 0,8, Швеции — 0,5—0,9, Италии — 0,4 %. В Японии подавляющую часть этих затрат (до 70—90 %) взяла на себя правительство, местные органы власти и население, оставшуюся — компании².

Принятие экологического законодательства, создание природоохранных служб, перераспределение части ВВП в пользу экологической сферы — все это способствовало тому, что в 70-е гг. борьба с загрязнением окружающей среды в Японии заметно активизировалась. Конкретные мероприятия в этой области японское правительство проводит по нескольким основным направлениям.

Во-первых, правительство и его ведомства контролируют загрязнение окружающей среды: атмосферного воздуха, воды, территорий. Контролируется и регламентируется уровень шумов и вибраций.

Во-вторых, правительство занимается собственно охраной природы, включая защиту и восстановление лесов, консервацию естественных ландшафтов, строительство рекреационных зеленых зон, охрану диких животных, птиц, рыб.

В-третьих, государство стимулирует строительство очистных сооружений предпринимателями.

В-четвертых, правительство осуществляет контроль за использованием территории и ее благоустройством, оно участвует в планировании городского гражданского и промышленного строительства, периодически обследует состояние территории страны.

В-пятых, государственные организации строят различные сооружения, связанные с защитой среды от загрязнения, — канализацию, предприятия по переработке мусора, твердых и жидких отходов.

В-шестых, правительственные службы ведут постоянное наблюдение за состоянием среды.

Седьмым направлением государственной природоохранной деятельности в Японии является координация и проведение НИОКР по экологической тематике.

Смысл большинства мероприятий японского правительства в области экологии вполне очевиден и не требует комментариев. Даже простое перечисление их убеждает в том, что правительство и его центральные и местные органы непосредственно осуществляют лишь сравнительно небольшую часть природоохранных работ. Главной же функцией государственной экологической политики в Японии является регулирование состояния среды, создание таких условий природопользования, которые принуждали бы и поощряли частный сектор к участию в охране природы. Механизм экологического регулирования в Японии включает как административные методы контроля, в том числе установление стандартов и нормативов качества среды, правил эксплуатации ресурсов, санкций за нарушение экологических законов и норм, так и меры финансово-экономического порядка, например льготное кредитование, налоговые скидки, субсидии для компаний, участвующих в охране среды.

Центральное место в системе административного регулирования занимают экологические нормативы. В основном они те же, что и в других странах. Это показатели допустимой концентрации того или иного вещества в среде, интенсив-

ности шума, выбросов вещества, ограничений по содержанию тех или иных химических веществ в продуктах питания. Более важным с точки зрения изучения японского опыта представляется разграничение нормативов по степени жесткости и сам порядок их применения.

По степени жесткости в Японии определяются целевые, или желательные нормативы (иначе — стандарты, близкие к ПДК и ПДВ, применяемым в СССР) и промежуточные, или текущие. С помощью последних, которые, собственно, и являются нормативами, осуществляется поэтапное сокращение объемов загрязняющих веществ, снижение уровня шума, интенсивности запахов. Наиболее важные нормативы, например пять для воздушной среды и девять — для водной, принимаются законодательным путем как общенациональные. Принятие других входит в компетенцию местных властей. На основании общих рассчитываются эмиссионные нормативы для отдельных районов. Интересно отметить, что первоначально в Японии учитывались выбросы по отдельным источникам, однако вскоре эта система обнаружилась своей несостоятельностью, так как в районах высокой концентрации промышленности и энергетических мощностей общее состояние среды не улучшалось даже при выполнении установленных нормативов каждым предприятием и электростанцией.

После определения эмиссионного норматива для района местные власти заключают соглашения с предпринимателями о сокращении к определенному сроку объема выбросов загрязняющих веществ данным предприятием. При этом сразу определяются размеры государственных займов и кредитов и налоговых льгот, которые эти предприятия могут получить. По различным оценкам, размеры такой помощи составляют от 30 до 70 % капитальных затрат частного сектора на установку очистного оборудования.

Таким образом, региональная дифференциация, сочетание довольно жестких экологических нормативов с широкой финансовой поддержкой предприятий, доведение до каждого из них конкретного «задания» по природоохране, наличие системы санкций за невыполнение — все это делает нормативное регулирование гибким и эффективным методом борьбы с загрязнением среды, во всяком случае со стороны стационарных источников. Решающим условием здесь является реальность выполнения устанавливаемых нормативов. За исходный момент при определении степени их жесткости принимаются не научно обоснованные оптимальные показатели уровня безопасности для человека и природы, как при выработке стандартов, являющихся общими ориентирами, а размеры затрат, которые общество в целом и предприятия, в частности, могут выделить на природоохранные цели без нарушения основных макроэкономических пропорций. Сказанное отнюдь не означает, что компании, особенно действующие в сильно загрязняющих среду отраслях, не испытывают никаких затруднений в связи с введением новых экологических нормативов. Несмотря на все льготы, от них требуются крупные единовременные капиталовложения, определенные эксплуатационные расходы, которые представляют собой вычет из производственных накоплений, повышают издержки производства. Так, в середине 70-х гг. когда в Японии вводились многие новые нормативы, инвестиции на экологические мероприятия составляли в теплоэнергетике до 47 % всех капиталовложений в машины и оборудование, в химической промышленности — до 32, нефтехимии — 22, черной металлургии — до 23 %.

Поэтому нормативный контроль за состоянием среды вводился в Японии далеко не просто и не безболезненно. Компании и министерства по возможности всегда сопротивляются новым нормативам, и они, как правило, принимаются после длительных дискуссий и проволочек. Были даже случаи, когда под давлением монополий смягчались уже действующие нормативы. Так, в 1978 г. был пересмотрен норматив допустимой концентрации в атмосфере окислов азота.

Нормативное регулирование состояния среды в Японии было бы невозможно без создания государственной автоматизированной системы постоянного экологического контроля — мониторинга. На территории Японии действует около 2,5 тыс. станций наблюдения за состоянием воздуха и 6,5 тыс. контролируют состояние водоемов. Станции мониторинга объединены в сети по региональному признаку, причем в некоторых сетях замеры и тесты производятся непосредственно у источников загрязнения — на предприятиях.

Современное электронное оборудование, которым оснащены станции мониторинга, позволяет не только оперативно фиксировать происходящие в среде изменения, но и прогнозировать их на несколько часов вперед. В случае возможного превышения нормативных показателей предполагаемые виновники немедленно извещаются о необходимости принять меры. Таким образом, функции мониторинга выходят за рамки сбора информации, и он становится инструментом прямого регулирования состояния среды.

Важную роль в ограничении масштабов ущерба среде, его предотвращении сыграло в Японии введение предварительной оценки воздействия хозяйственных проектов на природу, которое практикуется с 1972 г. В 38 префектурах страны изданы приказы и постановления по этому вопросу. УВОС и Центральный совет по борьбе с загрязнением среды провели исследования и составили ряд руководств по проведению такой экспертизы. В то же время из-за противодействия других министерств и ведомств, в первую очередь министерства внешней торговли и промышленности (МВТП) и министерства строительства, стремящихся избежать официальных ограничений на строительство электростанций и других объектов по экологическому признаку, в Японии не удалось принять общегосударственный закон о всеобщей и обязательной экологической оценке нового строительства. Это, конечно, ограничивает возможности подобного эффективного инструмента предотвращения ущерба среде, так как экспертиза проводится выборочно, а результаты ее носят рекомендательный характер.

Тем не менее экологические экспертизы как метод борьбы с загрязнением среды, безусловно, доказали свою эффективность. Так, налаженная в Японии система экспертизы химических веществ существенно ограничила число опасных и токсичных веществ, которые могут быть использованы в различных производствах. В 1973 г. в стране был принят Закон о контроле за производством, потреблением и импортом химических веществ. Согласно этому закону, все новые химические вещества и соединения проверяются МВТП и министерством здравоохранения и социального обеспечения. Например, только в 1985 г. экспертизе подверглось 2889 веществ, 579 из которых были запрещены¹⁰.

Особое внимание уделяется экологической безопасности предметов потребления и продуктов питания. Так, например, введены ограничения на производство стиральных порошков, содержащих детергенты, которые оказывают крайне отрицательное воздействие на состояние водоемов, куда попадают со сточными водами. Попутно заметим, что многие японские домохозяйки по призыву организаций защитников природы сами отказываются от стиральных порошков в пользу хозяйственного мыла, которое не так вредно для рек и озер.

Продукты питания проверяются японским министерством здравоохранения и УВОС на содержание в них 34 видов примесей. Важно подчеркнуть, что контроль за качеством продуктов начинается еще на стадии производства: регламентируется использование химических удобрений, стимуляторов роста животных, средств защиты растений в сельском хозяйстве. В последнее время, учитывая растущую обеспокоенность общественности качеством пищевых продуктов, правительство начало всемерно поддерживать исследования и разработки технологий производства сельскохозяйственной продукции исключительно «биологическими методами», то есть без применения химии.

Одним из решающих условий успеха в борьбе с загрязнением среды в Японии считают научное обоснование экологической политики, обеспечение природоохраны техническими возможностями решения стоящих перед ней задач. Поэтому правительство Японии уделяет самое пристальное внимание организации и проведению научных исследований и разработок по экологической тематике, во многих случаях прямо субсидируя их. Экологические исследования в Японии сосредоточены на трех основных направлениях: анализ и оценка влияния загрязнения окружающей среды на человека, животных, растения; анализ действия различных загрязнителей в естественных экосистемах и изучение функций самоочищения в природе; разработка технологий по борьбе с загрязнением.

Государственные НИИ, лаборатории, а также государственные и частные университеты, как правило, берут на себя проведение более дорогостоящих и длительных фундаментальных исследований. Головным научно-исследовательским органом в области экологии, координирующим исследования данного профиля в масштабах страны, является государственный НИИ охраны окружающей среды, основанный в 1974 г. в городе Цукуба. Всего же, по данным на 1986 г., НИОКР по 12 экологическим направлениям и более чем 100 темам осуществляются в 55 государственных НИИ¹¹.

Префектуральные и другие местные научные учреждения обычно занимаются проблема-

ми, связанными с природоохранной деятельностью в данном регионе. НИИ и лаборатории, принадлежащие частным компаниям, сосредоточивают усилия на прикладных исследованиях, а также разработках природоохранных и незагрязняющих промышленных технологий, очистной техники, контрольно-измерительной аппаратуры и т. п.

Исследования и разработки технологии и техники, связанной с охраной природы, позволили Японии создать современную производственную базу природоохранной политики. В 70-е гг. в японском машиностроении сложилась целая отрасль по производству очистного оборудования и средств контроля за состоянием среды. Годовой объем производства очистного оборудования (объем продаж) составил в 1987 г. 507 млрд. иен, что более чем в 4 раза превышает уровень 1970 г. Причем если в начале 70-х гг. это оборудование производилось главным образом по импортной технологии, то в 80-е гг. Япония сама стала поставлять экотехнику и технологию не только в страны Юго-Восточной Азии, но и в США, ФРГ, Австрию, Великобританию, Швецию¹².

На рубеже 70—80-х гг. в японской природоохранной практике все более широко стали использоваться достижения передовых технологии, особенно электроники и биотехнологии. Например, переоснащение новыми электронными приборами сетей мониторинга позволило им выйти на качественно новый уровень приема и обработки экологической информации, создать банки экоданных. Без электроники невозможно было бы функционирование региональных систем контроля и оптимизации транспортных потоков, которые позволяют оперативно регулировать объем транспортного потока в наиболее загрязненных районах крупных городов. Все более широкое распространение получают в Японии эффективные и экономичные биологические методы очистки сточных вод и разложения отходов. Эти новые методы основаны на применении микроорганизмов. Микроорганизмы, обладающие сенсорными способностями, в экспериментальном порядке используются для наблюдения за состоянием среды, в том числе для определения утечки радиоактивности вблизи АЭС.

Активное использование достижений НТП, гибкое применение методов нормативного регулирования состояния среды в сочетании с финансово-экономическим стимулированием природоохранной деятельности — все это позволило японскому правительству мобилизовать значительные финансовые, материальные, научно-технические ресурсы для решения задач охраны среды. В результате заметно улучшилось положение по некоторым позициям. Так, практически все стационарные источники загрязнения были оснащены необходимым очистным оборудованием в соответствии с установленными нормами. Благодаря этому чище стали атмосфера и водоемы. Например, содержание в воздухе двуокиси серы снизилось в 1965—1986 гг. с 0,43 до 0,010 ппм¹³, а окиси углерода в 1971—1984 гг. — с 6,0 до 2,5 ппм. Стабилизировались средние показатели качества воды в водоемах¹⁴. По данным на 1986 г., свыше 80 % обследуемых участков омывающих Японию морей и около 70 % рек по качеству воды отвечали принятым нормативам. Само использование пресной воды стало более эффективным. В Японии были проведены крупные лесовосстановительные работы, мероприятия по защите флоры и фауны, организованы новые национальные парки и заповедники, улучшилось озеленение городов.

Вместе с тем со многими опасными последствиями загрязнения среды правительству Японии справиться не удалось. Острая экологическая обстановка сохраняется в крупных городах и урбанизированных территориях. Бичом их остается загрязнение воздуха выхлопными газами автомобилей, на которые, по мнению специалистов, приходится до 70 % общего загрязнения атмосферы городов. В условиях, когда количество автотранспорта в стране стремительно растет — за 1971—1986 гг. оно выросло в 2,5 раза, — все усилия властей по оптимизации транспортных потоков, введению предельно допустимых норм выбросов вредных веществ для двигателей различной мощности не приводят к желаемым результатам. Несмотря на то, что нормативы по каждому отдельно взятому автомобилю чаще всего выполняются, общее состояние атмосферы не только не улучшается, но становится хуже. Так, концентрация в воздухе азота, одним из основных источников которого являются выхлопные газы, выросла в 1970—1986 гг. в среднем по стране с 0,022 до 0,026 ппм, а в районах, прилегающих к оживленным магистралям, — с 0,032 до 0,037 ппм¹⁵.

В 1986 г. Бюро по здравоохранению Токийского муниципалитета завершило обследование состояния воздушного бассейна японской столицы. Результаты этого обследования оказались неутешительными для токийцев. По мнению экспертов, качество атмосферного воздуха в большинстве районов Токио небезопасно для организма человека. За последние

10 лет число жителей столицы, чье здоровье прямо и косвенно пострадало от загрязнения воздуха, удвоилось и к концу 1985 г. достигло 52 тыс. человек¹⁶.

Другим негативным моментом окружающей жизненной среды для жителей многих японских городов остается шум. По оценке экспертов ОЭСР, несмотря на предпринимаемые усилия, Япония остается одной из самых шумных стран мира. Свыше 30 % населения Японии в повседневной жизни подвергаются воздействию различных шумов интенсивностью свыше 65 децибел, в то время как в рекомендациях УВОС допустимый дневной уровень шума в жилых кварталах определен в 50 децибел, ночной — 40. По данным опросов, более 80 % жителей крупных городов Японии считают себя жертвами дорожного шума¹⁷. Причем в последнее время неудобства из-за шума для японцев еще более возросли за счет внедрения в быт мощной музыкальной аппаратуры, от чего не спасают стены домов. В связи с этим при некоторых муниципалитетах даже были созданы специальные посты, в задачу которых входит контроль за соблюдением тишины в домах.

Неудовлетворительным, несмотря на улучшение средних по стране показателей, остается качество воды во многих водоемах, расположенных в густонаселенных и промышленно развитых районах. Общественность страны глубоко обеспокоена судьбой национальных природных памятников, таких, как Внутреннее японское море и озеро Бива, которые сильно загрязнены бытовыми сточными водами и отходами расположенных на их берегах предприятий.

Как видим, проблемам борьбы с загрязнением среды в Японии уделяется серьезное внимание и есть результаты. Однако начинают проявлять себя так называемые «экологические проблемы нового поколения». Речь идет об экологических последствиях структурной перестройки японской экономики, появления новых материалов и технологий в промышленности, сдвигов в энергодолансе, размещении производительных сил по территории страны. Учитывая, что подобные процессы в развитии производительных сил происходят сейчас во многих странах, рассмотрим данную проблему подробнее.

Влияние новых явлений экономического развития Японии на постановку и способы решения экологических проблем противоречиво. С одной стороны, структурная перестройка экономики, начавшаяся в Японии в середине 70-х гг. и ориентированная на обрабатывающие и наукоемкие отрасли промышленности, политика материало- и энергосбережения, активно проводимая японским правительством и компаниями, внедрение новых, не загрязняющих среду технологий — все это явилось тем благоприятным фоном, на котором правительственные мероприятия по борьбе с загрязнениями достигли определенных результатов. Однако уже в первой половине 80-х гг. японские ученые — эксперты по проблемам окружающей среды стали настойчиво поднимать вопрос о тех непредсказуемых пока последствиях, которые может иметь для природы развитие наукоемких технологий и производств, составляющих ядро нынешнего этапа НТП и основу развития экономики. «Белая книга по окружающей среде» за 1986 г. впервые со всей определенностью указывала на угрозу возникновения «высокотехнологического загрязнения».

Так, в результате обследования, проведенного УВОС, выяснилось, что, например, в электронике применяется большое число химических элементов, часть из которых обладает токсичностью. Не до конца изучено и влияние на здоровье человека такого явления, как перенасыщенность пространства электромагнитными волнами, так называемого электронного загрязнения, возникающего в результате все более широкого внедрения во все области жизни электронных приборов и аппаратуры. Неконтролируемое излучение может также создавать серьезные помехи для работы электронной техники, а в ряде случаев ведет и к катастрофическим последствиям. В 1985 г. в городе Осака усилитель телевизионной антенны, установленный на жилом доме, неподалеку от аэропорта, нарушил работу радарных установок, что едва не привело к аварии¹⁸.

Определенные проблемы, по мнению экспертов УВОС, могут возникнуть и в связи с появлением принципиально новых, не встречающихся в природе промышленных материалов, так как пока не решены вопросы переработки отходов при их использовании. В том случае, если такие отходы будут скапливаться, неясны последствия их возможного взаимодействия. Японская общественность также серьезно обеспокоена безопасностью работ в области генной инженерии. Опасения вызывают возможные последствия попадания в окружающую среду генетически модифицированных живых организмов.

Неоднозначно влияют на экологическую ситуацию и сдвиги, происходящие в энергодолансе Японии. Политика энергосбережения, некоторое уменьшение доли нефти и нефте-

продуктов в энергопотреблении, оснащение ТЭС очистным оборудованием — все это, конечно, способствовало уменьшению ущерба природе от топливно-энергетического хозяйства страны. Вместе с тем ускоренное развитие атомной энергетики выдвинуло проблему экологической безопасности атомной энергетики и контроля за радиоактивными веществами в число наиболее актуальных экологических проблем 80-х гг. Уже сейчас плотность размещения атомно-энергетических мощностей в Японии такова, что возникновение крупных аварий может сделать ее территорию полностью непригодной для жизни. А случаи аварий и неполадок на АЭС Японии далеко не единичны. Так, только в 1985 г. было зарегистрировано 10 аварий, вызвавших остановку реакторов.

В этих условиях, не отказываясь от курса на ускоренное развитие атомной энергетики, правительство и компании предпринимают целенаправленные усилия по повышению надежности и безопасности атомной энергетики. Налажен постоянный контроль за радиационной обстановкой, реализуются крупные программы, направленные на повышение технической надежности новых типов реакторов. Особое внимание уделяется подготовке персонала для работы на АЭС. Ведутся активные поиски эффективных способов нейтрализации радиоактивных отходов, которые после снижения уровня их радиоактивности пока просто складировались. По данным на конец 1984 г., на японских АЭС накопилось 320 тыс. контейнеров таких отходов по 200 л каждый. Предполагается, что, если будут выполнены намечаемые сейчас планы наращивания атомно-энергетических мощностей, число контейнеров к 2000 г. возрастет до 1,8 млн.

В настоящее время, пока не найдено приемлемых способов нейтрализации радиоактивных отходов, японские компании разрабатывают новые материалы для изготовления контейнеров, прочность которых позволила бы свести к минимуму опасность утечки из них радиоактивных веществ. Правительство же разрабатывает планы захоронения этих контейнеров на дне Тихого океана и на территории некоторых развивающихся стран, что вызывает обоснованные протесты общественности в этих странах.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что экологическая обстановка в Японии и в 80-е гг. продолжает оставаться сложной. Поэтому жители страны обеспокоены возможностью нового витка экологического кризиса. По данным опросов общественного мнения, проводившихся в Японии в начале 80-х гг., 94 % их участников считают охрану среды важным делом, 45 % — не исключают возможности того, что в ближайшие 10 лет состояние природы в Японии вновь ухудшится¹⁹.

Новым моментом в отношении жителей Японии к экологическим проблемам стало изменение требований к качеству среды. Если в начале 70-х гг. речь шла главным образом о необходимости снижения уровня загрязнения воздуха, воды, территории и т. п., то в 80-е гг. все большее внимание обращается на такие условия жизни, связанные с окружающей средой, как обеспечение возможности отдыха на природе в относительной близости от места жительства, сохранение эстетической ценности заповедников, парков, природных памятников, просто уголков дикой природы, безопасность продуктов питания, предметов потребления, источников энергии. Это требует внесения коррективов в природоохранную политику, которая, по образному выражению авторов «Белой книги по окружающей среде», формировалась еще в «эпоху дымящих труб» и была ориентирована преимущественно на ликвидацию загрязнения, а не на сознательное строительство здоровой и гармоничной окружающей среды.

Уже в первой половине 80-х гг. Управление по вопросам окружающей среды приступило к разработке «перспективных направлений экологической политики XXI в.». Формулируя основные требования к ней, УВОС исходит из того, что главными факторами, которые влияют на постановку проблем природного окружения, являются изменения, происходящие в экономике, дальнейшая урбанизация, ускорение НТП, повышение требований населения к сохранности природы и качеству жизненной среды, усиление международной ответственности за среду. В этих условиях, по мнению экспертов УВОС, необходимо дальнейшее развертывание экологических мероприятий комплексного, экосистемного характера, более тесное увязывание их с урбанизацией, научно-технической, экономической политикой страны. Исходя из того что последствия развития новых технологий, производств, видов энергии могут оказывать необратимое отрицательное влияние на природу, экологическая политика в будущем, по мнению УВОС, все более должна строиться на принципе предупреждения, недопущения ущерба среде²⁰.

УВОС Японии не только разрабатывает методические основы этапа экологической политики, но и предпринимает некоторые конкретные шаги ее переориентации в соответ-

ствии с современными требованиями. Совершенствуется экологическое законодательство. Например, в закон о контроле над химическими веществами 1973 г. внесены дополнения, касающиеся новых видов веществ, ранее не применявшихся в производстве. Принципиально важными являются попытки УВОС распространить систему предварительной экологической оценки не только на новое строительство, но и на развитие новых производств. С 1984 г. управление начало реализацию специальной программы и разработало в ее рамках «Руководство по обеспечению безопасности окружающей среды в производстве интегральных схем»²¹.

Однако трезвый и реалистический подход УВОС к проблемам окружающей среды и экологической политике, поддерживаемый прогрессивными силами страны, оппозиционной печатью, встречает резкое сопротивление промышленных компаний, ряда влиятельных министерств и ведомств. Не желая мириться с каким-либо ограничением экологического порядка и ссылаясь на улучшение состояния среды во второй половине 70-х гг., монополии поспешили объявить природоохранную политику временной мерой, необходимость в которой постепенно отпадает. Компании начали сокращать свои расходы на экологические цели, к середине 80-х гг. их капиталовложения в очистное оборудование составили лишь около половины тех сумм, которые ежегодно выделялись десятилетие назад. Ссылаясь на коммерческую тайну, некоторые компании препятствуют контролю за применением химических веществ на их предприятиях.

В этих условиях население Японии требует от правительства последовательности и большей гласности в решении назревших проблем окружающей среды, более жесткого контроля за эксплуатацией природных ресурсов, справедливого распределения природоохранных расходов.

¹ In: Environmental policies in Japan. 1977, p. 11.

² А. Сё дзи, К. Миямото. Разрушение окружающей среды в Японии. Токио, 1975, с. 4. (на япон. яз.).

³ Белая книга по окружающей среде. 1976. Токио, 1976, с. 397—398.

⁴ «Environment», 1973, № 10, p. 8—9.

⁵ Белая книга по окружающей среде. 1980. Токио, 1980, с. 50; С. Цуру. Конец японского «экономического чуда». М., 1981, с. 184 (пер. с япон.); Г. С. Гудожник. НТР и экологический кризис. М., 1975, с. 97.

⁶ «Мировая экономика и международные отношения», 1975, № 2, с. 45.

⁷ Болезнь «минамата» была впервые зафиксирована еще в 1953 г. в городе Минамата (префектура Кумамото). Связана с отравлением ртутью, выбрасывавшейся в залив с неочищенными сточными водами химическим заводом компании «Тиссо». По мнению специалистов, болезнью «минамата» поражены в той или иной степени до 100 тыс. жителей префектур Кумамото и Кагосима.

Болезнь «нтай-нтай» («больно-больно») вызывается отравлением кадмием. Впервые была зарегистрирована в префектуре Тояма, где жители использовали для орошения полей отравленную воду из реки Дзинцу, куда сбрасывал сточные воды завод компании «Мицуи».

«Астма Еккаити» впервые отмечена в портовом городе Еккаити. Представляет собой заболевание дыхательных путей, вызываемое загрязнением воздуха двуокисью серы.

⁸ Японская статистика не позволяет выделить расходы населения на экологические цели, они учитываются вместе с государственными. Подсчеты проведены по данным «Белой книги по окружающей среде», выпуск с 1971 по 1986 г.

⁹ «Technocrat», 1978, № 7, p. 21—23.

¹⁰ Белая книга по окружающей среде. 1986. Токио, 1986, с. 137, 143.

¹¹ Там же, с. 513—516.

¹² «Дзю минсю. Сэйсаку гэппо», 1976, № 8, с. 96—97; «Когай то тайсаку», 1988, № 11, с. 11.

¹³ Ппм — международный показатель концентрации вещества в среде, частей на миллион.

¹⁴ Средние данные общенациональной сети мониторинга.— См.: «Когай то тайсаку», 1988, № 11, с. 38—39.

¹⁵ Там же, с. 42.

¹⁶ «Asahi Evening News», 2.VIII.1986; «The Daily Yomiuri», 13, 14.V.1986.

¹⁷ «Asahi Evening News», 7.I.1983.

¹⁸ «Правда», 19.X.1987.

¹⁹ In: J. W a t a n u k i. Politics and Ecology. Tokyo, 1984, p. 10, 13.

²⁰ Белая книга по окружающей среде. 1986, с. 73—75.

²¹ Там же, с. 125.

Поучительный опыт

(экономическое сотрудничество между СССР и КНДР)

*В. И. МОИСЕЕВ,
кандидат экономических наук*

Все годы существования Корейской Народно-Демократической Республики Советский Союз является ее основным торгово-экономическим партнером. Сотрудничество наряду с упорным созидательным трудом корейского народа по существу определило возможность становления народнохозяйственного комплекса КНДР в столь исторически короткий срок.

Более чем 40-летний период экономического сотрудничества позволяет подвести некоторые итоги, проанализировать накопленный опыт, а также наметить новые направления работ, исходя уже из нынешнего понимания задач и целей двусторонних торгово-экономических связей. Вместе с тем с позиций сегодняшнего дня нетрудно увидеть и просчеты, причем не только в организации, направлениях и формах сотрудничества, но и в их проекции на народное хозяйство КНДР, поскольку, если мы отмечаем решающую роль СССР в развитии экономики страны, — а это действительно так — то, естественно, не можем не относить в определенной степени на свой счет и упущения.

Основными формами экономических связей между нашими странами являются торговля и инвестиционное сотрудничество. Ныне в КНДР при содействии Советского Союза построено, реконструировано и восстановлено свыше 70 народнохозяйственных объектов в области электроэнергетики, горнодобывающей промышленности, черной и цветной металлургии, химии, промышленности строительных материалов, нефтепереработки, машиностроения, текстильной и пищевой промышленности, транспорта и связи. На них производится около 60 % всей электроэнергии, 30 % стали и проката черных металлов, 10 % кокса, 50 % нефтепродуктов, 13 % химических удобрений, 19 % тканей, добывается 40 % железной руды¹. Советскими организациями передано около 2800 комплектов технической документации, по которой только в машиностроении освоено производство грузовых автомобилей, тракторов, судов и судовых двигателей, экскаваторов, бульдозеров, электродвигателей, генераторов, а также различных видов оборудования².

Уже один перечень отраслей сотрудничества между нашими странами свидетельствует о том, что задача специализации или концентрации средств и усилий в определенных областях, а следовательно, и создания в КНДР экспортных производств, не ставилась. Равным образом не учитывались и проблемы оптимизации объемов производства той или иной продукции, инфраструктурного, кадрового обеспечения. Если в 40—50-е гг. такая разнонаправленность экономических связей была в какой-то мере оправдана, поскольку шло восстановление разрушенного хозяйства сначала при освобождении Кореи, а затем в результате корейской войны 1950—1953 гг., и страна нуждалась во всем, то в последующем она вела лишь к созданию в КНДР многоотраслевой замкнутой экономики.

Такой подход к сотрудничеству обуславливался, с одной стороны, бытовавшей долгое время и существующей в КНДР и поныне теорией необходимости создания в каждой социалистической стране «независимой» экономики, базирующейся на тяжелой промышленности, как средства защиты революционных завоеваний и ограждения от влияний международного капиталистического рынка, а с другой — отсутствием у сторон четкой долговременной программы хозяйственных связей, что сводило механизм сотрудничества к удовлетворению по мере возможностей тех или иных просьб КНДР, зачастую без

учета экономической целесообразности. Показателен в этом плане пример Рёнсонского подшипникового завода, рассчитанного на выпуск 10 млн. подшипников в год¹. Введенный в строй действующих в 1985 г. (межправительственное соглашение о его сооружении было подписано, кстати, еще в 1970 г.), этот завод с тех пор работает не более чем на 15 % своей мощности, поскольку «выяснилось», что у корейской стороны нет необходимых стальных заготовок для изготовления подшипников, а также отсутствует как внутренний, так и внешний рынок их сбыта. Перспективы оснащенного по последнему слову техники современного предприятия столь же не ясны.

Очевидно, что подобная модель сотрудничества не способствовала наращиванию экспортного потенциала КНДР. В 70—80-е гг. соотношение среднегодовых темпов прироста ее экспорта и национального дохода составило приблизительно 1,2, тогда как в европейских странах — членах СЭВ — от 1,7 до 2,1. Объем корейского экспорта в расчете на душу населения составляет сейчас около 60 руб., или от 5 до 15 % уровня европейских социалистических стран. Доля экспорта в национальном доходе не превышает 10 %⁴.

Созданию условий для более активного вовлечения КНДР в международное разделение труда, расширению ее экспортных возможностей призвано способствовать сотрудничество с СССР на компенсационной основе. На таких условиях в конце 70-х — начале 80-х гг. в КНДР были введены в эксплуатацию заводы эмалированных проводов (550 т), микроэлектродвигателей (1 млн. шт.), автомобильных аккумуляторов (1,1 млн. шт.), цеха холодной (400 тыс.) и горячей (910 тыс. т) прокатки стального листа на металлургическом заводе им. Ким Чака. При этом имелось в виду, что в Советский Союз будет поставляться не менее 80 % производимых аккумуляторов и эмальпроводов и не менее 60 % микроэлектродвигателей не только в погашение кредитов на сооружение этих предприятий, но и в течение длительного времени по клирингу для сбалансирования расчетов с нашей страной⁵.

В целом эта форма связей оправдывает себя: ежегодно в нашу страну поступает продукция этих предприятий на 60—70 млн. руб. Однако предусмотренного количества продукции они по разным причинам не дают. В 1988 г. в СССР поставлено только 566 тыс. аккумуляторов и 390 тыс. микроэлектродвигателей. Эмальпровода (как не отвечающие нашим стандартам) в последние годы вообще не поставляются.

Недостаточная проработка технико-экономического обоснования строительства, вопрос сбыта, отсутствие увязки с другими отраслями экономики КНДР, учета инфраструктурного обеспечения, в первую очередь электроэнергией и промышленным теплом, привели к тому, что заводы работают неритмично, а для эксплуатации аккумуляторного завода Советский Союз, например, вопреки первоначальному соглашению, вынужден предоставлять до 30 видов сырья и технологических материалов⁶. В последние годы на заводе наблюдается нехватка свинца — основного сырья для производства аккумуляторов. Предприятие так и не выведено на проектную мощность. (В этой связи представляется необоснованной постановка вопроса о расширении завода в полтора раза.) Поставки технологических материалов осуществляются и для завода микроэлектродвигателей.

Особого внимания заслуживают вопросы качества выпускаемой в КНДР продукции, в первую очередь на предприятиях, построенных с нашей помощью, ее соответствия требованиям сегодняшнего дня. Длительные сроки сооружения объектов — как правило, более 10 лет — в ряде случаев приводят к моральному старению продукции уже к моменту пуска завода в эксплуатацию. Так, производство аккумуляторов (завод пущен в 1983 г.) требует перехода на современные полипропиленовые моноблоки, микроэлектродвигатели для холодильников (пуск первой очереди предприятия осуществлен в 1984 г.) не производятся и не закупаются по причине изменившихся у нас требований. В силу этого стоит вопрос о перепрофилировании производства.

Более того, необходимо иметь в виду, что переданная в свое время советская техническая документация на производство промышленной продукции относится в основном к послевоенным разработкам. Модернизация этой продукции, а также построенных при нашей помощи народнохозяйственных объектов осуществляется главным образом за счет национализации, на собственной научно-технической базе. Так, в КНДР до сих пор выпускаются грузовики на основе советских ГАЗ-51, КраЗ-214, ГАЗ-69, тракторы типа «Владимирец-28», давно снятые в Советском Союзе с производства. При этом весь годовой выпуск автомобилей не превышает 10 тыс. шт., а их пробег до капитального ремонта составляет около 50 тыс. км.

Таким образом, очевидно, что советско-корейское экономическое сотрудничество нуждается в продуманной долгосрочной программе, учитывающей не только взаимовыгодность двусторонних связей, но и пути оптимального развития народного хозяйства КНДР с точки зрения ресурсного и материального обеспечения этих связей, отраслевой приоритетности, наращивания экспортного потенциала республики, а также вопросы максимальной интеграции корейской экономики с советским Дальневосточным экономическим районом на основе взаимодополняемости.

Существующий проект программы на период до 2000 г.⁷ вряд ли, на наш взгляд, отвечает всем этим требованиям в силу того, что, во-первых, в нем в основном фиксируются уже отработанные направления и достигнутые договоренности по вопросам сотрудничества, а, во-вторых, даже если эта программа будет сформулирована в самое ближайшее время, то все равно она не будет отвечать задачам именно долгосрочного планирования. Речь, по-видимому, должна идти о программе наших связей минимум до 2005 г. (подобные программы с другими братскими странами охватывают, как правило, 15-летний период).

Весьма важно, чтобы принятию решения об осуществлении того или иного хозяйственного проекта в рамках сотрудничества предшествовало тщательное его технико-экономическое обоснование. Сейчас же пока практика другая: проработка ТЭО идет после подписания межправительственных и ведомственных соглашений о сотрудничестве на основе предложений корейской стороны.

Кроме того, при определении форм и направлений экономических связей между нашими странами необходимо, думается, исходить из того, что по уровню экономического развития КНДР можно отнести к среднеразвитым странам мировой социалистической системы. Произведенный национальный доход в расчете на душу населения составлял в середине 80-х гг. около 40 % усредненного уровня европейских стран — членов СЭВ, производство электроэнергии — 35, стали — 45, зерна — 50 %⁸. Но вместе с тем не будучи членом СЭВ, республика не имеет каких-либо привилегий в сотрудничестве, в отличие, например, от Кубы и Монголии, имеющих сопоставимые экономические показатели. По существу уже на нынешнем этапе от связей с КНДР ожидается такая же эффективность, как и от связей СССР с европейскими социалистическими странами, что представляется необоснованным. Взаимовыгодность сотрудничества должна, на наш взгляд, рассматриваться не только и не столько по состоянию на сегодняшний день, а с учетом перспективы. Чем выше экономический и научно-технический потенциал партнера, тем больше и отдача от сотрудничества с ним.

Следовало бы, видимо, в рамках имеющихся обязательств Советского Союза обратить приоритетное внимание на содействие подтягиванию электроэнергетики, транспорта, горнодобывающей промышленности, научно-технического уровня при одновременной нормализации работы имеющихся компенсационных предприятий и строительстве новых на этих же условиях для расчета по предоставленным кредитам, в том числе завода огнеупоров мощностью 150 тыс. т в год, поставки продукции с которого ежегодно могут достигать 40 млн. руб., и свинцово-цинкового рудника Ынха (расширение до 2.4 млн. т в год). Все это создает необходимые условия для внедрения новых прогрессивных форм: производственной кооперации, прямых связей, создания совместных предприятий и международных объединений, а со временем и для решения кредитно-финансовых проблем между СССР и КНДР. Вместе с тем необходимо учитывать, что эти объекты по плану должны были быть введены в эксплуатацию в 1980—1990 гг., однако их сооружение затягивается.

По нашему мнению, топливно-энергетическая проблема является наиболее серьезной для народного хозяйства КНДР. Дефицит этих ресурсов относится к одному из основных факторов, сдерживающих адекватное использование в стране созданных производственных мощностей. В условиях отсутствия месторождений нефти на территории республики и ее морском шельфе уголь является основным топливом для страны. В то же время его добыча в объеме около 55 млн. т⁹, по расчетам, лишь на две трети удовлетворяет потребности экономики. Решение задачи по добыче к концу текущей семилетки (1987—1993) 120 млн. т угля (не будем говорить о возможности реализовать ее за столь короткий срок без содействия со стороны других стран), по-видимому, снимет напряженность в обеспечении народного хозяйства этим видом топлива, хотя прирост планируется обеспечить главным образом за счет увеличения добычи низкокалорийных углей.

Значительно отстает от потребностей экономики развитие электроэнергетики КНДР.

Ежегодная ее выработка составляет около 33 млн. кВт. ч¹⁰, что при существующей энергоемкости производства обеспечивает страну приблизительно на 70 % со всеми вытекающими отсюда проблемами для работы промышленности, бытового и коммунального потребления. Причем характерно, что если с 1960 по 1970 г. объем производства электроэнергии в расчете на душу населения увеличился в 1,5 раза, то за последующие 15 лет — к 1985 г. — только в 1,4 раза и составлял 1,7 тыс. кВт. ч. Для сравнения отметим, что в период 1970—1985 гг. среднедушевое производство электроэнергии в Болгарии выросло в 2,1 раза и достигло 4,7 тыс. кВт. ч., для Румынии эти цифры равнялись соответственно 1,9 и 3,2, для Венгрии — 1,8 и 2,5¹¹.

Таким образом, концентрация усилий Советского Союза в соответствии с имеющимися межправительственными соглашениями (декабрь 1985 г.) на строительстве атомной электростанции мощностью 1,76 млн. кВт, Восточно-Пхеньянской ТЭЦ (первая очередь — 200 тыс. кВт) и ТЭС в Анчжу (1,2 млн. кВт)¹², что почти в полтора раза увеличит установленные мощности электростанций, в значительной мере способствовала бы оздоровлению экономики страны и соответственно позволила бы рассчитывать на больший эффект в сотрудничестве с КНДР. Необходимо также продумать возможность модернизации на основе современной технологии ранее построенных с нашей помощью электростанций (общая установленная мощность около 3 млн. кВт).

Узким местом советско-корейского сотрудничества является его транспортное обеспечение. Причем трудности вокруг единственного связывающего наши страны железнодорожного перехода Хасан — Туманган будут, как показывает практика, нарастать по мере расширения связей КНДР с советским Дальним Востоком. Требуется расширение обеих погранстанций, их техническое переоснащение, обустройство на территории республики разгрузочных терминалов для массовых грузов с прокладкой до них принятой у нас колеи. В этом направлении уже принимаются меры: Дальневосточная железная дорога предоставила Северной железной дороге КНДР в обмен на стальной лист паровозы, тепловозы, рельсы для прокладки широкой колеи от Раджина до Чхончжина. Силами корейских рабочих на станции Хасан возводятся жилые дома для населения¹³. Однако заметных сдвигов в работе железнодорожного перехода пока не наблюдается, поскольку причины сложившегося положения гораздо глубже и коренятся, по нашему мнению, в общем состоянии транспорта в КНДР.

Наряду с совершенствованием работы железнодорожного транспорта назрело, по-видимому, время и для организации автомобильных перевозок между СССР и КНДР. Учитывая стабильные поставки советской нефти в республику для переработки на построенном при нашем содействии заводе в Сонбоне, близ советско-корейской границы, можно было бы подумать о передаче ее по совместно построенному трубопроводу, что почти на четверть сократило бы грузопоток через переход Хасан — Туманган.

Наше научно-техническое сотрудничество, несмотря на его нарастающий объем, в последние годы, можно сказать, носит мозаичный, ознакомительный характер. Ему недостает целевого назначения осуществляемых работ, выхода на конечный результат. Кроме того, представляется неоправданным отсутствие тесной координации научных связей между ГКНТ и Академией наук СССР, отраслевыми академиями, увязки их с потребностями развития экономических отношений в целом. Представляется, что передача этих связей под эгиду МВЭС позволила бы устранить имеющиеся недостатки. К этой проблеме тесно примыкает вопрос подготовки в СССР национальных корейских кадров. На основе взаимной договоренности ему также нужно было бы придать целенаправленность.

Значительный круг проблем формируется в советско-корейских экономических отношениях в связи с внедрением в практику новых форм сотрудничества. С одной стороны, они являются следствием и продолжением не решенных вопросов в ходе нашего сотрудничества в целом, поскольку нехватка электроэнергии, топлива, транспортные затруднения, недостаточный технологический и научно-технический уровень не могут не отражаться на производстве в каком бы организационном виде оно ни осуществлялось. С другой — порождены спецификой этих форм, отсутствием у обеих сторон должного опыта в их организации, различиями в хозяйственных механизмах, а порой — просто торопливостью.

На крупные объемы нацелены наши кооперационные связи в области производства товаров легкой промышленности. Сейчас свыше 100 корейских швейных фабрик, получая советские ткани, материалы и оборудование, поставляют готовую продукцию в Советский Союз. Около 20 из них имеют договоры о прямых связях с советскими партнерами, что, кстати, при действующем в КНДР хозяйственном механизме является для этих фабрик простой формальностью, поскольку они лишены какой-либо самостоятельности. Очевидно, что новая прогрессивная форма сотрудничества сама по себе не даст результатов без учета конкретных условий.

Кроме того, на наш взгляд, вряд ли оправданны из-за большой удаленности друг от друга связи между корейскими предприятиями и советскими фабриками в Москве, Ленинграде, подключение к этому сотрудничеству Минлегпрома Украины¹⁴.

Особого внимания заслуживают вопросы обеспечения качества и ассортимента изделий. Предоставление наших лекал, присутствие советских специалистов на корейских фабриках не может гарантировать высококачественное изготовление, модный ассортимент продукции и надлежащее обучение местного персонала, поскольку не секрет, что наша страна далека от передовых позиций в этой области, мы сами сейчас активно перенимаем зарубежный опыт. Не всегда отвечают требованиям по качеству, расцветке и т. д. ткани, материалы, срываются сроки их поставки, имеются трудности с разгрузкой контейнеров в КНДР.

Что же касается советского оборудования, поставленного в КНДР для наращивания производства, то также не секрет, что оно и по качеству, и по своим технологическим возможностям значительно отстает от передового, которым, как известно, сейчас оснащаются наши фабрики. Таким образом, создается впечатление, что советско-корейское сотрудничество в области швейной промышленности уже изначально не нацелено на получение высококачественной продукции, конкурентоспособной на нашем рынке, поскольку со временем разрыв между технической оснащенностью советских и корейских фабрик, между советским и корейским опытом будет все более возрастать и соответственно будет увеличиваться разрыв и в качестве.

Было бы целесообразно в связи с этим не стремиться к увеличению объемов поставок швейных изделий из КНДР, тем более что планы поставок все равно не выполняются (1988 г. — 66 %), а сосредоточиться на качественных показателях, которых можно добиться, в частности, привлечением к этому сотрудничеству «третьего» партнера, имеющего современное швейное оборудование и надлежащий опыт работы в той отрасли производства.

Повышению качества сотрудничества в производстве товаров легкой промышленности способствовала бы передача всех операций в этой области (обеспечение сырьем, вопросы ассортимента, закупка и т. п.) Минлегпрому СССР, поскольку сейчас часть этого сотрудничества осуществляется по годовым протоколам о торговле и платежах и курируется соответственно министерством внешнеэкономических связей.

Будущее советско-корейских связей в легкой промышленности в значительной мере зависит от качества продукции, обеспечения предприятий КНДР современным технологическим оборудованием, повышения квалификации корейских швейниц, ритмичной поставки советских давальческих материалов.

Нашими странами предпринимаются усилия для налаживания новых форм связей в области станкостроения. В 1987 г. достигнута договоренность о создании на территории КНДР совместного предприятия «Хичхон — Горький» по производству 5 тыс. фрезерных станков для удовлетворения своих потребностей, а также для экспорта в другие страны. В том же году подписано соглашение об учреждении международного объединения «Иваново — Хичхон» по выпуску обрабатывающих центров и станков с числовым программным управлением¹⁵. Пока трудно говорить о конкретных результатах деятельности этих предприятий. Работа только налаживается, строятся корпуса, идут поставки оборудования, осуществляется обучение в СССР корейских рабочих и специалистов. На проектную мощность они должны выйти к 1992 г. Можно лишь отметить, что Горьковское и Ивановское станкостроительные производственные объединения выбрали себе в партнеры станкостроительный завод в Хичхоне, который возведен в начале 50-х гг. при содействии ЧССР¹⁶.

В стадии становления находится и совместное предприятие по выпуску импульсно-волновой техники, соглашение о создании которого подписано в 1988 г. московским

межотраслевым внедренческим центром «Импульс» и внешнеторговым обществом КНДР «Илсолби».

Взаимозаменяемости экономик способствует сотрудничество в области использования трудовых ресурсов КНДР. Положительный опыт уже есть. Ограниченность пригодных для земледелия площадей в республике при наличии свободной рабочей силы позволяют привлекать ее к сельскохозяйственным работам на территории СССР. В прошлом году граждане республики выращивали овощи и сою в Приморском крае и Амурской области. За труд своих рабочих корейская сторона получает сою, ряд других товаров, овощи же сдаются советским заготовительным организациям.

Силами корейских рабочих с 1967 г. в районах Дальнего Востока заготавливаются лес и технологическая щепка, которые в определенной пропорции остаются в СССР как компенсация за предоставленные лес, машины и механизмы, а также поступают в КНДР, удовлетворяющей за счет этого свои потребности в лесоматериалах более чем наполовину¹⁷. В настоящее время прорабатываются вопросы создания в районах заготовок совместных деревообрабатывающих предприятий. Имеющиеся в этом виде сотрудничества проблемы с корейской стороны носят, по нашему мнению, скорее юридический и этический характер, чем экономический, тем более что и они имеют, в конечном счете, наши, отечественные корни¹⁸.

Не может потерять значения для наших экономических отношений и торговля. Советский Союз является для КНДР одним из основных поставщиков машин и оборудования, транспортных средств, нефти и нефтепродуктов, кокса и коксующегося угля, хлопка, товаров народного потребления. Со своей стороны республика по некоторым товарам в значительной степени удовлетворяет импортные потребности СССР. Так, удельный вес в общем объеме импорта поставляемого из КНДР магнетитового порошка составляет около 90 %, хлорной извести — 48, цемента — 30, крахмала — 20, проката черных металлов — 5 %¹⁹. Сбалансированность торговли может быть достигнута за счет нормализации работы компенсационных предприятий, использования трудовых ресурсов КНДР на советской территории, а также регулирования кредитно-финансовых вопросов.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что советско-корейское экономическое сотрудничество может и должно быть взаимовыгодным. Оно является составной частью наших усилий по расширению торгово-экономических связей с социалистическими государствами, со странами азиатско-тихоокеанского региона. Вместе с тем оно должно строиться гибко, с использованием адекватных народнохозяйственным возможностям и хозяйственному механизму КНДР форм.

¹ В. Денисов, В. Монсеев. КНДР — 40 лет. — М., 1988. — С. 51.

² Корейская Народно-Демократическая Республика. — М., 1985. — С. 188.

³ Экономическая газета. — 1986. — № 21. — С. 20.

⁴ Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ. — 1986. — № 7. — С. 105—106.

⁵ Корейская Народно-Демократическая Республика. — С. 180—182.

⁶ Экономическая газета. 1983. — № 33. — С. 20.

⁷ Внешняя торговля СССР. — 1988. — № 4. — С. 15.

⁸ В. Денисов, В. Монсеев. Указ. соч. — С. 10—11.

⁹ Там же. — С. 12.

¹⁰ Там же.

¹¹ Рассчитано по: Г. В. Грязнов. Строительство материально-технической базы социализма в КНДР. — М., 1979. — С. 103; Статистический ежегодник стран — членов СЭВ. — М., 1986. — С. 8, 73.

¹² Экономическая газета. — 1986. — № 8. — С. 21; Проблемы Дальнего Востока. — 1986. — № 3. — С. 187.

¹³ См.: Известия. — 1988. — 29 декабря.

¹⁴ См.: Экономическая газета. — 1988. — № 11. — С. 23.

¹⁵ См. там же.

¹⁶ Там же. — 1985. — № 36. — С. 21.

¹⁷ См.: В. Денисов, В. Монсеев. Указ. соч. — С. 53.

¹⁸ См.: Комсомольская правда. — 1989. — 5 февраля.

¹⁹ В. Денисов, В. Монсеев. Указ. соч. — С. 51.

Япония — КОКОМ: двойной подход

*М. И. КРУПЯНКО,
кандидат экономических наук*

Происходящие в СССР политические реформы и процесс оздоровления экономики, поворот в сторону укрепления ее материально-технического и научного фундамента по-разному воспринимаются в политических кругах ведущих капиталистических держав, в том числе и Японии. Некоторая их часть приветствует перестройку, видя в ней реальный путь к снижению угрозы ядерного столкновения и расширению возможностей для взаимовыгодного сотрудничества.

Справедливость подобной оценки нашла свое подтверждение в итогах состоявшегося в декабре прошлого года визита министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе в Японию. В совместном советско-японском коммюнике четко выражено стремление к тому, чтобы в советско-японских отношениях была открыта новая глава. Подчеркивается готовность обеих стран содействовать дальнейшему расширению торгово-экономических отношений между СССР и Японией на взаимовыгодной основе с учетом экономической перестройки в Советском Союзе и структурных изменений в экономике Японии.

Вместе с тем многие на Западе считают, что выполнение Советским Союзом поставленных задач значительно укрепит его положение на международной арене и тем самым может представлять угрозу национальной безопасности западного мира. Кроме того, как полагают в этих кругах, успех перестройки может ослабить политическое и экономическое единство капиталистических стран, поскольку СССР выйдет на их внутренние рынки. Поэтому делается вывод о том, что национальным интересам Запада отвечает неуспех или по меньшей мере сдерживание темпов реализации социально-экономической политики, проводимой СССР.

Чтобы «помочь» этому, некоторые страны НАТО, а также Япония используют целый арсенал разнообразных средств, среди которых важное место занимает ограничение передачи СССР передовой технологии.

Осуществление этой задачи возложено на КОКОМ (COCOM — Coordinating Committee of East — West Trade Policy — Комитет по координации торговой политики между Востоком и Западом) — международную организацию по контролю над экспортом в СССР и другие социалистические страны стратегической продукции. В нее входят 15 государств НАТО и Япония.

Японское правительство вступило в КОКОМ под прямым давлением США в ноябре 1952 г., а в марте 1954 г. подписало с США Соглашение о помощи по программе взаимного обеспечения безопасности, в соответствии с которым Япония не может выйти из комитета, не расторгнув предварительно данное соглашение. Пункт «Д» Соглашения о помощи налагает на японское правительство обязательства по контролю за экспортом в страны, представляющие потенциальную угрозу национальной безопасности Японии и Соединенных Штатов.

Позиция Токио в вопросе участия в КОКОМ отличается своеобразием и формируется под воздействием противоречивых факторов. С одной стороны, сильное влияние на нее оказывает экономическая заинтересованность предпринимательских кругов Японии в более полном использовании возможностей рынка СССР и других социалистических стран для экспорта современной, наукоемкой продукции, изготовленной на японских предприятиях, или с использованием японской технологии и капитала в третьих странах. С учетом этого в конце ноября 1988 г. правительство Японии приняло решение о смягчении действующих в стране дискриминационных ограничений КОКОМ. Решение

распространилось на 32 вида товаров, поставки которых в СССР и другие государства Восточной Европы ранее были запрещены. После внесения соответствующих изменений в законодательство японские фирмы смогут без получения предварительного разрешения экспортировать на рынки социалистических стран некоторые виды компьютеров, транзисторов и интегральных схем, а также видеозаписывающую аппаратуру и дисковые носители информации. На очереди вопрос о снятии ограничений еще на 17 категорий промышленных изделий, среди которых машинное оборудование и частотные синтезаторы¹.

С другой стороны, японское правительство не может игнорировать стратегические интересы Соединенных Штатов и в рамках военно-политического союза с ними вынуждено выполнять обязательства по сдерживанию экспорта в СССР технически сложной продукции и передовой технологии, включая технологию двойного назначения (применяется в производстве как гражданской, так и военной продукции).

На первый взгляд может показаться, что Япония проявляет повышенную бдительность в вопросах передачи технологических секретов, заботясь исключительно о своей стратегической безопасности. Думается, однако, что не только и не столько оборонные соображения побуждают сегодня Токио активизировать свое участие в деятельности КОКОМ. Главная причина заключается, на наш взгляд, в попытке любым способом помешать социалистическим странам опередить (пусть даже в отдаленной перспективе) Японию на рынке новейших технологий — на том рынке, где она сама стремится захватить лидирующие позиции еще до конца текущего столетия, что позволит Токио повысить и политический вес в мировом сообществе. В 80-е гг. все более отчетливо стала проявляться тенденция перехода в соперничестве между ведущими мировыми державами от количественного наращивания вооружений к соревнованию по качественному наполнению экономической и научно-технической мощи. Другими словами, борьба сместилась в область экономического и научно-технического соперничества.

Как отмечают в этой связи японские специалисты по проблемам отношений с социалистическими государствами, научный сотрудник Ассоциации по торговле с СССР и восточноевропейскими социалистическими странами Тэруни Судзуки и политический обозреватель газеты «Асахи» Ёсио Мураками, Япония заинтересована в укреплении КОКОМ, ибо опасается Советского Союза как потенциально сильного конкурента в области новейшей технологии в передовых отраслях научно-технического прогресса². Успешный запуск советского космического корабля многократно использования «Буран» в ноябре 1988 г., другие космические программы свидетельствуют о серьезных качественных прорывах и больших потенциальных возможностях социалистических стран в этих направлениях НТП.

Стало быть, именно интересы конкурентной борьбы на рынке передовой технологии в первую очередь толкают Японию на ужесточение мер в области технологического обмена с СССР и другими социалистическими странами. Факты последнего времени свидетельствуют о том, что японское правительство разрабатывает новый комплекс мероприятий по повышению эффективности системы контроля за экспортом в СССР и другие социалистические страны наукоемкой продукции и новейшей технологии.

Прежде всего это нашло свое выражение в разработке правовой основы, юридических документов, ужесточающих процедуру получения экспортных лицензий при торговле с СССР и другими социалистическими странами. Это значит, что Япония впредь берет перед КОКОМ юридические обязательства, хотя ранее ее отношения с этой международной организацией строились на основе «джентльменских соглашений». В соответствии с поправками к Закону о контроле над валютными операциями, утвержденными парламентом Японии в августе 1987 г., от фирм-экспортеров отныне будет требоваться соблюдение следующих правил:

а) предоставлять основной текст предполагаемого контракта с социалистическими странами в МВТП для получения визы или для согласования неясных вопросов;

б) помимо МВТП, контракт должен непременно иметь соответствующую визу других заинтересованных государственных учреждений;

в) каждая фирма-производитель или экспортер промышленной продукции в социалистические страны должны иметь у себя списки КОКОМ и руководствоваться ими в своей внешнеторговой практике.

В фирмах создаются специальные отделы по контролю за экспортом. Однако наличие такого отдела внутри фирмы не освобождает ее от всех формальностей по

получению визы в МВТП. Виза на экспорт товара действительна в течение 5 лет, далее ее необходимо продлить.

В целях повышения действенности системы контроля за экспортом наукоемкой продукции в СССР разработаны меры уголовной ответственности руководителей японских фирм, нарушающих регламентации КОКОМ. Согласно прежнему уголовному законодательству, власти не могли предъявить обвинения фирме, нарушившей правила КОКОМ. Однако 26 августа 1987 г. японский парламент одобрил законопроект о привлечении к уголовной ответственности и наказании сотрудников отечественных фирм, виновных в нарушении списков КОКОМ³. Статья 25 этого закона (параграфы 48 и 69) гласит: фирма может осуществлять экспорт в «особые районы» (токутэй тиики), под которыми подразумеваются СССР, Афганистан, НРБ, Куба, ЧССР, ГДР, ВНР, КНДР, МНР, ПНР, СРР, СРВ, а также ЮАР и страны, вовлеченные в вооруженные конфликты, только получив предварительное заключение МВТП как по конкретным статьям экспорта, так и в отношении конкретных стран, куда этот экспорт направляется; в случае нарушения законодательства руководителям фирмы грозит уголовное наказание в виде исправительно-трудовых работ сроком до 5 лет и штраф за каждую незаконную сделку в размере 2 млн иен⁴. Таким образом, ужесточение системы контроля ныне перенесено на уровень фирм, для чего разработаны соответствующие конкретные положения о его формах и методах.

Любое нарушение положений означает нарушение Закона о контроле над валютными операциями и внешней торговлей со всеми вытекающими из этого последствиями для производящей или экспортирующей фирмы. И уже в сентябре 1987 г. 36 тыс. ведущих японских производителей наукоемкой продукции поспешили разработать планы по ужесточению контроля за экспортом в социалистические страны.

Новым моментом в политике японского правительства в этой области стало заметное смягчение позиции в отношении КНР. Во-первых, это касается существенного сокращения списка КОКОМ для Китая (если в 1988 г. Токио ограничивало торговлю с СССР и европейскими социалистическими странами 178 позициями промышленных товаров и технологий, то для Китая этот список был сокращен до 142); во-вторых, предусмотрено менее суровое уголовное наказание за нарушение фирмой-экспортером регламентаций КОКОМ (при сделке с КНР оно предусматривает не 5, а 3 года исправительно-трудовых работ); в-третьих, проверка контрактов и выдача лицензий на экспорт в КНР проводится в ускоренном порядке, так как китайская сторона не раз протестовала против задержек поставок продукции по вине МВТП Японии; в-четвертых, материальный ущерб, который может быть нанесен китайской стороне в результате ошибки при определении экспертами КОКОМ возможности вывоза промышленной продукции в КНР, подлежит компенсации за счет средств фирм-поставщиков. В отношении других социалистических стран такая оговорка не предусмотрена⁵.

В целях повышения эффективности контроля за экспортом продукции электронной промышленности в социалистические страны МВТП понизило потолок экспортных сделок на безлицензионной основе в стоимостном выражении до 500 тыс. иен (до августа 1987 г. — 1 млн иен), то есть санкционировало продажу в СССР лишь несложной и недорогой продукции, содержащей электронные компоненты. Все, что имеет стоимость свыше 500 тыс. иен при экспорте в СССР, подлежит проверке экспертами КОКОМ⁶. Разумеется, это не распространяется на те виды сложной техники, которые были исключены из списка КОКОМ в ноябре 1988 г.

Усилился контроль за выдачей выездных виз для поездок в СССР и другие социалистические страны представителей фирм, работающих в области аэрокосмических исследований, лазерной техники, технологии производства подводных лодок, ракетного топлива. Более строгий режим выезда в эти страны стал распространяться и на специалистов по наладке и монтажу современного оборудования. Как писала газета «Майнити», в условиях, когда СССР предпринимает шаги для расширения торговли с Японией и демонстрирует готовность и заинтересованность в этом, приняв законы о смешанных предприятиях (что предполагает производственную кооперацию и с японскими фирмами), подобные ограничительные меры способны привести к сокращению обмена техническими специалистами⁷.

МВТП усилило контроль не только за экспортной деятельностью фирм — производителей электронной и другой наукоемкой продукции, но также и за универсальными торговыми корпорациями, которые осуществляют основной объем торговых операций с

партнерами из СССР и других социалистических стран. Первыми ужесточение контроля почувствовали на своей деятельности фирмы «Вако козки» и «Итотю Сёдзи», которые участвовали в операции по экспорту в СССР фирмой «Тосиба кикай» оборудования и технологии обработки гребных винтов судовых двигателей. По линии МВТП они были строго предупреждены о необходимости тщательного контроля за продукцией, предназначенной к экспорту в СССР. Аналогичные предупреждения получили все ведущие торговые корпорации Японии, оперирующие на внешних рынках.

МВТП стало строже подходить к оценке информации, поступающей от фирм-экспортеров о продукции, предназначенной для вывоза в СССР. Цель подобного шага — свести к минимуму обходные шаги со стороны фирм, заинтересованных в сбыте своей продукции в социалистические страны.

Значительно укреплены штаты инспекционного отдела Управления торговли МВТП, осуществляющего контроль за утечкой технологически сложной продукции в социалистические страны, ранее в этом ведомстве работало 30 человек. Тем самым предполагается заметное повышение эффективности инспекции за реальными товарными потоками, направляемыми в социалистические страны.

Для повышения эффективности принимаемых в последнее время мер контроля за экспортом наукоемкой продукции в СССР к этому процессу было подключено Управление национальной обороны Японии. Военное ведомство впредь будет направлять своих специалистов-техников в штаб-квартиру КОКОМ в Париже на предмет определения содержания в продукции на вывоз в СССР элементов передовой технологии двойного назначения. То же относится и к МИД. Если раньше Япония являлась единственной страной, где МИД и оборонное ведомство не имели права голоса в вопросах контроля за внешней торговлей отечественных фирм, то в настоящее время оба этих правительственных органа наравне с МВТП несут ответственность за соблюдение японскими компаниями правил торговли с социалистическими странами⁸.

В отличие от прошлых лет МВТП впервые организовало контроль за экспортом продукции в СССР, поступающей из смешанных японо-западноевропейских компаний, выпускающих сложные, наукоемкие изделия или поддерживающих тесные кооперационные связи с японскими фирмами. Примером последних может служить норвежская фирма «Конгберг», продавшая СССР математическое обеспечение для обработки гребных винтов на японских фрезерных станках фирмы «Тосиба кикай». Эффективность такого контроля обеспечивается с помощью вновь созданных информационных подразделений в составе универсальных торговых корпораций «Сога сёся», филиалы которых расположены во всех промышленно развитых странах Западной Европы, а также по каналам посольств Японии в этих странах.

Повышению эффективности контроля за экспортом наукоемкой продукции в социалистические страны служит и активизация японо-американского сотрудничества в этой области. Если на протяжении всех послевоенных лет Соединенные Штаты основное внимание уделяли координации действий на многосторонней основе всех стран — членов КОКОМ, то в последние годы явно просматривается их курс и на двустороннее сотрудничество. В начале октября 1987 г. в Токио проходило японо-американское совещание по вопросам укрепления совместных действий в области контроля за экспортом в СССР передовой технологии⁹. В работе совещания от каждой стороны принимали участие высокопоставленные представители МИД, военных ведомств и министерств торговли. Из опубликованного после совещания заявления для печати следует, что соответствующие американская и японская службы стремятся усовершенствовать координацию мер по повышению эффективности контроля за утечкой технологической информации из промышленно развитых капиталистических стран. Стороны признали необходимость увеличить бюджетные ассигнования на эти цели как на национальном уровне, так и в фонд КОКОМ в Париже, а также разработать более действенные меры контроля за экспортом в социалистические страны из стран — нечленов КОКОМ, таких, как Швеция, Швейцария, Австрия, Финляндия и других, достигших высокого технологического уровня развития.

Наконец, было обращено особое внимание на предотвращение утечки технологии из НИС Азии. Заботу об этом взяло на себя японское правительство, направив в октябре 1987 г. в страны азиатско-тихоокеанского региона делегацию специалистов, имевшую цель, как писала газета «Санкэй симбун», придать системе КОКОМ законченный международный характер. «Интересам Японии не отвечает, — подчеркивает га-

зета, — если на смешанных японо-южнокорейских, японо-тайваньских или японо-гайланских предприятиях произойдет утечка запрещенной списками КОКОМ технологически сложной продукции в СССР или восточноевропейские социалистические страны. Поскольку головные конторы многих смешанных предприятий с японским капиталом расположены на территории Японии, то последняя должна нести всю полноту ответственности за любую ошибку в этой области»¹⁰. Таким образом, Япония, по существу, встала сегодня во главе «Азиатского КОКОМ», коль скоро ее капитал и технология широко используются в различных странах АТР и она стремится перекрыть каналы утечки ее из региона в социалистические страны.

Наряду с принятием мер контроля за экспортом в СССР и другие социалистические страны наукоемкой и технически сложной продукции, передовой технологии многие японские фирмы, специализирующиеся на производстве такой продукции, в последнее время все чаще мустируют вопрос о том, что же, собственно, сегодня должно понимать под понятием «наукоемкая продукция и передовая технология», в какой мере то, что выпускается в Японии миллионными экземплярами, целесообразно запрещать к экспорту в СССР даже по стратегическим соображениям, не напрасно ли лишает себя Япония доходов от вывоза такой продукции на рынки социалистических стран и не пора ли вообще японским фирмам и правительству действовать в этой области без оглядки на США.

Эти и другие, связанные с участием Японии в КОКОМ вопросы достаточно широко обсуждаются специалистами, представителями деловых кругов разных стран. Логика рассуждений при этом следующая. В Японии и в Соединенных Штатах существуют различные точки зрения на понятия «сложная продукция» и «передовая технология», которую по стратегическим соображениям надлежит ограничивать к экспорту в СССР и другие социалистические страны. Разночтение возникает в первую очередь из-за того, что в Японии многие виды гражданской продукции, находящиеся в свободной продаже на внутреннем рынке, используются одновременно и в военном производстве. Очевидно, что такое возможно лишь при условии, когда качественный уровень и характеристика технического «ширпотреба» удовлетворяют высоким требованиям, предъявляемым к современной военной продукции.

Так, компоненты лентопротяжного механизма в миниатюрных японских видеомагнитофонах, в частности моторчики на кобальтовом самарии, монтируются в гирокопах головок самонаводящихся ракет, так как удовлетворяют всем техническим характеристикам последних. Эти магнитофоны без ограничений продаются в Японии, а также экспортируются во многие страны, где их легко можно приобрести в обычных магазинах. В то же время до ноября 1988 г. КОКОМ запрещал экспорт в СССР миниатюрных японских видеомагнитофонов.

Другой пример. В Японии свободно продаются дисковые накопители информации, так называемые «заряженные пары», содержащие более 200 тыс. светочувствительных элементов на силиконовом слое и широко используемые для производства видеодисков. Те же диски находят применение в системах наведения ракет благодаря способности хранить большой объем информации. Таким образом, и в этом случае на японском рынке соседствует рядом продукция гражданского и военного назначения. Ограничения КОКОМ на экспорт видеодисков в СССР были предметом недовольства японских фирм, в результате чего в ноябре 1988 г. этот запрет был отменен.

Главная причина сохраняющегося и по сей день различия между японскими и американскими фирмами в понимании смысла ограничений КОКОМ заключается, на наш взгляд, в том, что обе стороны по-разному подходят к подготовке условий для технологических прорывов в военной области. Японские фирмы длительное время «обкатывают» новую идею, новый конструкционный материал на выпуске гражданской продукции массового назначения. Ее производство приносит фирме колоссальные доходы за счет сверхприбыли от реализации технически сложной и новой продукции. Полученные средства фирма без промедления вкладывает в усовершенствование идеи, продукции, технологии. Так, например, новый конструкционный материал — углеродистое волокно, которое в 10 раз легче алюминия и способно выдержать давление в 800 кг на 1 кв. мм, — прошел обкатку при производстве клюшек для игры в гольф, нижная часть которых испытывает большие нагрузки при ударе. Впоследствии фирмы «Торэй» и «Тохо рэйон», основные производители углеродистого волокна на мировом рынке, внедрились материал для изготовления некоторых частей истребителей, испытываю-

щих особые перегрузки в полете. Точно так же металлический сплав с «запоминающим устройством», способный менять форму отливки в зависимости от колебаний температуры окружающего воздуха (важный конструкционный материал для военной промышленности), первоначально широко использовался при изготовлении бюст-гальтеров.

Таким образом, в Японии военная технология обычно не является первоначальной целью, хотя в конечной перспективе фирмы заинтересованы и в военных заказах, что обеспечивает им стабильные и внушительные доходы.

В Соединенных Штатах, напротив, передовая технология с самого начала разрабатывается исключительно для использования в военном производстве. И только впоследствии, если она устаревает или оказывается непригодной для изготовления новых систем вооружений, она подхватывается фирмами, выпускающими гражданскую продукцию. Первые типы для сверхбольших интегральных схем в США были разработаны с целью применения в производстве ракет и в Управлении космическими полетами. В Японии, напротив, они использовались при изготовлении микрокалькуляторов и часов.

В Японии внимательно изучают опыт других промышленно развитых стран в вопросах соблюдения регламентаций КОКОМ, так как не хотят упускать возможности экспорта в СССР и другие социалистические страны продукции, которую «позволяют» себе туда вывозить сами США или страны НАТО. В начале 1988 г. ЕЭС выступило с просьбой к администрации США не применять в дальнейшем по своему усмотрению санкции к иностранным фирмам в случае нарушения ими списков КОКОМ. Речь шла на этот раз о поправке к Закону о торговле США, позволяющему администрации вводить санкции на срок от 2 до 5 лет за подобные нарушения, а также об отмене поправок сенаторов Е. Гарва и Р. Утаха, предложивших лишать фирмы, не соблюдающие правила КОКОМ, государственных заказов США, гарантирующих стабильные и высокие доходы¹¹.

Японское правительство поддержало тогда позицию ЕЭС, и заместитель министра торговли и промышленности в кабинете Я. Накасонэ Синдзи Фурукава заявил, что Токио будет выступать против новых санкций в отношении фирм, нарушивших правила КОКОМ¹².

Японское правительство в последнее время действительно все чаще выступает с пожеланиями и предложениями к США изменить практику КОКОМ, придать ей более гибкий характер, отвечающий современному уровню развития НТП в мире, включая и социалистические страны. Но смысл, которой вкладывает японская сторона в эти изменения, сводится, на наш взгляд, в первую очередь к необходимости усовершенствовать систему контроля технологического обмена с СССР с таким расчетом, чтобы по возможности помешать усилению советского технологического потенциала, затормозить его развитие по тем направлениям НТП, по которым сама Япония рассчитывает быть лидером в ближайшие десятилетия. Проходившая в январе 1988 г. в Париже очередная сессия КОКОМ подтвердила приверженность Японии этому курсу. Судя по проникшим в открытую печать сообщениям о работе сессии, можно в основном представить себе линию поведения Японии на перспективу.

Прежде всего, несмотря на потепление политического климата в отношениях Восток — Запад, Япония, по-видимому, будет продолжать придерживаться курса на ограничение экспорта в СССР и другие социалистические страны передовой технологии, сложной, наукоемкой продукции. Причем контроль будет распространяться не только на товары, технологию, но также и на техническую информацию, способствующую созданию благоприятных условий для технологических прорывов. Представляется вероятной дальнейшая координация действий с США и остальными странами НАТО, с тем чтобы, с одной стороны, повысить эффективность политики контроля, а с другой — не упустить возможность расширения экспорта такой продукции, которую вывозят в социалистические страны США и государства Западной Европы. Просматривается также тенденция к усилению контроля со стороны Японии за торговлей развивающихся стран АТР с СССР и другими социалистическими странами¹³.

Позиция Токио не претерпела изменений и на проходившем в октябре 1988 г. в Париже заседании Исполкома КОКОМ. Как сообщала японская печать, представитель Японии поддержал призыв делегации США усилить режим контроля за экспортом в

Советский Союз и восточноевропейские социалистические страны, если Запад не хочет ослабить свою обороноспособность¹⁴.

По всей вероятности, и за пределами текущего столетия Япония как член западного союза и как великая мировая экономическая держава будет сдерживать технологический обмен с социалистическими странами передовой технологией и сложной, наукоемкой продукцией. В то же время в контексте поступательного развития отношений между СССР и Японией, начало которому положил визит А. Э. Шеварднадзе в Токио в декабре 1988 г., не исключено появление новых, обнадеживающих моментов и в этой области. К тому же японские фирмы, не желая поступаться выгодами от торговли с социалистическими странами, будут стремиться к увеличению экспорта готовой промышленной продукции, к производственной и иной кооперации, к получению более широкого доступа на их технологические рынки. Таким образом, в обозримом будущем реально сохранение двойного стандарта в отношениях Япония — КОКОМ. Более детально позицию Токио по этим вопросам можно охарактеризовать как триединую: поддержка курса США, ограничение СССР, получение возможной выгоды от торговли с СССР и другими социалистическими странами.

¹ См.: «Нихон кэйдзай симбун», 23.XI.1988.

² См.: Ежемесячник по торговле с СССР и восточноевропейскими странами. Токио, 10, 1987, с. 74 (на япон. яз.); Есио Мураками. Позиция Японии, вызывающая обратный эффект на нарушение КОКОМ.— «Тюо корон», 10, 1987, с. 33—34.

³ См.: «Нихон кэйдзай симбун», 10.X.1987.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же, 16.XII.1987.

⁶ См.: «Майнити симбун», 05.VI.1987.

⁷ См.: «Нихон кэйдзай симбун», 16.X.1987.

⁸ См.: «Асахи симбун», 16.XII.1987.

⁹ См.: «Нихон кэйдзай симбун», 08.X.1987.

¹⁰ «Санкэй симбун», 10.X.1987.

¹¹ In: «The Japan Times», 03.XI.1988.

¹² Ibid, 13.XI.1988.

¹³ См.: «Нихон кэйдзай симбун», 30.I.1988.

¹⁴ «Асахи симбун», 25.X.1988.

СИС — СОЦИУМ, ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Мнение молодых японцев о своей работе

По данным социологического опроса РЭНГО, проведенного в 1988 году, подавляющее большинство молодых членов этой профсоюзной организации недовольны растущими эгоистическими тенденциями японского общества. 85 % считают, что японское общество становится менее привлекательным, несмотря на растущее изобилие. Половина опрошенных недовольна своей работой, 60 % отметили, что работа является лишь средством к существованию, и лишь 39 % показали, что удовлетворены своей работой и надеются на дальнейшее продвижение по служебной лестнице.

66 % молодых рабочих предпочитают вместо высокой зарплаты иметь больше свободного времени, 65 % молодых японцев испытывают разочарование государственной политикой своей страны, но 92 % с оптимизмом воспринимают развитие контактов Японии с другими странами.

Сеул ищет партнеров

О. В. ДАВЫДОВ,
В. И. МЕЛЬНИКОВ

С приходом к власти в Южной Корее после нескольких десятилетий правления военных диктатур выигравшего выборы президента Ро Дэ У во внешней политике сеульской администрации наметились определенные изменения, выразившиеся в том числе в довольно активном поиске путей налаживания связей с социалистическими странами. С чем же связано появление новых тенденций во внешнеполитической линии Сеула?

События в сфере внешней политики Южной Кореи нельзя рассматривать в отрыве от тех процессов, которыми отмечено экономическое развитие страны. Реализуемая правящими кругами Южной Кореи с начала 60-х гг. экспортная модель развития экономики, основанная на широком привлечении иностранного капитала и технологии, не только способствовала достижению в последующие десятилетия общего хозяйственного подъема страны, созданию современной индустрии, но и имела далеко идущие последствия с точки зрения изменения места и роли Южной Кореи в системе региональных экономических и политических отношений. В итоге интенсивного развития отраслей, ориентированных на внешний рынок, которые в свою очередь сыграли роль локомотива по отношению к другим секторам экономики, страна вышла на 11-е место в мире по экспорту и на 16-е — по объему ВВП.

Окрепший южнокорейский бизнес смело вторгается в новые, наиболее перспективные отрасли — электронику, автомобилестроение, а в последнее время приступает к освоению авиакосмической промышленности, микроэлектроники, робототехники, биотехнологии, тонкой химии. Нарастающая поставка за рубеж наукоемкой высокотехнологичной продукции, пользующейся повышенным спросом на мировом рынке, южнокорейские фирмы стремительно раздвигают горизонты своей внешнеторговой экспансии, в сферу которой включаются все новые страны и регионы. Диапазон деловой активности местного бизнеса расширяется по мере того, как южнокорейский капитал включается в новые, более зрелые формы предпринимательской деятельности: строительство за рубежом индустриальной инфраструктуры и промышленных объектов, совместное предпринимательство, вывоз капитала и технологии. Этому во многом благоприятствует образование у Южной Кореи с середины 80-х гг. значительного положительного сальдо внешнеторгового и платежного балансов (в 1988 г. — более 8 млрд. долл.).

Новый этап внешнеэкономической деятельности Южной Кореи, который стал результатом всего предшествующего развития страны, во многом связан с появлением местных ТНК, которые, несмотря на свою относительную слабость и недостаточную зрелость по сравнению с ТНК развитых стран, энергично вступают в последними в борьбу, с тем чтобы расчистить для себя жизненное пространство, найти свою «нишу» в системе капиталистических мирохозяйственных связей.

Все более высокая степень зависимости экономики страны от внешней торговли (доля экспорта в ВВП Южной Кореи составляет 36 %), зарубежных источников сырья и полуфабрикатов, необходимость постоянного привлечения извне капиталов и технологии ведет к повышению удельного веса экономических факторов в системе национальных приоритетов. Это проявляется во все более активной деятельности государства в целях обеспечения внешних условий для международной деятельности южнокорейских монополий, защиты национального рынка от нежелательных последствий международной конкуренции. Показательно, что южнокорейская пропаганда часто рисует роль дипломатии как «первого атакующего эшелона», призванного вести «разведку боем», завоевывать плацдармы на направлениях продвижения за рубеж местного биз-

неса либо, наоборот, выполнять функции «прикрытия», способного отразить нападки со стороны зарубежных конкурентов, недовольных агрессивной внешнеэкономической политикой южнокорейских фирм.

Ускоренное экономическое развитие страны, продвижение по пути капитализма наложили свой отпечаток на внешнеполитическую ориентацию Южной Кореи. На рубеже 70—80-х годов в основном завершился во многом мучительный процесс вживания страны в систему мировых и региональных международных отношений, приспособления правящих кругов к реальностям нынешней эпохи. Он сопровождался как постепенным преодолением изолированности страны в регионе, установлением более широких и регулярных контактов со многими азиатскими государствами, так и в определенной степени пересмотром ряда внешнеполитических установок времен холодной войны, тех стереотипов, которыми сеульский режим руководствовался на протяжении первых послевоенных десятилетий.

Следует учитывать, что процессы капиталистической трансформации в Южной Корее, изменения в социально-классовой структуре южнокорейского общества оказывают неоднозначное, порой противоречивое воздействие на формирование внешнеполитического курса Сеула. По мере расширения в Южной Корее «модернизированной» социальной прослойки, ориентированной на капиталистические ценности, укрепления класса крупной предпринимательской буржуазии происходила интеграция местного бизнеса в систему международного капитала, формирование устойчивого механизма взаимных связей и сотрудничества с ТНК, монополистическими объединениями стран Запада. Это, с одной стороны, придает новый, «космополитический» облик южнокорейскому крупному бизнесу и связанной с ним правящей элите, а с другой — порождает мощные центростремительные тенденции в отношениях Южной Кореи с империалистическими государствами. Считая себя интегральной частью «свободного мира», Сеул занимает близкие со странами Запада позиции по ключевым проблемам современности, в том числе по вопросам военно-политического характера, демонстрирует заинтересованность в углублении координации с западными державами по широкому кругу вопросов.

Вместе с тем важную роль в формировании современного внешнеполитического курса Сеула играет неудовлетворенность южнокорейского крупного бизнеса своим подчиненным положением в системе мирового капиталистического хозяйства, сохранением сильной зависимости от империалистических партнеров в экономической, политической и военной областях. Это обстоятельство, несомненно, отражается на нынешнем внешнеполитическом курсе страны, подталкивает Сеул к вполне конкретным действиям на международной арене. Последний, в частности, проявляет все более настойчивое стремление к частичной перестройке отношений со своими союзниками и партнерами, прежде всего с США и Японией, добиваясь, чтобы отношения с ними носили более равноправный характер и в экономической, и в политической сферах.

Проявляющаяся на этом фоне общая активизация внешней политики Южной Кореи проявляется прежде всего в попытках правящих кругов страны нащупать собственные, не заданные извне ориентиры, найти новые точки опоры в мировом сообществе, благодаря чему было бы возможно ослабить чрезмерную зависимость от США и Японии, выправить в известной степени откровенно проамериканский крен в области международных связей. Курс на преимущественное развитие отношений с отдельными несоциалистическими странами очень и очень постепенно уступает место более многосторонней дипломатии, которую отличают стремление активно участвовать в решении важнейших мировых и региональных проблем, развивать нормальные отношения со странами мира вне зависимости от их социально-политической принадлежности. На практике это, в частности, выразилось в поиске возможности осуществления контактов с социалистическими странами, заметном акценте внешнеполитической активности Южной Кореи на развивающиеся государства, попытках приобщиться к деятельности движения неприсоединения. В плане внутрикорейских отношений это определенная переориентация на более гибкую линию в отношении КНДР, допускающую возможность диалога с Пхеньяном по корейской проблеме.

Все эти сдвиги трудно объяснить лишь стремлением сеульских властей к косметическому подкрашиванию фасада режима — налицо существенные изменения в позиции Южной Кореи, которые затрагивают принципиальные основы всей ее послевоенной политики.

Вместе с тем вплоть до последнего времени этот процесс остается во многом неза-

вершенным. Дело в том, что объективная потребность буржуазных кругов в проведении более самостоятельной внешней политики, укреплении международного престижа страны в последние полтора десятилетия не раз упиралась в узкие рамки авторитарно-бюрократической системы, неспособной создать развитую внешнеполитическую философию, выработать смелые, далеко идущие решения в области международных отношений. Существовали и внешние факторы, весьма жестко сдерживающие любой поиск во внешнеполитической сфере.

Так, еще в июне 1973 г. тогдашний глава сеульского режима Пак Чжон Хи объявил «политику открытых дверей», предусматривавшую улучшение отношений с «невраждебными» социалистическими странами. Администрация Чон Ду Хвана также неоднократно заявляла о намерении наладить связи со странами социализма, развивать с ними торговлю, культурные и спортивные обмены.

Однако реализовать эти планы в 70-е — первой половине 80-х годов в отношении социалистических стран Сеулу не удалось по ряду объективных причин как внешнего, так и внутреннего характера. Во-первых, тогда международная обстановка в мире в целом и в азиатско-тихоокеанском регионе в частности, несмотря на непродолжительный период разрядки, носила конфронтационный характер. Следуя линии на тесное военно-политическое сотрудничество с США и Японией, сеульский режим стоял на жестких антикоммунистических позициях, что, конечно же, полностью блокировало любое практическое движение в сторону установления контактов с социалистическими странами.

Во-вторых, сказалась неконструктивная позиция южнокорейского режима в отношении КНДР. Нежелание Сеула пойти на плодотворный мирный диалог с КНДР, игнорирование им предложений Пхеньяна по урегулированию ситуации на Корейском полуострове не могли самым отрицательным образом не отразиться на реализации декларированного курса на установление связей с социалистическими странами. Наконец, жесткая антидемократическая внутренняя политика сеульских властей (похищение южнокорейской охранкой в 1973 г. одного из лидеров оппозиции Ким Тэ Чжуна, жестокое подавление восстания жителей города Кванчжу в 1980 г., постоянные массовые репрессии в отношении студенческих антиправительственных выступлений) и антикоммунистическое законодательство Южной Кореи также не могли способствовать реализации декларативных заявлений о стремлении к налаживанию связей с социалистическими странами.

Несмотря на объективную потребность южнокорейского общества в мирном окружении, окончательном выходе страны из состояния международной изоляции, интересы обеспечения выживания системы, которые довели во внешнеполитической деятельности режима Чон Ду Хвана, не только тормозили позитивные процессы, но и способствовали культивированию «образа врага», укоренению искаженных трактовок масштабов и характера внешней опасности. Это нашло выражение в ставке на наращивание гонки вооружений, стремлении обезопасить режим преимущественно за счет использования военно-технических средств, на путях укрепления стратегического партнерства с США. В последнее десятилетие быстро росли военные расходы Южной Кореи, которые в 1987 г. превысили 7 млрд. долл. Выдвинутая Сеулом программа достижения «полной самообеспеченности» в военной области нацеливала страну на создание национальной многоотраслевой военной промышленности, способной производить все основные виды современных вооружений.

Поворот американской внешней политики в начале 80-х гг. к резкой конфронтации с Советским Союзом не мог не наложить отпечаток на международный курс Сеула. Пользуясь отсутствием контактов между СССР и Южной Кореей, слабой информированностью южнокорейского населения о нашей стране, Вашингтон стремился создать в глазах местной общественности облик Советского Союза как «опасной державы», которая является-де «естественным противником» Южной Кореи. Весьма показательными в этом плане представляются рассуждения американского политолога Л. Никса, который, выступая со статьей в южнокорейском журнале, писал: «Если Советский Союз продолжит наращивание своих военных приготовлений в северо-западной части Тихого океана, будет отказываться от установления дружественных отношений с Южной Кореей, то в этом случае Южной Корее следует изменить свою политику в области обороны к началу 90-х гг. с тем, чтобы привлечь во внимание фактор советской военной угрозы. Более того, если Советский Союз получит большой стратегический доступ к

Северной Корее, расширит поставки вооружений Пхеньяну, то США и Южной Корее необходимо будет приступить к выполнению задач по противодействию СССР». Развивая эту мысль, Л. Никс отмечал, что Южная Корея с учетом высокой степени подготовленности ее вооруженных сил в состоянии принимать участие в проведении военно-морских и военно-воздушных мероприятий, нацеленных против СССР¹.

Характерной для внешнеполитических заявлений южнокорейских руководителей с начала 80-х гг., в особенности после известного инцидента с южнокорейским самолетом, становится констатация наличия «советской военной угрозы». Военная доктрина Сеула ставит безопасность страны в прямую зависимость от интересов безопасности США, в то время как военная промышленность Южной Кореи рассматривается в качестве «важной составной части оборонных ресурсов свободного мира». Определенное распространение получило и расширительное толкование функций американских войск в Южной Корее как «вносящих вклад в поддержание баланса сил в Северо-Восточной Азии». О растущей интеграции Южной Кореи в военно-политическую стратегию США на глобальном уровне свидетельствовали решение режима Чон Ду Хвана присоединиться к программе СОИ, согласие ввести систему контроля за экспортом «стратегических товаров» в социалистические страны, аналогичную той, которая существует в странах — членах КОКОМ.

Вместе с тем происшедшие во второй половине 80-х гг. позитивные перемены в развитии советско-американских отношений, международных отношений в целом не могли не сказаться соответствующим образом на внешнеполитическом курсе Сеула. Исключительное значение для оздоровления обстановки в мире и соответственно в АТР имело заключение Договора по РСМД. Договор нашел поддержку со стороны Сеула. Владивостокская программа обеспечения азиатско-тихоокеанской безопасности, ее дальнейшее развитие в выступлении М. С. Горбачева в Красноярске способствовали созданию в Азии благоприятного политического климата, появлению условий для поиска новых подходов к урегулированию в регионе конфликтных ситуаций.

Все это побудило Сеул с новых позиций взглянуть как на положение в АТР в целом, так и на ситуацию в Корее в частности. В Сеуле позитивно расценили выступление М. С. Горбачева во Владивостоке, в особенности выдвинутый им тезис о том, что Советский Союз готов учитывать существующие в Азии реальности и призывает все без исключения заинтересованные стороны к диалогу в целях создания основ мира, добрососедства и безопасности в обширном азиатско-тихоокеанском регионе. Такая позиция СССР стимулировала поиск Сеулом путей налаживания связей как с Советским Союзом, так и с другими социалистическими странами.

Корни возросшего интереса к отношениям с социалистическими странами следует также искать в тех внутренних процессах, которые происходят в Южной Корее. Снижение влияния в правящей верхушке крайне правых элементов, находящихся в плену идеологических предрассудков и стереотипов, ускорило процессы подтачивания наиболее одиозных форм антикоммунизма и антисоветизма. Восприятие Советского Союза как «источника угрозы» начинает теперь соседствовать с образом партнера, с которым можно и необходимо иметь дело. С приходом к власти администрации Ро Дэ У «северная политика» — как здесь называют курс на развитие отношений с социалистическими странами — приобретает новые параметры: для нынешнего руководства страны характерно стремление избавиться ее от налета рутины, преодолеть те предрассудки против контактов с социалистическими странами, которые ранее сковывали внешнеполитическую активность Сеула, препятствовали переводу вопроса об отношениях с ними в русло практической политики. Зримым проявлением перемен в подходе Сеула к Советскому Союзу стало издание в Южной Корее книг М. С. Горбачева.

В отличие от некоторых других азиатских стран в Южной Корее сейчас не проявляют себя сколько-нибудь влиятельные силы, которые выступали бы против улучшения отношений с социалистическими государствами. К настоящему моменту в стране получает распространение та точка зрения, что эта цель является «важнейшей ставкой для Южной Кореи на рубеже XXI в.»². Такая оценка, конечно, выглядит завышенной, в особенности в свете того обстоятельства, что по «классической» шкале внешнеполитических ценностей задача укрепления союзнических отношений с США и сотрудничества с Западом была и остается для Южной Кореи главным приоритетом. Однако, если судить по степени динамизма, насыщенности новыми идеями и инициативами, уровню концентрации общественного внимания, «северная политика» действительно выдвигается

в число важнейших национальных задач. Для многих южнокорейцев ее успех или же провал является не просто отвлеченным вопросом, но становится индикатором готовности Южной Кореи к тому, чтобы занять подобающее место в мире. В противном случае внешнеполитическая репутация страны останется на более низком по сравнению с другими государствами уровне.

Эти настроения, подспудно накапливавшиеся в обществе, были учтены Ро Дэ У в его внешнеполитической программе. Вопрос о перспективах и путях развития связей с СССР и КНР занял одно из центральных мест в ходе его предвыборной кампании. Во всяком случае, обещание Ро Дэ У вывести отношения с социалистическими странами к 1993 г. на грань их полной нормализации явилось одной из наиболее сильных козырных карт претендента от правящей партии, что в немалой степени способствовало его победе на выборах. В своей первой официальной речи в качестве главы государства южнокорейский лидер подчеркивал: «Исходя из интересов энергичного продвижения «северной политики», мы будем расширять каналы международного сотрудничества с теми континентальными странами, с которыми у нас сейчас нет связей. Улучшение отношений со странами с другими, отличными от нашей, идеологической и социальной системами будет вносить вклад в дело стабильности, мира и совместного процветания в Восточной Азии»³.

Свидетельством меняющегося отношения Сеула к развитию международных отношений в АТР может служить то обстоятельство, что в южнокорейских политических кругах с интересом встречено выдвинутое М. С. Горбачевым в Красноярске предложение обсудить на многосторонней основе вопрос о снижении военного противостояния в районах, где сближаются побережья СССР, КНР, Японии, КНДР и Южной Кореи, имея целью замораживание и соразмерное сокращение уровней военно-морских и военно-воздушных сил, ограничение их активности.

В межкорейских отношениях Сеул стал проявлять более гибкий подход, больше учитывать возросшее стремление южнокорейского населения к мирному решению корейской проблемы. В июле 1988 г. президент Ро Дэ У выступил со специальной декларацией, в которой призвал КНДР начать между двумя корейскими сторонами обмен по всем направлениям, прекратить противоборство на мировой арене, признать место друг друга в международном сообществе, «развивать сотрудничество в интересах всего корейского народа».

Ро Дэ У обнародовал шесть направлений нового подхода Южной Кореи к КНДР, которые состоят в следующем:

1. Сеул будет активно способствовать обмену визитами между гражданами Южной Кореи и КНДР, включая политических деятелей, бизнесменов, журналистов, деятелей культуры, науки, религии, студентов, и примет меры для обеспечения свободы поездок корейцев, проживающих за рубежом, в обе части Кореи.

2. Не дожидаясь завершения переговоров между Севером и Югом по линии обществ Красного Креста, Сеул предпримет меры для оказания помощи членам разделенных семей в поисках родственников и будет способствовать обмену корреспонденцией между ними, а также взаимным поездкам.

3. Южная Корея откроет двери для торговли между Севером и Югом и будет считать ее «внутринациональной торговлей».

4. В целях достижения «сбалансированного развития национальной экономики» и повышения жизненного уровня на Юге и Севере Южная Корея не будет возражать против торговли ее союзников с КНДР товарами невоенного назначения.

5. Южная Корея предпримет меры к тому, чтобы прекратить «контрпродуктивную дипломатию», связанную с соперничеством и противоборством между Югом и Севером, и приступить к налаживанию сотрудничества в целях позитивного вклада КНДР в дела международного сообщества. При этом предусматривается налаживание свободных контактов между представителями Юга и Севера на международных форумах и их сотрудничество в интересах всей корейской нации.

6. Южная Корея заявит о готовности сотрудничать с КНДР в улучшении ее отношений с южнокорейскими союзниками, включая США и Японию. Параллельно Южная Корея будет стремиться к улучшению отношений с СССР, Китаем и другими социалистическими странами⁴.

В развитие этой программы Сеул предпринял ряд практических шагов в направлении нормализации отношений с Пхеньяном. Было объявлено, что отныне Северная Корея

будет официально именоваться южными корейцами Корейской Народно-Демократической Республикой. Сеульским дипломатам разрешено устанавливать контакты, вести беседы с дипломатическими работниками КНДР в третьих странах. Решено также прекратить практику ухода южнокорейских представителей с международных конференций во время исполнения государственного гимна или подъема национального флага КНДР.

По-видимому, есть рациональное зерно и в народоудном в октябре 1988 г. в выступлении на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложении Ро Дэ У о созыве международной конференции с участием США, СССР, Китая, Японии, КНДР и Южной Кореи для обсуждения вопросов мира и стабильности на Корейском полуострове и в Северо-Восточной Азии. Позитивный отклик в мировом сообществе получили готовность Ро Дэ У на встречу с Ким Ир Сенем и его обязательство еще до подписания декларации о ненападении между Югом и Севером Кореи не применять первым силу против КНДР⁶.

В Южной Корее не только на правительственном уровне выдвигаются инициативы по корейскому урегулированию. Активную позицию в этом вопросе занимают практически все основные оппозиционные партии. В сентябре 1988 г. председатель Объединенной демократической партии, один из ведущих оппозиционных лидеров Ким Ен Сам выступил с идеей проведения Парламентской конференции Северо-Восточной Азии с участием представителей США, СССР, Северной и Южной Кореи, Китая и Японии. По словам Ким Ен Сама, такая конференция призвана содействовать обменам и взаимопониманию между народами региона. «...И мне представляется,— заявил он в интервью корреспонденту журнала «Новое время»,— что это предложение содержит частицу схождения с владивостокской речью Горбачева...»⁷

Сеул активно пытается создать и экономические основы для внутрикорейского диалога. Южнокорейские бизнесмены готовы оказать финансовое содействие Пхеньяну, предоставив инвестиционные средства для дальнейшего индустриального развития. В целях стимулирования экономических обменов с КНДР в январе 1989 г. южнокорейская Федерация корейской промышленности и представители крупного бизнеса создали специальный консультативный орган, который будет весть всеми вопросами, касающимися экономических обменов с Севером, включая торговлю, совместные инвестиции в КНДР и третьих странах.

Конструктивное значение, на наш взгляд, могла бы иметь и заинтересованная, доброжелательная реакция Сеула на поиск КНДР новых каналов развития внутрикорейского диалога, выраженных, в частности, в новогоднем (1989) выступлении Ким Ир Сена. Пхеньян, как известно, выступил с предложением о созыве политического консультативного совещания деятелей руководящего ранга Севера и Юга. В числе приглашаемых к диалогу руководители правящей Демократической партии справедливости, основных оппозиционных партий, а также видные религиозные деятели. В случае успеха данный форум мог бы содействовать созданию атмосферы сотрудничества на Корейском полуострове.

Понятно, что линия Сеула на нормализацию обстановки на Корейском полуострове, в Северо-Восточной Азии в целом является существенным условием развития контактов Южной Кореи с социалистическими странами.

Администрация Ро Дэ У разработала и приступила к реализации трехэтапной формулы установления отношений с социалистическими государствами. Согласно этой формуле, на первом этапе предполагается развитие культурных и спортивных обменов, на втором — налаживание экономических и торговых связей, на третьем — установление дипломатических отношений. При этом главные усилия Сеул сосредоточил на том, чтобы наладить экономические и торговые связи с СССР и КНР. В этой связи нельзя не отметить, что в южнокорейских правительственных и деловых кругах с большим интересом было воспринято заявление М. С. Горбачева о том, что в контексте общего оздоровления обстановки на Корейском полуострове могут открыться возможности для налаживания экономических связей между Советским Союзом и Южной Кореей.

При этом в Сеуле исходят из того, что установление разнообразных связей с социалистическими государствами упрочит международные позиции Южной Кореи, ослабит ее зависимость от США и Японии, поможет преодолеть нарастающие трудности в острой конкурентной борьбе с монополиями США и Японии.

После завершения сеульской Олимпиады, в которой участвовали все социалистические государства, за исключением КНДР, Кубы и Албании, деловые круги Южной Кореи

значительно активизировали деятельность, направленную на расширение торгово-экономических связей с социалистическими странами. Вообще соображения экономического характера начинают играть заметную роль в определении контуров «северной политики». Перспектива выхода на рынки социалистических стран, которую здесь считают вполне реальной, по мнению южнокорейцев, будет не только способствовать ослаблению степени зависимости от стран Запада в области торговли, но и позволит подготовить предпосылки для достижения нового «взлета» южнокорейской экономики. В последние два-три года в Южной Корее быстро набирает темпы масштабная кампания, преследующая цель добиться широкого продвижения в социалистические страны южнокорейских товаров, капиталовложений, услуг. Ведущие финансово-промышленные группы ведут изучение рынков этих стран. К настоящему времени практически завершено создание аппарата для осуществления торговли с ними, который представлен как на уровне центральных государственных ведомств, так и специальными подразделениями в составе крупнейших монополистических объединений.

Деловые круги Южной Кореи связывают большие надежды с установлением торгово-экономических связей с Советским Союзом. По сообщениям сеульской печати, южнокорейские предприниматели проявляют заинтересованность в закупках в СССР угля, леса и другого сырья и экспорте в Советский Союз электроники, строительной техники, участия в освоении природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. В октябре 1988 г. в Сеуле побывала делегация Торгово-промышленной палаты СССР. По южнокорейским данным, в 1988 г. объем торговли Южной Кореи с Советским Союзом составил более 200 млн. долл. Москва и Сеул подписали соглашения о создании совместных предприятий по производству мехов и спортивного инвентаря.

В начале декабря 1988 г. по приглашению Торгово-промышленной палаты СССР в Москве находилась делегация Корейской ассоциации содействия развитию торговли (КОТРА). В результате состоявшихся переговоров было подписано соглашение о сотрудничестве между ТПП и КОТРА. Этим документом предусматривается взаимное содействие организациям и фирмам обеих сторон в реализации различных экономических и научно-технических проектов на рынках своих, а также третьих стран, налаживание обмена экономической информацией, организация ярмарок и специализированных выставок, проведение семинаров и симпозиумов по экономической проблематике. В апреле 1989 г. в Сеуле открыто представительство ТПП.

В январе 1989 г. в Советском Союзе побывала представительная делегация южнокорейских деловых кругов во главе с почетным представителем Совета директоров крупнейшей финансово-промышленной группы «Хёндэ» Чон Чу Еном. Выступая на пресс-конференции в Сеуле после возвращения из СССР, Чон Чу Ен заявил, что в ходе переговоров в Москве достигнута договоренность о создании Комитета экономического сотрудничества между Южной Кореей и Советским Союзом. По его словам, южнокорейская сторона изъявила готовность участвовать в проектах развития Сибири и Дальнего Востока. После поездки в Пхеньян в конце января 1989 г. Чон Чу Ена КНДР и Южная Корея договорились совместно принять участие в осуществлении проектов на территории дальневосточных районов СССР.

Уже установлены контакты между Дальневосточным морским пароходством и южнокорейской фирмой о ремонте советских судов на верфях Южной Кореи. В начале декабря 1988 г. первый советский сухогруз встал на ремонт в южнокорейском порту. Ведутся переговоры между Аэрофлотом и южнокорейской авиакомпанией о коммерческом сотрудничестве.

Возрастают объемы грузоперевозок между СССР и Южной Кореей. По сообщению южнокорейского агентства Ренхап, за десять месяцев 1988 г. объем перевозок между Советским Союзом и Южной Кореей в пересчете составил 1861 стандартный контейнер, что в три раза больше по сравнению с тем же периодом 1987 г. При этом Южная Корея доставила в Советский Союз 688 стандартных контейнеров грузов, а импортировала из СССР 1173. Начинают налаживаться на неправительственной основе культурные связи между СССР и Южной Кореей. Так, в Южной Корее с успехом прошли советские фильмы «Москва слезам не верит» и «Вокзал для двоих». Южная Корея предоставила СССР гуманитарную помощь на сумму в 1 млн. долл. в связи с землетрясением в Армении.

Существенный сдвиг произошел в развитии контактов Южной Кореи с Венгрией: 1 февраля 1989 г. они объявили об установлении дипломатических отношений в полном

объеме. Во время визита в Сеул государственного секретаря Министерства иностранных дел Венгрии Д. Хорна в начале февраля текущего года стороны подписали ряд соглашений, в том числе соглашение о предоставлении Венгрии льготного займа в размере 125 млн. долл. Будапешт и Сеул уже добились заметного прогресса в сфере экономического сотрудничества. Объем взаимной торговли в 1988 г. составил 34,2 млн. долл. Достигнута договоренность о сооружении совместных предприятий, подписано соглашение о научно-техническом сотрудничестве.

В Пхеньяне очень болезненно реагировали на установление официальных отношений между ВНР и Южной Кореей. По инициативе КНДР уровень корейско-венгерских отношений был понижен. Венгерские официальные лица, отвечая на довольно резкие заявления КНДР в адрес ВНР по поводу установления дипломатических связей последней с Южной Кореей, подчеркивали, что этим шагом «мы (Венгрия.— О. Д., В. М.) сможем способствовать достижению примирения, спокойствия на Корейском полуострове...»

Происходят определенные сдвиги в развитии связей Южной Кореи и с другими социалистическими странами. В 1987 г. в Любляне (СФРЮ) было открыто бюро КОТРА, а в Сеуле — представительство югославской торговой палаты. В 1988 г. НРБ и ПНР также решили обменяться торговыми бюро неправительственных организаций. Польская компания «Агрополь», действующая в Японии, открыла в Сеуле свой филиал. Налаживается также обмен Южной Кореи с ГДР и ЧССР. Согласно сеульским источникам, совокупный объем торговли Южной Кореи с европейскими социалистическими странами возрос со 180 млн. долл. в 1981—1986 гг. до 280 млн. долл. в 1987 г. В настоящее время около тысячи южнокорейских фирм осуществляют торговые операции с восточноевропейскими социалистическими странами. Сеул намерен также установить с этими странами широкие технологические связи.

Поддерживает с Южной Кореей не прямые торговые связи СРВ, поставляя на Юг каменный уголь (500 тыс. т в 1987 г.) и импортируя оттуда удобрения, товары первой необходимости. Электротехническая компания «Самсун» поставляет во Вьетнам детали для сборки в Хошимине телевизоров, основная часть которых экспортируется. Объем вьетнамо-южнокорейского товарооборота в 1987 г. составил 50 млн. долл. (в 1986 — 7 млн. долл.). В начале февраля 1988 г. в СРВ побывала представительная южнокорейская экономическая делегация, обсудившая пути расширения торгово-экономических связей между двумя странами, в том числе вопрос о налаживании производства цветных телевизоров во Вьетнаме.

Наибольшего объема достигли торгово-экономические отношения Южной Кореи с Китайской Народной Республикой. Обе стороны не раз подчеркивали, что намерены и далее расширять взаимовыгодную торговлю. В интервью премьер-министра Госсовета КНР Ли Пэна, которое он дал японским журналистам в июле 1988 г., изложена позиция Китая в отношении Сеула. «Между КНР и Южной Кореей,— отмечал Ли Пэн,— нет дипломатических отношений, Китай не намеревается их устанавливать. Так же как в случае с другими государствами и регионами, с которыми КНР не имеет дипломатических отношений, Китай поддерживает с Южной Кореей торговые связи...»⁸ По оценкам зарубежных специалистов, объем китайско-южнокорейской торговли в 1987 г. составил более 2 млрд. долл. Основные поставки товаров осуществляются через Гонконг. Главной статьей южнокорейского экспорта в Китай являются ткани, бумага, сталь, оборудование связи, химические товары, сельскохозяйственные машины и промышленное оборудование, химические товары, телевизоры, холодильники. Южная Корея импортирует из Китая химические товары, текстиль, уголь, зерно. В 1988 г. объем двусторонней торговли составил более 3 млрд. долл.⁹

Отношения Южной Кореи с большинством социалистических стран постепенно налаживаются, приобретают практические очертания. Вовлечение Южной Кореи — одного из динамично развивающихся государств АТР — в экономические и иные связи с социалистическими странами способствует укреплению доверия, упрочению добрососедства и сотрудничества в регионе, ослабляет атмосферу конфронтационности на Корейском полуострове, нацеливает обе корейские стороны на поиск новых подходов к урегулированию обстановки в Корее и вокруг нее.

Провозглашение правительством Южной Кореи намерения активно проводить «северную политику» всколыхнуло страну, вызвало в широких слоях общества прилив оптимизма, породило надежды на возможность осуществления в ближайшем будущем «позитивных перемен», которые могли бы способствовать ликвидации напряженности

на Корейском полуострове. Олимпиада 1988 г., во время которой южнокорейцы впервые получили возможность пообщаться с гражданами социалистических стран, познакомиться с достижениями ранее закрытой для них культуры, способствовала углублению чувства доверия, ослаблению подозрительности. Опросы общественного мнения, проведенные в послеолимпийский период, показывают значительный рост популярности СССР и КНР среди южнокорейского населения.

Вместе с тем не надо думать, что отношения Южной Кореи с социалистическими странами будут развиваться гладко и бесконфликтно. Уже сейчас в определенных южнокорейских кругах скептически высказываются относительно перспективности экономического канала «северной политики». В качестве тормозящих факторов сотрудничества в Сеуле называют экономическое положение в большинстве стран социализма, ограниченность их экспортных ресурсов и импортных валютных возможностей. Нельзя также не принимать во внимание, что для отношений, скажем, СССР с Южной Кореей характерны те же сложности, которые порождены неповоротливой административной хозяйственной системой и мешают динамичным контактам наших предприятий с рыночной экономикой. Наконец, за исключением Венгрии, в планы других социалистических государств, в том числе СССР, не входит официальное признание и установление дипломатических отношений с Южной Кореей. Это обстоятельство, по мнению ряда сеульских бизнесменов, будет сильно сказываться при обсуждении крупных финансовых проектов, требующих серьезных гарантий.

Поэтому можно предположить, что вслед за «южнокорейским бумом», который естественно наступил при открытии для мира социализма нового партнера, через какое-то время наступит штиль.

Есть у «северной политики» и «идейные противники» из числа представителей консервативной части южнокорейского общества. В разногласии мнений и взглядов по вопросу о задачах «северной политики» слышны голоса тех, кто призывает «сбросить обороты» в процессе поиска контактов с социалистическими странами, вернуть ее в более «спокойное» русло. Упрекая правительство в недостаточной эффективности проводимых мероприятий, отдельные политические деятели, депутаты парламента указывают, в частности, на то, что темпы выхода в социалистические страны опережают процесс вызревания необходимых для этого условий, в то время как реальные результаты «северной политики» не оправдывают якобы тех уступок, на которые идет Южная Корея в стремлении добиться признания со стороны «коммунистического блока». Эти силы указывают на «нежелательность» с точки зрения «национальных интересов» дальнейшего распространения в обществе «просоветских симпатий», наблюдаемых на фоне ошутимого роста антиамериканских настроений.

Можно ожидать, что при проведении мероприятий в отношении социалистических государств Сеул будет вынужден не только считаться с мнением различных политических сил внутри страны, но также действовать с оглядкой на Вашингтон, где, судя по всему, уже начинают испытывать определенное беспокойство по поводу «чрезмерно форсированных темпов» осуществления «северной политики».

Следует, по всей видимости, исходить из того, что, несмотря на возможные повороты и объективные трудности в процессе формирования основ «северной политики», курс на развитие контактов с социалистическими странами будет в долгосрочной перспективе оставаться одним из важных направлений внешнеполитической деятельности Южной Кореи.

¹ In: Korea and World Affairs.— 1986.— Vol. 10.— № 2.— P. 276—277.

² Business Korea.— 1988.— Vol. 6.— № 4.— P. 28.

³ Korea and World Affairs.— 1988.— Vol. 12.— № 1.— P. 178—179.

⁴ См.: Известия.— 1988.— 18 сентября.

⁵ In: Korea Newsreview.— 1988.— 9 июля.— P. 4.

⁶ In: The Korea Herald.— 1988.— 19 октября.

⁷ См.: Новое время.— 1988, № 40.— С. 8.

⁸ Жизнь и жиао, 1988.— 4 июля.

⁹ In: Business Korea.— 1988.— Vol. 6.— № 3.— P. 44.

*В. Е. ЗОТОВ,
кандидат экономических наук*

Во многих социалистических странах одним из наиболее острых является противоречие между экономическим ростом и эффективностью. Как правило, ради высоких темпов в жертву приносится эффективность, а улучшение качественных показателей достигается за счет сокращения объемов производства. Возможность принципиального разрешения этого противоречия рассматривается пока преимущественно в теоретическом плане, тогда как практического опыта накоплено крайне мало. С этой точки зрения интересны итоги последнего десятилетия в Китае, которое за всю историю страны стало самым продолжительным периодом относительно стабильного и быстрого развития экономики.

Национальный доход КНР в 1978—1988 гг. удвоился и примерно в четыре раза обошел темпы прироста суммарного чистого продукта всех государств мира. Такие же высокие показатели продемонстрировали в этот период лишь несколько представителей новых индустриальных стран, значительно уступающих КНР по масштабам территории и объемам ресурсов.

О значимости совершенного Китаем экономического рывка можно судить по изменению его позиций во всемирном хозяйстве. В настоящее время существует немало способов определения уровня социально-экономического развития государств. В своих расчетах мы отталкивались от методики, разработанной исследователями Стэнфордского университета¹. Благодаря использованию десяти наиболее «чувствительных» экономических и социальных показателей* она позволяет с высокой точностью определять сравнительный уровень каждой страны. Так, при условной границе между отсталыми и развитыми государствами, составляющей 100 баллов, средний показатель ведущих представителей мирового капиталистического хозяйства равняется в настоящее время 216 баллам, а группы развивающихся стран с самым низким уровнем дохода — 41 баллу. Позиция Китая в последнее десятилетие изменялась следующим образом. В 1978—1982 гг., когда в КНР велась крупномасштабная структурная перестройка в рамках политики «урегулирования», уровень ее социально-экономического развития по сравнению с другими странами немного снизился — с 53 до 51 балла. Однако в последующие пять лет накопившиеся позитивные изменения вызвали такой крупный скачок (до 65 баллов), какой редко наблюдался в послевоенном мире.

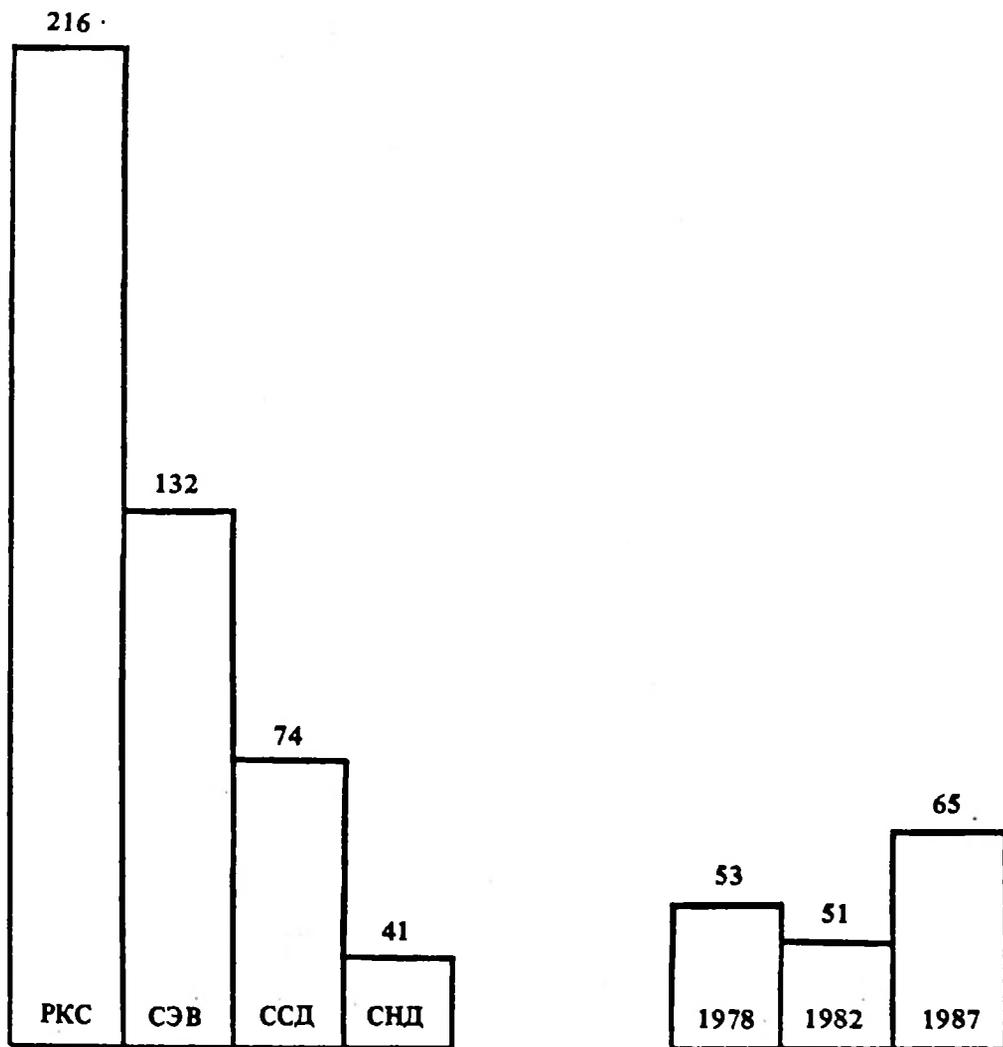
Результаты подсчета наводят на мысль о том, что для прошедших десяти лет были характерны не просто высокие темпы роста, сами по себе привычные для Китая. Столь существенный сдвиг в социально-экономическом развитии мог быть достигнут лишь при

* К ним относятся: ВВП на душу населения; удельный вес сельскохозяйственной продукции в ВВП; удельный вес торговли и сферы обслуживания в ВВП; доля занятых вне сельскохозяйственного производства; доля грамотных в общей численности населения; доля молодежи, поступающей в вузы после получения среднего образования; удельный вес городского населения; численность населения, приходящаяся на одного врача; средняя ожидаемая продолжительность жизни; естественный прирост населения. По каждому из этих показателей эмпирически определена граница, разделяющая отсталые и развитые страны (например, ВВП на душу населения — 3 тыс. долл., средняя ожидаемая продолжительность жизни — 70 лет и т. д.). Пограничный уровень условно принимается за 10 баллов, а уровень данной страны высчитывается в соответствующей пропорции к нему. Например, Китай при ВВП на душу населения 300 долл. получает 1 балл, при средней ожидаемой продолжительности жизни 69 лет — 9,9 балла и т. д.

новом качественном наполнении этих темпов, означающем решительный сдвиг в сторону интенсификации общественного производства. Исследование этого вопроса представ-

Схема

Изменение сравнительного уровня социально-экономического развития Китая (в условных баллах).

Страны мира, 80-е годы

Китай

Условные обозначения: РКС — развитые капиталистические страны; СЭВ — европейские страны — члены СЭВ; ССД — развивающиеся страны со средним уровнем национального дохода на душу населения (классификация Всемирного банка); СНД — развивающиеся страны с низким уровнем дохода.

ляется тем более важным, что в большинстве социалистических стран начиная с 60-х годов происходит неуклонное ухудшение показателей эффективности материального произ-

водства. Доля прироста национального дохода за счет интенсивных факторов в СССР снизилась с 58 % в 50-х годах до 10 % в 80-х, в Чехословакии за тот же период — с 68 % до отрицательной величины, в ГДР — с 90 % до 51 % и т. д.²

Руководствуясь методом факторного анализа, мы произвели расчет динамики совокупной эффективности общественного производства КНР в двух вариантах (см. таблицу 1). Первый из них основан на примерной оценке соотношения трудовых и материальных затрат в пропорции 6:4, даваемой обычно зарубежными исследователями³, а второй — в пропорции 4:6, предложенной в последних работах китайских экономистов на эту тему⁴. Оба варианта отражают одну и ту же тенденцию постепенного падения совокупной эффективности в 50—70-х годах и ее необычайно быстрый рост (в первом варианте на 6,0 %, во втором — на 5,7 %) в последний период, когда в Китае развернулась экономическая реформа. Среди развитых социалистических стран подобные темпы наблюдались в прошлом только в ГДР и Болгарии*.

Таблица 1

Индекс совокупной эффективности производства
КНР (1957=100)

	1952	1957	1965	1978	1986
Национальный доход	64,9	100	152,8	331,5	857,9
Численность рабочей силы	87,2	100	120,6	167,7	215,7
Объем основных фондов	46,0	100	276,5	858,3	1472,1
Совокупные трудовые и материальные затраты:					
— Вариант I (соотношение 6:4)	70,7	100	183,0	443,9	718,3
— Вариант II (соотношение 4:6)	53,6	100	214,1	582,1	969,5
Производительность труда	74,4	100	126,6	197,7	397,7
Фондоотдача	141,1	100	55,3	25,9	58,3
Совокупная эффективность					
— Вариант I	91,8	100	83,5	74,7	119,4
— Вариант II	121,1	100	71,4	57,0	88,5

Подсчитано по: Китайский статистический ежегодник — 1987.— Пекин, 1987.— С. 50, 115, 473, 487 (на кит. яз.); Китайский экономический ежегодник — 1986.— Пекин, 1986.— С. III—II.— (На кит. яз.).

Другие показатели эффективности народного хозяйства КНР — изменение производительности общественного труда, энерго- и металлоемкости, фондоотдачи — подтверждают в основном вывод о резком улучшении ситуации в последние годы (см. таблицу 2). Исключение составляет материалоемкость валового общественного продукта, в динамике которой не произошло столь значительного перелома. По этой позиции Китай продолжает уступать большинству других социалистических стран.

Благоприятные сдвиги в эффективности производства позволили существенно улучшить положение в социальной сфере. За последнее десятилетие реальные доходы китайского населения выросли вдвое. Благодаря этому удалось не только, как говорят в Китае, «обеспечить население пищей и одеждой», но и начать формирование новой структуры и

* Единственное значительное отличие между предложенными вариантами состоит в том, что в одном случае достигнутый к 1968 г. уровень эффективности является рекордным для КНР, а в другом — уступает «пику» 1957 г. Результаты проведенной недавно китайскими и американскими учеными⁵ переоценки стоимости основных фондов промышленности страны свидетельствуют о предпочтительности первого варианта. Судя по этим данным, унывающим рост цен на средства производства, фондоотдача в промышленности КНР росла в 1978—1985 гг. со среднегодовым темпом 3,7 % и повысила уровень 1957 г.⁶

нового характера потребления. Наметился переход от почти исключительно растительной пищи к животной, стали более разнообразными потребности в одежде, заметно увеличались расходы населения на предметы длительного пользования. В сельских районах, за исключением продовольствия, почти все остальные товары стали приобретаться крестьянами на рынке, тогда как доля натурального потребления упала с 60,3 до 39,8 %⁷.

Таблица 2

Динамика основных показателей эффективности общественного производства КНР (среднегодовые приросты, %)

	1952—1957	1958—1965	1966—1978	1979—1986
Производительность общественного труда	6,1	3,0	3,5	9,1
Материалоемкость валового общественного продукта, в т. ч.	0,7	1,4	1,1	0,6
сельскохозяйственной продукции,	—4,6	1,2	1,9	1,1
промышленной продукции	—1,0	0,1	0,1	0,6
Энергоемкость национального дохода	5,6	2,8	3,4	—7,9
Металлоемкость национального дохода	18,3	3,9	1,9	—6,0
Фондоотдача в государственном секторе промышленности	0,4	—0,7	—1,1	1,3

Подсчитано по: Китайский статистический ежегодник — 1987.— С. 50, 115, 257—258, 351.— На кит. яз.; Китайский экономический ежегодник — 1986.— С. III—II.— На кит. яз.

По уровню социального развития Китай к настоящему времени уже опережает большинство стран с низким и средним национальным доходом на душу населения, приблизившись по ряду показателей к развитым государствам. По данным Международного банка реконструкции и развития, КНР, находясь среди 126 стран и территорий мира на 100-м месте по душевому объему валового национального продукта, в то же время по средней ожидаемой продолжительности жизни (69 лет) занимает 46-е место, по детской смертности (3,8 %) — 40-е, по обеспеченности населения врачами (1 врач на 856 человек) — 41-е.

Качественные изменения в китайской экономике столь велики, что закономерен вопрос: не являемся ли мы свидетелями назревающего в КНР нового «экономического чуда» наподобие того, что продемонстрировали Япония и — более свежий пример — «четыре азиатских тигренка» (Гонконг, Сингапур, Тайвань, Южная Корея). Американскими и советскими исследователями уже опубликованы прогнозы, в которых утверждается, что к началу следующего столетия Китай по своей экономической мощи может стать второй после США державой мира, обогнав Японию и Советский Союз⁸.

Возможность сохранения набранных КНР темпов социально-экономического развития во многом зависит от того, за счет каких источников обеспечен перелом в динамике эффективности общественного производства. На наш взгляд, таких источников два — структурные сдвиги и организационно-хозяйственные преобразования. В научной литературе чаще обращается внимание на второй из них, с которым обычно ассоциируется вся политика реформ. Вместе с тем факторный анализ показывает, что решающая роль принадлежит не изменениям в хозяйственном механизме и во всех производственных отношениях, а перестройке структуры и повышению уровня производительных сил.

Обращает на себя внимание тот факт, что в период после 1978 г. рост эффективности промышленного производства КНР происходит не непрерывно, а с резкими перепадами. Вплоть до 1981—1982 гг. большинство показателей эффективности ухудшалось. Например, фондоотдача

основных производственных фондов государственного сектора упала до самого низкого за всю историю страны уровня. Затем последовал скачок, и к 1985 г. эффективность достигла высшей точки, после чего вновь началось ее снижение.

Динамика этих изменений практически полностью совпадает по годам с подвижками в структуре китайской промышленности. На рубеже 70—80-х годов в стране проводилась политика «урегулирования», представлявшая собой серьезную попытку преодолеть действие формулы «производство ради производства». В течение нескольких лет, опираясь на административные методы, руководство КНР отдавало приоритет развитию отраслей, наиболее близко стоящих к потребителю и обладающих сравнительно высокой ресурсоотдачей. Так, в структуре ассигнований на капитальное строительство доля легкой промышленности выросла в 1978—1981 гг. с 5,8 до 9,8 %, а тяжелой — соответственно снизилась, причем не только относительно, но и абсолютно. В результате соотношение объемов продукции двух секторов за эти годы изменилось с 43,1:56,9 на 51,5:48,5.

Изменения в пользу отраслей, связанных с производством предметов потребления, предопределили специфику движения показателя фондоотдачи. По расчетам американского экономиста Р. Филда, до 1982 г. позитивные сдвиги проявлялись только в использовании оборотных фондов, а затем распространились и на основные фонды. При этом все они были достигнуты целиком за счет структурных сдвигов⁹.

Принятые в 1979—1981 гг. меры, нацеленные на поворот промышленности «лицом к потребителю», решающим образом сказались на повышении эффективности производства, поскольку отрасли группы «Б» отличаются сравнительно низкой фондоемкостью. Этот факт позволяет глубже уяснить некоторые закономерности разветвления экономической перестройки не только в Китае, но и в других социалистических странах. На основании опыта КНР можно заключить, что именно структурные изменения приносят наиболее быстрый положительный результат и начинать реформу наиболее целесообразно именно с них. Такой далеко не очевидный вывод (на первый взгляд, организационно-хозяйственные преобразования осуществить легче, чем структурные) подтверждается также реформами Р. Филда — начала 60-х годов в СССР и странах Восточной Европы. Именно тогда большое внимание уделялось реконструкции материально-технической базы и отраслевым сдвигам, что обеспечило рекордный уровень эффективности производства, к которому не удалось приблизиться в последующий период, когда упор стал делаться на децентрализацию, хозрасчет и другие экономические реформы.

Вместе с тем необходимо отметить, что структурная политика в Китае имела ряд побочных нежелательных последствий. В процессе переориентирования выпуска продукции на нужды потребителя многие предприятия стали работать с большой недогрузкой, что отрицательно сказалось на показателях рентабельности. Результаты всекитайского обследования промышленных предприятий показали, что за годы шестой пятилетки (1981—1985) размер прибыли, получаемой с каждых 100 юаней основных фондов снизился на 10,1 %, а в некоторых отраслях — в полтора раза. Общий объем убытков, не превышавший в начале 80-х годов 2—3 млрд. юаней, вырос к 1987 г. до 7,6 млрд. юаней. Все более высокими темпами росла себестоимость промышленной продукции¹⁰.

В сельском хозяйстве КНР рост эффективности в последнее десятилетие происходил более устойчиво по сравнению с промышленностью. Это объясняется тем, что производственная база качественных изменений в аграрном секторе была заложена уже в 70-х годах, значение которых для китайской деревни можно сравнить с началом «зеленой революции» в развивающихся странах. Ко времени разветвления экономических преобразований в 1978 г. площадь механизированной вспашки по сравнению с уровнем 1965 г. выросла в 2,6 раза, использование минеральных удобрений увеличилось в 4,6, электроэнергии — в 6,8, суммарная мощность машин и механизмов — в 10,7 раза. В растениеводстве началось распространение гибридного риса и других высокоурожайных зерновых культур. На укрепившуюся материально-техническую базу сельского хозяйства в 80-х годах «наложилась» подрядная система, что и обеспечило бурный рост производства и повышение его эффективности.

До сих пор в китайской литературе недостаточно изучена роль интенсивных факторов экономического развития Китая. Между тем в 80-е годы на нужды науки и техники было направлено столько же средств, сколько за все предшествующие годы существования КНР. В результате по некоторым показателям, характеризующим научно-технический потенциал страны, Китай вышел в один ряд с развитыми государствами. Общие затраты на НИОКР, например, в настоящее время, по нашей оценке¹¹, достигают в КНР

20 млрд. юаней в год, что равно 2,2 % объема валового национального продукта. Это несколько ниже, чем в СССР и США (соответственно 3,7 и 2,7 %), соответствует уровню Франции и Великобритании и выше, чем в Италии (1 %) ¹².

В переломе динамики эффективности общественного производства Китая интенсивные факторы сыграли немалую роль. Их доля в приросте валовой продукции промышленности увеличилась с 19 % в 70-е годы до 26 % в 80-е годы. В аграрном секторе этот показатель оказался еще выше. По данным Института экономики сельского хозяйства Китайской академии сельскохозяйственных наук, в 1972—1980 гг. он составлял 27 %, а в 1978—1983 гг. — уже 35 % ¹³.

По сравнению со структурными изменениями организационно-хозяйственные преобразования в меньшей степени повлияли на рост эффективности народного хозяйства КНР. Наиболее полно они сказались в сельской экономике. Перевод 98 % крестьянских дворов на подворный подряд с оплатой по конечному результату труда активизировал действие как материально-вещественных, так и субъективных факторов производства. Производительность труда в сельском хозяйстве при расчете в сопоставимых ценах выросла в 1978—1986 гг. на 51,7 %, в том числе в зерновом хозяйстве — на 16,7 %, хлопководстве — на 48,1 %, животноводстве — вдвое ¹⁴. По нашей оценке, почти половина из этого прироста обеспечена за счет повышения интенсивности и улучшения организации труда под влиянием материальной заинтересованности, а остальная часть — благодаря развитию механизации, более эффективному использованию техники, увеличению количества органических и минеральных удобрений, внедрению новой технологии.

Из преобразований в городской экономике самые ощутимые результаты принесло допущение множественности форм собственности и происшедшее на этой основе развитие многоукладности. Анализируя влияние этого процесса на производственные отношения китайского общества, большинство авторов обычно сосредоточивают внимание на выяснении вопроса, как соотносится «допущение» негосударственных форм собственности с социалистической ориентацией страны. Вместе с тем, как представляется, реальное социально-экономическое значение роста удельного веса кооперативной, индивидуально-трудовой, частно-предпринимательской и смешанной хозяйственных форм состоит в снижении уровня монополизации экономики КНР, проявляющейся в господстве государственно-бюрократической формы собственности.

Судя по материалам многочисленных обследований промышленных и торговых предприятий, существует прямая зависимость между степенью «удаленности» хозяйственных форм от государственного контроля и эффективностью производства. Поскольку полные данные о деятельности возрождаемых секторов экономики Китая не публикуются, эту зависимость можно проследить пока только по динамике производительности труда на предприятиях общенародной (государственной), коллективной (корпоративной) и индивидуальной (мелкой частной) форм собственности, представленной в таблице 3. Соотношение темпов прироста данных показателей в 1978—1986 гг. составило 1:1,8:7,3. Особо следует отметить, что начиная с 1985 г. «коллективные» предприятия, обладая несравненно меньшим объемом основных фондов, стали обгонять «общенародные» не только по темпам, но и по абсолютной величине в юанях средней выработки продукции на каждого работника. Эта тенденция наметилась даже в отраслях тяжелой индустрии, всегда составляющих основу государственного сектора.

В этих условиях существенное повышение доли кооперативной и индивидуальной форм собственности непосредственно повлияло на эффективность народного хозяйства КНР. «Коллективные» предприятия, на которые в 1978 г. приходилось лишь 19,2 % валовой промышленной продукции, обеспечили за последующее десятилетие 38 % ее прироста. Увеличение втрое за тот же период оборота товаров и услуг в «третьем» секторе экономики произошло благодаря преимущественно индивидуальным предприятиям, поглотившим половину занятых в этой сфере хозяйства.

Расширение действия экономических рычагов управления промышленностью значительно сказалось на эффективности производства. Отчасти это объясняется тем, что развитие хозрасчетных и рыночных отношений в городской экономике еще не достигло того уровня, когда эти отношения начинают самовоспроизводиться. Хотя формально сфера директивного планирования и ценообразования уменьшилась примерно вдвое, существенного влияния на производственные отношения эти изменения не оказали. Процесс предоставления предприятиям самостоятельности «завяз» на уровне министерств. Как свидетельствуют критические выступления китайской прессы, вплоть до настоя-

шего времени план по выпуску 90—95 % объема продукции, выпускаемой крупными предприятиями, продолжает устанавливаться «сверху»¹⁵.

Для обеспечения реальной самостоятельности низовых хозяйственных звеньев руководство КНР с 1986 г. центр тяжести реформы городской экономики перенесло на углубление перестройки деятельности предприятий.

Таблица 3
Изменение производительности труда
на предприятиях разных форм собственности

	Общественная собственность	Коллективная собственность	Индивиду- альная собственность
Средняя выработка на каждого занятого (в юанях):			
1978	4584	3977	99*
1986	6645	7708	65
Индекс (1978 г.=100)	144,9	193,8	611,9
Среднегодовой прирост (%)	4,8	8,6	35,0

* 1980 г.

Подсчитано по: Китайский статистический ежегодник — 1987.—
С. 115, 257.

После перевода большинства из них на условия подряда или аренды появились первые признаки воздействия экономических методов управления на эффективность промышленного производства. По итогам 1987 г. за счет увеличения производительности труда хозяйственных единиц, перешедших на систему подрядной ответственности, было обеспечено 79 % прироста объема продукции, что на 11 % выше среднего показателя промышленности КНР.

Позитивный результат усиления экономических рычагов управления, помимо прямого влияния на эффективность, состоит также в том, что они способствовали устранению некоторых недостатков, возникших в ходе структурной перестройки. Так, стремление предприятий к получению большей прибыли улучшило финансовое положение многих из них (прежде всего «сильных»), пошатнувшееся после переориентации на нужды потребителей. Благодаря этому с конца 1986 г. стали расти неуклонно снижавшиеся ранее отчисления прибыли промышленных предприятий в госбюджет.

Вместе с тем опыт реформы в Китае показал, что простое смещение баланса административных и экономических методов управления в сторону последних не устраняет, а скорее обнажает главные пороки существующей хозяйственной системы. Самое острое экономическое противоречие в рамках этой системы заключено между спросом и предложением. По В. В. Новожилову, парадоксальный характер рассмотренной им системы хозяйства состоит в том, что «товарный голод растет тем сильнее, чем больше расширение производства», а «сокращение производства будет сопровождаться смягчением товарного голода»¹⁶.

Данное определение в полной мере применимо к китайской экономике последнего десятилетия. При необычайно высоких темпах роста продукции большинства отраслей дефициты в ходе реформы все более обострялись. Заявки предприятий на материальные фонды удовлетворялись лишь на 51—58 %. Удовлетворение покупательной способности населения упало с 90,6 % в 1977 г. до 72,7 % в 1986 г.¹⁷ В 1987 г. была предпринята попытка единовременного уменьшения дефицитов за счет выброса в розничную сеть имевшихся в стране товарных запасов, однако и это не принесло результатов. Объем отложенного спроса увеличился до трех четвертей годового розничного товарооборота страны.

Сложившаяся ситуация отражает общее свойство любой дефицитной экономики, заключающееся в практически ничем не ограниченном росте спроса — как на материальные фонды у предприятий, так и на предметы потребления у населения. О непомерно быстром увеличении совокупного общественного спроса, особенно ярко выразившемся с 1985 г., можно судить хотя бы по двум фактам: прирост ассигнований в основные производственные фонды за последние годы почти втрое превышал прирост национального дохода, а увеличение фонда заработной платы вдвое обгоняло рост производительности труда в промышленности.

В хозяйственной системе, подобной той, которая существует в Китае, усиление дефицита на одном полюсе обязательно дополняется ростом сверхнормативных запасов на другом¹⁸. Углубление диспропорций между спросом и предложением выразилось в том, что в 1986 г., например, доля промышленных и торговых предприятий, выпускающих продукцию повышенного спроса, упала с 48 до 28,4 %, а имеющих затоваренную продукцию — выросла с 11 до 19,9 %. Эта тенденция проступает тем сильнее, чем дальше данная отрасль отстоит от потребителя. Так, в металлургии складские запасы стали во второй половине 1987 г. превысили 30 млн. т., что превышает половину ее годовой выплавки в стране¹⁹.

Механизм «накручивания» дефицитов в ходе экономической реформы виден на примере нехватки туалетной бумаги, «внезапно» возникшей в Пекине с осени 1986 г. Это было особенно неожиданно для населения, поскольку Китай всегда славился производством данной продукции. К тому же с 1983 г. городские власти в соответствии с новыми условиями хозяйствования перестали устанавливать плановый показатель по производству бумаги, предоставив предприятиям возможность через заказы торговли ориентироваться на покупательский спрос.

Выяснение китайскими специалистами истоков этого дефицита показало, что все началось со слухов о якобы предстоящем повышении цен на туалетную бумагу. В течение нескольких дней магазины опустели. При появлении товара стали немедленно выстраиваться очереди. Сказалось и то, что в пригородах цена на бумагу выше, чем в самом Пекине. А в последние годы в связи с ослаблением ограничений на передвижение по стране число приезжих в Пекине значительно увеличилось, и многие из них не упускают случая записаться дешевым товаром. Выяснилась и более глубокая причина дефицита. Цены на туалетную бумагу были установлены еще в 50-е годы и с тех пор не пересматривались. Поэтому после расширения самостоятельности предприятия, не заинтересованные в выпуске невыгодной продукции, стали снижать ее производство. Наконец, раньше предприятия, имея жесткий план, срыв которого был недопустим, имели большие запасы бумаги на случай непредвиденных обстоятельств (перебой с получением сырья, поломка оборудования и т. п.). Теперь же они от этих запасов освободились. Что же касается торговых предприятий, которые для учета колебаний спроса должны были создать свои запасы, то они не смогли этого сделать из-за недостатка помещений. Таким образом, туалетная бумага пополнила и без того богатый перечень дефицитных товаров²⁰.

Увеличение разрыва между спросом и предложением обусловило крайне высокую в последние годы инфляционную составляющую экономического роста КНР. Только за последние три года количество денег в обращении и суммы банковских кредитов утроились. Среднегодовые темпы инфляции с конца 70-х годов, судя по данным Института экономики АОН КНР, находились в пределах 12,4—14,0 %²¹. Этот уровень превысил темпы прироста национального дохода страны и тем самым в значительной мере обесценил реальные результаты экономического развития.

Снижение покупательной силы денег проявилось в росте индекса цен. Последние четыре года стали третьим по счету и самым длительным периодом их повышения за всю историю КНР. Сложившаяся ситуация оказалась хуже, чем даже в начале 60-х годов, когда страна пережила тяжелейший экономический кризис, вызванный «большим скачком». Наиболее болезненными оказались социальные последствия этого явления, связанные с непосредственным снижением реальных доходов и психологической неподготовленностью части населения. Как свидетельствуют материалы одного из выборочных обследований, доля городских жителей, указавших на рост своего благосостояния, упала за период 1984—1988 гг. с 84 до 24 %, а доля тех, кто считает, что уровень их жизни понизился, выросла с 3 до 33 %²².

Среди конкретных причин, вызвавших рост цен в Китае, парадоксальным образом

оказались одновременно и сохранение каркаса старой системы ценообразования и принятые в последние годы меры по ее перестройке. Получив благодаря реформе некоторую самостоятельность, промышленные предприятия и крестьянские дворы стали сокращать производство тех видов продукции, цены на которые неоправданно занижены (зерновые и свинина в сельском хозяйстве, многие виды сырья и материалов в промышленности), и сосредоточились на выпуске товаров с низкой себестоимостью и высокой ценой. В рамках директивного планирования начали использоваться различные способы скрытого повышения цен: «вымывание» дешевого ассортимента, снижение качества и др.

Первые же попытки устранить перекосы ценообразования в условиях растущего дефицита усугубили ситуацию, вызвав всплеск цепного повышения цен. Правительство КНР осуществило в 1985 г. крупное урегулирование оптовых цен на железную руду, стальную прокат, уголь, цемент и другую продукцию, выпускаемую в основном добывающими отраслями, и начало стимулировать развитие свободного рынка средств производства. Ставка, очевидно, делалась на рост заинтересованности предприятий обрабатывающей промышленности в снижении затрат и увеличении производительности труда. Однако предприятия, обладая практически неограниченной монополией, избрали более легкий путь пересмотра цен на свою продукцию, идя ради этого даже на нарушение закона. В 1987 г. контролирующие органы зафиксировали 658,6 тыс. таких случаев. Обобщив результаты проверок, государственное управление товарных цен сделало вывод о том, что нарушение правил ценообразования стало одной из главных причин снижения реальных доходов у части населения²³.

Повышение цен на промышленную продукцию добывающих и обрабатывающих отраслей нанесло серьезный удар по сельскому хозяйству Китая. Удорожание топлива, минеральных удобрений и другой продукции, поставляемой деревне, вызвало резкий рост себестоимости производства в аграрном секторе. Средние материальные затраты на единицу площади в растениеводстве, например, подскочили более чем в полтора раза по сравнению с уровнем 1979 г. Естественно, что рост цен распространился и на сельскохозяйственную продукцию, в результате чего вновь пострадал потребитель.

Сразу после появления первых ощутимых признаков ускоряющейся инфляции китайское руководство стало принимать меры ограничительного характера. К ним относятся сдерживание директивным путем совокупного общественного спроса (более жесткий подход к расширению капитального строительства, ограничение роста фонда заработной платы), установление режима экономии. В 1988 г. восстановлена государственная монополия на торговлю средствами производства в деревне, в полном объеме введен централизованный контроль за ценами на сырье и транспортными тарифами.

Очевидно, что в условиях существующей хозяйственной системы для стабилизации положения невозможно было использовать преимущественно экономические рычаги. Их роль в Китае еще не настолько велика, чтобы с помощью методов, разработанных Дж. Кейнсом и его последователями, быстро и эффективно менять конъюнктуру. Поэтому логичным выглядит энергичное применение административных мер из старого арсенала экономической политики КПК. Благодаря им государство в течение последних двух — трех лет усилило контроль за ситуацией в народном хозяйстве и не допустило сползания к кризису.

Вместе с тем усиление с 1986—1987 гг. директивных начал в экономике КНР имело и негативные последствия, сводящиеся главным образом к обострению старых противоречий, которые начали разрешаться благодаря реформе. Прежде всего, приостановилась, а затем двинулась вспять переориентация части мощностей китайской промышленности на производство потребительских товаров. Этот процесс нашел отражение в макроэкономических показателях. Вновь, как в 70-е годы, опережающими темпами стал расти выпуск продукции тяжелой промышленности, усилившей производственную ориентацию «на себя». После взлета в 80-х годах наметилось некоторое снижение совокупной эффективности общественного производства. Так, фондоотдача основных фондов государственной промышленности упала в 1986 г. на 4,0 % и «застряла» на этом уровне в последующие годы.

Некоторое повышение роли тяжелой промышленности имело и социальные издержки. Одним из самых крупных достижений Китая за последнее десятилетие было значительное снижение уровня безработицы в городах (с 5,3 % в 1978 г. до 1,8 % в

1985 г.). Оно было обеспечено главным образом благодаря увеличению рабочих мест на предприятиях легкой промышленности, торговли и в сфере обслуживания. С 1986 г. наметился рост (пока небольшой — до 2,5 %) доли трудоспособного населения, «ожидающего работу». Как представляется, наряду с демографическими причинами это вызвано тогда же начавшимися структурными сдвигами в пользу отраслей тяжелой индустрии.

Подведем итоги. За прошедшие десять лет Китаю удалось существенно продвинуться в решении ряда острых экономических проблем. Одним из самых крупных прорывов стало новое качественное наполнение темпов роста народного хозяйства. Китай внес заметный вклад в копилку коллективного опыта социалистических стран по преодолению противоречия между экономическим ростом и эффективностью.

Позитивный опыт развития КНР за последнее десятилетие показал высокую действенность активной структурной политики. Страна в целом успешно апробировала вариант экономической реформы, начинающейся с энергичных мер по ускорению научно-технического прогресса и отраслевой перестройки, ориентированной на приоритетное развитие социальной сферы. Одно только решение проблемы голода, существовавшей в стране по крайней мере два тысячелетия, с лихвой перекрыло все негативные стороны избранного руководством КНР курса.

Китайский опыт проб и ошибок показал, что в ходе реформы организационно-хозяйственные преобразования должны «накладываться» на адекватную материально-техническую базу и на такую экономическую структуру, которая приближает производителя к потребителю. Без этого условия могут не сработать самые прогрессивные изменения в хозяйственном механизме.

Реформа в Китае также продемонстрировала недостаточность повышения — пусть даже существенного — роли экономических рычагов управления. В рамках сложившейся хозяйственной системы новые механизмы приносят с собой лишь кратковременные улучшения, после чего встраиваются в эту систему и начинают на нее работать. Глубокие изменения могут произойти лишь с коренным преобразованием основных структур, главным звеном в котором является радикальная экономическая реформа. Ростки этих коренных изменений можно увидеть уже в сегодняшнем Китае. К ним, например, относятся новые отношения собственности, складывающиеся при создании акционерных предприятий, новые сферы рыночных отношений — такие, как рынки средств производства, фондов, технологии, информации, рабочей силы.

Однако именно в тот момент, когда перед китайским обществом начала открываться перспектива перехода в качественно новое состояние, темпы реформы стали утрачивать прежний динамизм. На это указывает, в частности, приостановка процесса активизации интенсивных факторов экономического развития КНР. После взрывного роста показателей эффективности с 1986 г. наметилось их ухудшение.

Примечательно, что такого рода явления при сходных условиях уже наблюдались в истории социалистических стран, например, в Советском Союзе на рубеже 50—60-х годов. Можно предположить, что они имеют одну и ту же природу. Наблюдающееся сейчас относительное затухание процессов обновления в китайском обществе закономерно и обусловлено целым комплексом причин. Главной предпосылкой служит, на наш взгляд, отсталость и недостаточная надежность производственного аппарата. Обследования в разных районах КНР свидетельствуют о том, что без соответствующих изменений в производительных силах даже самые решительные меры по внедрению хозрасчета, арендных отношений и других новых экономических форм вызывают лишь кратковременное повышение эффективности производства. В самом деле, о каких качественных сдвигах можно говорить, если, например, в трехмиллионном парке металлорежущих станков, имеющихся в стране, только 1 млн. в основном отвечает минимальным современным требованиям, но и из их числа большинство находится в изношенном состоянии.

По наиболее оптимистичным оценкам, Китаю для коренного обновления промышленного оборудования в течение 10 лет требуется ежегодно расходовать 42 млрд. юаней, что несколько превышает реальный уровень, достигнутый в шестой пятилетке²⁴. В последние годы стране удалось удвоить объем средств, направляемых на техническое обновление и реконструкцию предприятий. Но даже в этой ситуации, оставляя в стороне качественную сторону производительных сил, КНР требуется не менее пяти лет для выхода на новый уровень развития.

Прогнозы о близком «экономическом чуде» в Китае, таким образом, оказываются по меньшей мере преждевременными. Наиболее вероятным в ближайшие годы является некоторое замедление темпов хозяйственных преобразований, необходимое для стабилизации экономического положения, смягчения наиболее острых структурных диспропорций и установления контроля над инфляцией. Если стране удастся во время «передышки» обеспечить прогрессивное структурное урегулирование, процесс коренного изменения экономических отношений и перехода к качественно новому уровню эффективности может в дальнейшем ускориться. В противном случае, при неблагоприятных социально-политических условиях, в китайском обществе могут распространиться застойные явления. Чтобы избежать такого развития событий, КНР потребуются постоянная «подпитка» реформы новыми идеями и экспериментами. Сильным сдерживающим фактором для негативных тенденций будет расширение международных связей Китая, особенно с социалистическими странами, вступившими на путь революционной перестройки.

¹ Подробное описание методики см.: Баньюэ тань.— 1987.— № 15.— С. 9—10.

² См.: Достижения и перспективы.— Вып. 62. Управление и научно-технический прогресс.— 1986.— № 11.— С. 5—6.

³ In: Yeh K. C. *Macroeconomic Changes in the Chinese Economy During the Readjustment* // *The China Quarterly*.— 1984.— № 100.— P. 712.

⁴ См.: Шицзе цзинци даобао.— 1987.— 26 октября.

⁵ См.: Чэнь Куань, Се Цяньли, Т. Роски, Ван Хунчан, Чжэн Юйсинь. Оценка основных фондов государственной промышленности Китая // Чжунго шэхуэй кэсюэ.— 1987.— № 6; Chen Kuan, G. H. Telferson, T. G. Rawski, Wang Hongchang, Zheng Yuxin. *New Estimates of Fixed Investment and Capital Stock for Chinese State Industry* // *The China Quarterly*.— 1988.— № 114.

⁶ Ibid.— P. 257.

⁷ См.: Нунминь жибао.— 1986.— 28 марта.

⁸ См.: Шицзе чжиши.— 1987.— № 7.— С. 20; ЭКО.— 1988.— № 12.— С. 47; *International Herald Tribune*.— 1988.— January 13.

⁹ In: R. M. Field. *Changes in Chinese Industry Since 1987* // *The China Quarterly*.— № 100.— P. 751.

¹⁰ См.: Цзинци жибао.— 1987.— 12 февраля; Гунжэнь жибао.— 1988.— 31 августа.

¹¹ Китайская официальная статистика неполно учитывает реальные затраты на НИОКР (часть из них проходит по статье ассигнований на опытное производство новой продукции, по внебюджетным капиталовложениям и др.), в результате чего ресурсообеспеченность науки в КНР выглядит невысокой.

¹² In: *Science Indicators. The 1985 Report. National Science Board*.— Wash., 1985.— P. 187.

¹³ См.: Китайский экономический ежегодник.— 1985.— Пекин, 1985.— С. V — 245; Цзинци жибао.— 1987.— 20 июня.

¹⁴ См.: Цзинци данькао.— 1987.— 10 сентября.

¹⁵ См.: Шицзе цзинци даобао.— 1988.— 15 августа.

¹⁶ В. В. Новожилов. Недостаток товаров // *Вестник финансов*.— 1926.— № 2.— С. 78, 80, 85.

¹⁷ Подсчитано по: Китайский статистический ежегодник.— 1987.— С. 552, 554, 555; Цзинци яньцзю.— 1988.— № 6.— С. 62.

¹⁸ In: T. Kornai. *Growth, Shortage and Efficiency*.— Oxford, 1982.— P. 34.

¹⁹ См.: Жэньминь жибао.— 1987.— 16 февраля, *China Daily*.— 1987.— August 12.

²⁰ См.: Цзинци жибао.— 1986.— 28 октября; *China News Analysis*.— 1987.— February 15.— № 1329.— P. 8—9.

²¹ Подсчитано по: Чжунго цзиньжун.— 1984.— № 7.— С. 30; — 1987.— № 11.— С. 34; Цзинци яньцзю.— 1988.— № 4.— С. 11.

²² См.: Шицзе цзинци даобао.— 1988.— 28 августа.

²³ In: *Far Eastern Economic Review*.— 1988.— January 28.— P. 72.

²⁴ См.: Китай в 2000 году.— Пекин, 1984.— С. 207.— На кит. яз.

Плюсы и минусы семейного подряда

*Л. А. ВОЛКОВА,
кандидат экономических наук*

Десятилетний период реформы экономической системы в деревне неоспоримо доказал положительные стороны новой хозяйственной организации, основой которой выступает семейный (подворный) подряд. И вместе с тем во весь рост встали проблемы, вызванные этой формой хозяйствования, проблемы выбора путей ее совершенствования или трансформации в другие формы с целью повышения эффективности производства.

Чтобы подойти к рассмотрению этих вопросов, необходимо проанализировать основные черты организации хозяйства на базе семейного подряда, утвердившейся в первой половине 80-х годов. Организационно-экономические изменения в этот период непосредственно затронули всю систему производственных отношений в деревне, положив начало формированию экономической структуры, адекватной начальной стадии социализма, продолжительность которого определена XIII съездом КПК в 100 лет. Новая экономическая структура характеризуется сосуществованием различных форм хозяйства в отличие от абсолютного преобладания в прошлом одной формы, базирующейся на общественной собственности. «Реформа экономической системы в деревне добилась успехов в различных областях,— подчеркивал Лю Чжичэн (АОН Китая),— но самым ценным является отказ от модели хозяйства, основанной только на одной общественной собственности»¹.

Установка на использование различных форм хозяйства, принятая XII съездом КПК в 1982 г., отражала фактическое положение дел в деревне: семейный подряд стал преобладающим среди многих других форм производственной ответственности, возникали и единоличные хозяйства, численность которых быстро возрастала. Характерной чертой распространения подрядной формы хозяйства в деревне следует считать инициативу самих крестьян, их активность в переходе к использованию именованной формы полной ответственности двора за производство еще в начале 80-х годов. Позже, в 1984 г., эта форма производственной ответственности стала называться семейным подрядом. Абсолютно преобладающей она становится в конце 1983 г.— ее практиковали 94,2 % всех производственных бригад, а в 1984 г.— 99,96 %².

Эта форма производственной ответственности предусматривает передачу бригадой в пользование двора определенной пахотной площади, сельскохозяйственных орудий и других средств производства. Крестьяне имеют право выкупить у бригады средства производства, кроме земли. Крестьянская семья самостоятельно организует производство, обязуясь сдать определенное количество продукции в счет налога, делать отчисления в общественные фонды бригады, продавать установленный объем сельскохозяйственной продукции по плану централизованных закупок (а с 1985 г.— по договору). Оставшаяся часть продукции находится в распоряжении семьи. Хозяйствование, как отмечалось в китайской печати, ведется по принципу: «Гарантирую сдачу продукции государству, оставь сполна коллективу, все остальное принадлежит тебе»³.

Хозяйственные отношения между двором, получившим в подряд земельный участок, и производственной бригадой оформлялись подрядным договором, определявшим права и обязанности сторон. В договоре фиксировались направления производственной деятельности семьи, ее обязательства по сдаче и продаже продукции, по внесению налогов и отчислений. На подрядный двор возлагалась также ответственность за выполнение установок по плановому деторождению.

В обязанности бригады входило предоставление двору в подряд земли, некоторых других средств производства, обеспечение химическими удобрениями, инсектицидами по государственным ценам или близким к ним, поддержание в порядке хозяйственных

объектов общественного пользования: ирригационных сооружений, колодцев, дорог и т. п.

После замены обязательных закупок зерновых и хлопка договорными закупками в соответствии с положениями документа ЦК КПК № 1 за 1985 г. — «Десять установок ЦК КПК и Госсовета КНР по дальнейшему оживлению экономики деревни»⁴ — обязательство крестьянского двора по продаже сельскохозяйственной продукции получает отражение в договорах на закупку по контрактам, которые имеют статус хозяйственного договора и соответствующее правовое обеспечение в соответствии с «Законом КНР о хозяйственном договоре».

В течение 1984—1987 гг. значительное внимание в практике хозяйственного руководства и в директивных документах уделялось упорядочению подрядных отношений. Например, были определены условия, необходимые для продления срока договора на подряд земли или для его возобновления: выполнение положений предыдущего договора и увеличение производства. Предусматривалась возможность передачи подрядной земли другому крестьянину с согласия коллективной организации или ее возвращения коллективу для перераспределения. В договор также вносилось положение о санкциях за нанесение ущерба плодородию пашен, за использование земли в несельскохозяйственных целях.

Переход к системе семейного подряда имел в качестве предпосылки отделение права собственности на основные средства производства от права пользования ими, результатом его стали изменения в отношении собственности и ее структуре. Так, если в 1980 г. в коллективной собственности в деревне находилось примерно 90 % основных производственных фондов (не считая земли), а в собственности крестьянских семей — только 9 %⁵, то в 1985 г. крестьяне владели примерно 55 % производственных фондов, в коллективной собственности оставалось 42,3 %, на долю хозяйственных объединений приходилось 1,8 % этих фондов⁶.

К концу 1985 г. крестьянским семьям были переданы принадлежавшие коллективным хозяйствам крупные и средние сельскохозяйственные орудия, скот и другое имущество на сумму свыше 20 млрд. юаней⁷. После 1983 г. крестьяне имели возможность самостоятельно покупать тракторы, другую сельскохозяйственную технику и орудия, транспортные средства. В 1986 г. они уже владели 66,2 % всех средних и крупных тракторов и 92 % мелких, более 60 % общего числа используемых в сельском хозяйстве грузовиков⁸. По данным обследования 280 деревень, в различных районах страны в 1986 г. в собственности крестьянских дворов находилось в 2,6 раза больше основных производственных фондов, чем в коллективной собственности⁹.

Структура собственности, сложившаяся к середине 80-х годов, более соответствовала уровню реального обобществления производства, который в конечном счете определял и многообразие возникающих форм хозяйствования.

Утверждение семейного подряда в качестве основной формы производственной ответственности привело к формированию двухъярусной или двухуровневой модели хозяйствования, сочетающей «единое и отдельное» ведение хозяйства. Крестьянская семья, обладающая хозяйственной самостоятельностью, представляла одну ступень, так называемую ступень «отдельного» («фэнь») хозяйствования. В 1987 г. каждая семья в среднем располагала средствами в размере 1214,6 юаня (включая производственные фонды и наличные денежные средства)¹⁰. В качестве второй ступени выступали сохранявшиеся объекты коллективного хозяйства: ирригационные сооружения, коллективные предприятия деревень, общественные фонды бригады. Эти средства составляют материальную основу единой («тун») ступени хозяйствования.

Конкретные формы сочетания «единого» и «отдельного» хозяйства в различных районах страны весьма неодинаковы, их соотношение определяется прежде всего уровнем экономического развития и региона в целом, и каждой деревни, сложившейся производственной структурой, историческими традициями и рядом иных причин. В одних районах, как было отмечено на конференции по проблемам управления организациями кооперативной экономики в конце 1987 г., двухъярусная структура хозяйствования, обе составные части которой являются реально функционирующими, предстает как новая форма организации хозяйства, способствующая повышению его экономической эффективности и развитию производительных сил в сельском хозяйстве. В других — ступень единого хозяйствования уже утратила свои функции и фактически не существует¹¹. Примером развития по первой из названных моделей могут служить,

как правило, пригородные районы, а также развитые в экономическом отношении районы, где коллективное хозяйство сравнительно стабильно развивалось и до реформы, обеспечивая довольно высокие доходы крестьян. В южной части провинции Цзянсу, например, коллективное хозяйство как и прежде, играет важную роль, занимая абсолютно преобладающее место в структуре производства. Большая часть пахотной площади провинции используется непосредственно в коллективном хозяйстве, в подряд передана незначительная ее доля — только 9 % (по данным на 1987 г.)¹². В 1986 г. 90 % промышленной и сельскохозяйственной продукции поступило от коллективных хозяйств, и 70 % доходов крестьян обеспечивалось коллективной ступенью хозяйства. Для сравнения следует отметить, что в целом по стране доля дохода от коллективной ступени хозяйства в 1986 г. составляла 8,5 % в чистом душевом доходе крестьянской семьи, а доля дохода от семейного хозяйствования — 81,5 %¹³. В отличие от формы организации хозяйства в провинции Цзянсу, в восточных районах провинции Чжэцзян (особенно в округе Вэньчжоу) абсолютно преобладающей формой является семейное хозяйство, оно обеспечило в 1986 г. 80 % валовой продукции. В целом обособленное хозяйствование семьи преобладает в отраслях животноводства, рыбном, подсобном и лесном хозяйствах. Земледелие ведется в одних районах исключительно силами семьи, в других — с той или иной долей участия коллективной ступени хозяйства в процессе производства трудоемких работ (пахота, сев) или в сфере сбыта продукции и снабжения средствами производства, предоставления помощи в области агротехники и т. п.

Большая, чем раньше, свобода в организации производства и ведения хозяйства при семейном подряде соответствовала интересам подавляющего большинства крестьян. Директивные документы ЦК КПК и Госсовета КНР, соответствующие нормативные положения, принятые в 1983—1987 гг., закрепляли достигнутый уровень соотношения семейного и коллективного хозяйства и вместе с тем предоставляли все большие возможности для расширения хозяйственных прав семьи, развития различных форм кооперации и индивидуального труда. Документ ЦК КПК № 1 за 1983 г. — «Некоторые вопросы экономической политики в деревне на современном этапе» — содержал разрешение крестьянам продавать и закупать сельскохозяйственную продукцию, остающуюся после выполнения планов по централизованным закупкам, заниматься мелкой торговлей и дальними перевозками продукции, самим покупать сельскохозяйственную технику, орудия и транспортные средства, использовать помощников в сельскохозяйственных работах, на предприятиях — иметь не более семи учеников и помощников. Срок подряда на землю, первоначально определенный в 3—5 лет документом ЦК КПК № 1 за 1984 г., был продлен до 15 лет и более¹⁴. В районах с неблагоприятными природными условиями, в отдаленных и горных районах землю разрешалось закреплять на срок до 30 лет, земельные участки под посадки леса могли передаваться на 50 лет и по наследству¹⁵. В 1987 г. сообщалось о возможности продления срока подряда на обычные участки до 50 лет¹⁶. В отдельных районах этот срок был еще более длительным, например, на острове Хайнань решением местного правительства он был определен в 70 лет.

Реформа экономической структуры деревни, переход к использованию семейного подряда сыграли решающую роль в увеличении сельскохозяйственного производства, оживлении сельской экономики, что благоприятно сказалось на развитии всего народного хозяйства страны и на возможности осуществления реформы в других областях. В 80-е годы значительно увеличились темпы развития экономики деревни, среднегодовой темп прироста валовой продукции сельского хозяйства более чем в два раза превышал темпы ее прироста в течение предшествующего десятилетия. Китайская печать отмечала повышение производительности труда крестьян и его интенсивности. Значительно увеличилось производство зерна с 304,8 млн. т в 1978 г. до 407,3 млн. т в 1984 г., то есть на 33,6 %. Однако в последующие годы произошло снижение сбора зерновых, в 1985 г. — до 379,1 млн. т., в 1986 г. было собрано 391,5 млн. т, в 1987 г. — 404,7 млн. т, в 1988 г. — 394 млн. т.

Особенно быстро развивались сельские предприятия, за 1979—1987 гг. среднегодовой темп прироста их валовой продукции составил 28 %¹⁷.

Произошло также повышение жизненного уровня китайского крестьянства, чистый среднедушевой доход крестьянской семьи поднялся со 160 юаней в 1979 г. до 463 юаней в

1987 г., то есть в 2,9 раза, а с учетом роста цен — примерно в два раза. Большой размах получило жилищное строительство в деревне.

Улучшение экономической ситуации в деревне, в том числе и своего материального положения, крестьянство страны связывает прежде всего с переходом на подрядную форму хозяйствования. Как показали результаты опроса общественного мнения, проведенного в 1988 г. и охватившего 10 тыс. крестьянских дворов, этот фактор, вызвавший повышение трудовой активности, сочли решающим 92,8 % опрошенных¹⁸.

Несомненно, немаловажную роль в увеличении сельскохозяйственного производства сыграло и повышение закупочных цен на основные виды продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов, проведенное в 1979 г. Оно коснулось 18 видов продукции, цены были повышены в среднем на 22,1 %, в том числе на зерновые, закупаемые по плану централизованных закупок, — на 20 %, на зерно, продаваемое сверх плана, — до 50 %¹⁹. Экономический выигрыш крестьян составил 12 млрд. юаней²⁰.

Более широкое использование агротехнических достижений, передовой техники также способствовало росту производства в 80-е годы. Китайские специалисты считают, что это обеспечивает до 30 % прироста сельскохозяйственного производства²¹. Эти два фактора по значимости в деле повышения доходов и роста производства заняли соответственно четвертое и третье места из числа десяти факторов, по которым проводился опрос. Второе место было отведено расширению возможностей трудиться в иных, кроме сельского хозяйства, отраслях производства.

Хозяйствование на основе семейного подряда способствовало положительным сдвигам и в производственной структуре деревни. За период 1979—1987 гг. в валовом общественном продукте деревни доля валовой продукции сельского хозяйства снизилась с 68,8 до 49,6 %, валовая продукция других отраслей повысилась с 31,4 до 50,4 %. В валовой продукции сельского хозяйства сократилась доля растениеводства с 76,7 до 60,7 % и увеличилась доля животноводства, лесного и рыбного хозяйства, подсобных промыслов с 23,3 до 39,3 %. в самом растениеводстве сократился удельный вес зерновых, увеличился удельный вес технических культур²².

Самым весомым положительным результатом первого этапа сельской реформы явилось решение в основном проблемы обеспечения пищей и одеждой миллиардного населения страны, о чем было официально объявлено после сбора высокого урожая в 1984 г., когда в среднем на душу населения производство зерна достигло 400 кг в год.

Изменение организационно-хозяйственной структуры деревни, суть которого — переход на семейный подряд, позволило приступить ко второму этапу сельской реформы — к реформе системы товарного обращения. Однако и в ходе второго этапа, отсчет которого ведется с 1985 г. — с принятия документа «Десять установок ЦК КПК и Госсовета КНР по дальнейшему оживлению экономики деревни» — вопросы совершенствования хозяйственной структуры отнюдь не снимаются с повестки дня, наоборот, приобретают весьма важное значение, становятся центральным содержанием углубления реформы.

В 1987—1988 гг. китайским руководством, учеными и практическими работниками поднимается вопрос о необходимости организационного обновления сельской экономики на базе семейного подряда. Чем это вызвано?

Экономика деревни переживает период замены старой экономической системы новой, период перехода от традиционного ведения хозяйства к современным методам его организации. Реформа экономической системы — процесс длительный, в ходе которого, как и предусматривалось директивными документами, неизбежны те или иные изменения в хозяйственных связях, во всей экономической системе в зависимости от складывающихся конкретных условий. Переход в масштабах страны к более широкому развитию товарного производства и товарного обращения выдвигает требования и к совершенствованию хозяйственно-организационной структуры деревни. Вместе с тем трудности, с которыми столкнулось сельское хозяйство в последние годы, и прежде всего сокращение производства основной сельскохозяйственной продукции — зерновых, со всей остротой поставили вопрос о путях и методах преодоления негативных тенденций в отрасли, важнейшая роль при этом отводится изменениям в структуре хозяйственной организации деревни.

Несомненно, уменьшение производства зерна и некоторых других культур, имевшее место после 1984 г., вызвано целым рядом причин, с одной стороны, прямо или

косвенно связанных с формами организации производства в деревне, а с другой — обусловленных экономическими процессами во всем народном хозяйстве.

Какие же это причины? В китайской литературе в последние годы отмечается устойчивая тенденция к сокращению пахотных и посевных площадей, орошаемой площади и площади механизированной пахоты. После 1984 г. по всем названным показателям не был достигнут уровень 1979 г. Особую тревогу вызывает уменьшение пахотной площади в стране: только за два года — 1986 и 1987 гг. оно составило 960 тыс. га, сократившись с 96,85 млн. га в 1985 г. до 95,89 млн. га в 1987 г. Орошаемая площадь в 1987 г. уменьшилась на 600 тыс. га по сравнению с 1979 г., составив 44,4 млн. га²³. Серьезной проблемой в последние годы стало и снижение плодородия почвы в результате хищнического ее использования, сокращения вложения средств в земледелие.

В 1985 и 1986 гг. отмечалось снижение урожайности зерновых на 3,7 и 2,5 % по сравнению с 1984 г., в 1987 г. — она повысилась незначительно — на 0,4 % против уровня 1984 г.²⁴, а в 1988 г. вновь уменьшилась.

Анализируя причины сокращения производства зерна, нельзя не учитывать влияния стихийных бедствий, разрушительные последствия которых в 1985—1988 гг. возрастают, а возможности противостоять им уменьшаются, главным образом вследствие сокращения объемов ирригационного строительства и других землеустроительных работ на полях.

Главной причиной этих негативных факторов, наряду с сокращением государственных централизованных капиталовложений в сельское хозяйство и обслуживающие его отрасли промышленности, является сокращение вложений средств и труда самих крестьян в ирригационное строительство, в другие виды землеустроительных работ и в основные фонды. Возможности крестьян в накоплении средств в целом по стране весьма ограничены: по сообщениям китайской печати, примерно половина крестьянских дворов не может осуществлять расширенное воспроизводство²⁵. Из года в год сокращаются отчисления крестьян в коллективные фонды. В ряде районов средства, выделяемые на ирригационное строительство, не покрывают даже расходы на содержание ирригационных объектов²⁶. И вместе с тем накопления крестьян в 1988 г. оценивались в 170 млрд. юаней, а денежная наличность в 100 млрд. юаней²⁷. Среднедушевые расходы крестьян на жилищное строительство, по данным выборочных обследований в 1986 г., в 5 раз превосходили расходы на приобретение средств производства и другие вложения в основные фонды²⁸.

Значит, крестьяне не заинтересованы в увеличении вложения средств в сельское хозяйство, особенно в земледелие, при существующей системе экономических стимулов. Земледелие является наименее прибыльной для крестьян отраслью хозяйства, а в земледелии — производство зерна. Доходы крестьян в зерновом хозяйстве существенно ниже, чем в других отраслях. Например, в провинции Хубэй 1 му под рисом обеспечивал чистый доход в 150 юаней в год, под хлопком — 170 юаней, под овощами — 1500 юаней, под цитрусовыми — 1000 юаней. Один занятый в сельском хозяйстве, при условии, что он выращивает рис на площади в 8 му, получает чистый годовой доход в 1200 юаней, занятый мелкой торговлей 3000 юаней, а на перевозках на тракторе — от 5 до 8 тыс. юаней²⁹.

Система контрактных закупок зерна и хлопка, по мнению крестьян, мало чем отличается от прежних централизованных закупок, слишком незначительная доля зерна остается у крестьян для свободной продажи на рынке по более высоким ценам. В 1987 г. государством было закуплено 34,9 % общего объема произведенного зерна, на нужды личного и производственного потребления крестьян пошло 54,9 %, а для реализации на рынке — примерно 10 % зерна³⁰. Закупочные цены на зерно считаются низкими, не интересуют крестьян в расширении его производства. «Дешевое зерно вредит сельскому хозяйству, — говорят крестьяне, — если 100 цзиней риса (50 кг) стоят 19 юаней, никто не захочет выращивать зерновые»³¹. Рост цен на средства производства в последние два года опережает рост цен на продукцию сельского хозяйства. По подсчетам китайских экономистов, выигрыш, полученный крестьянами за счет повышения закупочных цен на зерно в 1985—1986 гг., на $\frac{2}{3}$ был погашен в результате роста цен на средства производства, используемые в сельском хозяйстве³². Рост себестоимости сельскохозяйственной продукции в результате вздорожания средств производства в 1987 г. вел к снижению доходов крестьян при абсолютном увеличении производства³³.

Чем же можно объяснить тот факт, что реорганизация хозяйственной структуры деревни в начале 80-х годов способствовала значительному росту производства зерна, а после 1984 г. в условиях того же семейного подряда оно фактически топчется на месте? Предоставление значительной хозяйственной самостоятельности двору после упразднения трехступенчатой системы коммун с производственной бригадой в качестве хозрасчетной единицы, повышение закупочных цен вызвали всплеск трудовой активности и инициативы крестьян. Это позволило с большей эффективностью использовать существовавшие материальные условия производства, экономический потенциал имевшихся коллективных хозяйств, хотя и весьма ограниченный*.

Незначительные размеры сформировавшихся на основе семейного подряда хозяйств — в среднем на семью пришлось по 6—9 му пахотной площади, причем не единым клином, а несколькими еще более мелкими участками, соответствовали модели традиционной технологии мелкотоварного хозяйства — модели хозяйства трудоинтенсивного. Потенциальные возможности увеличения производства на этой базе, как считают китайские экономисты, в основном уже использованы. Дальнейшее увеличение производства связывается с переходом от традиционной к современной технологии сельского хозяйства, когда рост производительности труда достигается за счет значительного повышения капиталовложений в отрасль. Сельское хозяйство после 1984 г. как раз и вступило в полосу переходного периода от одной хозяйственно-технологической модели к другой. Однако к этому времени коллективная ступень хозяйства, которая могла бы организовать проведение общественно необходимых работ по ирригации, мелиорации и другим видам, во многих районах уже фактически не существовала; «вывеска осталась, а содержание отмерло» — говорилось на совещании, посвященном изучению вопросов организационного обновления сельской экономики в августе 1988 г.³⁴. Ослабленное внимание к работам, столь необходимым для успешного развития сельского хозяйства в условиях Китая, сыграло свою отрицательную роль. К этому добавились и рассмотренные выше негативные факторы.

Нестабильное положение отрасли и особенно производства зерна при продолжающемся существенном росте населения (к 2000 г. для обеспечения 400 кг зерна на душу населения его производство должно превысить 500 млн. т) ставит проблему поиска более эффективных методов организации хозяйства в деревне в число первоочередных. Ее решение китайское руководство, а также ученые и практические работники видят на путях совершенствования системы подрядной ответственности и более последовательного использования экономических стимулов, в частности регулирования цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности для повышения заинтересованности крестьян в расширении производства. Как отметил премьер Госсовета КНР Ли Пэн в докладе на первой сессии ВСНП седьмого созыва, «совершенствование подрядной системы должно обеспечить условия для более быстрого перехода сельского хозяйства от традиционных к современным формам»³⁵. Укрупнение масштабов хозяйствования в этом процессе предстает как неизбежная тенденция и перспективное направление развития экономики деревни, подчеркивал Ли Пэн, и «его ни в коем случае не следует проводить наспех, нельзя действовать методами голого администрирования и искусственно ускорять»³⁶. Распространение «разумномасштабных» хозяйств рекомендовалось увязывать с уровнем развития производительных сил, возможностями перемещения избыточной для сельского хозяйства рабочей силы в другие отрасли, степенью механизации сельскохозяйственных работ, развитием системы обслуживания и сельской инфраструктуры в целом³⁷.

Укрупнение масштабов хозяйств в земледелии предполагает прежде всего увеличение пахотной площади в руках крестьян, способных обрабатывать ее с большей эффектив-

* Здесь уместно упомянуть о том, что, согласно уточненным данным китайской статистики, семейный подряд становится преобладающей формой производственной ответственности не в 1983 г., а раньше — в 1982 г. Именно в течение этого года ведение хозяйства в рамках семьи обеспечивает большую часть дохода — почти 70 % чистого среднелюшевого дохода (Статистический ежегодник. Китай, 1988. — Пекин. — 1988. — С. 822). И это — несмотря на то, что директивные документы 1981—1982 гг. ориентировали крестьян на использование форм производственной ответственности при едином ведении хозяйства в производственной бригаде, а полную ответственность двора за производство разрешали применять только в бедных, отдаленных и горных районах.

ностью. Оптимальным считается размер пашни в 15—20 му на одного занятого, что примерно в 5 раз больше среднего по стране в настоящее время³⁸.

Формы и методы укрупнения хозяйств при реорганизации земельного подряда должны стать центральными объектами исследования в экспериментальных районах, созданных в различных провинциях страны в 1987 г., в конце 1988 г. было 19 таких районов³⁹.

Как считают китайские специалисты, процесс концентрации земли и укрупнения крестьянских хозяйств может получить сравнительно широкое распространение в тех сельских районах, где среднедушевой доход не ниже 750—900 юаней в год, 65—75 % валовой продукции производится не в земледелии, а в других отраслях, в которых занято более половины имеющейся рабочей силы. Такие условия на конец 1986 г. имелись примерно в 2—4 % районов Центрального Китая и в 49 % развитых в экономическом отношении приморских районах, в пригородах Пекина и Шанхая, в округе Яньтай (провинция Шаньдун) и южной части провинции Цзянсу⁴⁰.

Укрупнение хозяйств при реорганизации земельного подряда проводится в различных формах. Но, как правило, крестьянским семьям, которые согласны отказаться от получения в подряд положенного участка земли, оставляют небольшую его часть для обеспечения зерном на питание, так называемое «поле-паек». Большая часть пахотного клина перераспределяется между крестьянами, специализирующимися в земледелии, чаще всего на условиях аренды. Арендодателем может выступать коллективная ступень хозяйства в лице производственной бригады, а в случае, если она уже не существует, — комитет жителей деревни. Таким образом, семейный подряд становится арендным. В некоторых местах передача права пользования подрядным участком одной семьей другой обуславливается обязательством обеспечения передающей стороны зерновым пайком⁴¹, в других — условием получения земли в аренду является внесение соответствующего залога.

Возможность передавать право пользования земельным участком была законодательно закреплена принятием в апреле 1988 г. первой сессией ВСНП седьмого созыва поправки к статье 10 Конституции, которая в новой редакции сформулирована следующим образом: «Никаким организациям или отдельным лицам не разрешается присваивать землю, покупать и продавать ее либо незаконно передавать в другой форме. Право пользования землей можно передавать в соответствии с законом»⁴². В новой редакции отсутствует запрещение сдавать землю в аренду. В декабре 1988 г. Постоянным комитетом ВСНП были внесены изменения аналогичного содержания и в Закон КНР об управлении землей.

В настоящее время существует ряд основных ограничительных факторов для развертывания процесса укрупнения хозяйств: весьма незначительные возможности перелива рабочей силы из земледелия и сельского хозяйства в другие отрасли, недостаточное развитие системы обслуживания и сельской инфраструктуры в целом, неудовлетворительное снабжение многими средствами производства, относительно низкая степень механизации сельскохозяйственных работ, а также недостаток средств для расширения производства у значительной доли крестьян. Основным препятствием следует считать в настоящее время ограниченные возможности трудоустройства крестьян, покидающих земледелие. Отток рабочей силы в сферу несельскохозяйственного производства в таких экономически развитых районах, как пригороды Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, провинций Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Шаньдун и Гуандун, составил в 1986 г. 27,6 % ее общей численности, а в западных и приграничных районах — только 11,4 %⁴³, тогда как оптимальная доля остающихся в земледелии крестьян не должна превышать 50 %, а в густонаселенных районах — она должна быть заметно ниже.

Объективные факторы определяют и позицию крестьян в отношении ухода с земли, с одной стороны, и создания более крупных хозяйств — с другой. Как показывают материалы обследований и опросов общественного мнения крестьян, большинство их не выражает желания отказываться от подрядных участков. Из обследованных в 1987—1988 гг. по линии Министерства сельского хозяйства 3200 крестьянских семей только 6,2 % согласны передать подрядный участок другим крестьянам⁴⁴. Даже среди семей, в которых основным источником дохода служит работа в сельской промышленности и в торговле, только 10,8 % передают подрядные участки⁴⁵. В пригородах Шанхая 45,7 % из обследованных более чем 4 тыс. крестьянских семей согласны

полностью или частично отказаться от подрядного участка, в пригородах Пекина эта доля ниже — 30 % из 2347 обследованных семей⁴⁶.

Чуть более половины крестьян (50,5 %), среди которых проводился опрос работниками Министерства сельского хозяйства, вполне удовлетворены подушным принципом распределения земли в подряд, 29,2 % считают, что участки под «поле-паск» следует распределять по числу едоков, а подрядные участки — по числу работающих. 62,2 % опрошенных полагают, что размеры участков земли, получаемых в подряд, их вполне устраивают, 33,7 % — участки слишком малы, а 3,7 % — слишком велики⁴⁷.

Как правило, число крестьян, намеревающихся расширить обрабатываемую площадь, больше тех, кто желает отказаться от нее полностью или частично. По данным опроса, к первой группе относится 21,3 % крестьянских семей, ко второй — 6,2 %. По материалам обследования, — пишет обозреватель газеты «Нунминь жибао», — напрашивается вывод о том, что крестьяне на нынешнем этапе развития сделали свой выбор, выразив удовлетворение семейным подрядом хозяйствования: как в отношении размеров подрядных участков, так и методов распределения земли в подряд. Несомненно, мнение крестьян будет учитываться при выработке аграрной политики на перспективу. А с другой точки зрения, вопросы углубления реформы в деревне по линии совершенствования ее организационной структуры приобретают, по мнению китайских специалистов, жизненно важное значение. В китайской научной литературе и на страницах газет по этим проблемам развернута широкая дискуссия. Все большее одобрение получает точка зрения, согласно которой в выборе путей организационного обновления деревни следует доверять крестьянам, которые, как никто другой, способны учитывать весьма различные конкретные условия в тех или иных районах страны.

Предлагается широкое творчество в выборе тех или иных форм хозяйствования и реорганизации существующей в настоящее время подрядной системы, практика должна определить, какие из них окажутся наиболее результативными. «Развитие производительных сил, — заметил Юй Гуанъюань, — должно быть единственным критерием оценки организационного обновления деревни»⁴⁸. Он считает, что крестьяне должны самостоятельно решать не только вопросы производства, но и вопросы реформы⁴⁹.

Среди проблем организационного обновления деревни ключевой является проблема собственности на землю. После того как прекратили существование в большинстве районов производственные бригады, основанные на коллективной собственности, в деревне фактически не оказалось субъекта собственности. Переход права решения вопросов, связанных с землей, к комитетам жителей деревни, по мнению авторов, принимающих участие в обсуждении проблем собственности в деревне, приводит к тому, что субъектом собственности может стать на деле местное правительство на уровне деревни или волости, что не вызывает одобрения. Высказываются предложения разрешить сосуществование различных форм собственности на землю: частной, коллективной и государственной. Предлагается также передать землю в вечное пользование крестьянам. Некоторые авторы приходят к выводу о необходимости товаризации земли, создании земельного рынка с разрешением покупки и продажи ее.

Как один из вариантов решения проблемы, предлагается передать в собственность крестьянам приусадебные участки, составлявшие в 1987 г. 9,2 % общей площади пашни в деревне, а также землю под жилыми строениями. Оставшуюся пахотную землю национализировать. Использовать при этом следующие формы передачи земли в пользование: земля, используемая на общественные нужды деревни, передается комитетам жителей деревни безвозмездно, а земля, используемая в земледелии, передается крестьянам за плату.

Большинство авторов полагают, что необходимо в той или иной форме платить за пользование землей. В частности, в случае передачи земли в собственность государства необходимо продавать крестьянину право пользования земельными участками⁵⁰.

В ближайшем будущем вряд ли возможно в широких масштабах укрупнение форм хозяйствования, скорее всего будет иметь место существование различных форм и типов хозяйств в зависимости от конкретных условий. Совершенствование организационной структуры деревни во многих районах, видимо, будет происходить на базе семейного подряда. Предполагается, что ведущий самостоятельное хозяйство двор будет входить в сотрудничество с предприятиями, фирмами, научными организациями, различными кооперативными объединениями с целью улучшения обслуживания, повы-

шения эффективности и товарности производства. Это — задачи углубления реформы в деревне, реформы, которая, по определению заведующего канцелярией по изучению аграрной политики при ЦК КПК Ду Жуньшэна, — «преследует цель совершенствования социализма, а не отказ от него»⁵¹.

- ¹ Нунъе цзинцизи вэньти. — 1988. — № 1. — С. 4.
- ² Статистический ежегодник. Китай. — Пекин, 1984. — С. 25.
- ³ Жэньминь жибао. — 1981. — 1 сентября.
- ⁴ Там же. — 1985. — 25 марта.
- ⁵ Чжунго нунцунь цзинцизи — 1988. — № 12. — С. 2.
- ⁶ Цзинцизи яньцзю — 1987. — № 1. — С. 5.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Нунминь жибао. — 1987. — 6 октября; Чжунго нунцунь цзинцизи — 1987. — № 8. — С. 39.
- ⁹ Там же. — 1988. — 13 января.
- ¹⁰ Чжунго нунцунь цзинцизи. — 1988. — № 12. — С. 2.
- ¹¹ Нунминь жибао. — 1987. — 9 марта.
- ¹² Статистический ежегодник. Китай — 1988. — Пекин.
- ¹³ Там же. — С. 697.
- ¹⁴ Жэньминь жибао. — 1984. — 12 июня.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Beijing Review. — 1987. — № 22. — С. 24.
- ¹⁷ Чжунго нунцунь цзинцизи. — 1988. — № 9. — С. 56.
- ¹⁸ Нунъе цзинцизи вэньти. — 1988. — № 8. — С. 46.
- ¹⁹ Чжунго нунцунь цзинцизи. — 1988. — № 12. — С. 3.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Нунминь жибао. — 1988. — 30 марта.
- ²² Чжунго нунцунь цзинцизи. — 1988. — № 12. — С. 2.
- ²³ Цзинцизи жибао. — 1989. — 13 января.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Хунци. — 1988. — № 7. — С. 49.
- ²⁶ Жэньминь жибао. — 1987. — 31 марта.
- ²⁷ Нунминь жибао. — 1988. — 27 декабря.
- ²⁸ Там же. — 1988. — 23 января.
- ²⁹ Чжунго нунцунь цзинцизи. — 1988. — № 12. — С. 18.
- ³⁰ Там же. — С. 5.
- ³¹ Жэньминь жибао. — 1987. — 31 марта.
- ³² Чжунго нунцунь цзинцизи. — 1988. — № 2. — С. 27.
- ³³ Там же. — № 11. — С. 18.
- ³⁴ Чжунго нунцунь цзинцизи. — 1988. — № 10. — С. 22.
- ³⁵ Жэньминь жибао. — 1988. — 15 апреля.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Рассчитано по данным: Хунци. — 1988. — № 3. — С. 24.
Статистический ежегодник. Китай, 1988.
- ³⁹ Нунминь жибао. — 1988. — 30 декабря.
- ⁴⁰ Чжунго нунцунь цзинцизи. — 1988. — № 12. — С. 12.
- ⁴¹ Нунминь жибао. — 1988. — 24 апреля.
- ⁴² Жэньминь жибао. — 1988. — 13 апреля.
- ⁴³ Нунъе цзинцизи вэньти. — 1988. — № 3. — С. 13.
- ⁴⁴ Нунминь жибао. — 1988. — 27 июля.
- ⁴⁵ Нунъе цзинцизи вэньти. — 1988. — № 8. — С. 48.
- ⁴⁶ Чжунго нунцунь цзинцизи. — 1988. — № 12. — С. 13.
- ⁴⁷ Нунминь жибао. — 1988. — 27 июля.
- ⁴⁸ Чжунго нунцунь цзинцизи. — 1988. — № 12. — С. 7.
- ⁴⁹ Там же. — С. 6.
- ⁵⁰ Цзинцизи жибао. — 1989. — 13 января.
- ⁵¹ Нунминь жибао. — 1988. — 25 января.

Частный сектор: масштабы и возможности

*А. М. КРУГЛОВ,
кандидат экономических наук*

Содержание реформы экономической системы в Китае в основном можно охарактеризовать как переход от единой экономики общественной собственности к структуре сосуществования различных экономических секторов при доминирующем положении общественной собственности.

Как известно, частное предпринимательство в Китае было в основном ликвидировано в ходе осуществления социалистических преобразований промышленности и торговли, и с 1957 г. в стране сложилась социально-экономическая структура с единой социалистической собственностью¹. Провозглашенное на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) «сосуществование многообразных форм экономики» нашло отражение в конституции 1982 г., узаконившей возможность существования и развития «индивидуальной экономики тружеников города и деревни». Спустя 6 лет на первой сессии ВСНП седьмого созыва в апреле 1987 г. было принято решение внести в конституцию КНР дополнение о допущении существования и развития частного хозяйства, ведущегося в рамках установленных законом. Иными словами, законодательно подтверждалась возрождающаяся многоукладность.

Как вытекает из материалов XIII съезда КПК и первой сессии ВСНП седьмого созыва, основным фактором, определяющим курс и политику в отношении индивидуального и частного предпринимательства, является то, что Китай в настоящее время находится на начальной стадии социализма, главными задачами которой является всемерное развитие производительных сил.

Нынешний этап развития страны характеризуется тем, что, как подчеркнуто в конституции, государственная экономика выступает в качестве руководящей силы, коллективная — представляет собой основную и главную составную часть. Иными словами, экономика, основанная на социалистической общественной собственности, заняла господствующее положение.

Другой характерной чертой является сравнительно низкий уровень развития производительных сил, что в условиях огромного аграрного перенаселения страны оборачивается невозможностью создания достаточного количества рабочих мест в крупной промышленности для обеспечения трудоустройства. В этих конкретно-исторических условиях частная экономика, как устанавливается указанными законоположениями, представляет собой дополнение экономики, основанной на общественной собственности. «На начальной стадии социализма, — говорилось в отчетном докладе Чжао Цзыяна XIII съезду КПК, — ведущая роль в структуре собственности должна принадлежать общественной ее форме. Практика доказывает, что известное развитие частного хозяйства благоприятствует стимулированию производства, оживлению рынка, увеличению занятости. Оно позволяет еще лучше удовлетворять разнообразные жизненные потребности народа, является необходимым и полезным дополнением к экономике, основанной на общественной собственности»².

Индивидуальное предпринимательство всегда играло важную роль, что было обусловлено крайне низким уровнем экономического развития страны. Китайская печать отмечает, что за истекшее после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва десятилетие индивидуальное, а за последние год-два и частное предпринимательство вновь стало активно влиять на экономику. За годы шестой пятилетки (1981—1985) на городских

индивидуальных предприятиях было трудоустроено примерно 3,7 млн. человек, что в 2,5 раза выше планового показателя (1,5 млн.)³.

Тем не менее, индивидуальные предприятия не смогли стать решающим фактором в решении проблемы трудоустройства, что вполне естественно в силу ограниченного числа учеников и помощников, которые могли быть приглашены на работу⁴.

В китайской печати распространена точка зрения, согласно которой возникновение частных предприятий частично определяется развитием индивидуальных предприятий, то есть происходил как бы процесс перерастания последних в частные предприятия⁵. Это подтверждается фактами накопления средств, а также превышения разрешенного государством количества занятых на индивидуальных предприятиях⁶.

Принятые Госсоветом КНР в июле 1988 г. «Временные положения о частных предприятиях КНР» устанавливают, что частным предприятием считается хозяйственная организация, имущество которой находится в частной собственности и где имеется восемь и более наемных работников. Во «Временных положениях...» верхний предел занятых на частном предприятии вообще не устанавливается, и речь идет уже не о приглашении учеников и помощников, а о найме рабочих и служащих.

Представляется, что это имеет самое непосредственное отношение к проблеме трудоустройства. Седьмой пятилетний план предусматривает, что общее число занятых в секторе, основанном на индивидуально-частном предпринимательстве в городах, должно достигнуть 50 млн. человек. К тому же, по данным обследования, в деревне в настоящее время насчитывается 150 млн. избыточной рабочей силы, которую просто не в состоянии целиком поглотить предприятия сельской промышленности, основанные на коллективной собственности. Китайская печать приводит расчеты, свидетельствующие о том, что, если число частных предприятий в стране достигнет 2 млн. и стоимость их валовой продукции возрастет до 10 % от общегосударственного уровня, это позволит решить проблему трудоустройства 36 млн. человек.

В соответствии с установленным «Временными положениями...» критерием на конец 1987 г. в стране насчитывалось 225 тыс. мелких частных предприятий, на которых занято 3,6 млн. человек⁷.

В ходе реформы системы медицинского обслуживания разрешено открывать частные клиники, больницы и аптеки; свыше 30 % сельских клиник находится в ведении частных лиц; в стране более 80 тыс. врачей получили патенты на право частной практики. Разрешены частные кинотеатры, школы, библиотеки, спортплощадки и т. п. Кроме того, примерно 285 тыс. автомашин (9 % автомобильного парка страны) находились в частном владении и использовались для транспортировки грузов и перевозки пассажиров. Они обеспечивают до 40 % потребностей страны в транспортных перевозках⁸.

Индивидуальная деятельность и частное предпринимательство, несомненно, способствовали также возрождению традиционных художественно-декоративных промыслов, произведения которых занимают заметное место в китайском экспорте.

Следует сказать, что налоговые поступления от индивидуальных и частных предприятий стали немаловажным фактором увеличения финансовых доходов государства. По данным на конец 1987 г., их общая сумма составила 16,3 млрд. юаней⁹.

Стимулирующую роль в развитии предпринимательства сыграла кредитная политика государства. Народным банком Китая был выделен фонд капиталов в размере 8,8 млрд. юаней для кредитования индивидуальных предпринимателей, причем с теми же ставками, что и для государственных предприятий. Только за первые три года благодаря полученным кредитам на общую сумму около 180 млн. юаней смогли «открыть дело» 286 тыс. предпринимателей.

Стимулируется деятельность предпринимателей и в социальной сфере. «Их труд и социальный статус нужно защищать и уважать, — говорилось в решении Госсовета КНР в отношении занятых на индивидуальных предприятиях. — и это распространяется на все сферы общественной жизни, включая прием на работу, в учебные заведения, поступление на службу в армию. Необходимо, чтобы в тех местах, где есть на то условия, было разрешено создавать отраслевые профсоюзы и другие массовые организации, партийные и комсомольские организации, осуществлять прием владельцев индивидуальных предприятий в члены КПК и КСМК». Устанавливалось также, что им будет начисляться трудовой стаж подобно рабочим и служащим государственных предприятий. Подчеркивалось, что «любая дискриминация со стороны местных властей,

произвольное вмешательство или даже просто пассивное отношение к индивидуальным предприятиям не благоприятствуют развитию социалистической экономики или являются ошибочными»¹⁰.

Отражением и следствием установок на поощрение развития частного и индивидуального предпринимательства явилась проявляющаяся в последние годы тенденция, когда темпы развития индивидуальной экономики опережают темпы развития коллективной, а темпы развития коллективной экономики опережают темпы развития государственной экономики. Так, в 1987 г. рост валовой промышленной продукции частных и индивидуальных предприятий составил 48 %, коллективных — 25 и государственных — 11 %.

Вместе с тем китайское руководство неоднократно выражало «неудовлетворение по поводу еще недостаточно быстрого развития индивидуально-частного предпринимательства, поскольку оно отстает на огромную дистанцию от того, что требуется обществу»¹¹.

Следует в связи с этим отметить, что на современном этапе политика и курс государства в отношении индивидуального и частного предпринимательства существенно отличаются по сравнению с периодом второй половины 50-х, а также 60-х годов, когда они были, по существу, направлены на вытеснение из экономики страны¹²; в настоящее время не только подчеркивается недопустимость этого¹³, но, напротив, официально провозглашен курс на поощрение индивидуального и частного предпринимательства¹⁴. Это прежде всего определяется кардинальными изменениями в соотношении экономических секторов в пользу государственной и коллективной экономики. В 1952 г. на их долю приходилось 44,8 % валовой промышленной продукции страны, и даже если сюда же отнести смешанные государственно-частные предприятия — 4 %, то и в этом случае преимущество оставалось на стороне частного (30,6 %) и индивидуального (20,6 %) секторов. А в 1978 г. накануне 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва объем валовой промышленной продукции был безраздельно представлен государственными (80,8 %) и коллективными (19,2 %) секторами. Индивидуальный сектор в промышленности впервые после 1957 г. в китайской статистике был представлен лишь в 1980 г., причем доля его составляла символическую величину — 0,016 %. Что же касается частных предприятий, появившихся вновь в статистике, как отмечалось, в 1988 г., то их удельный вес в валовой промышленной продукции страны также невелик и составляет примерно 1 %.

Как показывает анализ, на общем фоне сравнительно быстрого развития частного и индивидуального предпринимательства темпы развития его в деревне выше, чем в городе. По данным на 1988 г., в сельской местности расположено более 70 % общего числа частных и индивидуальных предприятий. По нашим подсчетам, они втрое превышают частные и индивидуальные предприятия городов по количеству занятых на них и примерно во столько же раз — по размерам капиталовложений. Это следует, видимо, рассматривать как одно из последствий экономической реформы в деревне, приведшей наряду с резким ростом избыточного населения также и к заметному росту доходов значительной части крестьян. 60 % частных предпринимателей в деревне — это бывшие специалисты волостных и поселковых предприятий и кадровые работники прежних больших производственных бригад. В городах частные предприятия открывают предприимчивые пенсионеры, бывшие кадровые работники, оставившие службу. Среди частных предпринимателей 15 % — члены КПК.

Частное предпринимательство в какой-то мере улучшает нерациональность отраслевой структуры, свойственной индивидуальному хозяйствованию. Так, несмотря на некоторый относительный рост, доля промышленных предприятий среди общего количества индивидуальных в 1986 г. составляла примерно 12,5 %, в то время как предприятия торговли и сферы обслуживания продолжали составлять более 80 %. Частные предприятия, напротив, создаются преимущественно в промышленности, горнорудных отраслях, на транспорте, в строительстве. Торговой же деятельностью занято небольшое число частных предприятий.

Частные предприятия, как правило, превосходят по размерам индивидуальные. Более 60 % частных предприятий обладают капиталом менее 100 тыс. юаней, мало также частных предприятий с числом нанятых более 100, большей частью на них занято от 8 до 30 человек.

В последние годы нередки случаи продажи с аукциона в частные руки государствен-

ных предприятий, как правило, небольших и малорентабельных и большей частью убыточных¹⁵.

Временными положениями Госсовета КНР узаконено право собственности на вложенный капитал, следовательно, на средства производства, а также на присвоение создаваемой на этих предприятиях прибавочной стоимости; признается также право наследования. Тем не менее некоторые предприятия не обладают статусом юридического лица.

Согласно Временным положениям Госсовета КНР, выделяется три формы частных предприятий. Самой распространенной формой в городе и деревне являются предприятия, основанные на обособленном (единоличном) капитале. Капиталовложения осуществляются один человек, обладающий перечисленными выше правами, включая право единоличного управления деятельностью этого предприятия, он несет полную ответственность всем имуществом предприятия по своим обязательствам, но не обладает статусом юридического лица. Вторая форма — паевые, или акционерные, предприятия. Капиталовложения осуществляются в соответствии с зафиксированным соглашением двумя или более пайщиками, которые имеют права совместного ведения производственно-хозяйственной деятельности, получения прибыли и несут полную ответственность по обязательствам предприятия. Они также не обладают статусом юридического лица. К третьей категории частных предприятий относятся компании с ограниченной ответственностью. По долговым обязательствам они несут ответственность всем своим имуществом, а инвесторы — суммой своих капиталовложений. Предполагается, что компании с ограниченной ответственностью должны отвечать определенным установкам: четкое указание в названии об ограниченной ответственности; иметь устав, соответствующий временным положениям Госсовета КНР; число инвесторов не должно превышать тридцати (в противном случае, как отмечалось, требуется специальное разрешение компетентных органов промышленно-торгового административного управления); на зарегистрированный капитал компанией должен быть оформлен в установленном законом порядке сертификат о его проверке, а его размеры не должны сокращаться. Изъятие капиталовложений, то есть отдельных паев, может производиться только с согласия более половины общего числа инвесторов. Обязательными условиями для компании с ограниченной ответственностью являются также наличие здоровой организационной структуры и финансово-бухгалтерской системы, помещений для производственно-хозяйственной деятельности и т. д. Отвечающие этим условиям компании с ограниченной ответственностью в соответствии с законом обретают статус юридического лица. Следует отметить, что не допускается распространение акций таких компаний среди населения. Иными словами, пресекается обращение частных ценных бумаг на фондовых биржах, об открытии которых в опытный порядок в Шанхае и Шэньяне сообщалось в китайской печати.

Вместе с тем в 1985 г. уведомлением Госсовета КНР разрешено обращение ценных бумаг (акций и облигаций), выпускаемых предприятиями общенародной собственности. В нем указывается, что «трудящиеся, за исключением партийных и административных кадровых работников, могут вкладывать капиталы в предприятия общенародной собственности и становиться пайщиками (акционерами)». Народный банк Китая сообщил в 1987 г. о предоставлении права приобретать акции государственных предприятий не только рабочим, служащим и другим членам коллектива, но и отдельным лицам со стороны.

Примером может служить выпуск акций шанхайской компанией «Яньчжун» на сумму 5 млн. юаней, из которых в частные руки было продано на 90 тыс. юаней, то есть 1,8 %. С превращением Банка путей сообщения в Шанхае в акционерную компанию частным лицам было продано до 5 % всех акций из общего суммарного оплаченного акционерного капитала в размере 2 млрд. юаней, то есть на 100 млн. юаней. Предполагается свободное обращение этих акций на рынках ценных бумаг, то есть биржах, которые уже начали функционировать в Шанхае и Шэньяне, правда, пока в весьма ограниченных масштабах.

Продажа акций государственных предприятий в частные руки — своеобразная форма акционерных компаний в Китае. Удельный вес продаваемых в частные руки акций сравнительно невелик, и их держатели не принимают практически никакого участия в деятельности этих предприятий, тем более в управлении ими. По сути дела, это лишь одна из разрешенных законом форм получения нетрудовых доходов, и

в принципе она не имеет отношения ни к частному, ни к индивидуальному предпринимательству как таковому.

Не является также, на наш взгляд, в прямом смысле частным или индивидуальным предпринимательством деятельность на предприятиях, взятых отдельными лицами на подряд или в аренду у государства, что получило широкое распространение за последние годы. «Мы не можем думать о передаче предприятий общественной собственности в частные руки.— подчеркнул Чжао Цзыян.— В отношении государственных предприятий мы практикуем общественную собственность. Однако мы можем отдать государственные промышленные предприятия на подряд промышленникам, разделив, таким образом, вопросы собственности и хозяйственной деятельности»¹⁶. Иначе говоря, происходит передача права хозяйствования (с вытекающей отсюда экономической ответственностью) арендатору или подрядчику в форме контракта на определенный срок при сохранении права собственности за государственным предприятием. По истечении срока аренды или подряда государство может продлить его действие, но вправе и расторгнуть договор либо передать новому арендатору или подрядчику. Поэтому это не является частным предпринимательством в прямом смысле, а представляет собой форму частного хозяйствования с использованием общественных средств производства.

Значительно расширяя рамки юридического обеспечения деятельности частных предприятий, «Временные положения...», бесспорно, объективно содействуют росту частной инициативы в рамках отмеченных выше политических установок. Вместе с тем китайская печать выражает озабоченность по поводу того, что местные власти зачастую проявляют непонимание политических установок в отношении частного и индивидуального предпринимательства, облагают владельцев предприятий многочисленными поборами, разверстками и т. п. В некоторых городах для них резко повышена плата за лечение, вдвое возросла продажная цена помещений. Отмечается также, что действовавшая система налогообложения в отношении частных предприятий, сложившаяся еще в 50-е гг., то есть в период вытеснения частного сектора, являлась, по сути, дискриминационной (наивысшая ставка могла достигать 84 %). «Временные положения о взимании подоходных налогов с частных предприятий КНР» предусматривают 35 %-ную ставку, которая по разрешению компетентных органов может снижаться в случае использования отходов, при ущербе от стихийных бедствий и т. д.

Более 80 % рабочих и служащих на частных предприятиях Пекина не получают никакого вознаграждения за время болезни, а 60 % — при производственных травмах не получают компенсации (за исключением отдельных случаев «отступного» в несколько десятков юаней). Такое отсутствие социальных гарантий объясняется тем, что 73 % общего числа нанятых на частных предприятиях Пекина вообще не подписывали никаких контрактов с владельцами¹⁷.

Временные положения регламентировали трудовые отношения на частных предприятиях. Установлен восьмичасовой рабочий день, запрещен наем молодежи, не достигшей шестнадцати лет, санкционировано создание фонда благосостояния рабочих в размере 50 % от суммы прибыли за вычетом налогов, предусмотрено создание профсоюзной организации и заключение ее представителями коллективного договора с владельцами с целью отстаивания интересов рабочих. В случае нарушений владельцами предприятий указанных положений и других противозаконных действий предусмотрен ряд мер — штрафы, конфискация незаконных доходов и даже закрытие¹⁸.

Серьезной проблемой называет китайская печать обострившуюся в связи с развитием частного и индивидуального предпринимательства дифференциацию доходов. Среднемесячная зарплата нанятых на частных предприятиях в Пекине — 112 юаней, тогда как доходы владельцев в среднем составляют 1600 юаней, то есть почти в 15 раз больше. «Временные положения о частных предприятиях» предусматривают для директоров, управляющих или председателей правления частных предприятий не более чем десятикратное превышение средних размеров зарплаты рабочих и служащих данного предприятия. Однако положения прямо не регламентируют размеры доходов владельцев предприятий. В решениях XIII съезда КПК отмечалось, что на начальной стадии социализма, в связи с существованием многих форм собственности и хозяйственной деятельности, наряду с основным принципом распределения по труду следует применять и другие принципы. Комментируя опубликование временных положений, газета «Жэньминь жибао» писала, что «на нынешнем этапе нетрудовые доходы

извлекаются главным образом в результате обладания правом собственности на средства производства либо же на финансовые средства. Это, например, проценты с акций и других ценных бумаг. Если эти нетрудовые доходы имеют законные основания, то они допустимы»¹⁹.

Китайское руководство не скрывает, что несмотря на долговременный характер политики и политических установок в отношении частного и индивидуального предпринимательства, его сущность, содержание и конечные результаты со всей категоричностью определены. «Даже если оно получит определенное развитие,— подчеркивал Чжао Цзыян,— оно не может быть очень большим: напротив, оно будет небольшим по сравнению с государственными предприятиями и не сможет ни нарушить жизненных артерий государственной экономики, ни изменить характера нашего государства»²⁰.

¹ Лишь в середине марта 1988 г., впервые после 1957 г., было объявлено о наличии в экономике страны частных предприятий; вплоть до этого в сообщениях ГСУ КНР фигурировали лишь индивидуальные предприятия, хотя в выступлениях официальных лиц и в теоретических статьях с середины 80-х годов стали появляться признания о существовании, наряду с индивидуальной, также и частной формы собственности.

² Коммунист.— 1988.— № 1.— С. 119.

³ Особенно важную роль они сыграли в трудоустройстве молодежи, «ожидающей работу». За пять лет на этих предприятиях в городах получили работу более 580 тыс. молодых людей этой категории. Среди общего числа занятых на индивидуальных и частных предприятиях в настоящее время на их долю приходится более 40 %.

⁴ Индивидуальным предприятиям разрешалось приглашать одного-двух помощников и от двух до пяти учеников; эти рамки пересматривались в сторону незначительного увеличения, но в целом общее число занятых не должно было превышать 10—11 человек.

⁵ Приводя пример бывшего рабочего государственного предприятия, открывшего после выхода на пенсию свое «дело», вложившего в него 400 тыс. юаней и нанявшего под видом родственников около десятка работников, «Жэньминь жибао» писала: «Новая организация труда и производственные отношения свидетельствуют, что это уже не индивидуальное предприятие («гэтиху»), а частное («сыжэнь цие»).— Жэньминь жибао.— 1987.— 23 мая.

⁶ «В Китае не разрешены индивидуальные предприятия с сотнями рабочих,— отмечал в июне 1985 г. известный китайский социолог профессор Фэй Сяотун.— границы персонала точно не определены, в среднем он составляет 20 человек, однако зачастую это количество перекрывается посредством привлечения членов семьи и родственников».

⁷ Жэньминь жибао.— 1988.— 29 июня.

⁸ Цзинцзи жибао.— 1987.— 23 декабря.

⁹ См. там же.

¹⁰ Жэньминь жибао.— 1981.— 16 июня.

¹¹ Там же.— 1980.— 20 августа.

¹² По данным на 1957 г., в национальном доходе доля государственного и коллективного секторов составляла 89 %, на индивидуальные предприятия приходилось 3 и на частные — 0,1 %.

¹³ В постановлении ЦК КПК о реформе хозяйственной системы (принятом на 3-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва) указывалось, что общенародный сектор экономики не должен ставить условием своего укрепления и дальнейшего развития ограничение и отнесение других форм хозяйства и способов хозяйствования.— Жэньминь жибао.— 1984.— 1 октября.

¹⁴ Больше того, обладая доминирующим положением, государственная (а также коллективная) экономика идет сознательно на определенные уступки индивидуально-частному предпринимательству, расширяя поле их деятельности; так, были отменены запреты в оптовой торговле, в использовании механических двигателей индивидуальными предприятиями на транспорте и в обрабатывающих отраслях и т. д.

¹⁵ В целом эти явления носят довольно ограниченный характер. Из приблизительно 60 тыс. небольших государственных торговых предприятий в частные руки продано около 2 %.

¹⁶ Жэньминь жибао.— 1988.— 10 июля.

¹⁷ Там же.— 1988.— 21 апреля.

¹⁸ Следует отметить, что политические установки на поощрение в определенных рамках частного и индивидуального предпринимательства не означали отказа от борьбы с противозаконной деятельностью. Только в IV квартале 1987 г. в ходе кампании по наведению порядка была запрещена деятельность 400 тыс. торговцев, которые «вели дело с целью наживы путем спекуляций».

¹⁹ Жэньминь жибао.— 1988.— 11 июля.

²⁰ Там же.— 1988.— 4 ноября.

Самоуправление на селе

Т. М. ЕМЕЛЬЯНОВА

Большие изменения, которые произошли в китайской деревне за последние годы, и сложности социально-политической, экономической и идеологической ситуации в целом поставили перед китайскими руководителями вопрос о создании новых, достаточно эффективных, низовых демократических форм самоуправления крестьянских масс. Об этом, в частности, говорилось на XIII съезде КПК. Впервые о таких органах в деревне было заявлено в Конституции КНР, принятой в 1982 г¹. Комитеты сельского населения определялись как низовые массовые организации самоуправления, создаваемые по месту жительства. Устанавливалось, что председатель, заместители председателя и члены комитетов сельского населения избираются населением, что комитеты образуют народные примирительные комиссии, комиссии охраны общественного порядка, общественного здравоохранения и т. д. Эти комиссии занимаются общественно-полезной деятельностью, оказывают помощь населению в решении насущных вопросов и доводят до сведения народного правительства мнения и требования масс, вносят предложения².

С 1983 по 1985 г. в Китае было создано свыше 948 тыс. комитетов сельского населения. Однако эти организации, как правило, создавались в соответствии с местными инструкциями, например «Краткими правилами по работе сельских комитетов», разработанными в провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения, и не всегда соответствовали целям, которые были определены для них Конституцией КНР. В некоторых местах, скажем, в провинции Чжэцзян, в Гуанси-Чжуанском автономном районе, комитеты сельского населения создавались на базе бывших больших производственных бригад и наделялись административными, хозяйственными и самоуправленческими функциями. В других районах комитеты просто превращались в чисто административные органы власти низового уровня или в делегированные органы волостных и поселковых правительств. Последние с их помощью реализовывали значительную часть своих функций. Иногда 60—80 % повседневной работы комитетов составляли задания, которые входили в функцию волостных правительств.

Выработка нового единого документа о комитетах сельского населения началась в первой половине 1984 г. и продолжалась около четырех лет.

Наибольшие трудности, как представляется, вызвал вопрос об определении места и роли новых органов в политической организации общества в деревне. Поэтому не случайно в разъяснениях по поводу проекта неоднократно подчеркивалось, что комитеты сельского населения не являются органами политической или административной власти в деревне, и волостные и поселковые правительства только направляют деятельность комитетов, а не руководят их работой. Комитеты же, со своей стороны, должны сознательно принимать помощь и учитывать направляющую роль правительственных органов и активно содействовать их деятельности.

Пятая сессия ВСНП 6-го созыва 1987 г. тщательно обсудила и в принципе одобрила проект Закона об организации комитетов сельского населения и поручила ПК доработать закон с учетом высказанных мнений. На сессии также было принято решение о проведении закона в жизнь в опытный порядок. Окончательно закон был принят на 23-м заседании ПК ВСНП 6-го созыва 24 ноября 1987 г.

Новый Закон КНР об организации комитетов сельского населения в опытный порядок вступил в силу с 1 июня 1988 г. Последовательность и методы проведения его в жизнь определяются постоянными комитетами собраний народных представителей, провинций, автономных районов и городов центрального подчинения (ст. 20).

Как говорится в статье 1, настоящий закон выработан на основе соответствующих установлений Конституции КНР и направлен на обеспечение самоуправления сельского населения и решения массами сельского населения собственных дел, для содействия развитию социалистической демократии в низовых организациях деревни и строительства социалистической материальной и духовной культуры в деревне. Комитеты сельского населения — это низовые массовые организации самоуправления, с помощью которых сельское население осуществляет самоуправления, самовоспитание и обслуживание и которые занимаются общественной работой и общественно-полезными делами в каждой данной деревне, разрешают споры среди населения, оказывают помощь в поддержании общественного порядка, а также доводят до сведения народных правительств мнения, требования и предложения жителей деревни (ст. 2).

В соответствии с законом комитеты сельского населения, как правило, создаются в каждой деревне, однако иногда они охватывают несколько деревень, а в крупных деревнях может быть создано несколько таких комитетов. Их деятельность направляется волостными и поселковыми правительствами, которые должны оказывать им помощь и поддержку. Председатель, заместитель председателя и 3—7 членов комитета избираются на собраниях жителей деревни путем прямых выборов сроком на три года, они могут быть отозваны или переизбраны досрочно. Члены комитетов не освобождаются от работы, в определенных случаях им может выплачиваться вознаграждение.

Правом избирать и быть избранным пользуется каждый житель деревни, достигший 18-летнего возраста, кроме лиц, лишенных по закону политических прав. На общие собрания жителей могут быть делегированы не все жители деревни, а только представители дворов. Решение собрания жителей деревни считается принятым, если за него проголосовало более половины жителей деревни или более половины представителей дворов (ст. 9 и 10). Собрание жителей деревни созывается по предложению минимум $\frac{1}{5}$ жителей деревни. Комитеты несут ответственность перед собраниями жителей деревни и отчитываются перед ними о своей деятельности.

Комитеты не только ведают общественными делами в деревне, но и должны играть важную роль в развитии сельской экономики. Они должны поддерживать и организовывать кооперацию жителей своей деревни в различных формах, направленную на развитие производства, снабжения, сбыта, кредита и потребления, а также вести работу по обслуживанию и координации производственной деятельности. Наряду с этим комитеты обязаны уважать права коллективных организаций и отдельных крестьян на самостоятельное ведение хозяйственной деятельности.

В своей повседневной работе комитеты обязаны руководствоваться прежде всего интересами крестьян, прислушиваться к их мнению и защищать их законные права, твердо и неукоснительно соблюдать демократические принципы. Важным направлением работы комитетов является неуклонное проведение в жизнь линии, курса и политики партии и правительства, их решений и установок относительно социалистического строительства в стране.

Вскоре после опубликования закона в центральной китайской печати было опубликовано интервью ответственного сотрудника комиссии по законодательной работе ПК ВСНП корреспонденту агентства Синьхуа. Характеризуя деятельность комитетов сельского населения, он заявил, что центральной задачей комитетов является работа в области экономики, прежде всего в развитии кооперации, в выполнении производственных заданий и их координации. Приведя основные положения закона о создании комитетов сельского населения, он сказал, что в их обязанности входит также такая общественно-полезная деятельность, как ремонт мостов и дорог в своей деревне, создание детских дошкольных учреждений, домов для престарелых, улучшение медицинского обслуживания, налаживание культурно-массовой работы. Он также подчеркнул такие важные социальные функции комитетов, как разрешение гражданских споров, консолидация жителей деревни, укрепление семьи, участие в сохранении порядка в общественной и производственной жизни деревни, доведение до сведения народных правительств мнений и предложений жителей деревни и осуществление контроля за их деятельностью. Создание комитетов сельского населения и осуществление самоуправления масс жителями деревни было названо в интервью «курсами демократии», где широкие массы смогут постепенно выработать демократическое мышление, воспитать демократические традиции, научиться демократическому управлению. Учиты-

вая сложность поставленной задачи, подчеркивалось в интервью, эта работа рассчитана на длительный период времени, ее надо проводить не торопясь, путем эксперимента находить наиболее удачные формы организации.

Предостерегая против возможных разногласий между вновь создаваемыми организациями и существующей структурой управления в деревне, ответственный сотрудник подчеркнул, что деятельность комитетов не усложнит работу народных правительств, комитеты будут самостоятельно заниматься делами, которые не входят в компетенцию местных правительств или не делаются ими вообще, или делаются плохо. С другой стороны, он отметил, что не надо взваливать на комитеты административную работу, которой должны заниматься органы власти³.

Опыт создания первых комитетов показал, что этот процесс проходит негладко. В частности, сообщалось, что руководство отдельных партичек в деревнях препятствует самостоятельной деятельности комитетов. Конфликты возникали даже по вопросу хранения печати комитетов сельского населения. Например, в китайской печати сообщалось, что, несмотря на то, что новый комитет был избран два месяца тому назад, печать до сих пор находится у секретаря партичейки⁴. На эту тему даже было опубликовано специальное указание, где отмечалось что печать комитета сельского населения должна находиться у специально утвержденного ответственного лица комитета, который обязан регистрировать случаи ее использования⁵.

В 1988 г. в китайской печати появились сообщения о проведении первых выборов комитетов сельского населения. Сообщалось, например, что в деревне Лаогуаньчжан уезда Лэлин провинции Шаньдун 18 января 1988 г. был избран новый комитет сельского населения в количестве 5 человек. При голосовании было роздано 355 бюллетеней. Получивший наибольшее количество голосов (329) стал председателем комитета, 304 голоса было подано за зампреда, члены комитета соответственно собрали 244, 243 и 242 голоса. Выборы проходили под председательством главы волостного правительства. Сообщалось также об избрании председателя комитета сельского населения деревни Хуанцяо волости Хуанцяо уезда Синьфан в провинции Шаньси. Он был избран на собрании членов партии деревни, кадровых работников и масс. Он выступил с конкретным планом своей деятельности на ближайшие три года (в соответствии с законом комитеты переизбираются каждые три года). Он взял на себя обязательство за этот период израсходовать на общественные нужды деревни 200 тыс. юаней. Он заверил жителей деревни, что создаст фонд накопления в размере 50 тыс. юаней, не прибегая к помощи крестьян; отремонтирует мост, закупит для всей деревни 100 тонн удобрений, выделит 7 тыс. юаней для создания твердого покрытия дороги длиной в один километр, построит школу, улучшит условия для учебы, построит перерабатывающий завод, который увеличит доходы деревни⁶.

Анализируя итоги обсуждений Закона КНР об организации комитетов сельских жителей, его содержание, а также первоначальный опыт работы отдельных комитетов, как представляется, можно сделать следующие предварительные выводы: во-первых, создание комитетов сельских жителей является новым и важным шагом на пути демократизации управления в китайской деревне; это — одно из звеньев реформы политической системы. При этом учитывается культурный уровень китайского крестьянства, отсутствие демократических традиций, живучесть феодальных пережитков в деревне; во-вторых, принятие Закона и деятельность вновь созданных комитетов наталкиваются на известное сопротивление со стороны некоторых местных руководителей.

¹ В статье III Конституции КНР даны общие единые установки как для комитетов сельского населения, так и для комитетов городского населения.

² Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1984, с. 51.

³ «Жэньминь жибао», 5.XII.1987.

⁴ «Нунминь жибао», 28.III.1988.

⁵ Там же, 7.VII.1988.

⁶ Там же, 7.VI.1988.

Киноэкран — зеркало перемен

Ю. Б. САВЕНКОВ

Мы ехали в Сиань, одну из столиц древней цивилизации. Дух захватывало от сознания, что возраст этого города, нареченного в те легендарные годы Чанъань (Вечное спокойствие), исчислялся тремя тысячами лет. Сиань пережила одиннадцать династий. Потом стала исходным пунктом знаменитого «шелкового пути», связавшего в стародавние времена Китай с внешним миром.

Древний город, кстати, — один из рекорсменов по достопримечательностям разного рода. В окрестностях его на склоне холма находится могила легендарного правителя Хуанди, который якобы и заложил основы китайской цивилизации. До сих пор город опоясывает старая стена со сторожевыми башнями. Ей удалось избежать участи стены нынешней столицы — Пекина.

У подножия горы Лишань — дом, связанный с событиями, от которых нас отделяют лишь десятилетия. В истории они известны как «Сианьский инцидент». Было это в декабре 1936 г., когда японские империалисты наращивали агрессию в Китае и два генерала, желая заставить Чан Кайши направить все силы не на гражданскую войну, а на отпор иноземному нашествию, арестовали его. Мы видели павильон на склоне горы, где он находился под стражей. Компартия Китая послала сюда Чжоу Эньлая для урегулирования конфликта, что он и сделал, проявив дипломатический такт. Единство патриотических сил в тот момент было восстановлено.

На запад от древней пагоды Диких гусей находится достопримечательность наших дней — Сианьская киностудия, главная цель нашего приезда в этот город. Интерес к ней объясняется не только тем, что за короткий срок она стала ведущей студией страны, но и тем, что во главе ее стоит самый знаменитый кинорежиссер Китая У Тяньмин.

Вокруг фигуры У Тяньмина вот уже несколько лет идут споры. Он существует в двух ипостасях — реформатора студии и «режиссера-землепашца», который молча и трудолюбиво обрабатывает свое поле и идет вперед, не давая себе ни минуты отдыха. «Он пристально вглядывается в эпоху и переносит на экран свои размышления, чувства» — так сказал о нем критик Хуан Шисянь. У Тяньмин признается, что влюбился в кино в детстве. Начал как киноактер в 1960 г., закончив актерские курсы при Сианьской киностудии. Через шесть лет поступил на курсы режиссеров при Пекинском институте кинематографии, вернулся на Сианьскую студию, где в качестве второго режиссера несколько лет снимал фильмы, не принесшие ему успеха. И в 1982 г. — первая самостоятельная лента, «Река без бакенов», суровая киноповесть о тяжелых годах «культурной революции». Во время съемок этого фильма он вместе с актерами не раз бороздил реку, чтобы почувствовать адский труд сплавщиков леса. Фильм получил несколько призов. Новая лента «Жизнь» (1984), драматический рассказ о разрушенной жизни и любви учителя в китайской деревне, вывела его в ряды ведущих режиссеров Китая. После этого У Тяньмин становится во главе Сианьской студии и дает ей новую жизнь.

Студия, основанная в 1958 г., ничем не блистала. Те, кто там работал, говорили: гордиться нечем. У Тяньмин считал, что слабость может обернуться силой. Гордиться нечем — значит нечего терять. Он сделал ставку на молодых режиссеров, почувствовав в них азарт, дерзость, талант. Он увидел, что они способны создавать фильмы,

* Савенков Юрий Борисович, собственный корреспондент газеты «Известия» в Китае. Материал подготовлен специально для «ПДВ».

которые могут вывести национальное киноискусство на мировой экран. Пусть ищут, экспериментируют, ошибаются. Не обязательно сразу их картины примет зритель — не беда. Но, рассуждал У Тяньмин, если снимать только экспериментальные фильмы, нельзя выжить экономически. Значит, надо делать и коммерческие ленты — зарабатывать деньги, чтобы гасить убытки экспериментирования. «Разумеется, — заметил как-то У Тяньмин, — мы не возражаем против того, чтобы фильмы были и высокохудожественные, и «кассовые» одновременно, но ведь это так редко удается».

Результаты превзошли все ожидания: за четыре года студия под его руководством стала ведущей в стране. Двадцать призов, отечественных и международных, получили сианьские ленты. Заговорили даже о появлении «китайского вестерна». Дело в том, что Сиань находится на северо-западе страны и значительная часть фильмов снимается именно в западных районах Китая. Ну, а что касается тезиса У Тяньмина «художественность и кассовость — две вещи несовместные», то он сам же опроверг его собственным фильмом «Старый колодец». Я с огромным трудом попал на этот фильм в кинотеатре «Шоуду» в центре Пекина: в кассе билетов не было, пришлось переплатить...

У входа на Сианьскую студию нас встречает Ма Цзилун, заместитель директора, молодой, с мягкой, несколько загадочной улыбкой. Увы, встреча с У Тяньмином на этот раз не состоится. Он в Соединенных Штатах, решает проблемы коммерческой демонстрации своего фильма «Старый колодец» и вернется не скоро. Беседа идет о секрете стремительного взлета киностудии. Ма Цзилун определяет его так: истинно творческая атмосфера, интересный коллектив талантливых единомышленников... У директора нюх на дарования. Так, У Тяньмин увидел Хуан Цзиньсиня. Тот работал в отделе пропаганды городского управления здравоохранения. Бредил кино. У Тяньмин отправил его на стажировку в Пекинский институт кинематографии. По возвращении тот поразил фильмом «Дело о черной пушке». Эта сатирическая комедия (так критики определили ее жанр) наделала много шума. Специалист, прекрасно знающий немецкий язык и работающий с иностранным инженером на шахте, попадает под подозрение в шпионаже. Его заменяют другим, бездарным, но не вызывающим подозрения у партийного секретаря. Из-за боязни «потерять лицо» переводчик, плохо владеющий иностранным языком, не переспрашивает инженера и в конце концов загоняет рабочие отношения с ним в тупик, вызвав справедливый гнев отстраненного специалиста. Есть три тенденции отношения к иностранцам в Китае, говорит автор фильма. Тупая подозрительность, слепое обожествление и достойное отношение как к равным. Как равный действует первый переводчик, который, кстати, обнаруживает технический просчет у инженера, с трудом убеждает его в своей правоте, и мгновенная конфронтация перерастает в дружбу. Авторы фильма решительно выступают за то, чтобы именно такие отношения с иностранцами стали нормой жизни.

«Проблем много, — говорит Ма Цзилун, — ведь мы на самоокупаемости... Нам не под силу, например, снимать такие фильмы, как «Война и мир» или «Освобождение». Сейчас, к примеру, снимается многосерийный фильм о старых революционных базах на западе, где и начиналась китайская революция. Эти районы до сих пор экономически менее развиты, население многих из них не обеспечено полностью питанием и одеждой. Создатели фильма хотят привлечь внимание общества к этой проблеме. К счастью, ряд организаций согласились финансировать эти съемки.

Финансовую проблему на студии решают и так. Планируется, скажем, 10 фильмов. Три могут «терять деньги»: главное — художественный уровень, оригинальность. Семь обязаны быть рентабельными и тем самым гасить возможные финансовые потери. «Хотя и хорошие фильмы делать выгодно, — смеется Ма Цзилун. — Они получают премии, и многие из них денежные».

Чтобы поднять творческую активность сотрудников, директор повел решительную борьбу с уравниловкой. Вот как это было. Объявили три премии «За художественное достижение». Первую премию получает фильм У Тяньмина «Река без бакенов», и режиссер берет ее себе. На студии многие были недовольны, стали обвинять режиссера в посягательстве на общественную прибыль, которую следует разделить среди коллег. Директор сказал коллективу: «Если я не боюсь платить деньги себе, то тем более буду вознаграждать вас, если ваши фильмы будут признаны лучшими». Вот и еще одна ипостась У Тяньмина: борец с уравниловкой.

В этой связи вспомнилась другая встреча — в пригороде Пекина, в здании Института кинематографии, единственной в Китае высшей школе, где готовят создателей

кинолент. Поднявшись на культурном небосклоне в 1956 г., она дала путевку в жизнь нескольким поколениям режиссеров, сценаристов, операторов. Изначально замысел мой был скромным: посмотреть вместе с режиссером Сюй Тунцзюнем его фильм «Салон красоты» и поразмышлять о нем. Этот фильм удивил зрителей Московского кинофестиваля 1987 г., заинтересовал критиков свежестью, неожиданностью и поколебал стереотип «нужного и правильного» китайского кино, который сложился давно, хотя, думаю, не совсем справедливо. Сюй Тунцзюнь преподает здесь на режиссерском факультете, снимает фильмы на молодежной студии при институте. Ему 43 года, окончил Пекинский художественный институт, немного играл в театре, понял, что лицедейство не его путь. Потом армия, тяжкие годы «культурной революции» и, наконец, выбор — кино. До сих пор участвовал в съемках лент в качестве помощника режиссера. Фильм, о котором идет речь, — его дебют постановщика.

Но встреча вышла за рамки «Салона красоты» и оказалась «двухсерийной». Во второй серии участвовали Хуан Шисянь — критик, доцент литературного факультета, Чжэн Дунтянь — декан режиссерского факультета и постановщик многих лент, Ни Чжэнь и Фэй Мин — доценты, занимающиеся историей и теорией кино. Перечисляю лишь тех, кто был особенно щедр в высказываниях, хотя в разговоре участвовали и многие другие, в том числе и те, кто совсем недавно проходил практику в Москве. Говорили об истории китайского кино, его взлетах и падениях, проблемах, тревогах, надеждах. Но сначала первая серия — о фильме, который вам, может быть, довелось видеть.

...На экране — улочка, затерявшаяся где-то между парком Цзиншань и парком Бэйхай. Места, священные для китайцев. Совсем рядом Гугун — анфилада бывших императорских дворцов за крепостной стеной. Типичная пекинская улица, осененная кронами деревьев хуайшу, напоминающих нашу акацию. Когда снимали сцену ссоры в парикмахерской, собралась толпа, бурно реагирующая на происходившее. Никто и не заметил, что идут съемки. «Обман» обнаружился только после команды «стоп». Секундное замешательство сменилось дружным смехом. Режиссер поблагодарил всех за активное участие в эпизоде. Это — свойство фильма, профессиональных актеров в нем немного. Сюжет прост. Девушка Чжэньчжэнь открывает парикмахерскую и, чтобы лучше шли дела, приглашает компаньона — мастера из южного города Гуанчжоу. Напротив — другой салон красоты, и между ними неизбежно возникает конкуренция. Но герои фильма не разделяют философию «большая рыба съедает маленькую, а та проглатывает креветку». «На этой улице никто не должен проиграть», — говорит один из героев. Сестра конкурента приходит в парикмахерскую Чжэньчжэнь, чтобы научиться мастерству у заезжего профессионала. Ну, а между компаньонами зреет симпатия, которая грозит перерасти в любовь. Но приезжает подруга мастера из Гуанчжоу, и он возвращается в свой город.

Незатейливая сентиментальная история, но происходила она на фоне событий, несмысленных лет десять назад. Устав от тягостного однообразия жизни времен «культурной революции», люди почувствовали вкус к красивой одежде, изящной прическе. Возникли в обществе новые связи, новые ситуации, которые рождали свои сложности. Фильм, в оригинале названный «Парикмахерская Чжэньчжэнь», у нас демонстрировался под названием «Салон красоты». По-моему, переводчик точно уловил его тональность. Красивые лица, благородные поступки (так, клиентка, опаздывающей на встречу, Чжэньчжэнь дает деньги на такси). И даже печаль мелодии саксофона в исполнении главного героя была светлая. Я говорю об этом Сюй Тунцзюню.

Режиссер Сюй: «Вам кажется, фильм слишком красив?»

В моем голосе не было упрека, да и можно ли упрекать за красоту? Между тем режиссер продолжал, словно возражая невидимому оппоненту: «Картина экспериментальная. Перед нами стояла сверхзадача: сделать фильм о заботах тех, кто участвует в обновлении жизни, но с условием — картина обязательно должна быть «кассовой», ибо пустеют кинотеатры. Задачу выполнили. В Китае фильм окупается, если прокат заказывает 40 копий. Наша цифра — 190!»

Итак, фильм о частниках. Если быть экономически пунктуальным — о людях индивидуального сектора. Ведь по китайским нормам, сложившимся в ходе экономической реформы, частным считается предприятие, где трудятся свыше восьми наемных рабочих. Такие предприятия стали логическим развитием индивидуального предприниматель-

ства. Появление их на экономическом горизонте (22 млн. человек работают в индивидуальной и частной сферах) стимулировало развитие производства, оживило рынок, расцвело жизнь новыми красками, помогло удовлетворить потребности общества там, где это с надрывом делает часто неповоротливая государственная экономика. Сколько, к примеру, было стенаний по поводу неудобных пекинских парикмахерских, неумелости и грубости цирюльников — и вот отдали салоны в аренду тем, кто был готов идти на финансовый риск. И все круто изменилось. Не может быть сфер, изолированных от товарно-денежных отношений, тем более в области услуг. Эту истину, как и ту, что двигаться вперед можно лишь на основе самостоятельности, самодеятельности, творчества, постигают в Китае. Трудно дается это постижение: людям десятилетиями внушали иную систему ценностей. Каждый привык стремиться к гарантированному островку безопасности. Было время, когда из «общего котла» равно питались все — независимо от вклада в национальное достояние. И вот появляются люди, которые нарушают привычный для многих моральный кодекс, гласящий: «Будем равными в трудностях и в наслаждениях». Как же совместить с психологией уравниловки порой четырехзначные цифры доходов частников, тем более что они принесли в жизнь не только удобства для людей и новые товары, но и спекуляцию, мошенничество, незаконную торговлю без лицензий, «бегство» от налогов, огульное повышение цен и другие негативные явления, которые, конечно, мешают здоровому развитию реформы.

Режиссер Сюй: «У феномена частников есть много сторон — экономическая, моральная, социальная. Я решил подойти к ним с точки зрения человеческой психологии. Давно обратил внимание на предвзятое, а то и просто презрительное отношение к этим людям. Как правило, его позволяют себе те, кто потребительски относится к реформе. Они хотят пользоваться ее благами, но не хотят признать: рискующим надо платить. Мне порой кажется, что понять чувства частников, их совсем нелегкую, неоднозначную судьбу — значит почувствовать трудный путь нашей реформы».

О чем мечтает режиссер? Сделать фильм о чистой любви, может быть, мюзикл. Современные мелодии, ритмы, но чувства — обязательно традиционные. Пусть сохраняется та неувловимая, зыбкая грань в отношениях, которая свойственна целомудренной национальной традиции. Это — кредо режиссера. По сценарию в «Салоне красоты» отношения компаньонов более откровенны, но он обошел чувственные сцены — пусть они останутся уделом западного кинематографа. У каждой нации свои исторические корни, свои нравственные ценности, свое представление о человеческом характере, своя система образного мышления...

Итак, китайское кино. Откуда оно появилось, как развивалось, куда идет? Здесь и начинается «вторая серия» беседы с китайскими кинематографистами.

В 1896 г., на следующий год после того, как братья Люмьер изобрели аппарат для съемки и проекции движущихся фотографий, кино пришло в Китай. Сначала французские фильмы стали демонстрироваться в Шанхае. Через несколько лет американские ленты появились в Пекине. Китайский зритель воспринимал происходящее как «уголок неведомого мира на куске материи». Другая жизнь. В ту пору кино в Китае называлось «западный театр теней». Но почему должны идти только иностранные фильмы? Мысль создать китайскую ленту приходила многим. Осуществил ее владелец фотоателье на знаменитой пекинской торговой улице Люличан Жэнь Инфэн в 1905 г. За три дня он снял на движущуюся ленту сцены из спектакля традиционной пекинской оперы «Гора Динцзюнь» — эпизод из знаменитой средневековой эпопеи «Троецарствие». Знаменательно, что в годы становления китайского кино доля экранизаций классики была довольно велика. Выдающийся китайский писатель Лу Синь говорил о том, что кино как искусство пришло в Китай извне и, чтобы оно прижилось на национальной почве, ему необходимо было соединиться с тем, что привычно зрителю. Потому и принял народ это зрелище. Но дело не только в содержании первых лент. Первое поколение китайских кинематографистов (20-е годы) находилось под сильным влиянием самой эстетики традиционного театра. Следуя классическим канонам, они уделяли, в частности, основное внимание первому появлению героя на экране (возраст, имя, социальная среда, история жизни и даже брови, волосы, нос, глаза — все должно быть передано очень четко). «Стремительное начало «Салона красоты», — вмешивается в разговор Сюй Тунцзюнь, — нарушает традицию, которая предписывает

подробное объяснение экспозиции и героев, но зритель, кажется, начинает привыкать к современным ритмам».

И еще одна особенность китайского кино: игра актеров очень акцентирована, и нам кажется, что они все время «пережимают». Истоки все в той же традиции классического театра, где, с одной стороны, существовало четко выраженное деление на амплуа, а с другой — актер должен был жестом объяснить зрителю, что его герой поднимается в горы, зажигает и гасит несуществующую свечу и т. п. Первый игровой художественный фильм был снят в Китае в 1913 г. — «Цветные свечи в комнате новобрачных». Он был направлен против феодального брака поговору родителей, без ведома жениха и невесты. Эта лента высветила одну из главных особенностей китайского кинематографа на протяжении всей истории — социальную направленность. Но если в 20-е годы социальная тема на экране была все-таки очень сильно разбавлена тематикой приключенческой, сентиментальной, рыцарской, то в 30-е начала создаваться своя национальная школа реалистического кино. То было время, когда левое крыло кинематографистов вело народ к сопротивлению японской агрессии. Именно в те годы шел поиск средств художественной выразительности. Собеседники говорили о том, что модерн, свойственный мировому искусству 20-х годов, почти не затронул китайское кино — тяготение к традиции оказалось сильнее. Особую роль в поиске языка кино сыграло знакомство с советской кинематографией (фильм Цай Чушэна «Заблудшие овцы» был просто навеян советской лентой «Путевка в жизнь»), теоретическими работами В. Пудовкина.

В лучших фильмах 40-х годов (время борьбы за национальное и социальное освобождение) продолжался поиск новых форм, остро ставились жизненные проблемы. Собеседники выделили фильм Ян Ханьшэна и Чжэн Цзюньли «Весенние воды текут на восток», рассказывающий через трудную судьбу одной семьи о жизни страны во время войны с Японией и гражданской войны. Этот волнующий фильм свидетельствовал: тема человеческой жизни все решительнее выдвигается в центр кинематографии.

После образования КНР в 1949 г. в киноискусстве наступила пора новых тем, новых героев, новых акцентов в авторских позициях. То было время взлетов и падений. Были яркие ленты «Дочери Китая», «Седая девушка» (приз на кинофестивале в Карловых Варах), «Моление о счастье» (интересная экранизация рассказа Лу Синя, хотя и не достигшая вершин тонкого психологизма писателя). Мои собеседники очень тепло говорили о фильме «Февраль, ранняя весна». Режиссер Се Тели в 1963 г. экранизировал известную повесть Жоу Ши о молодом интеллигенте, который ищет себя в кипении социальных страстей 20-х годов. Обвиненный в воспевании «буржуазного гуманизма», фильм почти сразу исчез с экрана и перекочевал на полки. Теперь он снова стал достоянием зрителей. Когда я посмотрел его год назад, он поразил трепетным решением темы интеллигенции в революции.

Труден был период первых десятилетий новой власти. Одна кампания сменяла другую. Разные были лозунги и практические последствия. Но их объединяло одно — подчинение творчества сиюминутным задачам пропаганды. И вот в 1966 г. грянула «культурная революция», которая довела политизацию до абсурда, практические вытеснив, задавив искусство: вместо правды жизни и живых людей — пропагандистские схемы. Настоящая эпидемия схематизма и шаблонов. Художники обязаны были «следовать, придерживаться, повторять, иллюстрировать». Устранить созидательную роль автора как субъекта творчества — такова была линия. «Образцовые революционные спектакли» времен «культурной революции» (1966—1976), утвержденные по высочайшему повелению Цзян Цин, супруги Мао Цзэдуна, в те годы доминировали.

Разговор продолжает доцент Ни Чжэнь. Когда наступил этап «культурной революции», вся сохранившаяся консервативная культура воспрянула, поддержанная сверху. Многим непосвященным иностранцам казалось, что победили ультрареволюционные силы, а на самом деле то была псевдореволюция, преобладал сугубо феодальный способ выражения чувств — воспевание вождя. Характеры, личность, внутренний мир людей исчезли из искусства. Остались типы: герои и подлецы. Искусство превратилось в голое ходульное политическое орудие, перестало быть искусством. То был тупиковый путь.

«В 60-е годы кино на Западе и в Советском Союзе развивалось очень интересно, — говорит декан режиссерского факультета Чжэн Дунтянь. — Мы, в частности, очень

высоко оцениваем фильм «Девять дней одного года». А Китай в то время был отброшен назад».

И вот теперь, в эпоху реформ, раскрепощения сознания, открытости внешнему миру, благодаря усилиям прежде всего четвертого поколения китайское кино достойно вышло на мировую арену. Цифровая определенность свойственна китайскому мышлению. Оценивая путь, пройденный китайскими кинематографистами, собеседники назвали цифры — пять поколений режиссеров. Первое работало в годы детства кино — в 20-е. Второе — в 30-е и часть 40-х. Третье начало работать до 1949 г. и продолжило творческий путь после Освобождения. Оно не закончило поиск своего языка, национального самовыражения, сосредоточив усилия на решении идейных задач. Четвертое поколение, появившееся на арене в годы после победы народной власти, кажется, готово было найти свой путь, но судьба распорядилась иначе: они получили в подарок смутное время бедствий. Теперь о них говорят «молодые», хотя им по сорок и больше. «Будьте снисходительны к этому,— советует критик Хуан Шисянь,— не по своей воле они потеряли десять лет». И наконец, пятое поколение: большинство из них закончило Институт кинематографии в начале 80-х, самые дерзкие, бескомпромиссные.

Назову несколько главных фигур, определяющих лицо китайского киноискусства сегодня.

Се Цзинь (третье поколение), старейшина китайских кинематографистов, который еще в 1960 г. создал фильм «Красный женский отряд», названный тогда лучшим фильмом года. Он работает в Шанхае. Недавно получил все три приза, которые существуют в Китае: «Золотой петух» (его называют профессионалы), «Сто цветов» (его определяют зрители) и правительственную премию за биографический фильм «Сунь Ятсен», известный и советским зрителям. Из фильмов, которые он сделал за последние годы, выделяется «В долине лотосов». Эта картина рассказывает о селении, раскинувшимся в долине, где сходятся границы трех провинций: Хунань, Гуандун, Гуйчжоу. Деревня невелика: десять с небольшим лавок да несколько десятков домов, вытянувшихся вдоль улицы, мощенной каменными плитами. Дома стоят так близко, что если чей-то ребенок споткнулся, выбил зуб или разбил чашку, то об этом моментально узнают все. В центре фильма (в основе его лежит переведенный у нас роман писателя Гу Хуа, который вырос в деревне и описывает живую жизнь, живых людей) трагическая судьба молодой женщины, торговавшей рисовым отваром с кусочками соевого сыра и имевшей несчастье построить себе новый дом, за что она и подверглась дикой расправе. Женщина получает ярлык «нового богатого крестьянина, идущего по капиталистическому пути». Пришла «культурная революция» — начались новые страдания. Мужа отправили в тюрьму, она сама едва не умирает при родах. Концовка: уходит с политической сцены «банда четырех», муж возвращается, с героини снимают ярлык. В Китай пришла пора обновления.

Фильмы Се Цзиня по-прежнему пользуются огромным успехом у зрителей, вызывая на глазах слезы. В ответ на упреки некоторых молодых критиков в том, что старейшина следует устаревшим эстетическим концепциям, Се Цзинь возражает: «Говорят, что я должен делать фильмы более высокого уровня для более рафинированной аудитории. Мой ответ прост: искусство — это не цветок, который следует прятать в укромном уголке, чтобы единицы вдыхали его аромат; художник должен связывать свой труд с жизнью общества». Но все-таки можно понять горячность кинематографиста «новой волны»: они устали от шаблонов, не терпят никаких канонов и стремятся сказать свое слово в искусстве. Им свойствен акцент на индивидуальность, отрицание традиционности повествовательности китайского кино. У них есть пыл, страсть, хорошая школа — все они вышли из стен Института кинематографии, о чем с гордостью говорили мои собеседники.

Последнее время много говорят о молодом режиссере Чэнь Кайгэ. Его наиболее значительные ленты: «Большой парад» (о том, как муштра подавляет личность), «Желтая земля» (фильм — протест против патриархальных законов деревенской жизни). Фильм «Король детей» рассказывает о судьбе представителя того обманутого левыми лозунгами молодого поколения, которое было послано на «перевоспитание» в деревню. Недоучившийся парень после девяти лет тяжелого труда и без достаточных знаний становится учителем школы в горах. Но парень учит детей не тому, «чему следует», и в конце концов его смешают. Как видите, нет счастливого конца. Фильм

был хорошо встречен критиками, понравился на киноярмарке, но с Каннского фестиваля вернулся с шутивным призом журналистов «Золотой будильник» — за самый скучный фильм.

Это событие обострило споры о том, должно ли киноискусство Китая участвовать в международных конкурсах. Казалось бы, вопрос искусственный: 146 лент создано в стране в 1987 г. — не много по международным меркам. Однако 12 художественных и 23 короткометражных и документальных фильма отмечены призами. Но до сих пор доносятся отголоски некогда распространенного мнения: фильмы должны служить народу, а не получать награды. Кинематограф, говорят стоящие на этой точке зрения люди, — сфера идеологии, и, поскольку социальные системы разные и культурная среда иная, нелепо вступать в соревнование с образцами Запада. И все-таки общественное мнение высказывается за выход фильмов на мировую арену, ведь это часть политики расширения связей с внешним миром, проводимой страной. И вот уже обозреватель газеты «Гуанмин жибао» призывает по-хозяйски распорядиться кинопродукцией, выделяя три качества фильмов, которые скорее всего вызовут интерес за рубежом: высокий художественный уровень, «провоцирование поразмышлять» и развлекательность. А что касается фильмов-лауреатов, то их надо продавать подороже — здоровый коммерческий подход!

Возмутителем спокойствия называют другого представителя «пятого поколения» — Чжан Имоу. Он стремительно ворвался на экран, сделав несколько интересных операторских работ, две из них — с Чэнь Кайгэ («Желтая земля» и «Большой парад»), где его камера «мыслила». Затем неожиданно главная роль в фильме У Тяньмина «Старый колодец» и первый приз на фестивале в Токио за лучшую мужскую роль (сам фильм получил Гран-при). Наконец, недавний режиссерский дебют в фильме «Красный гаолян» — и опять гран-при, на этот раз в Западном Берлине. Фильм рассказывает увиденную глазами мальчика историю женщины в провинции Шаньдун в годы антияпонской войны. Выданная насильно замуж за больного проказой вино-торговца, за что ее семья была уплачена стоимость осла, женщина неожиданно становится владелицей винодельни после гибели мужа. Ультрасовременными средствами фильм показывает сочные народные характеры. Картина свойственна некая таинственность. Авторы сумели создать символический образ поля гаоляна, стихии, дающей жизнь и силы. Кадры, повествующие о японской оккупации и зверствах захватчиков, отличаются абсолютной беспощадностью на грани возможного. Когда я слышу мелодию из этого фильма, которую частенько насвистывает юноша, работающий лифтером в соседнем доме, то радуюсь за режиссера — ему удалось добиться цели: «говорить с миром на своем языке».

Итак, тяготеющая к традиции «модель Се Цзиня» и дерзкая «новая волна». А что между ними? То самое четвертое поколение, которому не суждено было сказать свое слово еще в 70-е. К нему принадлежит и Сюй Тунцзюнь с его «Салоном красоты» (как резонно говорили мои собеседники, деление это порой условно; в частности, режиссер Сюй представляет четвертое поколение скорее по возрасту, чем по опыту), и декан Чжэн Дунтянь (его социально-бытовой фильм «Соседи» пользуется у китайских зрителей большим успехом). Как считает критик Хуан Шисянь, четвертое поколение — это наиболее зрелые мастера, и именно им китайское киноискусство в первую очередь обязано своим возрождением и новым дыханием. В плеяде этих режиссеров критик выделяет две фигуры — У Игуна из Шанхая и У Тяньмина из Сиани. «Давней истории южного предместья» У Игуна суждено было стать первой китайской лентой, которая получила главный приз международного кинофестиваля. Это случилось в Маниле пять лет назад. Фильм, действие которого происходит в Пекине 20-х годов, рассказывает о том, как семилетняя девочка прощается с детством, видя, как в мире взрослых рушатся надежды, ломаются судьбы, а ей так хочется что-то исправить, протянуть руку помощи.

Об У Тяньмине разговор был особый. «Старый колодец», считает Хуан Шисянь, веха в китайской кинематографии. Реализм пронизывает все фильмы У Тяньмина, но здесь режиссер отказался от однопланового решения и перешел к многоплановому. Весь фильм проникнут острым чувством современности, отражая мысли и чувства людей, живущих вместе с нами и вокруг нас. У Тяньмин перевел на язык экрана повесть Чжэн И «Старый колодец». Поколения людей высоко в горах, в стороне от магистрали и современной жизни, ищут воду, роя один за другим колодцы. 127 колод-

цев — и все пусты. Издалека приходится возить драгоценную воду или растапливать снег. Двое молодых любящих друг друга людей решают покинуть деревню ради новой жизни в городе. Но отец юноши погибает во время очередной безрезультатной попытки обнаружить воду. Юноша должен жениться на вдове — последняя воля отца. В этом случае семья получает деньги, которые идут на женитьбу его брата. Таковы суровые традиции. Юноша жертвует своей любовью и начинает искать воду. Возлюбленная помогает ему. Они находят источник, но оказываются отрезанными от мира. Жители деревни спасают молодых людей, но во время аварии гибнет их друг — еще одна смерть ради воды. Возлюбленная героя жертвует все свои сбережения и вещи на строительство колодца и покидает деревню.

Чтобы обрели плоть ощущения от рассказа, У Тяньмин исколесил сорок уездов и наконец набрел на деревушку Шиюцзяо. Безводные камни. Вырубленный лес. Пустые черные дыры сухих колодцев, тупо глядящие в бездонное синее небо. «Земля не хочет отдать ни капли своей крови!» — воскликнул У Тяньмин. Ему захотелось заплакать от боли и в то же время воспеть упорство и героизм народа. В фильме плач и гимн органично сосуществуют. Одно из достижений «Старого колодца» — образ сына гор Сунь Ванцюаня (поразительное художественное чутье и на этот раз не обмануло режиссера, и оператор Чжан Имоу создал образ, забыть который невозможно). В повести он превращается в маленького дракона — повелителя вод, а потом в камень в кладке колодца. На экране это человек во плоти и крови, идущий навстречу современному потоку реформ, новый человек с тяжелым наследием прошлого. «Он еще не может преодолеть ограниченность той жизни — и потому печальный исход его любви предreshен, — говорит Хуан Шисянь. — Но он зажигает в сердцах людей пламя, и обретенный наконец колодец становится символом народного духа».

Как и всякий талантливый фильм, «Старый колодец» был встречен неоднозначно. Некоторые критики увидели в нем лишь изображение невежества, бедности, отсталости. С ними солидарны и многие зрители. У входа в кинотеатр, где демонстрировался «Старый колодец», красивый парень в белой куртке с небрежно перекинутым через плечо черным шарфом, предложив мне «лишний» билет на фильм, задиристо сказал: «Хотите прикоснуться к нашей бедности? Зачем смотреть на экране, я вам дам адреса некоторых мест на западе Китая». К нашему разговору, как это всегда случается в Пекине, присоединились прохожие. Хорошо помню девушку в красном, по виду студентку, которая резко парировала: «Во-первых, это правда, во-вторых, художественное откровение, в-третьих, вера в силы народа».

Эпоха, в которую живет Китай, обозначается двумя ключевыми словами: реформа и открытость. Она берет начало с декабрьского Пленума ЦК КПК 1978 г. Мои собеседники-кинематографисты определяют это десятилетие как начало нового взлета, который характеризуется несколькими существенными чертами. Нельзя не обратить внимания на то, что тема творческого осмысления прошлого воспринимается всеми поколениями кинематографистов как нравственный долг мыслящего и чувствующего человека, стремящегося сделать все, чтобы та эпоха, когда развеивался по ветру пепел книг и рушились судьбы, никогда не вернулась. В этом они видят свою ответственность за судьбу китайской культуры как органической части общечеловеческого достояния. Пока явления, мешающие общественному прогрессу и отравляющие жизнь, глубоко не познаны и до конца не раскрыты, неизбежно появление лент, подобных «В долине лотосов», и многих других, где несуетные раздумья о былом служат будущему.

Иные черты обретает сегодня герой китайского экрана. Долгие годы во время «большого скачка», «культурной революции» человек по самой своей сути рассматривался лишь как средство общественного развития. Мелькали в фильмах «винтики», «шестеренки», «кирпичики», «песчинки». Камера была бесстрашна, ей не было дозволено «искать и осуществлять себя». Но появились на экране люди из плоти и крови, стали скрещиваться судьбы и мнения. Что есть человек? Средство или цель общественного развития? Цель! — отвечают мастера киноискусства Китая. Внутренний мир героя — табу в смутные годы «образцовых революционных спектаклей» «культурной революции» — все смелее выходит на первый план. Недавний фильм шанхайского режиссера Хуан Шучинь «Человек. Дух. Чувства», которому специалисты прочат большое будущее, рассказывает о переживаниях и страданиях героини, столкновении идеалов и реальности. В этой ленте Хуан Шучинь органически переплела сцены

из китайской музыкальной драмы и эпизоды бытописания, жизнь реальную и ирреальную, изображающую внутренний мир актрисы.

Как будет развиваться китайское кино? Уже сейчас экран изменился, стал многоцветной палитрой: каждый мастер хочет неповторимо выразить себя. В одном они едины: тоскливые, догматически «правильные» фильмы не нужны. А успех трудный, но подлинно творческий придет лишь тогда, когда процессы, происходящие в стране, удастся соотнести с глубинными закономерностями бытия и нравственности, с укладом народной жизни.

Не этим ли поиском объясняется интерес к советским фильмам в Китае, с которым я столкнулся буквально в первые же корреспондентские дни в Пекине. Включаю как-то телевизор. ...Сырой воздух душно висел над болотом. Налегая на шесты, девушки с трудом вытаскивали ноги из засасывающей топи. Наконец добрались. Старшина Васьков по-отечески спрашивает: «Ну что, товарищи бойцы, умаялись?» Сцена, знакомая до каждой детали — только что смотрел «А зори здесь тихие» в Москве. Вот только старшина Васьков и девочки говорят по-китайски. Потом я привык: смотреть знакомые советские фильмы по китайскому телевидению стало нормой жизни, и Людмила Гурченко, говорившая по-китайски в «Вокзале для двоих» уже не вызвала удивления. Два упомянутых фильма да еще, пожалуй, «Москва слезам не верит» и «Служебный роман» — среди самых любимых в Китае.

В чем причина живого интереса к советскому кино? Послушаем декана Чжэн Дунтяня: «Вы даже не представляете, насколько глубоко могут судить о советском кинематографе поколения наших людей. Многие роднит нас, сближает и сама гражданственность искусства, свойственная Китаю и Советскому Союзу. Культуру и обычаи социалистической страны китайцам понять легче. Ведь многие мотивы западного кино воспринимаются как-то отстраненно, а у нас в социальной жизни много схожих конфликтов». Не кажется ли вам, спрашиваю моих собеседников, что есть некий временной разрыв между тем, чем живет зритель в Советском Союзе, и тем, что видит зритель в Китае? У нас будоражит умы «Покаяние», а в Китае идут «Военно-полевой роман», «Жестокий романс», «Битва за Москву». Чжэн Дунтянь соглашается и объясняет все это бюрократической нерасторопностью кинопроката обеих стран, хотя следует учитывать и неподготовленность китайского зрителя к некоторым лентам.

«Надо уходить от вежливых парадных обменов делегациями, встречаться на более профессиональной основе, — за это ратовали Чжэн Дунтянь. Ни Чжэнь и др. — К тому, что происходит в советском обществе, кинематографии в частности, в Китае огромный интерес». «У нас много общих проблем, — говорили кинематографисты, — скажем организационных. В Китае, например, 21 студия и 20 тысяч работников, и лишь 5 тысяч непосредственно вовлечены в создание фильмов. Из 570 режиссеров лишь половина реально работает. Сейчас в Китае вводится подрядная система, при которой продюсер сам будет изыскивать денежные средства и формировать съемочную группу. Появляются частные кинотеатры и студии. Может быть, такая система поможет решить проблему источников денежных средств для съемки фильмов. В результате этой реформы может сложиться рынок киноискусства. Все более интересны творческие споры по определенной теме. Видимо, пришла пора неспешного глубокого осмысления путей развития. Как, например, решить тему трагедии в условиях социализма?»

В наших странах, говорили кинематографисты, так много сходных проблем, что мы понимаем друг друга с полуслова. «У нас в начале реформы, — вспоминает Чжэн Дунтянь, — появилось много однодневок, примитивно решающих тему: пришел молодой реформатор и одолел старого консерватора. До сих пор еще не излечились от этого недуга схематизма. А ведь у вас в середине 60-х как будто был уже такой неудачный опыт? Но, к несчастью, тогда наши связи были разорваны. А ведь как пригодился бы и ваш отрицательный опыт — не повторили бы ошибок». И снова разговор вернулся к популярности советских фильмов, которые на всех этапах оказывали влияние на китайское кино. «Совсем недавно меня потрясла «Тема», — говорит Чжэн Дунтянь, — это исключительный фильм. Ведь сейчас режиссеры понимают, что надо показывать правду жизни, но они часто словно жалеют народ, смотрят на его проблемы со стороны. В «Теме» создатель растворяется в народе, он его часть и боль». «У нас нет таких фильмов, — запальчиво говорит декан, но потом после паузы тихо роняет: — Вот, пожалуй, «Старый колодец»...»

В преддверии 40-й годовщины Китайской Народной Республики мы обратились к ряду представителей старшего поколения китаеведов с предложением выступить на страницах нашего издания с воспоминаниями о работе в Китае. Материалы такого рода уже публиковались в предыдущих номерах. Предлагаем читателю заметки академика С. Л. Тихвинского, за плечами которого долгая, насыщенная яркими событиями жизнь дипломата и ученого. Как считает сам автор, это отнюдь не полные воспоминания, а лишь описание некоторых событий, непосредственным участником которых он был. Исследования актуальных проблем Китая занимали и продолжают занимать значительное место в творческой жизни С. Л. Тихвинского. Свою нынешнюю встречу с читателями автор просит предварять следующими словами:

«Для написания обстоятельных мемуаров необходимо тщательно поработать над архивными материалами, литературой, прессой. Может быть, со временем удастся это сделать, а пока, уступая просьбам редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока», я делюсь лишь отдельными фрагментами воспоминаний и прошу не очень строго судить за них автора».

ПРОШЛОЕ: ГОЛОС ОЧЕВИДЦА

Китай в моей жизни

*С. Л. ТИХВИНСКИЙ,
академик*

Интерес к странам Востока и, в частности, к Китаю пробудился во мне довольно-таки рано. Среди первых книг, с которыми связаны воспоминания о далеком детстве, можно назвать перевод японских сказок «Ханаси-банаси», повествовавших о хитрых барсуках, злых оборотнях и добрых, простых японских тружениках, их обычаях и нравах. Как-то в конце 20-х годов родители сняли на лето дачу в деревне Большие Ижоры, за Ораниенбаумом (ныне город Ломоносов), откуда открывался замечательный вид на Финский залив. Я с приятелями-мальчишками оборудовал на одном из деревьев около забора соседней дачи нечто вроде наблюдательного пункта. Оттуда мы рассматривали в бинокль проходившие по Морскому каналу суда и мечтали о дальних путешествиях. На соседней даче жил известный китаевед академик В. М. Алексеев. Мой отец часто беседовал с ним, и я невольно прислушивался к интересным рассказам ученого о Китае, его культуре и истории, что впоследствии, безусловно, оказало влияние на выбор мною профессии китаеведа. В школьные годы меня увлекли книги русских путешественников по Средней и Центральной Азии — Пржевальского, Потанина, Обручева, Певцова, Роборовского, Свена Гедина. Запомнились проводившиеся в школе встречи с участниками памирской и других среднеазиатских экспедиций — академиками А. Е. Ферсманом, О. Ю. Шмидтом, Д. И. Щербаковым, с известным исследователем Арктики профессором Р. Л. Самойловичем.

В 30-е годы мы, школьники старших классов, как и все советские люди, пристально следили за сообщениями печати о героической борьбе китайских коммунистов с гоминьдановскими реакционерами, сочувствовали жителям Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), ставшим в сентябре 1931 г. жертвами японской агрессии. Знакомство с произведениями китайского искусства, хранящимися в Эрмитаже, с коллекциями Ленинградского музея антропологии и этнографии, выставкой произведений китайской

живописи, привезенной в СССР летом 1934 г. художником Сюй Бэйхуном, с китайским театром во время гастролей весной 1935 г. труппы Мэй Ланьфана, лекциями в Русском географическом обществе о путешествиях Марко Поло и других иностранных и русских землепроходцев — все это укрепило мое стремление выучить китайский язык, чтобы понять древнюю и современную культуру нашего великого соседа — Китая.

Летом 1935 г. я успешно выдержал вступительные экзамены и поступил на лингвистический факультет Ленинградского института философии, истории, литературы и лингвистики (ЛИФЛИ), преобразованного через год в филологический факультет Ленинградского университета.

Моими учителями были выдающиеся советские китаеведы. С огромным интересом мы, студенты, слушали лекции академика В. М. Алексеева о китайской культуре и классической литературе, профессора Б. А. Васильева о современной китайской литературе, профессора Ю. К. Шуцкого о китайской философии, Г. В. Ефимова о новой и новейшей истории Китая, К. И. Разумовского о китайском изобразительном искусстве и особенно о портретной живописи, Ю. В. Бунакова и М. Ф. Хвана о китайской письменности. Японский язык нам преподавала О. П. Соловьева. Деканом факультета был известный лингвист академик И. И. Мещанинов, который читал нам лекции по общему языкознанию. Введение в лингвистические учения читала профессор Р. О. Шор, занятия по фонетике вел профессор Л. В. Шерба. Развитие наших востоковедческих навыков способствовало живое общение с такими корифеями отечественного востоковедения, преподававшими на нашем факультете, как арабист академик И. Ю. Крачковский, индолог академик Ф. И. Шербацкой, египтолог академик В. В. Струве, японист член-корреспондент АН СССР Н. И. Конрад, иранист член-корреспондент АН СССР Е. Э. Бертельс. Однако среди преподавателей не было живых носителей китайского языка, и мы, студенты китайского отделения, были вынуждены довольствоваться прослушиванием грамзаписи курса фонетики китайского лингвиста Чжао Юаньжэня.

В студенческие годы я с увлечением занимался в студенческом научном кружке, которым руководил профессор А. А. Драгунов — крупный специалист по китайской лингвистике. Под его руководством и была выполнена моя первая самостоятельная работа «Удвоение или редупликация в китайском языке».

В 1935—1936 гг. студенты и преподаватели с волнением следили за известиями о героическом походе частей китайской Красной армии из Центрального советского района на Северо-Запад. Вместе со своими учителями мы переживали безвременную кончину в октябре 1936 г. выдающегося китайского писателя-демократа Лу Синя. С его творчеством советскую общественность впервые познакомил профессор Б. А. Васильев, встречавшийся с писателем осенью 1925 г. в Китае.

Годы моей учебы в университете совпали с кульминацией сталинских репрессий, невинными жертвами которых в 1937 г. стали многие видные ленинградские востоковеды, в том числе и талантливые молодые профессора-китаеведы Б. А. Васильев и Ю. К. Шуцкий — любимые ученики академика В. М. Алексеева, над головой которого тоже сгустились мрачные тучи, особенно после публикации о нем в московской печати статьи «Лжеученый в звании академика». Как всегда в строгом черном сюртуке, в белой рубашке с туго накрахмаленным воротником, с объемистым чемоданом, в котором он носил расписанные на карточках тексты своих лекций, цитаты из китайских классических книг, образцы китайских эстампажей и новогодних лубков, Василий Михайлович регулярно приходил на занятия, несмотря на создавшуюся вокруг него тяжкую моральную обстановку.

Сухо поздоровавшись с присутствовавшими, Василий Михайлович открывал крышку своего чемодана, за которой подчас мы не видели его самого, и начинал читать свою очередную лекцию. Когда раздавался звонок, извещавший о перемене или об окончании занятий, он молча убирал карточки в чемодан, закрывал крышку и, сообщив о теме следующей своей лекции и о той литературе, которую нам следует прочесть в порядке подготовки к ней, покидал аудиторию. Только спустя годы, встретившись с Василием Михайловичем после войны, я понял, что за его внешне суровым видом скрывается доброжелательный и мудрый наставник молодежи. Нас, студентов 30-х годов, он не особенно примечал (исключение составляли приезжавшие иногда два аспиранта В. М. Алексеева из Московского института востоковедения — Н. Т. Федоренко и Л. З. Эйдлин). Многие из 28 студентов, зачисленных в 1935 г.

в нашу китаеведческую группу, не выдержали сурового испытания иероглификой и фонетикой. Некоторые добились перевода в другие языковые группы, другие ушли на исторический факультет или вообще покинули университет. В результате к середине 3-го курса в нашей группе осталось всего 2 студента: Валя Исакович и я. Заместитель декана, впоследствии крупный специалист по иранской литературе, Д. С. Комиссаров предложил нам досрочно пройти программу 4-го курса, чтобы сразу перейти на 5-й, где была компактная китайская группа, что мы и сделали к лету 1938 г. Однако закончить университет мне не удалось. Осенью 1938 г. по комсомольскому набору я был направлен в Москву на работу в качестве переводчика китайского языка в Народный комиссариат иностранных дел и смог формально завершить свое китаеведческое образование только накануне войны, сдавая экстерном экзамены за полный курс китайского отделения Московского института востоковедения.

В Наркоминделе я занимался письменными переводами. В середине мая 1939 г., вскоре после прихода на пост наркома по иностранным делам В. М. Молотова, меня вызвали к нему. Нарком проявил интерес прежде всего к моей языковой подготовке и способности переводить его беседу с китайским посетителем. Пришлось ответить, что навыками устного перевода пока не владею. Выходя из кабинета наркома, я увидел опытную переводчицу Юлину, ожидавшую вызова к В. М. Молотову. Появилась надежда на то, что мои переводческие услуги не понадобятся. Однако вопреки ожиданию вскоре поступило указание к 9 часам вечера доставить меня в Кремль. В приемной я узнал, что мне предстоит переводить беседу с председателем Законодательного юаня (палаты) китайского парламента Сунь Фо — сыном доктора Сунь Ятсена. Вскоре прибыл невысокий полный китаец в очках. На мою робкую попытку представиться ему по-китайски, Сунь Фо ответил вопросом, знаю ли я английский. Получив утвердительный ответ, он пояснил, что с детства воспитывался за границей и знает лишь кантонский диалект, который не понимает даже подавляющее большинство китайцев. Не успели мы друг с другом как следует объясниться, как нас пригласили в кабинет В. М. Молотова, где, кроме хозяина кабинета, присутствовали И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, А. И. Микоян и первый заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин. После краткого обмена приветствиями между И. В. Сталиным и Сунь Фо сразу же завязался непринужденный деловой разговор, который я, как мог, старался переводить. В ряде трудных для перевода мест, когда я не находил адекватных терминов, В. П. Потемкин меня выручал, беря на себя функцию переводчика.

Сунь Фо выразил глубокую признательность правительству и народа сражающегося Китая советскому правительству и народу за всестороннюю помощь в отражении японской агрессии, особо отметив самоотверженный ратный труд советских военных советников и летчиков-добровольцев. Подробно осветив обстановку на фронтах войны с Японией, Сунь Фо перешел к изложению целей и задач своей нынешней миссии в Москву. По поручению китайского правительства, вынужденного летом 1938 г. эвакуироваться из Ханкюу в глубь страны, в город Чунцин провинции Сычуань, Сунь Фо просил значительно увеличить объем советских военных поставок и передал список необходимых Китаю видов вооружения: самолетов, танков, боеприпасов, горючего и транспортных средств. По ходу беседы нарком внешней торговли А. И. Микоян давал обстоятельные справки об итогах реализации первых двух советских кредитов на сумму 50 млн. долл. каждый, предоставленных в 1938 г. Китаю. Когда зашла речь о путях доставки необходимых грузов, И. В. Сталин подошел к противоположной от окон стене кабинета и, потянув за шнур, спустил большую физическую карту Центральной и Восточной Азии. По ходу беседы, рассуждая о наиболее эффективных путях налаживания регулярного грузооборота с Китаем, он время от времени обращался к карте. И. В. Сталин интересовался мнением Сунь Фо о возможности строительства железной дороги, соединяющей советскую Среднюю Азию через Восточный Туркестан (тогдашнюю провинцию Китая Синьцзян) с Ланьчжоу в провинции Ганьсу, с целью бесперебойного снабжения Китая необходимыми для ведения войны с Японией грузами. В заключение И. В. Сталин сказал, что все заявки на материальное снабжение будут подробно рассмотрены в Народном комиссариате внешней торговли А. И. Микояном, которому правительство поручило подготовить проект торгового договора с Китаем и соглашения о новых кредитах. Такой договор о торговле между СССР и Китаем был подписан А. И. Микояном и Сунь Фо 16 июня 1939 г.

в Москве. Стремясь обеспечить реальную возможность получения на основе этого договора необходимых материалов, советское правительство предоставило Китаю третий кредит — на этот раз в сумме 150 млн. долл.

Вскоре мне представилась первая возможность получить практику в разговорном языке. 1 октября 1939 г. я вылетел с Центрального аэродрома Москвы, располагавшегося в те годы на Ленинградском шоссе у станции метро «Аэропорт». Самолет ДС-3, принадлежавший смешанной советско-китайской авиакомпании «Хами-Ата», приземлился в Урумчи, главном городе провинции Синьцзян. Там находилось советское генеральное консульство, с работой которого я должен был ознакомиться. За полтора месяца, проведенные в Синьцзяне, я побывал в городах Урумчи, Шихо, Манас, Кашгар и Турфан, встречался с представителями многонациональной общественности этой самой крупной по территории и малонаселенной провинции Китая — с китайцами, дунганями, уйгурами, казахами, монголами, русскими. В это время в соответствии с советско-китайским соглашением в Синьцзяне при помощи советских специалистов создавались нефтепромыслы Тушаньцзы и шло строительство авиасборочного завода. Управляющий делами генерального консульства И. Х. Овдиенко (впоследствии заведующий кафедрой географического факультета МГУ, профессор) ввел меня в курс работы, ознакомил с политической обстановкой в провинции. Военный губернатор (дубань) Синьцзяна генерал Шэнь Шицай в те годы, по крайней мере внешне, проводил политику определенного дистанцирования от центрального гоминьдановского правительства, держал на ряде руководящих постов в провинциальной и местной администрации членов китайской компартии, открыто провозглашал дружбу с Советским Союзом как основу внешнеполитических связей провинции, декларировал равенство всех проживающих в Синьцзяне народов. Однако уже тогда стали поступать сообщения о намерении Шэнь Шицай изменить политику в отношении к проживавшим в провинции некитайским народам, весьма дружелюбно настроенным к своим советским и монгольским собратьям. В 1939 г. под предлогом проведения казахско-киргизско-монгольской конференции дубань собрал в Урумчи наиболее авторитетных представителей этих национальностей, проживающих в Синьцзяне, и не отпустил их в родные места, поручив своей секретной службе состряпать материалы о якобы имеющихся у делегатов конференции связях с японской разведкой. Большинство делегатов конференции вскоре было брошено в тюрьмы.

Мне довелось познакомиться с самим Шэнь Шицаем во время одного из его посещений консульства. Приезд дубаня был обставлен весьма театрально. Появился эскадрон конницы с двумя пулеметами, которые тут же были установлены на ступеньках главного здания генконсульства; затем во двор въехала легковая машина с маузеристами охраны, вслед за ней — машина самого дубаня, охраняемого свисавшими с подножек четырьмя маузеристами с пистолетами в руках. Замыкала кортеж грузовая машина с солдатами. Сам дубань — в прошлом офицер войск, дислоцированных в северо-восточных провинциях Китая, — после захвата Маньчжурии японской военщиной осенью 1931 г. с отрядом китайских войск, отступивших на территорию СССР, был интернирован на Дальнем Востоке, а затем возвращен в Китай через Синьцзян, где он остался служить в войсках губернатора провинции Цзинь Шужэня. Последнего он в 1933 г. отстранил от власти при поддержке группы прогрессивных офицеров различных национальностей, проживавших в Синьцзяне.

Когда я вторично прибыл в двухмесячную командировку в Урумчи в апреле следующего, 1940 г., Шэнь Шицай уже резко изменил свою политику, стал открыто обвинять китайских коммунистов и прогрессивных представителей уйгуров, казахов, монголов и дунган в заговорщической деятельности и вскоре обрушил на них град репрессий, что привело впоследствии к народному восстанию против его диктатуры в трех западных округах провинции Синьцзян. Во время второй командировки в Синьцзян я вместе с вновь назначенным генеральным консулом в Урумчи И. Н. Бакулиным совершил перелет из Урумчи через Кашгар в Хотан. Оттуда мы на двух легковых открытых «газиках» посетили Керюю. Затем, через Яркенд вернулись в Кашгар. Эта поездка по окраине пустыни Такламакан вдоль покрытых вечными снегами северных отрогов Гиндукуша по еле различной дороге в песках, обозначенной кое-где лишь белыми костями павших лошадей, ослов и верблюдов, дала незабываемую возможность ознакомиться с районами древнего оазисного зем-

леделия, с жизнью и бытом уйгурского народа, населяющего этот край, со скульптурами кушанской эпохи, выставленными для нашего осмотра губернатором Хотанского округа китайским коммунистом Пань Дуном. Эти скульптуры — образцы греко-бактрийского искусства — были конфискованы властями у контрабандистов, охотников за сокровищами погребенных в песках пустыни Такламакан древних поселений. Пань Дун намеревался со временем создать в Хотане государственный музей, где были бы сосредоточены все местные археологические находки. Увы, после вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз, он и другие китайские коммунисты в Синьцзяне, включая и брата Мао Цзэдуна Мао Цзэмина, были арестованы дубанем Шэнь Шицаем, открыто переметнувшимся в антикоммунистический лагерь. Впоследствии они были казнены.

В Урумчи и его окрестностях мне доводилось видеть бесконечные караваны верблюдов, перевозивших в запаянных жестяных банках авиационный бензин из Советского Союза в Ланьчжоу, колонны советских грузовых машин, которые везли в Китай столь необходимые ему грузы. Как известно, китайское побережье было полностью блокировано японцами. Летом 1940 г. вишистская Франция прекратила отправку грузов через Индокитай, а английское правительство под нажимом Японии перекрыло дорогу через Бирму. До начала войны на Тихом океане дорога через Синьцзян стала единственной артерией, по которой сражающийся Китай получал необходимую помощь. Здесь проходила и воздушная трасса, связывавшая Китай безопасным путем с внешним миром, через Синьцзян поступали в Китай советские истребители и бомбардировщики, танки, артиллерия.

В погашение кредитов, полученных от Советского Союза, Китай обязался поставлять в СССР чай, кожу, шерсть, редкие и цветные металлы, хлопок, шелк, тунговое масло и пушнину.

Уместно в этой связи вспомнить, что первое кредитное соглашение с Китаем на сумму 50 млн. долл. было подписано 1 марта 1938 г., но поставки советской военной техники, боеприпасов и снаряжения сражающемуся Китаю в счет этого кредита начались еще осенью 1937 г., поскольку положение на фронтах срочно требовало присылки оружия и боеприпасов. Для их доставки, по просьбе китайского правительства, Советский Союз оказал помощь в создании автомобильной трассы от советской границы через Синьцзян до Ланьчжоу в провинции Ганьсу общей протяженностью около 3 тыс. км, которую советские автоколонны с грузами преодолевали за две с половиной недели. Свыше 4 тыс. советских людей обслуживало эту крайне сложную из-за характера местности трассу. Более 5 тыс. советских грузовых автомашин было занято на перевозке грузов. До августа 1938 г. Советский Союз поставил в Китай 361 боевой самолет. К середине февраля 1939 г. в Китае находилось 3665 советников, инструкторов, военных летчиков и техников. Летом 1939 г. в Китай прибыло более 400 летчиков-добровольцев и авиатехников. Свыше 200 советских летчиков-добровольцев, пришедших на помощь китайскому народу, погибли в Китае¹.

Как уже говорилось, лишь перед самым началом войны я смог завершить свое высшее образование. Желая продолжать свои китаеведческие штудии, я тогда же подал заявление о приеме в заочную аспирантуру Тихоокеанского института Академии наук СССР, помещавшегося в те годы на улице Разина в одном доме с Управлением московского метро. Институт возглавлял тогда доктор исторических наук, историк-японист, впоследствии академик, Е. М. Жуков. В институте сотрудничали известные востоковеды Г. Н. Войтинский, А. Л. Гальперин, В. А. Масленников, К. М. Попов, А. С. Перевертайло, Х. Т. Эйбус, Г. Б. Эренбург и др. Выдержав вступительные экзамены в аспирантуру, я стал готовиться к сдаче кандидатского минимума. Моим научным руководителем был назначен профессор Г. Н. Войтинский, участник большевистского подполья и гражданской войны на Дальнем Востоке, работавший в Китае в начале 20-х годов по линии Коминтерна и лично встречавшийся с Сунь Ятсеном. По его совету я избрал темой своей будущей диссертации исследование первого из «трех народных принципов» Сунь Ятсена — принципа «национализма» («миньцзучжуи») и его внешней политики, базировавшейся на этом принципе.

Обстановка первых двух военных лет, напряженная работа в Наркомате в Москве, Куйбышеве и снова в Москве, две командировки на Западный фронт (в феврале 1938

1942 г. — под Юхнов в 49-ю армию генерала И. Г. Захаркина для сопровождения первой делегации Монгольской Народной Республики, руководимой заместителем премьер-министра Лубсаном и вдовой Сухэ Батора Янжимой, с подарками монгольского народа фронтовикам; в начале апреля того же года — под Гжатск, в 5-ю гвардейскую армию генерала И. И. Федюнинского для сопровождения делегации Тувинской Народной Республики, возглавляемой С. Тока) — все это, естественно, не позволяло уделять должного внимания подготовке к сдаче кандидатского минимума. Отвлекали и чисто материальные заботы. Как и мои коллеги-китаисты 2-го Дальневосточного отдела Наркоминдела В. В. Васьяков, Н. Т. Федоренко и ряд китаистов — преподавателей московских вузов, я с признательностью принял предложение известного исследователя и пропагандиста китайской литературы В. Н. Рогова, долгие годы работавшего корреспондентом ТАСС в Китае, и зав. редакцией стран Востока издательства «Художественная литература» А. Мингулиной перевести за приличной по тем временам гонорар для редактировавшихся ими сборников «Китайские рассказы» и «Избранное Лу Синя» несколько небольших рассказов. Летом 1944 г. в разгар Великой Отечественной войны 10-тысячным тиражом был издан сборник рассказов современных китайских писателей с предисловием и примечаниями В. Н. Рогова. Сборник знакомил советскую общественность с творчеством современных китайских писателей Мао Дуня, Лао Шэ, Чжан Тяньи, Яо Сюэиня и др. В книгу вошел мой перевод рассказа Яо Сюэиня «Легенда о красном фонаре». В 1945 г. то же издательство таким же тиражом выпустило сборник рассказов, статей и писем Лу Синя — «Избранное». В этом сборнике был опубликован мой перевод рассказа Лу Синя «В кабачке». (Перевод другого рассказа Лу Синя «Дневник сумасшедшего», сделанный мною также в 1943 г., был опубликован в 1954 г. в 1-м томе Собрания сочинений Лу Синя, выпущенного тем же издательством.)

Только по завершении работы Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, проходившей с 19 по 30 октября 1943 г., к работе в которой я был привлечен, мне удалось завершить сдачу необходимых экзаменов.

Участники Московской конференции 30 октября 1943 г. подписали протокол, содержавший решения конференции, среди которых была Декларация четырех государств по вопросу всеобщей безопасности. Кроме министров иностранных дел СССР, США и Англии, Декларация была подписана также представителем китайского правительства — послом Китая в Москве Фу Бинчаном². Указанная Декларация 2 ноября 1943 г. была опубликована в газете «Правда». Сам факт подписания Декларации наряду с тремя основными державами — участницами демократической коалиции также и Китаем способствовал росту международного престижа страны, наносил существенный удар по капитулянтским элементам в Гоминьдане, предоставлял Китаю возможность занять достойное место при решении проблем послевоенного времени.

Вскоре после окончания Московской конференции я был назначен вторым секретарем посольства СССР в Чунцине и в начале декабря выехал через Синьцзян к месту новой работы.

Чунцин военного времени поразил огромным скоплением людей на сравнительно небольшой гористой площадке скалистого мыса, зажатого между двумя полноводными реками — Янцзы и ее левым притоком Цзялинцзян. Заштатный портовый город провинции Сычуань с населением, насчитывавшим до начала войны с Японией 250 тыс. человек, Чунцин после переноса сюда столицы сражавшегося Китая вместил свыше 2-х млн. жителей. Сюда же, кроме правительственных и военных учреждений и динкорпуса, эвакуировались многие заводы, фабрики, учебные заведения. Город сильно пострадал от бомбардировок японской авиацией; не хватало электроэнергии, воды, практически отсутствовала канализация, и нечистоты по узким крутым улицам, переулкам и вырубленным в скалистом грунте ступеням лестниц стекали прямо в Янцзы и Цзялинцзян. В городе было множество крыс, которые вели себя весьма агрессивно, так что владельцам немногочисленных кошек приходилось их на ночь запирать в клетки, чтобы те не стали добычей крыс*. Посольство СССР располагалось на горе Пибашань, по форме напоминавшей китайский щипковый инструмент пибу, по аналогии с которым она и получила свое название. Поблизости от посольства располагался пункт противовоздушной обороны, оборудованный высокой мачтой, видной

со всех частей города. На ней вывешивались в случае воздушной тревоги знаки различной формы: красный треугольник, красные шары, зеленый цилиндр, обозначающие ту или иную степень вероятности появления над городом японских бомбардировщиков. Из окон посольства в ясную погоду открывался чудесный вид на Янцзы, но подавляющее число дней в году с сентября по март город был окутан плотным туманом. Зимой стояла сырая, промозглая погода, а летом — удушающая влажная жара, от которой не было спасения даже в ночные часы. Неудобство от непривычного для приезжих климата усугублялось полчищами москитов и комаров, единственным спасением от которых по ночам была противомоскитная сетка, которая, однако, затрудняла естественную циркуляцию воздуха и лишь усугубляла тяжелое состояние, вызванное жарой. В Чунцине небольшой коллектив советских людей с 1939 по 1945 г. возглавлял посол Александр Семенович Панюшкин; военным атташе посольства до 1941 г. был генерал В. И. Чуйков (впоследствии прославленный защитник Сталинграда, полководец, войска которого брали Берлин), а в мое время — полковник Н. В. Рошин (Рузанков), в конце 40-х годов ставший последним советским послом в старом Китае и первым — в КНР.

В трудные для Советского Союза первые годы Отечественной войны гоминьдановское правительство резко ухудшило отношение к нашей стране, почти полностью прекратив торговлю с Советским Союзом через провинцию Синьцзян. В апреле 1943 г. в Синьцзян была переброшена крупная группировка гоминьдановских войск, в провинции развернулась враждебная нашей стране и местным демократическим силам кампания. В это же время, особенно после самороспуска в мае того же года Коммунистического Интернационала, гоминьдановское командование усилило блокаду районов расположения 8-й и Новой 4-й армий, сосредоточив против Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся 700-тысячную армию. Широкие слои китайской общественности решительно осудили враждебные Советскому Союзу акции гоминьдановского руководства, ставившие под угрозу существование единого антияпонского фронта. Советская дипломатия в этот период провела большую работу по предотвращению гражданской войны, укреплению единого фронта борьбы с Японией. Такая политика последовательно проводилась Советским Союзом еще с середины 30-х годов. В этой связи уместно напомнить о твердой позиции нашей страны, стремившейся к мирному разрешению яньских событий в декабре 1936 г., когда патриотически настроенными офицерами был арестован Чан Кайши, а также дипломатическом демарше советского правительства в связи с инцидентом с Новой 4-й армией в начале 1941 г. Этим же целям были подчинены неоднократные беседы советского посла А. С. Панюшкина с гоминьдановскими руководителями, встречи советских дипломатов с китайскими политическими и военными лидерами, с представителями китайской общественности, дипломатами стран антигитлеровской коалиции.

По прибытии на работу в наше посольство в Чунцине я вошел в состав группы, занимающейся вопросами внутренней политики Китая, во главе с 1-м секретарем посольства Е. Ф. Ковалевым. Он также курировал производственную практику молодых дипломатов-стажеров. Несмотря на трудное для страны время, они по инициативе посла приехали в Чунцин для изучения китайского языка. Вспоминаются встречи с представителями правительственных, деловых и общественных кругов. Вокруг предста-

* В январе 1989 г. через сорок три с лишним года после отъезда из Чунцина, я имел возможность снова побывать в этом городе и с трудом узнал его. Сейчас это крупнейший промышленный и научный центр страны с населением свыше 10 млн. человек, соперничающий по числу жителей с Шанхаем и Пекином. На месте старых, покрытых циновками хижин на бамбуковых столбах, выросли кварталы современных многоэтажных благоустроенных зданий. Город украшает великолепный дворец народных представителей, разбиты парки, построены многочисленные памятники, в том числе и памятник советским офицерам, погибшим в провинции Сычуань в годы антияпонской войны. Город вышел далеко за пределы былой территории, ограниченной двумя водными артериями. Через Янцзы перекинут величественный широкий мост, под которым свободно проходят суда; два современных изящных моста построены через реку Цзялиньцзян. С противоположными берегами обеих рек город соединяют также канатные дороги и паромы. Возникли крупные промышленные кварталы. Пригородная в прошлом деревня Шанинба стала современным районом Чунцина, центром науки и высшего образования, электронной, машиностроительной и химической промышленности. Город связан со столицей страны и с другими центрами железнодорожной линией, построен крупный аэропорт.

вительства Компартии Китая в Чунцине, в котором работали такие видные руководители КПК, как Чжоу Эньлай, Дун Биу, Линь Цзухань (Линь Боцюй), Е Цзяньин, У Юйчжан и др., постепенно группировались все прогрессивные общественные силы столичного города. На сессиях Национального политического совета они поддерживали линию КПК на борьбу с капитулянтскими элементами в армии и правительстве и осуждали антидемократическую деятельность правящих гоминьдановских кругов. Руководство Гоминьдана, пытаясь создать видимость демократизации режима, поощряло создание всевозможных мелких группировок, широковещательно именовавших себя партиями. Это делалось с целью противопоставления их Компартии Китая и подлинно прогрессивным силам.

По поручению посла зимой 1944 г. я посетил лидера одной из таких самозванных «партий» в его поместье близ Чунцина. После полуторачасовой поездки, оставив автомашину на проселочной дороге, я вместе с шофером посольства последовал за проводником по узкой, выложенной каменными плитами тропинке, извивавшейся среди обрамленных невысокими дамбами сухих, после окончания жатвы, рисовых полей. Примерно через полчаса, пробираясь между террасированными холмами, то поднимаясь, то опускаясь, мы добрались до укрывшегося в одной из бамбуковых рощ небольшого белого дома у подножия очередного холма. По соседству с бамбуковой рощей на склоне холма росло около 20 невысоких лимонных и апельсиновых деревьев, на которых кое-где оставались еще одиночные неурбанные плоды.

Встретивший нас хозяин, оказавшийся мелким местным помещиком, завел разговор о своем желании быть избранным при поддержке посольства в состав будущего парламента страны. Оказалось, что вся его «партия» состоит лишь из нескольких соседей — мелких помещиков. Сам он постоянно живет в Чунцине, а землю сдает в аренду окрестным крестьянам. Хозяин долго убеждал меня, что ни он, ни его соседи не только не эксплуатируют крестьян, но, наоборот, дают им возможность безбедного существования, а сами довольствуются лишь чисто символической арендной платой за сдаваемую крестьянам землю. В подтверждение своего «бескорыстия», обрекавшего его самого на весьма бедственное существование, хозяин заявил, что даже не может себе позволить купить чай и вынужден угощать нас лишь тем, что он производит в своем поместье. Вместо чая нам предложили кипящий бесцветный напиток, оказавшийся соком плодов лимонного дерева. Все поданное нам затем угощение было также приготовлено из домашних продуктов, включая и самогон из лимонов.

Чтобы поближе ознакомиться с местной экономикой, я вызвался в качестве переводчика сопровождать завхоза посольства, закупавшего уголь для отопления посольского здания на одной из небольших угольных шахт неподалеку от Чунцина. Проехав около часа на посольском грузовике, мы оказались в небольшом ущелье. Один из гористых склонов был весь изрыт узкими норами, из которых вниз тянулись черные полосы, заканчивавшиеся горками свежедобытого мелкого угля. Голые по пояс, черные от угольной пыли рабочие стали загружать наш грузовик, предварительно засыпая уголь в железную бадью, которую затем взвешивали на весах, подвешенных к стволу росшего по близости старого дерева. Пока загружали грузовик углем, я по узкой тропинке поднялся к входу в один из ближайших угольных забоев, где взору предстала тяжкая картина. Из узкого входа-норы на четвереньках, выбываясь из сил, выполз совершенно голый, весь в угольной пыли, тощий, как скелет, 8—10-летний мальчик. Он тащил за собой на перепоясывавшей его тельце веревке объемистый плетенный из бамбука короб, доверху наполненный мелким углем. Опрокинув содержимое короба на склон холма, откуда уголь, оставляя за собой облако черной пыли, скатился вниз, мальчик тут же снова юркнул в черное отверстие забоя. Как сказал мне подрядчик, отпущавший внизу уголь, на шахте работало около десятка таких несчастных детей, получавших за свой рабский труд мизерное вознаграждение и живших тут же при шахте в пустых забоях.

Население Чунцина в своей подавляющей массе испытывало на себе тяжелые последствия затянувшейся войны — безудержную инфляцию и дороговизну, произвол гоминьдановской военщины и спецслужб. К весне 1945 г. инфляция достигла таких масштабов, что бумажные деньги уже никто не пересчитывал. Они циркулировали в виде плотно упакованных пачек — кубиков, достоинством по 100 тыс. китайских долларов каждый. На такой бумажный кубик, перевязанный бумажной веревкой, можно было купить

не более килограмма риса. Гоминьдановская верхушка, однако, не испытывала никаких тягот военного времени.

Несколько семей сотрудников посольства проживало в представительском доме, расположенном за пределами территории посольства по улице Дасибешу, по соседству с особняком мэра города У Гочжэня и с казармами солдат американской морской пехоты. Выше нашего представительского дома, на вершине холма, за высокими стенами располагалась одна из вилл, принадлежавших Чан Кайши, откуда иногда раздавались звуки, похожие на мычанье коровы. Когда мы, заинтересованные этими звуками, пытались узнать у нашего привратника-китайца, что может делать корова в резиденции генералиссимуса, привратник под большим секретом поведал, что мадам Чан Кайши очень следит за своей кожей и привыкла по утрам регулярно принимать молочную ванну.

Иностранная колония в Чунцине состояла из сотрудников дипломатических и консульских представителей стран демократической коалиции, довольно значительной группы корреспондентов, представлявших прессу этих стран, а также сотрудников ряда английских, французских и американских фирм и компаний, эвакуировавшихся из захваченных японцами портовых городов Китая. Они пережидали в Чунцине окончания войны, проводя время за карточной игрой и выпивкой в клубе на южном берегу Янцзы, предназначенном исключительно для иностранцев.

В городе при ставке Чан Кайши, считавшегося командующим китайским театром военных действий против Японии, находилось много представителей США, Англии и Франции, а также значительное число американских солдат и офицеров, прикомандированных к штабу командования американских войск.

В апреле 1944 г. после длительного затишья на фронтах началось крупномасштабное наступление японских войск вдоль Пекин—Ханькоуской железной дороги. В ноябре месяце японцы овладели городом Гуйлинь, а в декабре их передовые части вышли к границам провинции Гуйчжоу. В результате наступательных операций 1944 г. Япония установила сквозное железнодорожное сообщение через всю оккупированную ею на Азиатском материке территорию, от Кореи и Маньчжурии до Индокитая, одновременно создав реальную угрозу вторжения в провинцию Сычуань и захвата Чунцина. Поражение китайских войск, несмотря на их подавляющее численное превосходство над японскими, объяснялось бездарностью и разложением командования, крайне низким моральным духом гоминьдановской армии и ее ориентацией на гражданскую войну, а не на отпор Японии. Все это создавало среди жителей Чунцина настроения крайнего пессимизма и растущего недовольства гоминьдановской диктатурой.

Еще осенью 1944 г. в Китай прибыл в качестве личного представителя президента США Рузвельта генерал Патрик Хэрли. Он активно взялся за осуществление посреднических функций между Гоминьданом и КПК для активизации проводимых ими военных действий. В его задачу входила также подготовка условий для сотрудничества с подконтрольными компартии войсками в северном Китае после планировавшейся американским командованием высадки войск США на побережье Китая с целью ведения совместных операций против японской армии. Посреднические усилия П. Хэрли, вскоре назначенного американским послом в Китае, встретили активное противодействие со стороны Чан Кайши, незадолго до этого добившегося от США отзыва из Китая командующего американскими войсками генерала Стилуэлла, критиковавшего Гоминьдан за нежелание воевать с Японией и подготовку гражданской войны. Американская дипломатия, невзирая на саботаж со стороны Чан Кайши, продолжала свои усилия в направлении примирения двух партий, встречая полную поддержку со стороны руководства КПК. Хэрли встречался с представителями КПК в Чунцине, летал в Яньань для переговоров с Мао Цзэдуном, вел переговоры с Чан Кайши и другими руководящими деятелями Гоминьдана о создании коалиционного правительства для активизации военных действий против Японии и обеспечения послевоенного мирного сотрудничества всех политических партий и групп в интересах Соединенных Штатов. В Яньани еще с лета 1944 г. постоянно находилась американская военная миссия во главе с полковником Дэвидом Барретом, блестящим знатоком китайского языка, завязавшим широкие связи среди руководства КПК. Гоминьдановцы, крайне отрицательно относившиеся к контактам американцев с китайскими коммунистами, усилили

антикоммунистическую пропаганду и преследование демократических сил.

Помню любопытный эпизод, связанный с визитом П. Хэрли в наше посольство в Чунцине в ноябре 1944 г. Посол А. С. Панюшкин в это время находился в Москве, и временный поверенный в делах Т. Ф. Скворцов-Токаринин поручил мне встретить П. Хэрли и провести его в гостиную, расположенную на втором этаже, где по этому случаю был заранее сервирован легкий завтрак. Генерал-майор П. Хэрли, до войны преуспевающий адвокат, миллионер, скотопромышленник из Оклахомы и личный друг президента Рузвельта, бывший одно время военным министром США, представлял собой весьма колоритную фигуру: высокий, с большими пушистыми седыми усами, он был одет в штатский костюм и держался весьма непринужденно, если не сказать фамильярно. После обмена приветствиями и краткой беседы, в ходе которой П. Хэрли поделился впечатлениями о своем недавнем пребывании в Москве и встречах с советским руководством, Т. Ф. Скворцов-Токаринин пригласил П. Хэрли за стол. Прежде чем сесть на отведенное ему место, гость неожиданно истошно закричал таким пронзительным голосом, что дежуривший внизу комендант посольства стремглав бросился вверх по лестнице и, придерживая кобуру пистолета, ворвался к нам в гостиную. П. Хэрли, довольный произведенным эффектом, видя наше полное недоумение, пояснил, что в его жилах течет кровь далеких индейских предков, а изданный им возглас — не что иное как дружеский клич индейцев племени чоктав. Т. Ф. Скворцов-Токаринин поспешил успокоить испуганного дежурного коменданта и отправил его обратно в приемную.

До приезда в Чунцин П. Хэрли сотрудники нашего посольства поддерживали дружеские отношения с дипломатическим персоналом посольства США, равно как с дипломатами посольств других стран — союзников по антигитлеровской коалиции. Мы часто встречались с нашими иностранными коллегами в читальном зале американского информационного центра, которым до осени 1943 г. руководил видный американский китаевед Джон Кинг Фэрбэнк, в клубе «Север — Юг» — неформальном месте встреч при китайско-британской культурной ассоциации. Частыми посетителями клуба были представитель Британского совета, известный английский биохимик профессор Джозеф Нидэм, голландский дипломат Ван Гулик — китаевед, специалист по китайской музыке и переводчик китайских детективов, секретарь-переводчик посольства США Тони Фримэн, большой любитель южнокитайской оперы, часто устраивавший импровизированные концерты. Секретарем клуба и заведующей библиотекой была европеизированная китаянка Моржэри Чэнь, обеспечивавшая музыкальную программу вечеров. На этих встречах царила непринужденная дружественная атмосфера, обсуждалось положение в Китае и в мире. Однако после вступления на пост посла генерала П. Хэрли, известного своими антикоммунистическими убеждениями и подвергнутого гонениям прогрессивно настроенных сотрудников посольства США, наши внеслужебные встречи с американскими коллегами прекратились — отнюдь не по нашей инициативе.

Большую работу по ознакомлению китайской общественности с культурой и повседневной жизнью Советского Союза, сражавшегося до 1944 г. один на один с фашистской Германией, проводило Китайско-советское культурное общество (КСКО), основанное в Нанкине еще в 1935 г. Президентом общества был сын Сунь Ятсена Сунь Фо, а вице-президентом — бывший посол в Москве, левогоминьдановский деятель Шао Лицзы. Общество издавало журнал «Чжунсу вэньхуа» («Культура Китая и СССР»), знакомящий читателей с жизнью советских людей. Библиотека и читальный зал КСКО всегда были полны посетителями. При обществе имелся и небольшой кинозал, в котором показывались поступавшие через наше посольство советские хроникальные и художественные фильмы, неизменно пользовавшиеся большим успехом. Общество отмечало знаменательные события в культурной жизни обеих стран, памятные даты, связанные с деятелями культуры, науки и искусства СССР и Китая, устраивало выставки фотографий, картин и книг. Советские люди, борющиеся с фашистским агрессором, пользовались огромной симпатией самых широких слоев китайского народа. Дважды в год наше посольство устраивало приемы по случаю годовщины Октября и Дня Советской Армии. В эти дни сотни жителей Чунцина приходили в посольство, чтобы выразить свои симпатии Советскому Союзу. Среди гостей в эти памятные дни были представители китайского правительства, пяти палат китайского парламента, дипломаты, политические, военные и общественные деятели, представители творческой интеллигенции.

Чтобы не давать пищи для реакционной гоминьдановской пропаганды, обвинявшей Компартию Китая в том, что она является «слепым орудием Москвы», а не национальной партией, контакты сотрудников посольства с представительством КПК и 18-й Армейской группы в Чунцине были запрещены и только в исключительных случаях осуществлялись лично послом, в то время как сотрудники американского посольства и американские корреспонденты повседневно общались с представителями КПК на виду у гоминьдановских спецслужб. Но 7 ноября и 23 февраля работники представительства КПК в Чунцине с женами и детьми, не стесняясь окружавших здание посольства шпииков, приходили, чтобы выразить свою солидарность со страной Октября и с героической борьбой советского народа с силами фашистской реакции. Бывали в эти дни в нашем посольстве товарищи Чжоу Эньлай, Дун Биу, У Юйчжан, Линь Боцуй, Е Цзяньин, Дэн Инчао, Бо Гу и другие видные китайские коммунисты.

Свое восхищение героическим единоборством Советского Союза с фашизмом открыто выражали видные представители левых, оппозиционных Чан Кайши, сил в Гоминьдане — вдова Сунь Ятсена Сун Цинлин, глава контрольного юаня Ю Юэнь, маршал Фэн Юйсян. Последний на Новый год неизменно присылал в посольство пару жирных живых гусей, по традиции окрашенных в красный цвет (белый цвет в Китае считается цветом траура).

Вскоре после приезда в Чунцин мне в качестве переводчика довелось сопровождать посла А. С. Панюшкина на завтрак, устроенный в его честь Шао Лицзы. На завтраке присутствовал также известный общественный деятель, историк и писатель Го Можо. Мне запомнилась эта встреча, проходившая в особняке одного крупного сычуаньского финансиста, потому что на ней Го Можо и Шао Лицзы подобрали фонетический и иероглифический аналог моей фамилии на китайском языке — Ци Хэ-вэнь. Под этой китайской фамилией меня с той поры знают в Китае.

Осенью 1944 г. я вылетел из Чунцина в командировку в Ланьчжоу (главный город провинции Ганьсу, где имелось советское консульство) для организации полученной из Москвы от ВОКС фотовыставки, рассказывающей о военных операциях на советско-германском фронте. Пока выставка демонстрировалась в Ланьчжоу, я узнал, что есть возможность на рейсовом автобусе транспортной компании Северо-Западного Китая совершить поездку в город Синин, центр провинции Цинхай, расположенный около озера Кукунор. В Ланьчжоу в это время находился глава австралийского дипломатического представительства в Китае верховный комиссар (посол) Австралии Кис Оффисэр, с которым я был знаком по Чунцину. Он намеревался, наряду с Синином, посетить и расположенный поблизости ламаистский монастырь Тайэрсы (Гумбум), вторую после монастыря Потала в Тибете святыню ламаистов. Кис Оффисэр предложил мне составить ему компанию, и мы отправились в эту отдаленную, давно не посещавшуюся иностранцами провинцию Китая.

После весьма утомительной 6-часовой поездки на старом, переполненном пассажирами автобусе и кратко знакомства с Синином, мы подъехали к монастырю. Еще издали мы увидели величественное многоэтажное здание с длинной плоской крышей, на которой ярко выделялись несколько небольших позолоченных пагод и позолоченные изображения баранов. Предупрежденные о нашем приезде настоятель монастыря — тибетский лама и его советник-китаец приветливо встретили нас у монастырских ворот и предложили, прежде чем показать монастырь, нанести визит недавно избранному панчен-ламе, официальной резиденцией которого был монастырь Тайэрсы. Австралийскому дипломату и мне выдали длинные голубые шелковые полотнища (хадаки), которые мы должны были вручить на предстоявшей аудиенции панчен-ламе. Нас провели в небольшой зал, где на возвышении, в некотором отдалении от входной двери стояло высокое кресло-трон, позади которого в глубине виднелась приоткрытая дверь. После некоторого ожидания через эту дверь вошли настоятель монастыря и его советник. Они разместились на подушках, лежавших по обе стороны трона. Еще через некоторое время из той же двери появился здоровенный лама, несший на спине мальчика в желтом монашеском одеянии, которого он с глубоким поклоном бережно усадил в кресло. Мальчик, а это был не кто иной, как 11-летний панчен-лама, пристально, но без малейших следов удивления стал рассматривать двух, впервые в жизни увиденных им белолицых и беловолосых иностранцев. По знаку настоятеля монастыря Кис Оффисэр, а затем и я подходили к креслу панчен-ламы и двумя протянутыми руками, как нас предварительно проинструктировали, подавали хадак

панчен-ламе, который, не вставая с трона, также двумя руками принимал шелковое полотно и легким движением одевал его нам на шею, как бы благословляя таким образом.

Возвратившись на свои места, мы молча некоторое время смотрели на панчен-ламу, пока здоровенный монах снова бережно не водрузил своего духовного владыку себе на спину и не унес во внутренние покои. Прежде чем отправиться на осмотр монастыря, нам поведали историю избрания нынешнего панчен-ламы. В 1933 г. скончался предыдущий панчен-лама, и, по верованию ламаистов, в тот момент, когда сердце умирающего перестает биться, его душа переселяется в тело новорожденного младенца мужского пола, родители которого исповедуют ламаизм. После сложного ритуала отпевания и похорон скончавшегося панчен-ламы, который длится несколько лет, во все стороны ламаистской эйкумены — в Тибет, Бутан, Сикким, Ладак, Синьцзян, Цинхай, Ганьсу, Нинся, Внутреннюю Монголию, Монгольскую Народную Республику, даже в Бурятскую и Калмыкскую АССР — посылаются специально уполномоченные представители ламаистской церкви с заданием разыскать и доставить в условленное место детей мужского пола, родившихся точно в тот день и час, когда скончался панчен-лама. Из-за войны с Японией выбор нового панчен-ламы затянулся на 11 лет, пока весной 1944 г. из десятка претендентов на второй по значению пост в ламаистской церковной иерархии не был избран только что увиденный нами мальчик, блестяще выдержавший предложенное претендентам испытание. Нам рассказали, что когда его ввели в юрту, где были среди прочих предметов разложены и вещи, принадлежавшие усопшему панчен-ламе, нынешний панчен-лама без колебания схватил плетку покойного, заявив: «Это-моя»*. В 1944 г. в Тибете на пост главы ламаистской церкви был избран 7-летний тибетец, который после антикитайского восстания в 1959 г. эмигрировал из КНР. На выбор далай-лам на протяжении последних 100 с лишним лет решающее влияние, как правило, оказывали сторонники проанглийской ориентации, а на выбор панчен-лам — прокитайской.

Осмотренный нами монастырь Тайэрсы производил впечатление колоссальными размерами своего главного зала, вмещавшего свыше 3600 лам одновременно, располагавшихся во время моления на низких скамейках, крытых желтой и красной материей и рядами тянувшихся между высоких столбов, поддерживавших потолок. Снаружи, на террасе у входа в зал стояли 3 огромных, надраенных до блеска медных, луженных изнутри котла, в каждом из которых могла свободно поместиться туша быка. В дни праздников в этих котлах варили мясо и рис для монахов. На видном месте у главной двери, ведущей в зал, были укреплены «три наказания»: большое — здоровенная, с оглоблю толщиной, кожаная плеть, в которую была вплетена серебряная проволока; среднее — такая же плеть, но несколько меньшего размера, с вплетенной медной проволокой и малое — внушительная плеть-семихвостка. Все эти «три наказания» служили постоянным напоминанием обитателям монастыря о необходимости смирения и послушания. Соседние с большим залом помещения вмещали целый пантеон страшных изваяний ламаистских божеств, добрых и злых духов, а также бесчисленное множество медных молитвенных барабанов, в которые верующие опускали купленные у лам бумажные свитки с различными, подобающими нужному случаю молитвами. Неграмотные верующие вращали эти барабаны, держась за отполированные до блеска рукоятки, и тем самым как бы возносили божествам соответствующие молитвы. Несмотря на предписываемый ламаистской церковью обет безбрачия, местные ламы, судя по обилию бегающих вокруг стен монастыря ребятишек, на деле не очень-то его соблюдают.

По возвращении в Ланьчжоу я отправился с фотовыставкой в соседнюю провинцию Шэньси, в город Сиань, на протяжении многих столетий являвшийся при различных династиях столицей Китая. Путь до Сианя на легковой машине нашего ланьчжоуского консульства занял целый день, хотя дорога была значительно лучше, чем из Ланьчжоу в Синин. В Сиани я остановился в единственной современной гостинице, расположенной неподалеку от железнодорожного вокзала. Советская фотовыставка пользовалась

* Когда писались эти строки, печать сообщила о скоропостижной кончине 28 января 1989 г. Панчен-эртни чоэки в Лхасе, где он совершал религиозный ритуал перезахоронения останков нескольких поколений далай-лам, могилы которых в Тибете в годы «культурной революции» были осквернены и разрушены хунвэйбинами.

в городе большим успехом, что свидетельствовало о симпатиях китайского народа к нашей стране.

В Сиани, как и в Чунцине, я несколько раз попадал под налеты японской авиации. В один из дней, в середине сентября 1944 г., около 4 часов дня в Сиани неожиданно была объявлена воздушная тревога и начался яростный огонь китайской зенитной артиллерии. Любому, даже сугубо гражданскому жителю города, было ясно видно, что огонь велся по двум американским бомбардировщикам В-29 («Летающим крепостям»), медленно летевшим над городом с востока на запад на высоте 4—5 км в направлении своей базы в районе Чэнду. За одним из самолетов тянулся шлейф черного дыма. Через несколько часов, когда уже совсем стемнело, без какого-либо сигнала воздушной тревоги раздались звуки близких разрывов авиабомб. Выбежав во двор гостиницы, я увидел, как в направлении железнодорожной станции с разных сторон из городских кварталов летели красные трассирующие ракеты: это японские агенты указывали своим летчикам цель. Характерно, что на этот раз зенитные пушки безмолвствовали.

За время своей командировки в Сиань я успел ознакомиться с близлежащим курортом Линьтун, где когда-то принимала горячие ванны танская красавица Ян Гуйфэй и где в декабре 1936 г., патриотически настроенные офицеры северо-восточных войск Чжан Сюэляна и местных частей под командованием генерала Ян Хучэна арестовали Чан Кайши. В Сиани я посетил также ряд памятников средневековой архитектуры и коллекцию образцов каллиграфии, увековеченных резьбой на каменных стелах — знаменитый музей Бэйлинь («Лес стел»). Многие экспонаты, о которых нам еще в университете рассказывал академик В. М. Алексеев, были защищены от японских авиабомб и пожаров толстым слоем глиняной обмазки и, к сожалению были недоступны для обозрения.

В апреле 1945 г. через Куньмин, Дарджилинг, Калькутту, Лахор и Карачи, Персидский залив, Шательараб, Ахваз и Тегеран я выехал из Чунцина в отпуск в Москву, встретив День Победы в Тегеране, где был свидетелем всеобщего ликования в связи с окончанием войны в Европе и разгромом германского фашизма. За время, проведенное в Чунцине, мне довелось встречаться со многими китайскими политическими и общественными деятелями, учеными. Не забывал я и о работе над кандидатской диссертацией. При содействии вдовы доктора Сунь Ятсена Сун Цинлин мне удалось собрать материалы о жизни и деятельности этого выдающегося китайского революционера-демократа, воспоминания его сотрудников, познакомиться с некоторыми из ветеранов Гоминьдана. Большую помощь в сборе материалов по теме диссертации мне оказали также историки Го Можо и Хоу Вайлу, исследователь и переводчик русской и советской литературы профессор Цао Цзиньхуа. Ожидая в Карачи пароход, я смог вчерне закончить диссертацию.

В Москве мне предстояло довести работу до должной кондиции: внести ряд поправок, дополнений и уточнений необходимые библиографические сведения, проверить сноски. Я также связался по телефону с главным редактором газеты «Москью Ньюс», выходившей в Москве на английском языке, Михаилом Марковичем Бородиным, бывшим в 20-х годах политическим советником Сунь Ятсена, и попросил принять меня для беседы в связи с предстоящей защитой диссертации. Встреча состоялась в редакции газеты на следующий день. Бородин, уже немолодой, высокий, несколько сутуловатый, грузный человек, с пышной, начавшей седеТЬ шевелюрой говорил хриплым низким голосом с едва уловимым иностранным акцентом. Он рассказал мне о своих впечатлениях о докторе Сунь Ятсене. Это позволило мне скорректировать сложившийся у меня до тех пор чрезмерно идеализированный образ Сунь Ятсена. М. М. Бородин, признавая бесспорный выдающийся вклад Сунь Ятсена в дело национально-освободительной борьбы китайского народа и его искренние дружественные чувства к нашей стране, в основном говорил о трудностях, которые он, Бородин, испытывал, работая советником Сунь Ятсена, — трудностях возникавших вследствие постоянного давления на Сунь Ятсена со стороны реакционных правооминьдановских деятелей. Среди них были близкие ему по работе в революционном подполье лица, оттолкнуть которых от себя он не решался в силу их прошлых заслуг. М. М. Бородину приходилось тратить много сил на то, чтобы нейтрализовать влияние на Сунь Ятсена этих деятелей, проявлявшееся, правда, не в каких-то крупных политических вопросах, а в ряде кадровых назначений, заявлений для печати и т. д.

Защита диссертации состоялась 30 июля 1945 г. на Ученом совете Института

истории АН СССР под председательством академика Б. Д. Грекова. Мои официальными оппонентами были доктор исторических наук Е. М. Жуков и кандидат исторических наук А. С. Перевертайло. В своей работе я проследил эволюцию трактовки доктором Сунь Ятсеном провозглашенного им принципа «национализм» на различных этапах его революционной деятельности. Впервые «три народных принципа» — национализм, народовластие и народное благосостояние — были сформулированы Сунь Ятсеном в 1905 г. и легли в основу программы Объединенного союза — революционной партии, обеспечившей свержение 268-летнего господства в Китае маньчжурской цинской династии. В последние годы жизни под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, революционного движения в самом Китае, деятельности Компартии Китая Сунь Ятсен придал своему принципу «национализм» резко антиимпериалистическую направленность, связал его со своими «тремя основными установками»: союз с СССР, сотрудничество с компартией и опора на крестьянские и рабочие массы. Соответственно в диссертации была прослежена и эволюция внешнеполитической практики Сунь Ятсена.

Во время пребывания в Москве мне поручили сопровождать в Ленинград на празднование 220-летия Академии наук СССР видного китайского ученого Го Можо. Он прилетел из Чунцина на уже прошедшие в Москве юбилейные торжества с опозданием, вызванным умышленной задержкой оформления его паспорта гоминьдановскими властями (другому китайскому ученому, приглашенному АН СССР на юбилейное торжество, физику Дин Силюю по той же причине не удалось своевременно прибыть в Советский Союз). 26 июня, сопровождая Го Можо, я прибыл в свой родной Ленинград. На аэродроме Го Можо встречал мой учитель, академик В. М. Алексеев. Он приветствовал гостя торжественной речью на классическом литературном китайском языке — вэньяне, который он в совершенстве изучил, будучи в Китае еще до Синьхайской революции 1911 г. Го Можо, страдавший прогрессирующей глухотой, попросил меня перевести слова В. М. Алексеева, после чего ответил ему на своем сычуаньском диалекте. Ответную речь Го Можо я в свою очередь перевел В. М. Алексееву. В дальнейшем мне приходилось часто помогать двум выдающимся ученым-китаеведам преодолевать различия между современным разговорным и классическим языками. Когда же дело доходило до чтения китайских текстов, в моих услугах оба ученых не нуждались. В Ленинграде Го Можо выступил 27 июля во Дворце им. Урицкого (бывшем Таврическом) на приеме, организованном исполкомом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся по случаю торжества, беседовал с президентом Академии академиком В. Л. Комаровым, с директором Института востоковедения АН СССР академиком В. В. Струве, знакомился с городом-героем, его окрестностями, выступал на встречах с учеными-востоковедами. Он побывал на квартире у академика В. С. Алексеева и у моего отца в нашей старой квартире, где родители пережили первый год блокады. 29 июня Го Можо вернулся поездом в Москву и вечером присутствовал на концерте в Большом театре, устроенном для участников юбилея Академии наук. За время своего пребывания в Советском Союзе, завершившегося 16 августа, Го Можо посетил Узбекскую ССР, Сталинград, канал Москва — Волга, неоднократно выступал с докладами о развитии исторических исследований, литературы и искусства в Китае в годы войны — в Московском университете, Институте философии АН СССР, перед московскими востоковедами и в ВОКС. В своем докладе об изучении истории Китая во время антияпонской войны Го Можо, в частности, сказал:

«За 8 лет войны с Японией Китай потерял немало территорий, лишился немалых культурных ценностей, и различные объективные условия (частые эвакуации, отсутствие справочных материалов, недостаточность типографского оборудования, бумаги и т. д.) оказали серьезное влияние на китайскую науку и создали огромные трудности для научной работы. Эти трудности в равной мере относятся и к исторической науке. Получить необходимые исторические материалы сплошь и рядом представлялось невозможным. Чтобы уберечь книжные и рукописные фонды от бомбардировки вражеской авиации, пришлось наиболее ценные книги изъять из библиотек и книгохранилищ, разослать их по различным местам. Если в результате исследовательской работы имелись определенные успехи, то издание этих работ встречалось со множеством новых трудностей. По всем этим причинам деятельность китайской исторической науки во время войны по своей активности значительно отличается от довоенной. Однако, невзирая на

эти трудности, китайские историки за годы войны не прекращали своей работы, не опускали рук».

В числе наиболее крупных трудов, созданных китайскими историками в годы войны, Го Можо назвал «Курс лекций по китайской истории», созданный историками в Яньани Фань Вэньланем, Люй Чжэньюем и Инь Циминем, работу профессора Хоу Вайлу «История современной китайской идеологии», «Очерк истории Китая» Цзянь Боцзая. Го Можо поделился также соображениями относительно существования в Древнем Китае рабовладельческого общества и рассказал о своих работах, посвященных этой проблеме. Среди вопросов, затронутых Го Можо в его докладе, значительное место было уделено также проблеме длительного господства в Китае феодального общественного строя. Заканчивая свое выступление, Го Можо сказал: «Старый, феодальный способ производства уже давно полностью себя исчерпал и наносит вред современному обществу. Воздушные, сухопутные, морские сообщения стали достижением всего человечества, и уже нет более препятствий для торговли и промышленного развития Китая. Китай должен модернизироваться, индустриализироваться — это историческая необходимость, на которую нам указывает историческая наука. Народ проснулся. Китайская история из периода «семейных хроник императоров» вступает в период «истории народа»».

Во многих случаях мне доводилось выступать переводчиком этих докладов. Перевод доклада «Изучение истории в Китае во время войны», сделанного Го Можо 3 августа 1945 г. на заседании историко-философской секции ВОКС, был опубликован в № 5—6 журнала «Вопросы истории» за 1945 г.

После доклада Го Можо на совместном заседании литературной и театральной секций ВОКС о китайской литературе и искусстве военных лет я выступил с сообщением о знакомстве в Китае с советской литературой военного времени. Запомнился обмен тостами между Го Можо и Ильей Эренбургом на приеме, устроенном в честь Го Можо председателем ВОКС, известным искусствоведом В. С. Каменовым 9 августа 1945 г. На приеме присутствовали также писатели К. Симонов, Н. Тихонов, С. Маршак, академик В. В. Струве, японовец проф. Н. И. Конрад, китайский посол Фу Бинчан, советский посол в Китае А. А. Петров, ответственные сотрудники народного комиссариата иностранных дел СССР. И. Эренбург, поднимая тост, сказал: «Если два иностранных корабля встречаются в открытом море, они салютуют друг другу, а если два писателя-романтика встречаются за столом — они пьют за здоровье друг друга. Вы, Го Можо, романтик, а романтик всегда молод душой. Поэтому я предлагаю тост за молодость Китая и за Вашу молодость».

В ответном выступлении Го Можо поблагодарил И. Эренбурга и других выступавших за искренние слова, которые он воспринимал как обращенные не к нему лично, а ко всему китайскому народу. Он подчеркнул, что прием, устроенный в его честь, проходит в день объявления Советским Союзом войны милитаристской Японии, и выразил уверенность, что вступление советских вооруженных сил в войну приблизит час освобождения китайского народа от японского агрессора. «Победа предопределена, — сказал Го Можо, — однако после победы должна быть проведена жестокая борьба за уничтожение фашистской идеологии. Это будет долгом работников культуры. Длительный мир может быть создан только на основе прогрессивной и демократической культуры. Мы искренне желаем бороться вместе с советскими писателями, учеными и всеми работниками культуры, чтобы выполнить эту великую миссию».

О своем 50-дневном пребывании в Советском Союзе летом 1945 г. Го Можо подробно написал в книге «Сулянь цзисин» — «Записки о поездке в СССР», выдержки из которой в форме дневника в 1945 г. печатались газетой «Синьхуа жибао», а в марте следующего, 1946 г. в Шанхае вышли в свет отдельной книгой в издательстве «Чжунвай чубаньшэ». Книга имела большой успех и в октябре того же года вышла вторым изданием. В 1947 г. шанхайское издательство «Эпоха» выпустило сокращенный русский перевод «Записок». Перевод, предисловие и исследовательская статья о творческом пути Го Можо были выполнены В. Н. Роговым. 15 апреля 1946 г. Го Можо написал краткое предисловие к русскому изданию.

В середине сентября я вернулся в Чунцин через Тегеран, Багдад и Индию. В это время в Чунцине находился Мао Цзэдун, который возглавлял делегацию КПК на переговорах с Гоминьданом о предотвращении гражданской войны и создании демократического правительства. 10 октября, в день 34-й годовщины Синьхайской революции —

национального праздника в Китайской республике — состоялось подписание достигнутого при посредничестве США соглашения между обеими партиями о предотвращении гражданской войны. Гоминьдан заявлял о своей готовности легализовать все политические партии, предоставить населению демократические права, ликвидировать тайную полицию, освободить всех политических заключенных, осуществлять конституционное правление. Для достижения этого он обещал созвать Политическую консультативную конференцию с участием всех политических партий, которая должна будет обсудить вопрос о послевоенном государственном устройстве и созыве Национального собрания. Однако все эти уступки гоминьдановской администрации оказались фикцией. Гоминьдан при поддержке американцев решительно возражал против признания права 8-й и Новой 4-й армий на принятие капитуляции японских войск в районах их действий, отказывался признать администрацию освобожденных районов и народную армию.

В день подписания соглашения между Гоминьданом и КПК из Чунцина в Пекин для официального приема капитуляции японских и марионеточных войск в Северном Китае срочно направлялся сын Чан Кайши Цзян Цзинго. Послу в Чунцине А. А. Петрову удалось получить согласие Цзян Цзинго доставить в Пекин на его самолете двух сотрудников нашего посольства для выяснения судьбы советских граждан, проживавших в Северном Китае, о которых после вступления Советского Союза в войну с Японией не поступало никаких известий. До японо-китайской войны в Пекине и в Тяньцзине имелись генеральные консульства СССР, о сохранности зданий и имущества которых также не было информации. По распоряжению посла я в сопровождении недавно прибывшего на работу в посольство технического сотрудника В. В. Гузова рано утром 10 октября прибыл на военный аэродром Цзюлунпо («Девять драконов»), неподалеку от Чунцина. Несмотря на раннее время и праздничный день, на аэродроме царил большое оживление. Новенький пассажирский двухмоторный самолет типа «Дуглас» поспешно загружался горючим, продовольствием, багажом. Мы с В. В. Гузовым стояли поодаль в ожидании приезда сына Чан Кайши и его свиты. Цзян Цзинго вскоре прибыл. Однако, когда грузовик с его чемоданами и ящиками стал задним ходом подъезжать к открытой двери самолета, водитель не успел вовремя затормозить и задним бортом сильно ударил по двери, повредив ее.

Пока срочно готовили к полету другой самолет, переносили в него багаж, прошло несколько часов. Эту наспех снаряженную машину отнюдь нельзя было назвать комфортабельной.

Мы с трудом нашли себе место среди вещей Цзян Цзинго и его свиты, беспорядочно сваленных прямо на выдавшие виды сиденья пассажирского салона. После утомительного беспосадочного полета, длившегося около шести часов, самолет уже в сумерках сел на южном аэродроме Пекина — Наньбань, где прямо около посадочной полосы выстроились войска японского гарнизона, которым предстояло участвовать в церемонии капитуляции, а также офицеры и солдаты американской морской пехоты. Присутствие советских людей на этой церемонии явно не входило в расчеты ее организаторов, поэтому нас поспешили отправить в город, дав в сопровождение двух маузеристов, одетых в форму марионеточных северокитайских войск.

Так началось мое почти пятилетнее пребывание в Пекине о котором речь пойдет дальше.

Продолжение следует.

¹ См.: Яковлев А. Г. СССР и борьба китайского народа против японской агрессии (1931—1945 гг.) // Ленинская политика СССР в отношении Китая. — М. — 1968. — С. 102—107.

² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. 19—30 октября 1943 г. (сборник документов). — М. — 1978. — Т. 1. — С. 347—348.

Поэты русского Харбина

Е. П. ТАСКИНА

Страницы истории русского зарубежья и его литературного наследия только недавно начали раскрываться перед нашим читателем. И, надо сказать, пока что известно больше о жизни западного зарубежья, а русское зарубежье на Дальнем Востоке представлено еще на удивление бедно.

Между тем из всех регионов русского рассеяния именно дальневосточный выделяется своими особыми чертами: еще задолго до первых эмигрантских потоков 20-х годов в Северной Маньчжурии уже были крупные русские поселения, существовал город, которому было суждено стать культурным центром русского зарубежья. Это был Харбин, построенный нашими соотечественниками на рубеже столетий как административный и экономический центр полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги,— город сложной и интересной судьбы, нити которой вплетаются в нашу отечественную историю.

Еще недавно жизнь русских в Маньчжурии 20—40-х годов в основном рассматривалась под определенным углом: зловещая тень Семенова, Родзаевского и других эмигрантских деятелей, известных по Хабаровскому процессу 1946 года, заслоняла культурную жизнь русского дальневосточного зарубежья. А за нею — судьбы десятков тысяч русских людей.

Тем не менее есть немало свидетельств того, что в Харбине, даже в сложной политической обстановке тех лет, существовала многообразная общественная и культурная жизнь, что в поисках нравственных опор люди обращались к истории Родины, ее культурному богатству, да и сами пытались развивать ценности духовной жизни.

Одно из таких свидетельств, на мой взгляд, — поэтическое наследие русского Харбина, позже — Шанхая, куда в конце 30-х годов из Маньчжурии переехали тысячи русских людей. Наследие это сохранилось и дошло до современной России на пожелтевших от времени страницах многочисленных сборников, альманахов и журналов. Почти пятьдесят авторов печатали там свои поэтические произведения в 20—40-е годы.

Следует сказать, что в «столице зарубежья» — Париже не очень баловали своим вниманием поэтов из «провинции», коей предстал в парижской прессе 30-х годов Харбин (как, впрочем, и все другие города русского рассеяния — Прага, Белград и др.). Удивительно, что в обзорах и поэтических антологиях, выпущенных на Западе уже после второй мировой войны, по-прежнему нет сведений о дальневосточных поэтах¹, хотя в 70-х годах появились попытки осветить этот островок культурной жизни русского зарубежья².

На Родину уже «вернулся стихами» харбинский поэт Арсений Несмелов³. Он был первым. И это правильно, что самый талантливый поэт старшего поколения стал известен читателям прежде других — в этом есть какая-то историческая справедливость.

Но кто они, эти другие авторы? Кто эти люди, которые в условиях тяжелой борьбы за существование на чужбине проводили целые часы в литературных объединениях, слушали и сами читали доклады о русских классиках и современных поэтах, ходили на занятия по стихосложению, перекладывали стихи на музыку или просто писали ее для мелодекламаций и, наконец, печатались в журналах и газетах, издавали свои собственные сборники? Чем их, этих авторов, особенно представителей второго поколения зарубежья, так привлекала в те годы поэзия? Ведь за исключением нескольких литераторов, они не были профессионалами в полном смысле этого слова, то есть не жили за счет писательского труда. Но тем и удивительнее, на мой взгляд, эта «поэтическая волна».

В те далекие годы моей харбинской юности (родилась и выросла я в семье пионера края, служащего КВЖД), когда я, как и многие мои сверстники, проявляла живой интерес к поэзии, я как-то не задумывалась над истоками этого, как мне кажется теперь, удивительного явления. Сейчас, оглядываясь назад сквозь годы, пытаюсь понять его через вновь прочитанные сборники, свидетельства живых очевидцев, свои собственные воспоминания, встречи с поэтами и просто любителями поэзии. Есть еще живые нити с прошлым, хотя «русского Харбина», как известно, уже давно нет.

«Чураевка»

Точкой отсчета для русской зарубежной поэзии на Западе стала первая волна беженцев, с которой в Европу попали уже известные к тому времени поэты и писатели из России: К. Бальмонт, И. Бунин, З. Гиппиус, Г. Иванов, В. Иванов, Саша Черный, Д. Мережковский и др. На Дальнем Востоке ситуация была иной: кроме А. Несмелова, таких имен не было, но была плодотворная, замешанная на русской культуре среда, породившая целое поколение «больших и малых» поэтов.

Условно, наверное, можно разделить культурную жизнь Харбина того времени на три периода: первый — от основания города до середины 20-х годов, второй — десятилетие 1926—1935 годов (время «Чураевки» — литературно-художественного объединения молодых поэтов) и последний период, вплоть до середины 50-х годов, когда практически дальневосточное русское зарубежье прекратило свое существование в связи с отъездом русских на Родину и в другие страны.

В первый, «дочураевский» период в Харбине уже откликалась стихами на жизнь Александра Паркау, писал стихи поэт-футурист Федор Камышнюк, появился Сергей Алымов со своим «Киоском нежности».

Александра Петровна Паркау (Нилус) родилась в Новочеркасске в 1889 году, училась в Тбилиси, а позже вместе с семьей оказалась в полосе отчуждения КВЖД. По воспоминаниям бывшей шанхайской журналистки Ю. Крузенштерн-Петерец, именно ее голос «разбудил» поэтический Харбин, который до этого представлял собой «пустыню».

Одна из самых ранних публикаций А. Паркау — «Москва горит», посвященная теме Отечественной войны 1812 года («Русское обозрение». Пекин, 1920). Она подкупающе искренне беседовала с читателем.

Пусть мой стихи не создадут эпохи,
В них нет ни новых форм, ни жгучих откровений,
Я собрала печаль, мечты, сомненья, вздохи
Трагично гибнущих со мною поколений...

Прежде, когда в юные годы я читала ее стихи, появлявшиеся на страницах литературно-художественного журнала «Рубеж» или в ее шанхайских сборниках («Огонь неугасимый», 1937; «Родной стране», 1942), мне особенно нравились такие, как «Радуга глаз» или «Паутинки» («В томной лазури осенней тихо летят паутинки...»). А вот сейчас я вижу в ее стихах совсем другое — она действительно «собрала печаль, мечты, сомненья» своего поколения.

Мы отжили жизнь, ее ласк не изведав,
В терновом венце обреченных,
Мы платим за удаль жестокою дедев,
За дряблость отцов и за роскошь обедов,
За гордость гербов золоченых...

В стихах поэтессы («Харбинская весна», «Наводнение», «Отъезд» и др.) множество реалий жизни русского Харбина тех лет. В 1942 году, «в час грозных бед, в час горького проклятья», она выпускает в Шанхае сборник с посвящением: «Родной стране, стране исконных братьев, разъединенных с нами столько лет...»

После окончания второй мировой войны А. Паркау вернулась на Родину, где умерла в 1954 году.

Иная судьба привела в Харбин Сергея Алымова. Литераторам известна биография этого поэта: в 1911 году двенадцатилетним юношей за участие в революционном движении он был сослан в Сибирь, бежал за границу, жил в Шанхае и Харбине. Печатался в

газетах «Уоркер» (Австралия), «Шанхайская жизнь», «Рупор» и «Вестник Маньчжурии» (Харбин) и др.

Основная часть его стихов тех лет, например опубликованные в сборнике «Кюсюк нежности» (Харбин, 1920), невероятно далека от тематики и стиля его известных в Советском Союзе популярных песен («Вася-Василек», «Пути-дороги» и др.). Тогда он писал:

Понедельник — это денди с синевою под глазами,
Понедельник — тонкий мальчик, знавший спальню королев...
Во вторник мне грустно, что я потерял понедельник,
Во вторник мне грустно, что женщин не знал я вчера.

Эти салонные стихи, скорее всего дань моде и богемным вкусам определенной прослойки, хорошо запомнились. У него были свои поклонники. В другом сборнике, «Оклик мира» (Харбин, 1921), он публикует иные стихи:

Крепкой рукой титанической
Солнце рабочий притянет
И на медали космической
Ленина лик отчеканит.

В 1922 году С. Алымов издал третий сборник («Арфа без молний»), а в 1926 году уехал из Харбина и, как известно, еще около двадцати лет писал на Родине прекрасные стихи-песни.

Многo был упомянут в связи с ранним периодом «поэтического Харбина» и Федор Леонтьевич Камышнюк. Он был «старожилом» Харбина — жил там с небольшими перерывами с 1903 года. Родителями был привезен туда ребенком, в 1914 году окончил местное Коммерческое училище. Писать стихи начал рано и в 1918 году уже издал первый поэтический сборник — «Музыка боли». Позже он выпустил в Берлине еще одну книгу стихов — «Вино мгновений». Как отмечалось в харбинской печати тех лет, уже в первом сборнике наметилась «болезненно-мистическая концепция его творческих исканий»:

Земное навсегда утеряно...
О звездном — странно — нет вестей!
И сердце бьется неуверенно
На заповедной высоте.
И часто кажется, что осенью,
Вспылав предгибельным огнем,
Я утону в холодной просини,
В бездонном сумраке ночном.

А в это время, еще находясь во Владивостоке, Арсений Несмелов писал стихи, которые он посвятил «Гению Маяковского»:

Он был когда-нибудь бизоном
И в джунглях, в вервиях лиан,
Дышал стремительным озоном,
Луной кровавой осиян.
И фыркал злобными ноздрями,
И вяз копытом в теплый ил,
Сражался грозно с дикарями,
Ревел и в чашу уходил.

(Сборник «Стихи». Владивосток, 1921.)

В середине 20-х годов поэт, писатель и журналист Арсений Несмелов (Арсений Иванович Митропольский) эмигрирует в Харбин, и вся последующая его жизнь будет связана с этим «полустанком», как он сам называл Харбин, «полустанком» по пути на Родину. Но тогда, покидая Отчизну...

Россия отошла, как пароход
От берега, от пристани отходит,
Печаль, как расстояние, растет.
Уж лиц не различить на пароходе.

Лишь взмах платка и лишь ответный взмах.
Басовое взывание сирены.
И вот корма. И за кормой — тесьма
Клубящейся, все уносящей пены...

Почему же он не разделил судьбу своей Родины, а покинул ее, как, впрочем, и многие другие? Е. Ф. Индриксон, хорошо знавший его лично, писал: А. Несмелов покинул Родину, «считая, что он как бывший офицер царской армии всегда будет чужим в Советской России»⁴.

За двадцатилетний период харбинской жизни А. Несмелов издал пять сборников стихов⁵, печатался, наверное, во всех издававшихся в то время журналах и альманахах дальневосточного зарубежья; кое-что появилось в советских и западных изданиях. Ему пришло жить только литературным трудом, и не все из опубликованного за рубежом равнозначно.

В лучших его произведениях («Броневик», «В ломбарде», «О России», «Моим судьям» и др.) выражена трагедия гражданской войны, пронзительная боль крушения и безысходности в связи с утратой Родины.

У отступающих неверен глаз,
У отступающих нетверды руки.
Ведь колет сердце ржавая игла
Ленивой безнадежности и скуки.

Так писал он в 1938 году в стихотворении «Броневик», где образ проржавевшего броневика, умирающего на «затхлых задворках» железнодорожных путей, символизирует крушение «белого дела»⁶.

В 1934 году А. Несмелов опубликовал в Шанхае поэму «Через океан» — героическо-романтический рассказ о том, как пять мальчиков-кадетов под водительством боцмана плывут в утлом боте через океан в Америку. В ней А. Несмелов проявил себя как поэт-романтик, но здесь все та же непроходящая боль утраты. Критика тех лет отмечала, что поэма, «может быть, поцарапает благонамеренного среднего эмигрантного читателя своей неожиданностью, хлесткой дерзостью и неприкрашенной правдой, но под всем этим только глухой не расслышит силы той боли, с которой она написана»⁷.

Хотя, по воспоминаниям и опубликованным рецензиям, А. Несмелов любил больше современных поэтов, особенно Маяковского, у него, как, наверное, у всех поэтов дальневосточного зарубежья, чувствуется влияние традиций русской классической поэзии. Это, как нигде, видно в следующих строчках:

Люблю февраль, когда прибавит дня
Уже живее греющее солнце,
Когда капель запрыгает звеня
И где-то звякнет в жестяное донце.
День мощно раздвигает берега
И, увлекая сладострастным звоном,
Серебряными делает снега,
А небо исступленно бирюзовым.

Кстати, приведенный выше отрывок взят из стихотворения «У полковника», которое является, как и его «Герань», одной из последних прижизненных публикаций поэта (Сборник «Лира», Книга девяти поэтов. Харбин, 1945).

Вскоре в Харбине произошли исторические перемены. После освобождения города Красной Армией А. Несмелов был арестован и умер еще до окончания следствия, о чем советскому читателю уже известно («Октябрь», 1988, № 11).

Как «поэт-мэтр» А. Несмелов оказал влияние на развитие поэтического творчества молодых поэтов дальневосточного зарубежья. В течение ряда лет он редактировал «Юнчит» (страничку юного читателя) в газете «Рупор»; его приглашали на вечера в литературно-художественные объединения, где он выступал с чтением своих стихов. По воспоминаниям тех, кто его слышал, читал он свои стихи очень хорошо, заставляя аудиторию слушать затанув дыхание.

Лично я не помню выступлений Несмелова, хотя очень интересовалась его творчест-

вом. Его и сейчас считаю одним из самых ярких поэтов зарубежья, писавших о трагической судьбе русских эмигрантов «первой волны».

Самые избитые, расхожие стереотипы образа русского эмигранта «первой волны» (особенно во Франции) — это шофер-таксист, или дворянин — обладатель вывезенных ценностей, которые он постепенно «спускает», или жалкий посетитель богемного кабака (поэт, писатель, художник), пропивающий скудный гонорар, чудом свалившийся на него, уже потерявшего надежду. Такие представления, конечно же, имели под собой основу — русская трагедия тех лет выплескивалась на разные этажи социальной лестницы.

Но это стереотип. А людские судьбы, такие разные и непохожие, часто противоречат ему.

Вот и в Маньчжурии приходилось наблюдать, сколь неоднозначно явление эмиграции. Беженцами были интеллигенты — профессора юридических и ориентальных наук, музыканты и артисты, инженеры и педагоги, коммерсанты всех мастей. И, конечно же, военные. Многие из них не имели гражданских специальностей. Были и приехавшие с семьями, искавшие тихого прибежища и согласные на любую работу, на любые условия.

Как известно, один из кардинальных вопросов эмиграции — знание языка страны пребывания. В Маньчжурии языковой проблемы не было — здесь можно было применить свои знания, владея только родным русским языком.

По воспоминаниям моего деда, да и других старожилов Харбина, беженцы были буквально ослеплены мирной жизнью русско-китайского города, куда они попали. Железнодорожники жили в прекрасных квартирах. Ответственные сотрудники — служащие КВЖД работали только до трех часов; пообедав и отдохнув, ходили в Собрание (Желсоб) или играли в преферанс. Звонили колокола церковей. Улицы имели русские названия. Магазины были полны товаров. Издавались газеты разных направлений на русском языке.

Беженцы, опаленные революционными событиями и пережившие социальные потрясения, пришедшие в Маньчжурию по льду Байкала, испытавшие мытарства морского бегства через Корею или просто перешедшие границу только с тем, что могли нести в руках, на этом мирном патриархальном фоне Харбина выглядели весьма драматично.

Основной массе беженцев пришлось срочно перестраиваться и приспосабливаться к жизни в новых условиях. Наличие русской администрации на КВЖД, перспективы развивающейся промышленности края (например, крупных лесных концессий и лесоперерабатывающих предприятий) дали возможность на первых порах получить работу — как правило, физическую, низкооплачиваемую. Вскоре, однако, стал чувствоваться избыток рабочей силы.

Что же касается интеллигентного литературного труда, то в этих условиях при ограниченном количестве печатных органов, существовавших на коммерческой основе (главным образом за счет рекламы), жить им могли лишь единицы.

У нашего советского современника при упоминании о писателях, поэтах и художниках невольно возникает представление о всевозможных творческих союзах с их льготами, домами творчества, командировками и другими благами. Естественно, что ничего подобного в Маньчжурии, да, по-видимому, и на всем земном шаре, тогда не было. Была оплата за опубликованную строку. Несколько копеек за строчку! Таким образом, для того чтобы как-то обеспечить себе самый скромный прожиточный минимум на условиях таких постыдных гонораров, нужно было основательно «крутиться».

На этом фоне в 1926 году возникает литературное объединение молодых поэтов и любителей поэзии, которое называли «Молодая Чураевка», или просто «Чураевка».

Странное это название возникло по имени героев популярного в те годы романа сибирского писателя Георгия Гребенщикова «Братья Чураевы» о первых русских поселенцах на Алтае. С этим писателем харбинскую «Чураевку» ничто больше не связывало.

Основателем и организатором литературно-художественного объединения был поэт и педагог Алексей Алексеевич Грызлов (Алексей Ачаир). Он родился в Омске в 1896 году, в Харбин приехал с отцом в 1922 году. Еще в Омске окончил кадетский корпус, но военная карьера его не привлекала, и он поступил в Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию.

Известно, что он начал писать стихи рано — в 8—9 лет. Его литературное наследие весьма объемно — он часто публиковал свои стихи в местных харбинских журналах, издал пять сборников⁶.

На страницах поэтических сборников Алексея Ачаира встречаются шаманы, тайфуны,

кумирни, «верблюдов пыльный караван», китайские лавчонки (где «фрукты и гвозди лежат меж сладостей»), джонки «в ажуре сетей». Несмотря на всю эту экзотичность, он — русский поэт. В его стихах постоянно слышен голос России, видятся русские степные просторы. Мечта вернуться на Родину не покидает его никогда, по ней он тоскует беспрестанно. Но в грустные раздумья оторванного от Родины человека вдруг врывается оптимистическая нота — надежда, призыв.

Бей молотом, пока ты в силах,
и в отдых сладостный не верь.
(«Защита»)

Или:

Пусть во мраке полночи
нам надежды нет,—
сердце цветом солнечным
бережет рассвет.
(«Золотой цветок»)

В его стихах есть и элегические раздумья о смысле жизни («Прохожий», «Ладья Хроноса», «Слепой»), и изящные картины природы, к которой он относится с любовью и волнением («боярка мне краснеет», «мой ветерок синеокий, горных дорог веселый поводырь», «закат кипел, купаясь в сизой дымке»).

Музыкальность поэта, по-видимому, и определила своеобразную поэтику его стихов: они легки, изящны и напевны (особенно «Пичуга», «Взгрустнулось» и др.). В них — звуковое очарование ритмики, хотя на некоторых лежит печать эстетизма, отвлеченности от реальной жизни — он черпал поэтические интонации из эпохи и среды, в которой жил. И вообще стихи его, как и слова любой песни, немного теряют при чтении без музыки.

Авторитет у А. Ачаира как мастера стиха был очень велик. Помню, как от него еще в школьные годы узнала я азы стихосложения, после того, как однажды сунула ему в руки свои первые (очень плохие) стихи.

Прошло много лет с тех пор, но как сейчас вижу его — высокий, стройный. Выдержанный, молчаливый в повседневной жизни педагога, он преображался у рояля во время мелодекламации своих стихов. Делал он это своеобразно, но очень артистично.

Тебе одной не захотелось
остаться с нами в час ночной...

Или:

О, я в Испании не был —
я серенад не знаю,
южное в звездах небо
блещет не для меня...—

несся его голос под сводами зала.

«Поэт-музыкант», как назвала его поэтесса Ольга Тельтофт, интеллигент, он действительно мало был похож на казачьего офицера, кем мог бы стать после окончания кадетского корпуса. Но внутренняя сила в нем была. «Не сломала судьба нас, не выгнула, хоть пригнула до самой земли», — писал он в своем известном стихотворении «По странам рассеяния». И позже — ни арест в 1945 году, ни последовавшие затем тяжелые десять лет не истребили в нем творческого огня, и уже на седьмом десятке он продолжал свою педагогическую деятельность — преподавал пение в одной из школ Новосибирска, создал хор, в котором цело около пятисот школьников. О его успешной работе в клубе эстетического творчества писала в конце 50-х годов новосибирская газета. Под руководством Алексея Алексеевича дети работали увлеченно и с удовольствием — очень любили его.

Но всему приходит конец. Как вспоминает его вдова В. В. Белоусова, сердце не выдержало большой нагрузки, начало сдавать, и 16 декабря 1960 года он умер прямо на работе.

Но тогда, в середине 20-х годов, полный сил и энергии, А. Ачаир начал свое творчество, сыгравшее огромную роль в развитии поэтических сил литературной молодежи дальневосточного зарубежья.

«Вечера у зеленой лампы», как стали называть заседания и занятия в «Чураевке», вскоре стали очень популярными в Харбине. Встречались регулярно — два раза в неделю: по пятницам — студия, по вторникам — открытые вечера с докладами и музыкально-литературной программой.

В. А. Слободчиков, тогда поэт и композитор-мелодекламатор, участвовавший в работе «Чураевки» и некоторое время бывший ее председателем, рассказал, как проходили эти вечера.

По вторникам выступали с докладами авторитетные ученые и литераторы старшего поколения. Например, два раза в свою бытность в Харбине выступал в «Чураевке» Н. К. Рерих с докладами на тему «Красота спасет мир» и «О Сергии Радонежском». Выступали И. А. Путьято, известный русист, рассказывавший о новых направлениях во всемирной литературе, и журналист Н. П. Веселовский — о театральном искусстве Станиславского. Бывали в гостях и приезжавшие в Харбин советские литераторы. Темами многих докладов было творчество поэтов и писателей — Бориса Пастернака, Ивана Бунина, Ильи Сельвинского, Андрея Белого, Александра Минцлова, Саши Черного, Алексея Толстого и др.

Во втором отделении таких вечеров звучали декламации стихов, музыкальные номера.

Открытые вечера по вторникам собирали большую аудиторию (иногда, по свидетельству бывших чураевцев, до тысячи человек). Вход был бесплатный.

По пятницам обычно собирались члены активной группы (10—12 человек), хотя допускали и просто «слушающую» молодежь. Делали сообщения и обменивались мыслями о современных поэтах, читали свои стихи и подробно их разбирали. Еще одним компонентом занятий было стихосложение — заранее все готовились по определенному разделу теории словесности.

В течение ряда лет объединение издавало свою ежемесячную газету «Чураевка». Редактировал ее В. Перелешин. Там печатались стихи и рассказы молодых литераторов, что очень способствовало росту талантов и, с другой стороны, давало культурный импульс всем читателям. Позже, с приходом японцев, полицейский надзор стал осложнять работу. Вот один из эпизодов. В одном из номеров было напечатано стихотворение С. Сергина «Челюскинцы», которое оканчивалось так:

Поникшие, как розы, флаги
Остались позади в снегу.
Площадка — белый лист бумаги
И те, чьи взоры стерегут
Бессонно, остро, непрестанно
Жужжание аэроплана
В полярных темных небесах.
И зазвучали голоса
Невидимые — зов земли
Родной, оставленной вдали.

За эти строчки у чураевцев были неприятности с местными властями: «Поникшие, как розы, флаги» — флаги-то красные. Так постепенно начали обрываться нити, связывавшие литературную и культурную жизнь Харбина со Страной Советов.

Другими мероприятиями «Чураевки» были конкурсы поэтических произведений. В первом конкурсе приняло участие 14 человек. В состав жюри входил председатель «Чураевки», литераторы старшего поколения, редактор литературно-художественного журнала «Рубеж». На конкурс было представлено свыше 45 стихотворений и предложено две темы («Восток» и вторая — свободная). Первую премию по теме «Восток» получил поэт и переводчик Николай Светлов за стихотворение «Пятна на луне», в основу которого была положена старинная легенда гольдов. На свободную тему лучшее стихотворение, по мнению жюри, было написано Е. Рачинской и называлось оно «Весенние триолеты» («Сад в цвете яблонь, в белой пене, и дверь раскрыта на балкон...»).

Многие стихи чураевцев попадали на страницы литературно-художественного журнала «Рубеж». Издавал его Е. С. Кауфман, редактором был М. С. Рокотов-Бибинов, умерший недавно в США. Журнал регулярно выходил по субботам в течение 18 лет, вплоть до 1945 года. Он был любим и читаем всеми русскими харбинцами и известен не только на Дальнем Востоке.

С детства помню эти приятные минуты — в субботу пахнувший типографской краской журнал приносил нам многолетний разносчик газет Ван. Сейчас, в век средств массовой информации, может быть, трудно представить себе, чем был этот регулярно выходивший на чужбине русский журнал для жителей дальней окраины. Журнал был занимателен, с большой фотоинформацией (в каждом номере около 50—60 иллюстраций). Там печат-

тались стихи и рассказы местных авторов, и был он меньше других изданий связан с политикой. Имел журнал и постоянных зарубежных корреспондентов. Так, в 1935 году ими считались А. В. Амфитеатров (Рим), В. Н. Унковский (Париж) и др. Присылал свои стихи Саша Черный, печатались и другие авторы.

Именно на страницах этого журнала харбинцы уже в 40-х годах прочитали перевод знаменитого романа Маргарет Митчел «Канувшее в Лету» (современный советский читатель знает его под названием «Унесенные ветром»); печатались переводы романов Берты Рок, Агаты Кристи и других авторов. Журнал помещал хронику местной культурной жизни, полезные советы, кроссворды (они назывались тогда по-русски «крестословицам»).

Для многих чуроевцев «Рубеж» был вдохновляющим фактором в их творческой деятельности, началом пути в поэзию, с которой многие не расставались до конца жизни. Ими были: Л. Андерсен, М. Волин, Г. Гранин, П. Лапикен, В. Обухов, В. Перелешин, Е. Рачинская, Н. Резникова, Г. Сатовский, Н. Светлов, В. Слободчиков, О. Тельтофт, Л. Хаиндрова, Н. Шеголев, В. Янковская и др.

Рассказать обо всех в рамках журнальной публикации невозможно. Сделаю это в отношении трех авторов, издавших свои поэтические произведения, — Валерия Перелешина, Лидии Хаиндровой и Виктории Янковской¹⁰. Все они до конца своих дней, хотя и в разной степени, остались верны поэтической музе. И жизни их также сложились по-разному, но в них отпечаталось время и общая судьба зарубежья.

На сегодняшний день, наверное, никто из чуроевцев, занимавшихся в последующие годы поэтическим творчеством, так не подтвердил своего права называться поэтом, как Валерий Перелешин (Валерий Францевич Салатко-Петрише). У него на счету 13 книг стихотворений и несколько сборников переводов. Первые пять книг он издал в Харбине¹¹.

Писать о нем трудно. Мне кажется, он являет собой пример бесконечной сложности человеческой психики. Жизнь его состоит не только из странствий (Чита, Харбин, Пекин, Шанхай, Рио-де-Жанейро), но и духовных исканий, мучительных раздумий, многих неожиданных поворотов и противоречий. Но ясно одно: это талантливый поэт и мастер художественного перевода.

Начав свою литературную деятельность в Китае, он уже более 30 лет живет в Бразилии, пишет превосходные стихи на русском, а в последние годы (ему уже за семьдесят) — и на португальском, переводит со многих языков — китайского, португальского, английского и др.

О жизни Валерия Перелешина можно многое узнать из его стихов: родился «у быстроводной неукротимой Ангары», в юности попал в Китай — «в страну шелков, и чая, и лотосов, и вееров», а ныне отдает «остаток дней» Бразилии («Три родины»).

Поэзией В. Перелешин стал заниматься очень рано, в «Рубеже» его стихотворения печатались с 1932 года. Кем же из классиков увлекался поэт? В послесловии к сборнику стихов (его десятой книги стихотворений), вышедшему в Париже в 1987 году, он рассказывает о себе: «Первое поэтическое влияние в моей жизни — том Блока с его метелями, снегами, белой смертью». Позже, по словам поэта, участие в «Чуроевке» приобщило его к поэзии Гумилева. Его кумиром он был вплоть до 60-х годов, когда открыл для себя О. Мандельштама.

Тогда в Харбине мне было трудно понять философский смысл стихов Перелешина. Молодому мироощущению не imponировал его пессимизм, как, например:

Не плакать о сердце своем,
Не плакать о горе чужом
И над неприкрытыми ранами,
И даже над целыми странами,
Что гибнут во зле мировом,—
Не плакать уже ни о чем...

Хотя, надо признать, в этих строчках, написанных в 1938 году, образно отражался мир, катившийся к пропасти второй мировой войны.

Но все же моему поколению Перелешин представлялся личностью крайне загадочной — он принял монашеский постриг, и некоторые сборники его вышли под именем Монаха Германа. Монашескую рясу он носил еще в Шанхае, когда работал в ТАСС, делая свои, как говорили, блистательные переводы с китайского оригинала.

Сегодня главные темы его стихов — ностальгия, неприятие мира и бегство от него. В последние годы в них, как он сам считает, стал слышнее «голос темного дня», то есть подсознательного. Часто слышны в его поэтических произведениях восточные мотивы, экзотика дальних стран, но в это разноцветье мира врывается вдруг «голос дома» — неизживаемая тоска по родному краю. Откуда она? Поэт сам дает ответ на это в одном из своих стихотворений: «Оттого, что при всей нагрузке вер, девизов, стягов и правд, я — до костного мозга русский заблудившийся аргонавт».

В другом ностальгическом стихотворении В. Перелешина есть такие строчки:

Оттуда — из этой родной и забытой земли,—
 Забытой, как сон, но во веки веков незабвенной,—
 Ни звука, ни слова — лишь медленные журавли
 На крыльях усталых приносят привет драгоценный.

Как он живет сейчас в Бразилии, стране, такой далекой от России и от Китая, который он тоже любил? Ответ находим в одном из прекрасных стихотворений 70-х годов. Он говорит, обращаясь к Бразилии — веселой, карнавальной:

Твоя ль вина, что пришлецам усталым
 Нельзя помочь разгульным карнавалом,
 Когда твои природные сыны
 Идут стеной, отшлепывая самбы,
 А я смотрю на них со стороны
 И слышу снег и пушкинские ямбы?
 («Жребий»)

Вот такой контрапункт.

Как же трудно жить без родного воздуха! Поэт сам свидетельствует: «Стихи рождались каждый час без осязаемых усилий, пока жила в груди у нас хоть капля воздуха России» («Воздух»).

И все же отношение его к нам, судя по некоторым его публикациям, неоднозначно — возможно, оно навеяно старыми представлениям. Так, к сожалению, случилось и со многими другими русскими, заброшенными за рубеж волной революционного взрыва и мировых событий, и даже с их сыновьями.

Большая Отечественная война, как известно, во многом определила отношение эмиграции к своей Родине. Произошло так называемое расслоение ее (главным образом на «оборонцев» и «пораженцев»). И на сегодняшний день русское зарубежье — очень сложное и неоднозначное явление. Смотреть на него, я думаю, нужно сквозь призму истории и всего того, что происходит в нашем сознании сегодня в результате пришедшей к нам суровой и неумолимой правды.

Еще одна судьба, нити которой ведут в «Чураевку», — Лидия Хаиндрова.

Лидия Юлиановна Хаиндрова родилась в 1910 году в Одессе, воспитывалась в имении деда в Грузии (село Лехаиндраво), откуда ее шестилетним ребенком увезли в Харбин к родителям.

Интерес к поэзии появился рано, стихи начала писать уже в школьные годы. По ее собственному признанию, любимыми поэтами были Лермонтов, Блок, Гумилев, Пастернак.

Лидия Хаиндрова много печаталась в Харбине и Шанхае, куда попала в 30-е годы, издала несколько своих сборников¹², принимала участие в коллективных изданиях («Семеро», «Остров» и др.).

После возвращения на Родину в 1947 году поначалу жила в Казани, где работала в газете «Красная Татария», затем переехала в Краснодар. Здесь она стала преподавать иностранный язык в школе. Педагогическая деятельность поглощала все ее время, и на поэтическое творчество уже не оставалось сил.

Только в 70-е годы Л. Хаиндрова вновь обретает себя как поэтесса. Она получает признание, активно работает в литературном объединении Краснодара, выступает по радио и на литературных вечерах, работает с молодыми поэтами, участвует в поэтических сборниках¹³.

Я знала Лидию Юлиановну, в 70-х годах активно переписывалась с ней. Перебирая сейчас старые письма от нее, думаю, каким же доброжелательным и обязательным человеком она была! Так же о ней отзывались и ее товарищи по перу — члены

литературного объединения Краснодара — Н. Василинина, Л. Черныш, Г. Борец. Руководитель литературного объединения писатель В. Попов называл ее «человеком великой душевной теплоты, чуткости и выдающегося литературного вкуса». Он рассказал, что Лидия Юлиановна владела искусством тонкого литературного анализа, умела профессионально беседовать с начинающими литераторами.

Так в итоге прожитой жизни поэтическое и педагогическое слилось в Л. Хаиндровой воедино. Щедро отдавала она людям то, что приобрела на своем нелегком жизненном пути, — опыт, мудрость, душевную щедрость, чувство поэзии.

Л. Хаиндрова была поэтессой лирического склада. Внешне сдержанные, ее стихи полны скрытого эмоционального звучания. В скупых строчках она умела тонко передать сокровенные движения души:

Платила я двойною платой
За каждый миг мой на земле.
Шла будто улицей горбатой,
То солнцепеком, то во мгле.
Двойная плата не калечит,
А делает людей сильней.
Когда б платить мне было нечем,
Насколько было бы больней.

В ее ранних стихах сильна тема одиночества:

Разве ты, судьба, не одинока
В этом мире скорби, как и мы?

Или:

Это ты, одиночество, шепчешь мне снова,
Шепчешь мне про дыханье чужого тепла.
Даже книжка крылатых стихов Гумилева
Увести от тебя не смогла.

Не оставляют читателя равнодушным стихи Лидии Хаиндровой, посвященные теме Матери, — трогательные строки и ранних, и более поздних стихов на эту тему. Последнее из опубликованных стихотворений звучит как завещание.

...И матери ждут помощи детей.
Не опоздайте — человек не вечен,
И эти негнибаемые плечи
Согнуться могут на исходе дней...

В зрелые годы поэтессу волновала проблема идейного выбора. Ее нравственная позиция — быть достойной встречи с Родиной — чувствуется во многих стихотворениях 40-х годов, как, например, в стихотворении «Россия».

Россия, твой ветер привольный
Призывно и мощно поет.
Но поздно. Я слишком устала.
Душа каменеет моя.
О гребень девятого вала
Моя разобьется ладья...

Грустные стихи, как и многое из того, что написано ею, — но в них нет надрыва, они освещены постижением истины, силой духа.

Не плакать, нет. И не просить щедрот,
И крыльев не просить, земных и слабых...

В последние годы поэтесса чувствовала себя причастной ко всему, что происходило вокруг. Она писала о войне, о мире, о родном доме. Многие ее стихотворения, написанные в 70-е годы, получили заслуженное признание («Парус детства», «Наталья Пушкина», «По-настоящему тот молод...» и др.).

Ей не удалось, к сожалению, издать у себя на Родине полновесный сборник стихотворений — не успела. Ее не стало в 1986 году.

Пишет до сих пор стихи Виктория Янковская, живущая сейчас в Калифорнии, США. Я помню ее не иначе, как на известном по «Рубежу» экзотическом снимке — челка, пытливый взгляд исподлобья, подвески из тигровых когтей вместо серег. Ее юная натура отражена в строчках, написанных в 1934 году в Корее.

Весенними влажными днями
Одна я блуждаю с винтовкой.
Пересекаю часами
Овраги, долины, сопки.
По-разному смотрят на счастье.
По-разному ищут дороги.
А мне — побродить по чаще,
В росе промочить ноги...

Видимо, здесь нужно немного рассказать о семье Янковских, которая с 1922 года жила в Корее и в те годы была довольно известна на Дальнем Востоке. Дед поэтессы, Михаил Иванович Янковский, в 1863 году за участие в польском восстании был сослан в Сибирь на каторгу, а затем «на вольное поселение». Впоследствии ученый-натуралист и охотник, этот человек стал одним из первопроходцев края, оставивших след в освоении Дальнего Востока. В частности, М. И. Янковский положил начало промышленному коневодству в Приморском крае, известны его успешные опыты по разведению пятнистых оленей и выращиванию женьшеня.

Дети и внуки остались верны семейной традиции — они продолжали его дело, занимаясь охотой и разведением оленей в Северной Корее. У потомков М. И. Янковского оказалась еще и необычайно сильная тяга к творчеству. Его внук, Валерий Юрьевич Янковский, проживающий в настоящее время во Владивостоке, — автор интересных книг и рассказов о жизни Приморья и Кореи, член Союза писателей СССР.

Внучка первопроходца, Виктория Юрьевна Янковская, с юных лет увлеклась поэзией, писала стихи и рассказы, публиковавшиеся в русской зарубежной прессе. Родившаяся и выросшая среди дикой природы в имении родителей в Приморском крае и позже оказавшаяся в Северной Корее, она действительно росла «вихрастой и косматой Тарзанкой», вдали от городского шума, в тесном общении с окружающей ее суровой и величественной природой. Наравне с мужчинами делила трудности таежных переходов и охоты на зверя и в то же время любила уединяться в своей маленькой хижине на высоком берегу горной реки. Там она читала, писала стихи и письма.

Места эти редкой красоты. Мне довелось побывать там летом 1949 года. Горы, близость моря (50 км южнее порта Сейсин), горячие ключи Омпо — в те годы почти нетронутая природа. В поселке, где я остановилась в свой короткий десятидневный отпуск, были слышны, особенно по ночам, казавшиеся таинственными голоса тайги и непрестанный шум горной реки Оте...

Позже, уезжая из этих мест, так напоминавших ее родное Приморье, В. Янковская напишет в стихотворении «Прощание с Кореей»:

Я расстанусь и с этой страной —
Потому что вся жизнь — расставанье.
Но с тобой, как с последней весной,
Тяжелее, больше прощанье...

Там, где прежде умела мечтать
В буйной чаще лесного вивама,
Там, где я научилась страдать
По ушедшим — по Родине с Мамой...

Там и юность свою погребла
В жарких соснах и горных потоках,
У костров и у моря сожгла —
И осталась без них одинокой.

(1939)

Так и унесла она в Калифорнию, куда уехала позже из Китая, память о тайге, где пахнет «хвойными талыми смолами», где слышно «журчанье порывистых рек»,

где весной «ландыши смеются на поляне», а осенью «шуршит головками созревший гаолян».

«Города не люблю,— говорила В. Янковская, давая интервью читателям журнала «Рубеж» в 1934 году.— Из современных женщин ценю только трудящихся и презираю праздную дамскую массу, делающую культ из косметики, фокстрота, флирта и кино...» Вот такой она была в те годы, когда ей еще не было и тридцати лет. Нетрудно представить себе, какой протест вызывал в светских женских кругах этот облик таежной поэтессы. Впрочем, и в мужских тоже — мужчин она озадачивала своими охотничьими трофеями.

Недавно я познакомилась с ее последним сборником стихов, изданным в США в 1978 году. Обширна их «география»: Гонконг, Сантьяго, Генуя, Сан-Франциско — недаром сборник называется «По странам рассеяния». Экзотика новых стран автору интересна, но странствия ее нерадостны.

В разных бегствах и эвакуациях
Научилась бросать все любимое.
Научилась с людьми расставаться,
Постигать с полуслова незримое.

Читая ее ностальгические стихи, понимаешь, как неутолима тоска человека по родным местам.

Вижу зелень — все будто весною.
И сжимается сердце от боли:
Мысль о Родине вечно со мною,
На Чужбине живешь, как в неволе...

Да, во многих стихах В. Янковской 70-х годов отражены и краски жизни («Круги», «Вечер»), и свойственная ей энергия движения («Скрижаль», «В автолодке», «Лагуна Лахо»), но все говорит о том, что у автора их, объехавшего «почти полмира», в сердце постоянное, неизживаемое чувство Родины. И еще — любовь к поэзии.

Окончание в следующем номере

¹ См.: Глеб Струве. Русская литература в изгнании... Опыт исторического обзора зарубежной литературы.— Нью-Йорк, 1956; Ю. П. Иваск. На Западе. Антология русской зарубежной поэзии.— Нью-Йорк, 1953.

² См.: П. Е. Ковалевский. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа за полвека (1920—1970).— Париж, 1971.

³ См.: Сибирские огни.— 1988.— № 8; Знамя.— 1988.— № 9; Юность.— 1988.— № 9; Октябрь.— 1988.— № 11.

⁴ Отчизна, 1986, № 11.

⁵ Кровавый отблеск.— 1928; Без России.— 1931; Полустанок.— 1938; Протопопица.— 1939; Белая флотилия.— 1942.

⁶ Полностью это стихотворение еще не опубликовано в нашей печати.

⁷ Врата.— Шанхай, 1935.— № 2.

⁸ Первая.— 1925; Лаконизмы.— 1937; Полярный и солнце.— 1938; Тропы.— 1939; Под золотым небом.— 1943.

⁹ Надо сказать, что русская зарубежная пресса с большим интересом откликнулась на эти события. Работая в архивах, недавно не без волнения я прочла материалы о спасении челюскинцев на страницах парижской «Иллюстрированной жизни» за 1934 год.

¹⁰ В. Янковская постоянно жила в Корее, но часто приезжала в Харбин и была связана с «Чураевкой» и ее членами.

¹¹ В пути.— 1937; Добрый улей.— 1939; Сказание старого моряка. Пер. поэмы С. Т. Кольриджа.— 1940; Звезда над морем.— 1941; Жертва.— 1944.

¹² Крылья.— Харбин, 1941; Ступени.— Харбин, 1938; На распутье.— Шанхай, 1943.

¹³ Даты, даты.— Краснодар, 1976; Щедрость.— Краснодар, 1986.

Б. Н. СЛАВИНСКИЙ

В истории развития отношений Российского государства и Советского Союза с Японией практически постоянно присутствовал территориальный вопрос. С начала XIX столетия спор шел вокруг принадлежности Курильских островов, затем — Сахалина. Для обоснования своих прав каждая из сторон выдвигала собственную аргументацию, ссылаясь на историческое прошлое, предъявляла разного рода описания этих территорий, в том числе различные карты.

Осознавая, что сопоставление этих аргументов является чрезвычайно сложным делом, которое требует специального исследования, мы тем не менее постараемся рассмотреть на основе имеющейся информации основные этапы соприкосновения с рассматриваемыми территориями как русских, так и японцев.

Предыстория вопроса: открытие, исследование и заселение Сахалина и Курил

Первые сведения о Сахалине, Курильских островах и Японии были получены в России еще в XVII в. К тому времени, как в селе Преображенском состоялась встреча Петра I с японцем Дэмбэем, выброшенным штормом на побережье Камчатки (1702), на многих картах, опубликованных в России и Западной Европе (на основании данных русских землепроходцев и мореплавателей), изображались «Амурский остров» (Сахалин), «Курильская землица» и «Нифон» (Япония): Чертеж Сибири П. И. Годунова (1667), карта Н. К. Витсена (1692), карта С. У. Ремезова «Чертеж вновь Камчадальские земли» (1700) и др. Позднее все эти территории были отражены на «Генеральной карте» Российской империи, в «Атласе Российском» Академии наук 1745 г., где, в частности, показаны острова Итуруп, Кунашир, Шикотан, названный за своеобразное очертание Фигурным, а также Матушма (другие названия — Мацумаэ, Эдзо, Хоккайдо).

Как отмечают советские исследователи, все эти острова изображены под своими собственными названиями и отдельно от Японии. «Царство Японское» как пограничное с Россией государство показано расположенным на трех островах — Хонсю, Сикоку и Кюсю, — а нынешний остров Хоккайдо под названием «Земля Эдзо» нанесен отдельно, как и Сахалин и северная и южная части Курильских островов¹.

Первооткрывателями Курильских островов были есаул И. Козыревский и атаман Д. Анцифоров, которые с отрядом казаков и промышленников в 1711 г. первыми из русских побывали на островах Шумшу и Парамушир, расположенных вблизи Камчатки.

В 1713 г. И. Козыревский вновь ходил на эти острова и собрал сведения о подавляющем большинстве Курильских островов, включая Итуруп, Кунашир и даже Двадцать Второй, который позже стал называться остров Хоккайдо. Местные жители — айны рассказали ему, что живут они «самовластно», то есть независимо, и японцы к ним «не ходят»². Результаты своих открытий И. Козыревский отразил на «Чертеже Камчадальского Носу и морским островам»³.

В 1721 г. побывали на Курилах направленные по указу Петра I на Тихий океан геодезисты И. Евреинов и Ф. Лужин, которые составили первую карту всех этих островов, основанную на астрономических исследованиях и рас-

спросных данных. Экспедиция под руководством М. Шпанберга (1738—1739 гг.) обошла южную оконечность Камчатки, открыла путь к восточным берегам Японии, описала Курильскую гряду и установила, что «под властью японского хана только один Матмай-остров (Хоккайдо), а прочие острова неподвластны»⁴.

В 1755 г. Н. Сторожев взял ясак с жителей острова Кунашир на юге Курильской гряды и сообщил в канцелярию Большерецка, что значительная часть айнов приняла русское подданство⁵. Главному командору Камчатки М. К. Бему (1772) предписывалось «принять в свое ведение Курильские и другие близ Камчатки расположенные острова и на них живущих ясажных инородцев»⁶.

В 1777—1778 гг. мореходы и купцы И. Антипин и Д. Шабалин побывали на Урупе, где пытались заниматься не только морским промыслом, но и хлебопашеством. Позднее они посетили Итуруп, Кунашир и Шикотан (остров Шпанберга), а также Хоккайдо. В итоге была составлена карта Курильских островов и острова Матушма (Хоккайдо).

Так русские мореплаватели, торговые люди и промышленники открыли и освоили Курильские острова, составили их карты, основали там свои зимовья и стоянки, привели местных жителей в подданство России⁷.

Лишь спустя полтора столетия после первого появления русских, в самом конце XVIII в., на южной части Курил высадились японцы, которые уничтожили русские кресты и поставили столб с обозначением, что Итуруп является японским владением⁸.

До середины XIX в. не только Курильские острова, но даже остров Эдзо (Хоккайдо) не был владением Японии, а рассматривался как некая «чужеродная» земля. Так, японский историк Еси Куно писал, что Эдзо «в XVIII в. и даже в первой половине XIX в. не считался составной частью Японской империи. В те дни японское правительство рассматривало события на Эдзо как нечто случившееся за пределами государственных границ... Большинство историков, ученых и государственных деятелей считали Эдзо иностранным государством»⁹. По закону об изоляции Японии от 1639 г. жителям этой страны вплоть до 1853 г. под угрозой смертной казни запрещался выезд за пределы японской территории, в том числе плавание на север, которое поэтому носило лишь эпизодический характер.

Американский ученый Дж. Стефан, известный как автор книги по истории Сахалина¹⁰, в своей монографии, посвященной Курильским островам, в частности, отмечает: японцы избегают упоминать, что «до 1798 г. сёгунат Токугава и многие ученые (в том числе исследователь северных земель Сигэй Хаяси) считали, что Курилы лежат за пределами Японии»¹¹. Он же полагает, что первым документированным поселением японцев на Курилах можно считать основание в 1754 г. купцом Кюбзём Хидой торгового пункта на острове Кунашир, а также появление первых японских исследователей — экспедиции Токунага Могами в 1785—1792 гг. Кстати, последний при посещении острова Итуруп обнаружил там группу русских.

Приоритет России в открытии и освоении всех Курильских островов вплоть до Хоккайдо признается многими учеными Японии. Так, в книге Рюносукэ Окамото «История Хоккайдо в связи с отношениями Японии и России», изданной в 1898 г., повествуется о том, что освоение Россией северных земель началось в годы правления Канъэй (1624—1643 гг.). В книге японского историка Т. Мацунаги «Сахалин и Камчатка» говорится, что «в 1643 г. (20-й год Канъэй) русские пришли на Камчатку и открыли острова Тисима, которым дали название Курильские. Далее они заняли Аляску и постепенно шаг за шагом двинулись к югу и там заняли 21 остров, включая, таким образом, Итуруп и Кунашир, которые считаются соответственно 20-м и 21-м островами. Ту же мысль высказывает японский историк-публицист Гэндзо Сарасина в книге «Айны и японцы», вышедшей в 1972 г. в Токио. «В 1750 г., — пишет он, — когда клан Мацумаэ (японского княжества) только начал направлять торговые суда на остров Кунашир, русские, которые к тому времени продвинулись по Курильским островам к югу, уже переименовали по-своему многие из них, расположенные к северной части, обратили в свою веру местных жителей и стали взимать с мужского населения ежегодную подать по одной лисьей шкуре»¹².

Приоритет исследования и освоения имеют русские люди и в отноше-

нии Сахалина. С начала XVIII в. они совершали регулярные плавания на этот остров. Так, в 1729 г. был послан изучать северное побережье Сахалина и Курильских островов на боте «Святой Гавриил» И. Шестаков. В 80-х годах XVIII в. в северо-западной части залива Терпения (Южный Сахалин) поселилась группа русских мореходов.

2 января 1787 г. Екатерина II подписала указ о снаряжении морской экспедиции для точного описания и нанесения на карту Курильских островов от Матмая до камчатской Лопатки, чтобы их «всех причислить формально к владению Российского государства». Этой экспедиции было также дано задание «обойти лежащий против устья Амура большой остров Сагалин-Анга-Гата, описать его берега, заливы и гавани, равно как и устье самого Амура...»¹³. Таким образом, еще в конце XVIII в. русское правительство располагало утерянными позже сведениями о том, что Сахалин — остров. Однако уже в XIX в. среди известных авторитетов (Ж. Ф. Лаперуз, У. Р. Броутон, И. Ф. Крузенштерн) преобладало мнение, что Сахалин — полуостров, соединенный с материком, а устье Амура недоступно для плавания судов. Исходя из этого, Амур не мог расцениваться как важная транспортная артерия, которая дает выход к морям Тихого океана, вследствие чего неизбежно снижалось экономическое значение всей южной зоны Дальнего Востока, и особенно Приамурья. Потребовалось огромное гражданское мужество русского офицера Г. И. Невельского, чтобы «доказать» особому комитету в Петербурге установленное им в 1849 г. островное положение Сахалина и полную возможность плавания по устью Амура с выходом в море¹⁴.

В отличие от русских мореплавателей и зверопромышленников первые представители центрального правительства Японии во главе с Т. Ямагути прибыли на Сахалин только в 1786 г. Американский историк Ф. Гольдер, который весьма предвзято относился к достижениям русских землепроходцев, вынужден был признать, что мировая наука всецело обязана получению первых сведений о Сахалине русским первопроходцам. «Наши наиболее ранние сведения о Сахалине поступили к нам не от китайцев, японцев, голландцев или иезуитов, а от русских сибирских зверопромышленников, которые, стремясь познакомиться с Приамурьем, пришли в соприкосновение с Сахалином»¹⁵, — писал Ф. Гольдер.

Подытоживая рассмотренные выше аргументы, можно констатировать, что Сахалин и Курильские острова «по праву первооткрытия, первоприсоединения, первооселения и первоисследования»¹⁶ являются исконно российскими землями.

Установление официальных отношений России с Японией

Великие географические открытия в Северо-Восточной Азии и на Тихом океане, сделанные Россией в XVII—XIX столетиях, положили начало хозяйственному освоению русскими людьми обширных территорий Дальнего Востока, Сахалина, Курильских островов и Русской Америки. Возникшие многочисленные поселения и промысловые экспедиции остро нуждались в постоянном снабжении продовольствием и другими товарами, появилась естественная потребность в налаживании торговли с сопредельными странами. В России считали, что товары, необходимые населению дальневосточных окраин и тихоокеанских владений, выгоднее вывозить из близлежащей Японии, чем доставлять из европейской части России морским путем вокруг света или по бездорожью через Сибирь.

В соответствии с указом Петра I от 17 марта 1710 г. якутский воевода Д. Траурнихт потребовал выполнить царское повеление «о проведывании Апонского государства и учинения с ним торгов»¹⁷. В 1712 г. Сибирский приказ распорядился выяснить, «какими путями в сию землю проезд» и «могут ли жители оной иметь дружбу и торговлю с русскими подобно китайцам и что им годно из Сибири»¹⁸. Позже в докладной записке царю Александру I министр коммерции России Н. П. Румянцев писал: «Сама природа, поставя Россию сопредельно Японии и сближая обе империи морем, дает нам перед всеми торговыми державами преимущество и удобность к торговле...»¹⁹

Сближение границ двух стран, развитие товарно-денежных отношений создавали объективные предпосылки для установления официальных политических и торгово-экономических отношений.

С этой целью в 1792—1793 гг. на острове Эдзо побывало первое русское посольство во главе с А. Лаксманом, затем порт Нагасаки в 1804 г. на корабле «Надежда» посетило русское посольство во главе с уполномоченным Российско-Американской компании Н. П. Резановым. Исходя из того, что южная часть Курильских островов принадлежит России, Резанов предлагал создать на Уруп и Кунашире земледельческие колонии и фактории для торговли с Японией. С этой же целью он рекомендовал своему правительству заселить южную часть Сахалина, которую он посетил на обратном пути, водрузив 4 мая 1805 г. в гавани Лососей русский флаг²⁰.

Опасаясь, что открытие для русской торговли каких-либо портов Японии создаст прецедент в отношении других держав и положит конец традиционной политике изоляции страны, японское правительство в то время не пошло на установление торговых отношений с Россией.

В 1811 г., претендуя на южную часть Курил, японцы захватили в плен на острове Кунашир капитан-лейтенанта В. М. Головина и его спутников, которые определяли географические координаты средней и южной частей Курильских островов, освободив их только в 1813 г.

В 1828 г. на острове Уруп было восстановлено русское поселение. В 30—40-х годах XIX в. русские морские экспедиции неоднократно заходили на южные Курилы и продолжали поддерживать контакты с местным айным населением.

В связи с имевшими место инцидентами русская сторона поставила вопрос об установлении границы между государствами и налаживании взаимовыгодных добрососедских отношений.

С этой целью в 1854 г. в Японию прибыло русское посольство во главе с вице-адмиралом Е. В. Путятиным, который во время переговоров с представителями японского правительства заявил, что самый крупный остров южных Курил — Итуруп — «принадлежит России, так как с давних пор посещался русскими промышленниками, которые задолго до японцев создали там свое поселение». Что же касается Сахалина, то он подчеркнул, что «лишь небольшая группа японцев находится там во время рыболовного сезона и потому там построены временные японские жилища»²¹, в то время как Россия имела на Сахалине ряд поселений, а также основанный Г. И. Невельским в 1853 г. на самом юге острова в заливе Анива пост Муравьевский²².

Русско-японские переговоры совпали с разгаром Крымской войны (1853—1856 гг.), и миссия Е. В. Путятина, потерявшая к тому же в результате землетрясения и шторма свой фрегат «Диана», находилась под постоянной угрозой столкновения с английскими и французскими военными кораблями.

В этих условиях Е. В. Путятин, считая первоочередной задачей для России заключение соглашения о торговле, под сильным нажимом японцев согласился на серьезные территориальные уступки. В подписанном им в Симодэ 26 января (7 февраля) 1855 г. Русско-японском договоре о мире и дружбе (Трактате о торговле и границах) говорилось, что «отныне границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итуруп и Уруп. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владение России. Что касается острова Карафуто (Сахалина), то он остается неразделенным между Россией и Японией, как было до сего времени»²³.

Это был первый официальный русско-японский договор, который устанавливал дипломатические и торговые отношения между двумя странами. При этом следует отметить, что в нем южная часть Курил — Кунашир, Итуруп, Шикотан и острова Хабомаи, которые в настоящее время в Токио объединяют под названием «северные территории», — зафиксирована как принадлежащая Японии.

Что касается острова Сахалина, то в 1855 г. границы между Россией и Японией в этом районе установлено не было. Это позволило живущим там русским активно проводить хозяйственное освоение острова. К 1856 г. на его западном берегу был основан Дуйский военный пост, в 1857 г. — Кусунайский, в 1867 г. восстановлены на новом месте временно снятый в период Крымской войны Муравьевский пост и еще ряд других постов в различных его районах. Тогда же на

Сахалин было прислано 200 переселенцев из материковой России для работы на угольных разработках²⁴.

Попытки же Японии заселить остров японскими колонистами потерпели неудачу. Многие из них уезжали, так как не могли переносить суровый местный климат. В начале 1874 г. в японской печати сообщалось, что японцы, отправленные на Сахалин шесть лет назад, не смогли сами себя содержать без правительственной помощи и что 332 человека привезены обратно в Японию²⁵.

Таким образом, Япония не выдержала соревнования с Россией в хозяйственно-культурном освоении Сахалина и в начале 70-х годов XIX в. активизировала свои дипломатические усилия на том, чтобы «обменять» среднюю и северную часть Курильских островов, которые являлись российской территорией по договору от 1855 г., на Сахалин.

В этот период положение России на Тихом океане оставалось крайне сложным. Западноевропейские державы и США усилили борьбу за господство в Китае и Японии, а их стремление обосноваться на Камчатке, Курильских островах, Сахалине и в устье Амура представляло собой серьезную угрозу для безопасности русского Дальнего Востока. Они старались осложнить русско-японские отношения и использовать Японию против России в этом регионе. С этой целью дипломатические представители Англии, Франции и США убеждали японское правительство не отказываться от своих притязаний на Южный Сахалин, распространяли ложные слухи о том, будто бы Россия намеревается захватить остров Эдзо²⁶.

Царское правительство, урегулировав пограничные вопросы с Китаем в Приамурье, считало для себя крайне важным достигнуть соглашения с Японией по вопросу о Сахалине, который представлял собой своеобразный щит, прикрывающий устье Амура извне. Велико было экономическое значение острова после открытия русскими богатых каменноугольных месторождений. Захват Сахалина враждебными силами имел бы крайне отрицательные последствия для всей дальневосточной окраины России.

Анализируя возможные последствия передачи Южного Сахалина Японии, на чем упорно настаивало ее правительство, Н. Муравьев писал князю А. М. Горчакову, что «по слабости Японии» любое иностранное государство легко может овладеть той частью острова, на которую оно претендует, «утвердиться в ней и нанести нам тем самым существенный вред на все будущее время, особенно в отношении Лаперузова пролива, который составляет ближайший и единственный выход для наших судов из Татарского пролива в Восточный океан»²⁷.

Тем временем Япония продолжала оказывать сильный нажим на Россию, прибегая к шантажу и угрозам с помощью других стран создать на Сахалине «независимое» государство японских и европейских колонистов. Реакционные круги возрождающегося военно-феодалного режима в этой стране открыто призывали к развязыванию агрессии с целью аннексии русских территорий.

В этих условиях Россия, находясь к тому же перед угрозой войны с Турцией на Балканах, была вынуждена 25 апреля (7 мая) 1875 г. подписать в Петербурге русско-японский договор об обмене Курильских островов на Южный Сахалин.

В статье 2 Трактата, заключенного между Россией и Японией, отмечается, что «...Его Величество Император Всероссийский, за Себя и Своих Наследников уступает (выделено нами.— Б. С.) Его Величеству Императору Японскому группу островов, называемых Курильскими...»²⁸. Примечательным здесь является то, что в тексте договора говорится об уступке прав России на Курильские острова, которыми она владела. Это совершенно не означало, что Россия автоматически лишалась правооснований на эти территории.

В соответствии с договором 1875 г. права России на Южный Сахалин, открытый и заселенный русскими, были подтверждены. Но, как отмечают советские ученые, царское правительство весьма непредусмотрительно допустило отторжение от России на долгое время Курильских островов, невзирая на то что русские мореплаватели, ученые и переселенцы затратили немало труда, а некоторые из них отдали и свои жизни за их исследование и освоение. Оно недооценило стратегическое значение Курильских островов. Царское правительство ошибочно надеялось, что Япония будет миролюбивым и спокойным соседом России, тогда как на деле Курильские острова были в дальнейшем использованы Японией для агрессии против России²⁹.

В японской печати подчеркивалось, что русско-японский договор 1875 г. положил конец многолетним трениям между Японией и Россией по вопросу о границах и заложил основу для добрососедских отношений между обеими странами.

В последней четверти XIX в. отмечался бурный рост милитаристских настроений в Японии, формировался агрессивный курс внешней политики этой страны, в основе которого все больше утверждалась концепция экспансии на континенте, захвата новых территорий.

8 февраля 1904 г. Япония вероломно, без объявления войны напала на Россию. Этими действиями она нарушила трактаты, подписанные с Россией в 1855 и 1875 гг., и тем самым лишила себя права ссылаться на них в будущем.

Факт прекращения действия Трактата о торговле и границах (1855), по которому Россия уступила Японии Южные Курилы, зафиксирован в Приложении № 10 к Портсмутскому мирному договору, заключенному между Россией и Японией в 1905 г. В нем говорится, что в результате войны «все торговые договоры между Японией и Россией оказались аннулированными»³¹.

В соответствии с условиями Портсмутского мирного договора Россия уступила Японии южную часть Сахалина по 50-ю параллель (статья 9)³¹, что означает аннулирование действия Трактата от 1875 г., по которому Россия уступала Японии среднюю и северную части Курильских островов в обмен на Южный Сахалин.

Портсмутский договор фактически также был разорван Японией в одностороннем порядке, когда в 1918 г. она оккупировала и пыталась отторгнуть от Советской России Приморье, Забайкалье и Северный Сахалин. Такого рода действия ничего общего не имеют со статьей 1 этого договора, провозгласившего «на вечные времена мир и дружбу между Россией и Японией», и с другими статьями, которые запрещали Японии строить военные сооружения на Южном Сахалине, создавать препятствия для свободы плавания в проливах Лаперуза и Татарском, содержать японские войска в Северо-Восточном Китае. Япония систематически нарушала условия подписанной 20 января 1925 г. Конвенции об основных принципах взаимоотношений, в соответствии с которой обе стороны обязывались «воздерживаться от всякой открытой или скрытой враждебной деятельности друг против друга». Японские милитаристы совершали постоянные провокации на границах с СССР. В 1938 г. они крупными силами вторглись на советскую территорию в районе озера Хасан, что было расценено в приговоре Международного военного трибунала для Дальнего Востока как «война», явившаяся результатом японской агрессии³².

В годы второй мировой войны Япония грубо нарушала Пакт о нейтралитете с СССР. Она разместила у советских границ миллионную Квантунскую армию, готовую в удобный момент открыть второй фронт против Советского Союза, что вынуждало нашу страну держать на Дальнем Востоке 30—40 дивизий³³. Японские милитаристы всячески затрудняли советское судоходство, закрывая проливы Лаперуза, Корейский, Курильский и др. В нарушение общепринятых норм международного права они задерживали и осматривали советские торговые суда, многие из которых были потоплены японскими подводными лодками. Япония широко сотрудничала с гитлеровской Германией³⁴.

Подход великих держав к мирному урегулированию на Дальнем Востоке

Все эти односторонние и агрессивные действия Японии лишали ее всяческих моральных и юридических прав и оснований ссылаться на договоры 1875 и 1905 гг., которые она сама же растоптала. Из этого следовало, что любые территориальные вопросы, которые возникли в результате победоносного завершения второй мировой войны, должны рассматриваться только в контексте послевоенного устройства мира на основании тех соглашений, которые выработали между собой великие державы — союзники по совместной борьбе с фашистской Германией и милитаристской Японией.

В этой связи наибольшее значение имели решения Крымской конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, которая состоялась в Ялте 4—11 февраля 1945 г. На ней, в частности, было достигнуто соглашение

о том, что «Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

...2. Восстановления принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: а) возвращения Советскому Союзу южной части острова Сахалин и всех прилегающих к ней островов;

...3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов»³⁵.

В Потсдамской декларации (июль 1945 г.), которая безоговорочно была принята Японией, в статье 8 отмечается, что «японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы (то есть союзные державы.— Б. С.) укажем»³⁶. Это означало, что союзники подтвердили в ней условия Крымского соглашения о возвращении СССР южной части Сахалина и Курильских островов, которые не упоминаются в перечне территорий, подпадающих под юрисдикцию Японии.

Президент США Г. Трумэн после публикации сообщения о Крымском соглашении заявил 31 января 1946 г. на пресс-конференции: «Это соглашение, подписанное Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным, точно такое же, как соглашение в Потсдаме, подписанное мною, Эттли и Сталиным»³⁷.

В другом выступлении, в феврале 1946 г., он подчеркнул, что речь идет «о соглашении между союзниками, направленном на оказание друг другу помощи в достижении победы в войне». Г. Трумэн отметил, что Советская Армия приняла капитуляцию на всех Курильских островах и это «вытекает из договоренности о передаче Курильских островов Советскому Союзу»³⁸.

«Ялтинское соглашение в подразумеваемой форме включено в Потсдамскую декларацию, — писал японский ученый Юити Такано. — Для Японии окончательное решение вопроса о «северных территориях» представляет собой политическую проблему, непосредственные юридические основания на разрешение которой она утратила»³⁹.

После безоговорочной капитуляции Японии в директиве штаба американских оккупационных войск за № 677 от 29 января 1946 г. японскому правительству четко указывалось, что из-под его юрисдикции, в частности, исключаются «Курильские (Тисима) острова, группа островов Хабомаи (Хабомадзэ), включая острова Суйсё, Юри, Акиюри, Сибоцу и Тараку, а также остров Шикотан»⁴⁰.

Президиум Верховного Совета СССР Указом от 2 февраля 1946 г. установил, что вся земля с ее недрами и водами на территории Южного Сахалина и Курильских островов являются государственной собственностью, то есть всенародным достоянием⁴¹.

Отказ Японии от Курильских островов и южной части острова Сахалин зафиксирован также в подписанном ею Сан-Францисском мирном договоре. В статье 2 договора прямо говорится по этому вопросу: «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года»⁴².

Таким образом, в многочисленных международных документах, заявлениях, нотах и меморандамах американской администрации, юридических актах Советского Союза, а также в соответствующих действиях японского правительства, которое полностью признало согласованную позицию союзников по территориальному вопросу, содержится фундаментальная основа для мирного урегулирования послевоенных проблем на Дальнем Востоке, в том числе и советско-японских отношений.

Однако уже в первые послевоенные годы США в соответствии со своим курсом расширения «холодной войны» против Советского Союза начали отходить от согласованных позиций, в том числе и по территориальному разграничению с Японией. Первые сведения об этом содержались в памятной записке госдепартамента США от 14 октября 1947 г., касавшейся формулировок разрабатываемого мирного договора для Японии, среди которых, в частности, предлагалось: «Острова на крайнем юге Курильского архипелага останутся за Японией»⁴³. Хотя положения, содержащиеся в записке, не стали основой соответствующих статей Сан-Францисского мирного договора 1951 г., но в дальнейшем они были взяты на вооружение американской администрацией.

В мае 1950 г. США приступили к подготовке сепаратного мира с Японией. Как писал Дж. Стефан, в этот период Вашингтон «следовал довольно неопределенной

линии, призывающей к отказу Японии от всех прав на гряды (Курильскую. — Б. С.), но которая не определяла, в чью пользу она должна это сделать». Это объяснялось тем, что США стремились получить в свое распоряжение рычаги давления и в то же время оставить максимальную возможность выбора для будущей американской политики⁴⁴.

Выступая 31 марта 1951 г. в Уайтиэрском колледже, Дж. Ф. Даллес, которому американская администрация поручила проведение мирных переговоров с Японией, поставил под сомнение право СССР на Шикотан и Хабомаи на том основании, что они якобы не являются частью Курил. Относительно всей гряды Даллес заметил, что право Советского Союза на Курильские острова будет зависеть от его участия в подготавливаемой мирной конференции и советской поддержке предлагаемого мирного договора⁴⁵. Ранее он заявил, что вопрос урегулирования в районе Тихого океана — это не просто вопрос ликвидации состояния войны с Японией, а вопрос «создания сильного бастиона против угрозы коммунистической агрессии с Востока»⁴⁶.

7 мая 1951 г. Советский Союз опубликовал «Замечания по поводу проекта США мирного договора с Японией»⁴⁷. В них указывалось, что проект этого документа был подготовлен без участия СССР и КНР и ряда других стран. Это явилось нарушением ранее достигнутой договоренности и проявлением попыток Соединенных Штатов в одностороннем порядке продиктовать Японии условия мира.

В «Замечаниях» отмечалось, что проект грубо игнорирует международные соглашения о послевоенном урегулировании с Японией. В нем, в частности, отсутствовала достигнутая договоренность по территориальным вопросам в Каире (1943), Ялте (1945) и Потсдаме (1945), не было гарантий против возрождения японского милитаризма, не упоминалось о выводе из Японии всех иностранных войск.

Было очевидно, что Вашингтон сознательно оставлял неурегулированными целый ряд вопросов, в том числе и территориальное разграничение между Японией и ее соседями, Советским Союзом и Китаем, с тем чтобы в последующем иметь возможность использовать их в качестве рычагов для проведения своей империалистической политики на Дальнем Востоке.

На конференции по заключению мирного договора с Японией, которая состоялась в сентябре 1951 г. в Сан-Франциско, глава советской делегации А. А. Громыко изложил позицию СССР по вопросу мирного урегулирования с Японией. Он предложил, чтобы в мирном договоре было записано признание Японией суверенитета КНР над Маньчжурией, Тайванем, Пескадорскими островами и суверенитета Советского Союза над южной частью Сахалина и Курильскими островами. Одновременно СССР считал необходимым признать суверенитет Японии над островами Рюкю, Бонин, Цусима и др., входившими в состав Японии до начала войны на Тихом океане.

Принятие советских предложений означало бы окончательное и полное решение территориальной проблемы. Вместе с тем оно гарантировало воссоединение с Японией тех территорий, которые США пытались в различных формах изъять из-под ее суверенитета.

Советская делегация предложила внести в договор ряд статей, которые возлагали бы на Японию обязательство по проведению широкой демократизации страны и созданию гарантий против возрождения милитаризма. Для обеспечения дружественных отношений между Японией и ее соседями и исключения возможности агрессии с ее стороны Советский Союз считал необходимым, чтобы Япония обязалась «не вступать ни в какие коалиции или военные союзы, направленные против какой-либо державы, принимавшей участие своими вооруженными силами в войне против Японии»⁴⁸.

Однако советские предложения были отклонены проамериканским большинством, состоящим главным образом из латиноамериканских стран, вообще не принимавших участия в тихоокеанской войне, однако подписавших 8 сентября 1951 г. мирный договор с Японией. В этих условиях СССР, Чехословакия и Польша, которые участвовали в работе конференции, отказались поставить свои подписи под этим документом.

Через несколько часов после закрытия Сан-Францисской конференции представители Японии и США подписали японо-американский «договор безопасности», оформивший военно-политический союз между ними. Он закреплял на неопределенный срок оккупацию Японии вооруженными силами США и предоставлял им неограниченную возможность использовать военные базы на японской территории.

Как можно с позиций сегодняшнего дня оценить действия сталинской дипломатии по вопросу о мирном урегулировании с Японией? Личное мнение автора состоит в

следующем: СССР пытался достичь благоприятных для себя результатов, не считаясь в полной мере с интересами другой стороны, прежде всего США. Конечно, нам хотелось, чтобы американцы незамедлительно вывели свои войска из Японии. Но это была нереальная задача, так как США, понеся огромные потери в войне с Японией, стремились иметь гарантии для своей безопасности, чтобы исключить возможность повторения агрессии против них не только с японской земли, но и с Азиатского континента. Сохранение американских баз на японской территории являлось главной задачей дипломатии США на Дальнем Востоке, после того как они «потеряли» Китай. Государственный департамент США прямо предлагал Советскому Союзу поддержать предложенный Соединенными Штатами проект мирного договора с Японией в обмен на международное признание ими восстановленных прав Советского Союза на Сахалин и Курильские острова. СССР, не подписав Сан-Францисский мирный договор, оставил тем самым неурегулированным территориальный вопрос, что является до настоящего времени основным препятствием для полной нормализации советско-японских отношений.

Нормализация советско-японских отношений

После смерти Сталина одной из основных проблем советской внешней политики на Дальнем Востоке оставалось восстановление нормальных отношений с Японией. Это стало возможным после прихода к власти правительства Хатоямы, которое в опубликованной 12 декабря 1954 г. программе заявило о своем намерении восстановить дипломатические отношения с СССР.

Советско-японские переговоры о нормализации отношений начались в Лондоне 3 июня 1955 г. Советская делегация внесла на рассмотрение японской стороне проект мирного договора, в котором великодушно учитывался ряд японских пожеланий: СССР отказывался от репарационных претензий к Японии, высказывал готовность поддержать ее обращение о принятии в члены ООН, соглашался вступить в переговоры о заключении торгового договора и рыболовной конвенции и т. д. В целях превращения Японского моря в море мира советская сторона предлагала открыть проливы, соединяющие его с океаном, для прохода лишь тех военных судов, которые принадлежат державам, прилегающим к Японскому морю. Япония должна была взять обязательство не вступать ни в какие коалиции или военные союзы, направленные против какой-либо державы, принимавшей участие в войне с Японией⁴⁹.

Однако вскоре переговоры зашли в тупик в результате нереалистической позиции японского правительства, которое в качестве предварительного условия восстановления двусторонних отношений и заключения мирного договора поставило удовлетворение территориальных притязаний Японии: передачу ей Курильских островов и Южного Сахалина, — а также согласие СССР на нерегулируемый лов рыбы у советских берегов и др.⁵⁰

Желая ускорить достижение договоренности о нормализации отношений с Японией, Советский Союз согласился включить в проект мирного договора статью по территориальному вопросу, в которой было бы зафиксировано, что СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая, что острова Хабомаи и Шикотан из группы Курильских островов расположены близко к японскому острову Хоккайдо, передает их Японии при условии окончательного урегулирования территориального вопроса между двумя странами при подписании мирного договора.

Однако японская сторона не оценила должным образом конструктивный шаг Советского Союза и продолжала настаивать на передаче Японии также островов Кунашир и Итуруп. Что же касается определения статуса остальных Курильских островов и Южного Сахалина, то японцы без всяких на то оснований предложили передать этот вопрос на решение международной конференции. В результате такой позиции Японии лондонские переговоры 1955 г. закончились безрезультатно.

Бесплодным оказался и второй раунд переговоров в январе — марте 1956 г., хотя Советский Союз, руководствуясь искренними побуждениями, пошел навстречу многим пожеланиям Японии.

На состоявшемся в феврале 1956 г. XX съезде КПСС отмечалось, что нормализация советско-японских отношений является одним из факторов, способствующих разрядке международной напряженности на Дальнем Востоке, и была поставлена задача

восстановить отношения с Японией. Однако правящие круги этой страны всячески затягивали переговоры с Советским Союзом.

Новую попытку оказать давление на Японию и тем самым затруднить нормализацию советско-японских отношений предприняли США 19 августа 1956 г. Даллес на встрече с министром иностранных дел Японии Сигэмицу заявил, что отказ Японии от претензий на Кунашир и Итуруп повлечет за собой американский отказ возвратить ей Окинаву⁵¹. Это заявление было облечено в форму официальной ноты США и 7 сентября 1956 г. направлено японскому правительству.

Открыто вмешиваясь в переговоры между СССР и Японией, США не останавливались даже перед извращением характера и духа международных соглашений, под которым стоит подпись президента США. В ноте, в частности, говорилось, что «Соединенные Штаты не признают Ялтинское соглашение как имеющее юридическую силу в отношении передачи территории». Давая произвольную трактовку Сан-Францисскому договору, американское правительство утверждало, что он якобы «оставил открытым территориальный вопрос, не определив принадлежность территорий, от которых Япония отказалась». Соединенные Штаты подчеркивали, что «Япония поэтому не имеет права передавать кому-либо суверенитет над территориями, от которых она отказалась», угрожая, что страны, подписавшие Сан-Францисский договор, «не будут считать себя обязанными признать какой-либо акт такого порядка»⁵².

Поскольку взаимоприемлемого решения территориальной проблемы достичь не удалось, японское правительство обратилось к СССР с предложением восстановить дипломатические отношения, отложив решение территориальных вопросов. Советский Союз, проявив добрую волю, согласился с японским предложением.

12 октября 1956 г. полномочная японская делегация во главе с премьер-министром И. Хатоямой прибыла в Москву. В результате состоявшихся переговоров 19 октября 1956 г. была подписана Совместная советско-японская декларация, которая предусматривала прекращение состояния войны между Японией и СССР и восстановление дипломатических и консульских отношений⁵³.

Советский Союз и Япония подтвердили готовность разрешать споры между собой мирными средствами, воздерживаться от угрозы силой или ее применения, не вмешиваться во внутренние дела друг друга, а также признавали взаимное право на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии с Уставом ООН. СССР и Япония взаимно отказались от претензий, вытекающих из состояния войны между ними, включая право СССР на репарации, и обязались продолжать переговоры о заключении мирного договора. Идя навстречу пожеланиям Японии, Советский Союз в подписанной им Совместной декларации подтвердил согласие передать Японии после заключения мирного договора острова Хабомаи и Шикотан.

Подписание Совместной советско-японской декларации открыло путь для широкого развития добрососедских связей между двумя народами.

В то же время США, укрепляя свои военные союзы в данном регионе, особое внимание продолжали уделять Японии, которую рассматривали как главный плацдарм для осуществления американской политики на Дальнем Востоке. В 1960 г. был заключен договор о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности между США и Японией.

Новый договор предусматривал дальнейшее пребывание американских вооруженных сил на японской территории, а также участие Японии в военных операциях в «зоне Дальнего Востока», которая, согласно официальному японскому «разъяснению», включала Китай, Корею и советское Приморье⁵⁴.

Новое японо-американское соглашение создавало реальную угрозу втягивания Токио в военные конфликты. Если по прежнему соглашению обязанность Японии сотрудничать с США в военной области сводилась к консультациям, то статья 5 нового договора возлагала на нее обязанность воевать на стороне США, что фактически придавало американо-японскому договору безопасности характер военного союза⁵⁵.

Заключение вопреки национальным интересам страны нового военного договора с Соединенными Штатами вызвало взрыв возмущения в Японии, волну массовых забастовок и митингов. Обстановка в стране настолько накалилась, что 16 июня 1960 г. правительство Японии вынуждено было аннулировать приглашение президенту США Эйзенхауэру посетить Японию, а две недели спустя — уйти в отставку.

27 января 1960 г. Советское правительство направило Японии памятную записку, в которой подчеркивало, что новый японо-американский договор подрывает устой

мира на Дальнем Востоке, создает опасность втягивания Японии в ракетно-ядерную войну, препятствует нормальному развитию советско-японских отношений.

Советское правительство также заявило, что, поскольку новый японо-американский договор острее своим направлен против СССР и КНР, острова Хабомаи и Шикотан будут переданы Японии только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора с СССР, как это было предусмотрено Совместной советско-японской декларацией от 19 октября 1956 г.

Вместе с тем Советский Союз продолжал стремиться к улучшению добрососедских отношений с Японией, рассматривая их как важный фактор международной жизни на Дальнем Востоке.

В 60-е — начале 70-х годов советско-японские отношения развивались по восходящей линии, особенно в торгово-экономической области. Япония прочно утвердилась на первом месте среди партнеров СССР из числа капиталистических стран. Однако параллельно с этим в Японии усиливались территориальные притязания на «северные территории».

Добившись от США возвращения административных прав на Окинаву (май 1972 г.) и договорившись в Пекине на время отложить решение вопроса о принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдао), на которые претендуют и Япония и Китай, японское правительство стремилось представить Советский Союз как единственную державу, которая якобы препятствует урегулированию послевоенных проблем на Дальнем Востоке, не возвращая Японии «северные территории». Это стало очевидным во время визита в Москву в октябре 1973 г. премьер-министра Японии К. Танаки, который пытался во время советско-японских переговоров основное внимание обратить на территориальный вопрос.

В Совместном советско-японском заявлении, опубликованном по окончании визита, в частности, говорилось: «Сознавая, что урегулирование нерешенных вопросов, оставшихся со времен второй мировой войны, и заключение мирного договора внесут вклад в установление подлинно добрососедских и дружественных отношений между обеими странами, стороны провели переговоры по вопросам, касающимся содержания мирного договора»⁵⁶. Обе стороны согласились продолжить переговоры по этому вопросу.

Оценивая результаты состоявшегося визита как имеющего «эпохальное значение», премьер-министр К. Танака выразил уверенность, что «он положил начало новому этапу в развитии отношений между СССР и Японией»⁵⁷.

Переговоры на высшем уровне в Москве дали новый импульс расширению советско-японских торгово-экономических связей. Япония прочно удерживала первое место по объему товарооборота среди партнеров СССР из числа развитых капиталистических стран. Была достигнута договоренность о предоставлении Японией Советскому Союзу долгосрочного банковского кредита в сумме 1050 млн. долл. на разработку месторождений южноякутского коксующегося угля, дальнейшее освоение дальневосточных лесных ресурсов и промышленную доразведку месторождений якутского природного газа. 28 января 1975 г. в Токио было подписано Генеральное соглашение о сотрудничестве в разведке и добыче нефти и газа на шельфе Сахалина. Все это создало серьезный задел для дальнейшего развития плодотворного торгово-экономического сотрудничества между двумя странами.

Однако политические события второй половины 70-х годов внесли новые осложнения в советско-японские отношения. Как вспоминает генеральный секретарь правящей Либерально-демократической партии Японии С. Абэ, на переговорах с К. Танакой Л. И. Брежнев якобы заверил японскую сторону в том, что среди «нерешенных вопросов, оставшихся со времени второй мировой войны», значится и территориальный вопрос⁵⁸. Но вскоре у нас на различных уровнях стало подчеркиваться: никаких территориальных вопросов между СССР и Японией не существует. Это, мол, все выдумки реваншистов.

Автор этих строк имел крупные неприятности из-за того, что в те годы высказал вслух свое мнение: раз СССР пообещал Японии в 1956 г. при заключении мирного договора вернуть острова Шикотан и Хабомаи, то, как говорится, *parce servanda sunt*. Однако, как известно, японское правительство упорно настаивало на возвращении одновременно и Кунашира и Итурупа.

Мне пришлось несколько раз бывать на Кунашире и Шикотане. Это поистине

замечательные острова: огнедышащие вулканы, горячие источники, гигантоподобные растения, вечнозеленые деревья. Только в этих местах в диком виде цветет магнолия, на Шикотане — единственное место, где производят популярную у нас сайру бланшированную и т. д. Сейчас здесь в значительной мере активизирована хозяйственная деятельность, на островах построены многие промышленные предприятия, научные станции, причалы.

В конце 70-х — начале 80-х годов советско-японские отношения находились в замороженном состоянии. Японское правительство ужесточило свою позицию по территориальному вопросу, начало ежегодно 7 февраля отмечать по всей стране день «северных территорий». Объем двусторонней торговли существенно снизился, и Япония отошла на четвертое-пятое место среди торговых партнеров СССР из числа развитых капиталистических стран.

Следует отметить, что ни советская, ни японская дипломатии в этот период не проявляли должной гибкости. В адрес Японии с основанием и без оснований, по любому поводу выдвигались обвинения в милитаризме, экспансионизме, реваншизме, излишне подчеркивалось отсутствие самостоятельности во внешней политике Японии, ее всецелая зависимость от США. Делались неуклюжие попытки помешать заключению японо-китайского договора о мире и дружбе (1978), хотя было очевидно, что процесс сближения двух соседних стран имеет объективную основу. Такую же тональность имели и многие публикации советских японоведов, так как любая самостоятельность в высказываниях, собственное мнение исследователя в открытой печати в годы застоя не допускались. Отсутствие плодотворных идей, состязательности мнений о путях развития советско-японских отношений, ограничения на рассмотрение территориального вопроса — все это не могло не оказывать негативного влияния на содержание и масштабы советско-японских связей, которые стали менее значительными, чем с большинством промышленно развитых стран Запада.

На пути к заключению мирного договора

В настоящее время мир переживает поистине революционное обновление, в практике международных отношений внедряется новое политическое мышление. М. С. Горбачев в известной речи в ООН 7 декабря 1988 г. выдвинул целостную философскую концепцию видения современного мира, основанного на верховенстве общечеловеческой идеи, международном сотрудничестве, мире без ядерного оружия, живущем по цивилизованным законам. Вот с этих новых позиций решает сегодня Советский Союз свои внешнеполитические проблемы, оставшиеся неурегулированными с послевоенного времени. К ним, несомненно, относится и проблема мирного договора с Японией.

На научно-практической конференции МИД СССР в июле 1988 г. министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе призвал советских востоковедов, политологов, историков внести свой вклад в разблокировку сложных узлов международных отношений, заполнение «белых пятен» в истории внешней политики. Это побудило и нас откровенно проанализировать столь сложный вопрос, как межгосударственное размежевание между СССР и Японией. Такое исследование необходимо равно советской и японской общественности, которая нуждается в правдивой информации по существу проблемы. Это высветил, в частности, телемост «Токио — Владивосток — Москва», состоявшийся в 1988 г.

В духе нового политического мышления в Токио в декабре 1988 г. состоялись переговоры Э. А. Шеварднадзе с японским руководством, на которых в деловой, конструктивной обстановке была обсуждена возможность заключения мирного договора между двумя странами. Эти переговоры были продолжены во время ответного визита министра иностранных дел Японии С. Уно в СССР в апреле — мае 1989 г. С. Уно имел также встречу и беседу с М. С. Горбачевым. Для детального изучения этой сложной проблемы, которая включает политические, экономические, географические и многие другие аспекты, стороны создали постоянно действующую рабочую группу на уровне заместителей министров иностранных дел. Это — безусловно, более серьезное продвижение вперед в деле мирного урегулирования по сравнению с тем, что было достигнуто в 1973 г.

Разумеется, конечный результат этой работы предугадать невозможно. Дипломаты и

эксперты двух стран, видимо, займутся сопоставлением и исследованием исторических документов, карт, текстов международных договоров, других материалов. Как мне кажется, могут быть предприняты поиски приемлемого компромисса на основе взаимных интересов.

При этом важно найти такую форму решения рассматриваемой проблемы, чтобы и для нас, и для наших потомков нынешний территориальный спор превратил из источника конфронтации в источник взаимовыгодного долгосрочного сотрудничества. Например, южнокурильские острова могли бы стать одной из особых экономических зон, идея создания которых сейчас широко обсуждается и учеными, и деловыми кругами.

Интересам СССР и Японии, как мне думается, отвечало бы расширение двусторонних связей по совместному использованию сырьевых ресурсов на этих островах или вокруг них. Это могли бы быть разработка богатых запасов титано-магнетитовых песков, самородной серы, цементного сырья, строительных материалов, сотрудничество по добыче и переработке рыбы, расширение заготовок морской капусты, создание рыбозаводов по искусственному разведению молоди и т. д. Взаимовыгодным на Кунашире и Итурупе явилось бы создание и совместных станций по предупреждению цунами, прогнозированию землетрясений, исследованию многочисленных проблем Тихого океана.

В японской печати встречается такое высказывание: раз, мол, Советский Союз проповедует новое политическое мышление, значит он «должен вернуть» Японии «северные территории». Но ведь новое политическое мышление — это двусторонний процесс. Тут необходим компромисс, учет взаимных интересов.

Нельзя в этой связи не подчеркнуть, что совместный поиск взаимоприемлемого решения несовместим с предъявлением друг к другу ультимативных требований.

Да, сейчас сложилась парадоксальная ситуация: две крупнейшие державы мира, к тому же соседи, вот уже 45 лет не могут выработать мирный договор. Но ведь существуют объективные причины для широкомасштабного сотрудничества этих двух стран по многим направлениям науки, техники, культуры, имеются взаимные интересы в торгово-экономической области.

Конечно, и Япония, и тем более Советский Союз могут прожить и без мирного договора. Но состояние дел в азиатско-тихоокеанском регионе настоятельно требует тесного взаимодействия двух стран в выработке мер по упрочению международной безопасности, созданию атмосферы добрососедства, налаживанию взаимовыгодного сотрудничества. Это отвечает надеждам и чаяниям не только советского и японского народов, но и всего населения этого динамично развивающегося района нашей планеты.

¹ См.: Русская тихоокеанская эпопея.— Хабаровск, 1979.— С. 437.

² Кудашев Л. Н. Из истории Курильских островов // Вопросы истории.— 1963.— № 8.— С. 45—48.

³ См.: Русская тихоокеанская эпопея.— С. 447—458.

⁴ Русские открытия на Тихом океане и в Северной Америке в XVIII в.— М., 1948.— С. 81, 85.

⁵ Полонский А. Курилы.— СПб., 1871.— С. 403.

⁶ Цит. по: Русская тихоокеанская эпопея.— С. 441.

⁷ См.: Нарочницкий А. Л. и др. Международные отношения на Дальнем Востоке.— М., 1973.— Кн. I.— С. 50—52.

⁸ См.: Позднеев Д. Материалы по истории Северной Японии и ее отношениям к матеруку Азии и России.— Иокогама, 1909.— Т. I.— С. 178—179; Т. II— Ч. III.— С. 63.

⁹ Цит. по: Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697—1875 гг.— М., 1960.— С. 44

¹⁰ John J. Stephan. Sakhalin. A History. Clarendon Press.— Oxford, 1971.

¹¹ John J. Stephan. The Kurill Islands. Russo-Japanese Frontier in the Pacific. Clarendon Press.— Oxford, 1974.— P. 211.

¹² Цит. по: Леонов П. А., Панькин И. В., Белоусов И. Е. Область на островах.— М., 1979.— С. 29.

¹³ Цит. по: Нарочницкий А. Л. и др. Международные отношения на Дальнем Востоке.— Кн. I.— С. 53.

¹⁴ Более подробно см.: Алексеев А. И. Амурская экспедиция 1849—1855 гг.— М., 1974.

¹⁵ Цит. по: Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина.— Южно-Сахалинск, 1959.— С. 44.

- ¹⁶ Леонов П. А., Панькин И. В., Белоусов И. Е. Область на островах.— С. 22.
- ¹⁷ Памятники Сибирской истории XVIII в.— СПб., 1882.— Кн. 1.— С. 542—543.
- ¹⁸ Спасский Г. С. Монах Игнатий Козыревский // Сибирский вестник.— СПб., 1823.— Ч. 2.— С. 29.
- ¹⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел.— М., 1960.— Серия 1.— Т. 1.— С. 387.
- ²⁰ См.: Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697—1875 гг.— С. 93.
- ²¹ Там же.— С. 155, 158.
- ²² Рыжков А. Н. Из истории открытия, исследования и освоения Сахалина и Курильских островов // Сахалинская область (Сборник статей).— Южно-Сахалинск, 1960.— С. 70.
- ²³ Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1945).— М., 1927.— С. 52.
- ²⁴ См.: Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860—1895).— М., 1956.— С. 144, 150.
- ²⁵ Письмо Струве от 7(19) июля 1874 г.— АВПР.— Ф. Гл. арх.— 1—9, 1874—1882.— № 16.— Л. 22—23.
- ²⁶ История дипломатии.— М., 1959.— Т. 1.— С. 805.
- ²⁷ Письмо Н. Муравьева к А. М. Горчакову от 29 (17) октября 1859 г. АВПР.— Гл. арх.— 1—9, 1858—1859.— № 3.— Л. 36. Цит. по: Нарочницкий А. Л. Колониальная политика.— С. 146.
- ²⁸ Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами.— СПб., 1889.— Т. 1.— С. 393. Цит. по: Русская тихоокеанская эпопея...— С. 578.
- ²⁹ Нарочницкий А. Л. и др. Международные отношения на Дальнем Востоке.— Кн. 1.— С. 136.
- ³⁰ Нихон гайко бунсё (Документы внешней политики Японии) приложения. Токио: Изд-во МИД Японии, 1960.— Т. 8.— С. 294. Цит. по: Русская тихоокеанская эпопея...— С. 580.
- ³¹ Сборник договоров России с другими государствами (1856—1917).— М., 1952.— С. 338.
- ³² См.: Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Международный процесс главных японских военных преступников.— М., 1950.— С. 260.
- ³³ Василевский А. М. Дело всей жизни.— М., 1974.— С. 503.
- ³⁴ История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945—1977.— Хабаровск, 1978.— С. 14, 15.
- ³⁵ См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.— Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.) // Сборник документов.— М., 1979.— Т. IV.— С. 273.
- ³⁶ Сборник действующих договоров, конвенций и соглашений СССР с иностранными государствами.— М., 1955.— Вып. XI.— С. 105, 106.
- ³⁷ Documents on American Foreign Relations.— Vol. VIII.— July 1.— 1945; December 31.— 1946 / Ed. by R. Dennet and R. Turner.— Boston, 1948.— P. 267.
- ³⁸ Асахи симбун.— 1946.— 12 февраля.
- ³⁹ Такано Ю. Нихон-но рёдо (Территория Японии).— Токио, 1962.— С. 279—280, 287.
- ⁴⁰ Documents Concerning the Allied Occupation and Control of Japan.— Tokyo, 1949.— Vol. 2.— P. 24.
- ⁴¹ Ведомости Верховного Совета СССР.— 1946.— 8 февраля.
- ⁴² История войны на Тихом океане / Пер. с яп.— М., 1958.— Т. V.— С. 339.
- ⁴³ U. S. Department of State, Foreign Relations of the United States, The Far East (VI), 1947.— Washington, 1972.— P. 537.
- ⁴⁴ John J. Stephan. The Kuril Islands.— P. 217, 218.
- ⁴⁵ New York Times.— April 1.— 1951.
- ⁴⁶ The Department of State Bulletin.— Vol. 24, № 610.— March 12.— 1951.
- ⁴⁷ Правда.— 1951.— 23 мая.
- ⁴⁸ См.: История международных отношений на Дальнем Востоке...— С. 144—145.
- ⁴⁹ История внешней политики СССР (1945—1976). М., 1977.— Т. II.— С. 228.
- ⁵⁰ См.: Кутаков Л. Н. Внешняя политика и дипломатия Японии.— М., 1964.— С. 289—295.
- ⁵¹ Тью корон.— 1956.— Октябрь.— С. 68.
- ⁵² Цит. по: История международных отношений на Дальнем Востоке...— С. 236—237.
- ⁵³ Правда.— 1956.— 20 октября.
- ⁵⁴ См.: Внешняя политика СССР.— М., 1968.— С. 93.
- ⁵⁵ См.: Вербницкий С. И. Японо-американский военно-политический союз.— М., 1972.— С. 178.
- ⁵⁶ Правда.— 1973.— 11 октября.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ См.: Огонек.— 1988.— № 51.

О понятии «национальная революция»

ХЭ ЦИНЬ (КНР)

В прошлом году на факультете истории КПК Народного университета Китая состоялась дискуссия о характере китайской революции 1924—1927 гг., проходившая на основе тезисов доклада одного из ведущих историков КПК, декана факультета профессора Хэ Циня.

В своем вступительном слове он высказал мнение, что устоявшееся в китайской историографии деление истории китайской революции на этапы «первой гражданской революционной войны», «второй гражданской революционной войны», «аграрной революции» в настоящее время представляется неправомерным.

Большинство участников дискуссии высказалось за определение характера революции 1924—1927 гг. как «национальной» в том смысле, который вкладывала в это понятие КПК в 20-х гг. При этом указывалось на ошибочность представлений о том, что революцией руководил пролетариат.

Принявшая участие в дискуссии автор этих строк отметила, что в советской историографии хронологические рамки революции принято ограничивать июнем 1925—июлем 1927 г., то есть от начала антиимпериалистического «движения 30 мая» 1925 г. до разрыва Гоминьданом единого фронта и перехода контрреволюции к террору. Было сказано также о состоянии исследования характера китайской революции в советской историографии и подчеркнуто, что в последние годы возобладала точка зрения на характер революции как «национальной».

Поскольку вопрос о характере китайской революции 1925—1927 гг. неизменно привлекает внимание историков, думается, что публикуемые ниже тезисы доклада профессора Хэ Циня, опубликованные в журнале «Цзяосюэ юй яньцзю», вызовут интерес у советских китаеведов.

А. И. КАРТУНОВА,
доктор исторических наук

В литературе по истории КПК и китайской революции исторический отрезок времени с 1924 по 1927 г. обычно называется «Первой Великой революцией», «Первой гражданской революционной войной», «Северным походом в период сотрудничества Гоминьдана и коммунистической партии» и т. д. В изданных в последнее время книгах по истории китайской революции этот период именуется также: «Национальная революция» или «Сотрудничество между Гоминьданом и коммунистической партией и Северный поход».

Какая из указанных формулировок наиболее приемлема с точки зрения изучения истории китайской революции? Этот вопрос можно исследовать и обсудить. В данной статье не ставится задача дать сравнительное описание различных формулировок. Я бы хотел лишь на основе некоторых изученных мною материалов дать предварительный анализ истоков и содержания понятия «национальная революция», которой бы послужил подспорьем для дальнейшего изучения этой темы.

* Хэ Цинь. «Гоминь гэмин» си // Цзяосюэ юй яньцзю.— Пекин, 1988.— № 5. С. 64—66.

Термин «национальная революция» давно использовал Сунь Ятсен. В 1925 г. в своем завещании он отмечал: «Сорок лет жизни отдал я национальной революции». Сунь Ятсен считал, что начиная с китайско-французской войны 1885 г. он «проникся решимостью свергнуть династию Цин и основать республику». То есть его последующее участие в движении против династии Цин и политической борьбе означало участие в национальной революции. Что касается содержания термина «национальная революция», то в 1906 г. в Манифесте военного правительства Сунь Ятсен разъяснял его так: «Так называемая национальная революция означает, что люди страны проникнуты духом свободы, равенства, всеобщей любви и несут ответственность за дело революции».

Политическая программа национальной революции, изложенная в упомянутом манифесте, включала изгнание маньчжуров, возрождение Китая, основание республики, уравнение прав на землю — в общем, осуществление трех народных принципов.

В 1912 г. Сунь Ятсен указал, что Синьхайская революция представляет собой «национальную революцию и направлена на то, чтобы принести счастье большинству нации».

Вообще говоря, в этот период национальная революция в трактовке Сунь Ятсена, по существу, представляла собой революцию, носившую буржуазный характер и имевшую прогрессивное значение. Однако содержание революции было неясным, нечеткими являлись и ее цели. Нация означала для него «людей одной страны», а цель революции ограничивалась «свержением Цинского двора». Поэтому после свержения в ходе Синьхайской революции самодержавного правления династии Цин Сунь Ятсен полагал, что принципы национализма и народоправия уже проведены в жизнь и осталось разрешить лишь вопрос о благосостоянии народа.

16 апреля 1912 г. Сунь Ятсен говорил в одной из своих речей: «Три народных принципа являются единственной политической программой Объединенного союза и включают в себя: принцип национализма, принцип народоправия и принцип народного благоденствия. Ныне маньчжурское правительство ушло в прошлое, учрежден республиканский строй, две программные установки — принципы национализма и народоправия — выполнены. Отныне нам нужно безотлагательно осуществить принцип народного благоденствия».

В Уставе Объединенного союза Китая также было записано, что его целью является «укрепление Китайской Республики и осуществление принципа народного благоденствия». Впоследствии Объединенный союз был преобразован в Национальную партию, затем в Революционную партию Китая, в Национальную партию Китая, однако в ее программах больше уже не упоминалась национальная революция. Хотя Сунь Ятсен и вел упорную борьбу против Юань Шикая, в защиту конституции и т. д., в своих выступлениях он не затрагивал вопроса о национальной революции.

Вновь выдвинули лозунг национальной революции, дали ему четкое толкование и вдохнули в него живительные силы деятели Коммунистической партии Китая. В соответствующих документах I и II съездов КПК не использовался термин «национальная революция». В сентябре 1922 г. Чэнь Дусю в статье «О строительстве государства» отметил необходимость «с помощью национальной революции покончить с гнетом со стороны сил внутри страны и из-за рубежа» и указал, что национальную революцию должны осуществить совместно два класса — пролетариат и буржуазия. В июне 1922 г. в подготовленном Чэнь Дусю «Заявлении КПК о современном положении» были выдвинуты политические установки, направленные на то, чтобы «пригласить» членов Гоминьдана и других революционных демократов, а также представителей революционных и социалистических организаций на объединенную конференцию и совместно создать объединенный демократический фронт». Использование Чэнь Дусю понятия «национальная революция» имело свою подоплеку и было обдуманно. В то время Компартия Китая не только выработала четкую политическую программу демократической революции, но и вынашивала план установления сотрудничества с Гоминьданом. II съезд КПК одобрил специальную резолюцию «Об объединенном демократическом фронте». В августе ЦК партии созвал в районе озера Сиху специальное совещание, на котором было принято решение о вступлении коммунистов в Гоминьдан с тем, чтобы участвовать на практике лозунг национальной революции, выдвинутый на базе принципов сотрудничества обеих партий.

Почему же лозунг демократической революции был заменен лозунгом национальной революции? Чэнь Дусю дал этому такое объяснение: «Лозунг демократической

революции был выдвинут еще до издания нашего еженедельника... Он неизбежно подразумевает чисто буржуазную революцию, а в условиях колониального и полуколониального хозяйства революция по типу европейской XVIII столетия абсолютно невозможна. Поэтому в опубликованной во втором номере нашего еженедельника статье «О строительстве государства» лозунг демократической революции был заменен лозунгом национальной революции. Этот лозунг в последнее время не только используется Гоминьданом, является популярным лозунгом во всей стране, но и отвечает потребностям революции, объединяющей различные классы колоний и полуколоний» («О революционной политике нашего еженедельника «Сяндао» за три года»). Впоследствии в ряде работ Чэнь Дусю продолжил разъяснение термина «национальная революция». По его мнению, существовало три типа революций: буржуазно-демократические революции против феодализма, пролетарские социалистические революции против буржуазии и национальные революции в колониях и полуколониях. «Национальные революции,— писал он,— имеют двоякий смысл: что касается внутривнутриполитических задач, то они являются демократическими революциями, а что касается внешнеполитических задач, то они являются национальными революциями». Чэнь Дусю рассматривал национальные революции в качестве национально-демократических революций в колониях и полуколониях и отличал их от чисто буржуазных демократических революций и пролетарских социалистических революций. Это было правильным и соответствовало историческому развитию. Однако Чэнь Дусю преувеличивал место и роль буржуазии в национальной революции, недооценивал значение гегемонии пролетариата, аграрно-крестьянский вопрос и в качестве перспективы революции видел победу буржуазии и т. д., что было ошибочным.

В 1923 г. III съезд Компартии Китая сконцентрировал усилия на решении вопроса о сотрудничестве с Гоминьданом, и с тех пор лозунг национальной революции получил довольно широкое распространение. В принятых III съездом резолюциях и Манифесте говорилось, что первым шагом для Китая является проведение национальной революции. «По своему характеру эта революция является буржуазной и направлена против империализма, милитаризма и патриархального общества», — отмечалось в документах съезда. В них также указывалось, что китайский пролетариат должен был всеми силами участвовать в национальной революции, способствовать ее развитию, «будить крестьянство, объединяться с ним, подгонять пока еще пассивную буржуазию с тем, чтобы довести революцию до конца». В сентябре 1924 г. ЦК КПК в своем третьем заявлении о современном положении отметил: «Ныне единственный путь для спасения Китая состоит в том, чтобы народ организовался и поднялся на борьбу под знаменем национальной революции во имя свержения чжилийской клики милитаристов, уничтожения вооруженных сил всех милитаристов и в особенности во имя полного уничтожения всех особых прав и позиций, захваченных в Китае иностранным империализмом». На протяжении некоторого периода после III съезда партия уделяла первостепенное внимание развитию сотрудничества между КПК и Гоминьданом и рассматривала разрыв в стране национально-революционного движения в качестве «основного содержания всей своей текущей работы».

При помощи КПК Гоминьдан провел реорганизацию, взял на вооружение лозунг национальной революции и включил его в свою политическую программу. В Манифесте, принятом в январе 1924 г. на I съезде Гоминьдана, было записано: «Что касается современного положения в Китае, то самым настоятельным является проведение национальной революции». В Манифесте были заново изложены три народных принципа, которые стали называться тремя новыми народными принципами, в основе которых находились три политические установки. В Манифесте указывалось: «Постепенное проведение национальной революции должно происходить в соответствии с ее принципами». Там же подчеркивалось: «Национальная революция сможет одержать победу лишь при участии всех рабочих и крестьян». Впоследствии в «Манифесте о походе на Север» и в «Манифесте о поезде на Север» Сунь Ятсен многократно изложил цели национальной революции и уточнил, что национальная революция имеет антимилитаристский и антимпериалистический характер. Таким образом, национальная революция стала не только политической основой и боевой целью сотрудничества между Гоминьданом и КПК, но и знаменем для всего народа. В июле 1925 г. в Гуанчжоу было организовано Национальное правительство. В августе того же года находившиеся под началом этого правительства вооруженные силы были объединены и реорганизованы в Национально-

революционную армию. В июле 1926 г. эта армия официально выступила в Северный поход. Как видно, революция 1924—1927 гг. проходила под лозунгом национальной революции.

В этот период в ряде документов Компартии Китая и статьях руководителей партии Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и других широко использовались понятия о национальной революции, давался анализ места и роли различных классов в национальной революции, разъяснялись некоторые относящиеся к ней основные вопросы, указывалось, что «пролетариат должен принять участие в национальной революции и готовиться к завоеванию роли вождя революции», что «крестьянский вопрос является центральным вопросом национальной революции», что «национальная революция является частью мировой революции», что цель такой революции — «строительство государства революционных масс».

Эти и другие правильные выводы заложили первичные основы идеи о ново-демократической революции в Китае.

Хотя в Компартии Китая имелись и неправильные представления по вопросу о характере национальной революции, правоуклонистские взгляды, главным носителем которых был Чэнь Дусю, приведшие к правоуклонистским капитулянтским ошибкам, однако, вообще говоря, Компартия Китая рассматривала национальную революцию как буржуазно-демократическую по своему характеру, революцию против империализма и феодализма, которую сообща вели различные революционные классы полуколониального и полуфеодального общества. Партия активно участвовала в этой борьбе, и это было правильно.

Следует отметить, что национальная революция была продуктом определенных исторических условий и по мере изменения этих условий ее содержание, характер и внутренний смысл были неодинаковыми. Как говорилось выше, до и после реорганизации Гоминьдана ее содержание было различным. После того как Чан Кайши и Ван Цзинвэй предали революцию, сущность Гоминьдана изменилась. Что касается периода 1924—1927 гг., то в партии Гоминьдан существовали различные платформы с неодинаковыми взглядами и представлениями. С началом реорганизации Гоминьдана в нем появились люди, выступавшие против сотрудничества с компартией и против проведения национальной революции. После кончины Сунь Ятсена правые гоминьдановцы изо всех сил пытались извратить и насильственно изменить антиимпериалистический и антифеодальный характер национальной революции, они выступали против трех политических установок, против классовой борьбы, занимались каким-то чисто гоминьдановским движением, создали идеологию, в центре которой находились так называемые три чистых народных принципа, они изо всех сил агитировали за «введение диктатуры».

Цель правых гоминьдановцев заключалась в том, чтобы увести национальную революцию на скользкий путь диктатуры буржуазии, который вел к поражению революции. Классическим представителем идеологии правых гоминьдановцев был Дай Цитао.

В апреле и июле 1927 г. Чан Кайши и группировка Ван Цзинвэя открыто изменили трем политическим установкам и в сговоре с империализмом развязали кровавые репрессии против рабоче-крестьянских масс и революционного народа и установили диктатуру крупных помещиков и крупной буржуазии. Таким образом, переживавшее с 1924 г. расцвет национально-революционное движение было загублено и прекращено антинародной кликой Гоминьдана. И хотя первые гоминьдановцы продолжали рекламировать лозунг национальной революции, он утратил первоначальное революционное содержание и представлял собой лишь вывеску, использовавшуюся для обмана народа и прикрытия своей контрреволюционной сущности. 31 июля 1927 г. Сун Цинлин и другие левые гоминьдановцы, а также члены компартии опубликовали заявление, в котором разоблачались контрреволюционные действия Чан Кайши и Ван Цзинвэя, «выступавших под маской революционеров». В заявлении указывалось: «Так называемые штаб-квартиры Гоминьдана и правительства в Ухане и Нанкине стали орудием новых милитаристов, они извращают три народных принципа, отбросили три политических установки, стали предателями дела Сунь Ятсена, дела национальной революции». С тех пор Компартия Китая также отказалась от лозунга национальной революции.

На основании приведенных выше данных и их анализа можно сделать следующие выводы:

1. Наименование исторического отрезка времени с 1924 по июль 1927 г. как «Национальная революция» или «Национальная революция в период сотрудничества Гоминьдана с Коммунистической партией Китая» соответствует исторической действительности. Понятие «национальная революция» довольно хорошо отражает реальную обстановку этого исторического этапа.

2. Термин «национальная революция» сравнительно выпукло отражает особенности периода сотрудничества Гоминьдана с Компартией Китая. После Синьхайской революции этот лозунг был, по существу, снят. Лишь после того, как этот лозунг был использован КПК, которая вложила в него новое содержание, он опять стал «использоваться» Гоминьданом и стал боевой целью обеих партий, а также лозунгом всей страны. Поэтому лозунг национальной революции является продуктом сотрудничества Гоминьдана и КПК, его не следует рассматривать в качестве установки лишь одной партии — Гоминьдана.

3. Национальная революция по своему внутреннему содержанию является видоизмененным названием всего процесса буржуазно-демократической революции в полуколониальном и полуфеодальном Китае, а не названием лишь одного его этапа.

Однако вследствие предательства Чан Кайши и группировки Ван Цзинвэя Национальная революция периода сотрудничества Гоминьдана и КПК не смогла выполнить свою историческую миссию и остановилась в начале пути.

После этого Гоминьдан и Чан Кайши встали на путь контрреволюции, и решение задач буржуазно-демократической революции в Китае история возложила на китайский пролетариат и его политическую партию — Коммунистическую партию Китая, под руководством которой буржуазно-демократическая революция вступила в новый этап, главным содержанием которого являлась аграрная революция.

Таким образом, национальная революция, будучи революцией, отражавшей особенности определенного исторического периода, стала составной частью, определенным историческим этапом новодемократической революции под руководством пролетариата.

Перевод с китайского языка К. В. ШЕВЕЛЕВА

*М. В. СОФРОНОВ,
доктор филологических наук*

Одна из наиболее известных и длительных общественных кампаний в Китае первой четверти нынешнего века — движение за национальный язык, которое знаменовало рост национального сознания китайского народа, глубокие перемены в жизни китайского общества. Реформаторы конца XIX — начала XX в. считали, что наряду с модернизацией экономики важным средством на пути к построению сильного современного Китая является модернизация культуры, приобретение его современных черт, способности влиться в общий поток мировой культуры. Прежде всего они имели в виду реформу языка и письменности как эффективного средства распространения культуры и просвещения по всей стране.

Реформа языка и письменности преследовала также и политическую цель: Китай из государства, говорящего на многочисленных диалектах, должен был превратиться в страну, где все пользуются единым стандартным языком и единой современной письменностью. Единому языку отводилась важная роль в национальной интеграции страны. Пути лингвистической интеграции непосредственно зависят от стратегического плана национальной интеграции. Унитарной стратегии соответствует принцип единства национального языка (гоюй тунъи), федеральной стратегии — принцип единства письменного и разговорного языка (яньюй тунъи). Судьба китайской иероглифической письменности во многом зависела от того, какой из этих двух принципов будет положен в основу реформы. Если принцип единства национального языка, тогда китайская письменность должна сохраниться в своей традиционной или слегка упрощенной форме. Если принцип единства письменного и разговорного языка, то китайская иероглифическая письменность может быть упразднена полностью или превращена в одно из нескольких средств письма, которые в этом случае могут сосуществовать в Китае. Именно в то время были обсуждены основные идеи и заложены основы современной стратегии в области реформы китайской письменности.

Движение за национальный язык было важной частью революционно-демократического движения «4 мая». «Литературная революция» и «революция письменности» в значительной мере и выражали, и формировали ту революционную атмосферу, те политические движения, которые привели к революционным событиям 1919 г.

Истоки движения за национальный язык

Практическая подготовка к реформе китайского языка и письменности началась на рубеже нынешнего века. Наиболее заметными деятелями этого движения были Ван Чжао, создавший проект реформы на основе «единства национального языка», и Лао Найсюань, сторонник «единства разговорного и письменного языка». Одновременно проблемы реформы языка и письменности обсуждались в среде китайцев, обучавшихся в Европе. Существенное влияние на ход и результаты этого обсуждения оказали идеи анархизма. Основные предложения по проблемам реформы китайского языка и письменности были сделаны его представителем У Цзинхэном в статьях, опубликованных в журнале «Синь шнцзи» («Новый век») — органе китайских анархистов¹.

У Цзинхэн получил классическое образование, но по своему умунастроению был поклон-

ником западной культуры, естественных наук и был настроен весьма непримиримо к китайской традиционной культуре, традиционному обществу. Его политический радикализм проявился и во взглядах на китайский язык и письменность. У Цзинхэн рассматривал их с позиций политической утопии европейского анархизма, однако источники его взглядов на будущее общество не были чисто европейскими. Социальная утопия была органической частью политического учения китайский реформаторов конца XIX — начала XX в. Ее последовательное изложение содержится в «Книге Великого Единения» Кан Ювэя. Элементы утопии были не чужды также и политической доктрине Сунь Ятсена².

Существо предложений У Цзинхэна состояло в том, чтобы заменить китайский язык международным языком эсперанто и, соответственно, заменить китайскую иероглифическую письменность алфавитной. Аргументация У Цзинхэна основывалась на особенностях лингвистической ситуации в Китае и на объективных трудностях формирования единого национального языка в тех условиях. Аргументация за отказ от иероглифического письма основывалась на хорошо известных его недостатках: трудность усвоения, малая эффективность, плохая совместимость с современными средствами передачи и обработки письменной информации. Поэтому У Цзинхэн не сомневался в том, что «рано или поздно китайская письменность будет ликвидирована».

У Цзинхэн ясно сознавал все трудности реформы китайского языка и письменности. Они были настолько велики, а анархическое будущее человечества казалось ему столь близким, что саму реформу он считал напрасной тратой сил. Он полагал, что время, отпущенное историей на реформу языка и письменности, лучше всего использовать на изучение эсперанто. По истечении этого времени эсперанто уже станет языком всех остальных народов, и китайцы вольются в единую семью народов всего мира.

Китайская революционная интеллигенция начала века не поддержала предложений У Цзинхэна, но отнеслась к ним вполне серьезно. В своих возражениях У Цзинхэну Чжан Тайянь высказал мысль, которая в дальнейшем была подхвачена другими деятелями движения: сохранить китайский язык и китайскую письменность, но в дополнение к ней создать алфавит для указания чтений иероглифов, иностранных собственных имен и географических названий³. Хорошо знакомый ему опыт японского смешанного письма, где алфавит используется вместе с иероглифами, свидетельствовал о практической пригодности такой системы. Все это означало, что интеллигенция, которая непосредственно вела подготовку к синьхайской революции 1911 г., придерживалась концепции единого национального языка с иероглифами в качестве средства письма. Отсюда этот взгляд перешел в политическое учение Сунь Ятсена.

Вскоре после победы синьхайской революции идея реформы китайского языка стала претворяться в жизнь. По предложению Цай Юаньпэя, первого министра просвещения Китайской Республики, в 1913 г. была созвана конференция ученых-филологов и деятелей просвещения, которая разработала проект алфавита *чжушнь цзыму* на национальной графике и создала с его помощью единое «национальное чтение» иероглифов. На конференции состоялась оживленная дискуссия, в которой верх одержали сторонники принципа единства национального языка⁴.

В начале 1916 г. Цай Юаньпэй был приглашен на пост ректора Пекинского университета. Он получил возможность начать общественное движение за реформу. Взгляды Цай Юаньпэя на китайский язык и письменность сложились под влиянием интересов руководителя просвещения в Китае, прежде всего имевшего в виду предмет преподавания в школе. Он был твердо убежден, что национальный язык должен основываться на разговорном языке своего времени, следовательно, он считал обязательным отказ от письменного языка *вэньянь* и переход к *байхуа* во всех областях общественной жизни. Включить в программу школьного обучения современные предметы можно было лишь ценой сокращения времени, отведенного для изучения словесности. Простой язык *байхуа* давал возможность высвободить время для этого. Практический вывод, который он делал отсюда, состоял в том, чтобы вместо национальной словесности (говэнь) преподавать в школе национальный язык (гоуй)⁵.

Вскоре после прибытия в Пекин Цай Юаньпэй призвал отказаться от *вэньяня* в школе, преподавать словесность на *байхуа* и издать учебники по остальным предметам

на национальном языке (гоюй). Этот призыв был встречен резкой критикой приверженцев традиции. Обмен письмами между Цай Юаньпэем и писателем-переводчиком Линь Циньнанем, резко обвинявшим его в предательстве культурного наследия своей родины, был прелюдией нового подъема движения за национальный язык, непосредственно связанного уже с революционно-демократическим движением 4 мая 1919 г.

В качестве общественной организации, которая должна была возглавить нарождающееся общественное движение, при министерстве просвещения было создано «Общество изучения национального языка», во главе которого встал Цай Юаньпэй. Однако более жизнеспособным оказался «Подготовительный комитет единства национального языка», созданный в апреле 1919 г. при министерстве просвещения бэйянского правительства. Председателем Подготовительного комитета был Чжан Илин, управляющим делами — Цянь Сюаньтун, который занимался делами комитета без отрыва от своих обязанностей в Пекинском университете и в редакции журнала «Синь циннянь» («Новая молодежь»). В 20—30-х годах этот комитет проводил все мероприятия по языковому строительству в Китае⁶.

Идея движения за национальный язык

Относительно практических путей формирования китайского языка и реформы иероглифической письменности разгорелась дискуссия, в которой приняли участие ученые-филологи, литераторы, деятели просвещения. Общей целью дискуссии был подъем уровня культуры и образования китайского народа, однако каждая из сторон предлагала свои пути ее решения и свои приоритеты в определении очередности промежуточных задач.

Первые предложения по реформе китайского языка были сделаны Ху Ши и Чэнь Дусю: отказаться от старого письменного языка вэньянь и создавать современную китайскую литературу на языке байхуа, который близок к разговорному языку Северного Китая⁷. Устной формой байхуа они считали современный *гуаньхуа* — язык чиновников — широко распространенное средство междиалектного общения, основанное на пекинском диалекте. Эти два языка — письменный байхуа и устный гуаньхуа — составляли устную и письменную форму национального языка гоюй. Такой путь формирования национального языка предполагал сохранение большинства признаков китайской традиционной культуры: иероглифическую письменность, трудности с заимствованием иностранных слов китайским языком, недостаточные связи современной китайской и мировой культуры.

Однако такой подход не был единственным. Некоторые связывали будущее Китая с широким заимствованием западной культуры, ее терминологии. Цянь Сюаньтун поддержал предложение У Цзинхэна об использовании международного языка эсперанто в качестве китайского национального языка.

Для того, чтобы лучше понять смысл предложений У Цзинхэна и Цянь Сюаньтуна относительно эсперанто, следует иметь в виду, что в сознании китайской интеллигенции того времени, получившей традиционное образование, иероглифическая письменность была прочно связана с письменным языком вэньянь: образованные люди XIX в. никогда не писали на том языке, на котором говорили. Поэтому отказ от иероглифической письменности для них одновременно означал отказ от вэньяня как письменного языка. Маловероятно, чтобы кто-нибудь из авторов таких предложений имел в виду отказ от китайского разговорного языка. Призыв к отказу от иероглифической письменности и переходу к алфавитной ассоциировался в их сознании с необходимостью принять также и язык, на котором можно было бы писать алфавитным письмом. У Цзинхэн и Цянь Сюаньтун считали, что этим языком должен быть эсперанто, и доказывали, что международная терминология должна войти в китайский язык не в национальной форме какого-либо европейского языка, а в интернациональной форме эсперанто.

Взгляды Цянь Сюаньтуна на проблемы китайского языка и письменности, которых он придерживался в разгар дискуссии об эсперанто, изложены в статье «Проблемы нынешней и будущей письменности Китая», опубликованной в журнале «Синь циннянь» в форме ответного письма Чэнь Дусю. «Если мы хотим, чтобы Китай не

пропал, — писал он, — если мы хотим, чтобы китайский народ стал цивилизованным народом XX века, то радикальный путь осуществления этих желаний — отказ от учения Конфуция и уничтожение даосской религии, однако уничтожение китайской иероглифической письменности, которой записаны конфуцианские доктрины и лукавые речи даосов, составляет основу радикального решения этой проблемы. После того, как китайская письменность будет уничтожена, вопрос о ее замене не может быть решен единолично одним человеком. Мое личное мнение состоит в том, что искусственный язык эсперанто с его простой грамматикой, четким произношением, чистой морфологией должен стать тем языком, который его заменит».

Ответ Чэнь Дусю на это предложение сводился к тому, что ликвидации китайской письменности, видимо, не удастся избежать. Однако он призвал четко различать письменность и язык. Он выступал за ликвидацию китайской иероглифической письменности, которую при этом наградили несколькими неслышными эпитетами, но за сохранение китайского национального языка. Перспективу он видел в том, что китайское письмо будет ликвидировано, но китайский язык сохранится и для него будет создано алфавитное письмо на латинской основе. Новые термины будут заимствованы в их исходной форме, переводные термины уйдут из употребления, а все слова в этом языке будут исключительно словами современного языка».

Реплика Ху Ши на ответ Чэнь Дусю полностью характеризовала его отношение к идее Цянь Сюаньтуна. Ху Ши одобрил предложение Чэнь Дусю относительно ликвидации иероглифического письма и создание алфавита для китайского языка. «Однако, — напомнил он, — во всех делах требуется соблюдать естественную последовательность. Я считаю, что в будущем Китае будет алфавитное письмо. Однако в эньяне слишком много омонимов, поэтому мы никак не сможем сейчас перейти от иероглифов к алфавиту. Сначала мы должны заменить эньянь на байхуа и только потом иероглифическую письменность, которой пользуется байхуа, заменить алфавитной. Что же касается графики будущего китайского алфавита, будет ли она латинской или какой-нибудь другой, я как профан в области языкознания ничего сказать не могу»⁸.

В конце 1918 г. в дискуссию вновь вступил У Цзинхэн. В статье «Чем помочь китайской письменности?» он изложил свой взгляд на проблему использования эсперанто. Он высказал уверенность в том, что переход к языку эсперанто со временем окажется необходимым, однако в настоящее время нет никаких надежд на то, чтобы этот шаг осуществить. Поэтому в практическом плане он полностью принял критику, которой подвергли его проект лидеры движения. При этом он по-прежнему сохранял уверенность в том, что в будущем эсперанто станет языком всего Китая, но это будет другое время и сам язык эсперанто будет уже другим. «Нынешний эсперанто — вовсе не то, что заменит национальные языки в эпоху Великого Единения, а всего лишь его эмбрион».

У Цзинхэн считал обязательным иметь в Китае иностранный язык с официальным статусом. Задача Китая, писал он, догнать Запад в области техники. Технический прогресс на Западе несетя вперед со скоростью автомобиля. «Наши государственные деятели, которые решили посылать студентов за границу, создать алфавитное письмо, писать на байхуа, хотя догнать его на велосипеде или на судне с керосиновым двигателем. Для того чтобы настичь техническую мысль Запада, нужно устранить языковой барьер, а для этого следует принять в качестве второго государственного языка один из мощных языков Европы. В этом случае погоня за автомобилем будет вестись на автомобиле». «Этим языком может быть французский, который в прошлом обладал статусом международного языка. Английский и немецкий языки следует преподавать в высшей и средней школе, а эсперанто как дополнительный предмет — в начальной, средней и высшей школе»⁹.

Таким образом, проблема эсперанто переросла в проблему второго официального языка. Сам У Цзинхэн предпочитал французский. Цянь Сюаньтун вспоминает о беседах с Лу Синем, который говорил ему, что таким языком лучше всего мог бы стать немецкий¹⁰.

Иначе говоря, окончательное предложение радикалов о национальном языке состояло в том, чтобы в качестве официального ввести в Китае один из европейских языков. Кстати сказать, этот путь решения лингвистической проблемы в многоязычных и многонациональных развивающихся странах используется и в настоящее время.

Дискуссия об использовании международного языка эсперанто завершилась к концу 1918 г. Далее основные участники дискуссии к этой проблеме уже не возвращались. Стало ясно, что создать национальный язык в Китае можно лишь из того лингвистического материала, который «имеется в наличии».

Лингвистическая ситуация в Китае предлагала в распоряжение создателей национального языка весьма богатый материал: множество диалектов, несколько литературных традиций. Увидеть единство в этом бесконечном многообразии было весьма непросто. Опора на принцип единства письменного и разговорного языка требуемого единства не обеспечивал; точное следование этому принципу неизбежно привело бы к тому, что национальный язык оказался бы в положении первого среди равных диалектов со своей письменностью и литературой. В эпоху политических междоусобиц и борьбы региональных групп милитаристов такая концепция национального языка не выглядела патриотичной.

Принцип единства национального языка обеспечивал требуемый уровень лингвистической интеграции, однако не все соглашались открыто жертвовать принципом единства письменного и разговорного языка. Путь примирения этих двух принципов, который предложил Ху Ши, состоял в следующем. Теоретически любой диалект китайского языка может рассматриваться как потенциальный национальный язык, однако при этом он должен обладать двумя важными свойствами: быть самым распространенным среди всех современных диалектов и располагать самой развитой литературной традицией. Естественно, что этими свойствами в наибольшей мере обладала группа диалектов гуаньхуа: на диалектах этой группы говорит большинство населения Китая, на литературном языке байхуа, основанном на этих диалектах, уже давно сформировалась сильная литературная традиция. Поэтому диалекты группы гуаньхуа он предлагал рассматривать в качестве национального языка (гоюй).

За пределами национального языка оставалось довольно много диалектов весьма влиятельных в культурном и экономическом отношении районов Юго-Восточного Китая, поэтому Ху Ши предложил модель быстро эволюционирующих диалектов. Развитие лингвистической ситуации в Китае он представлял как неуклонное расширение области диалектов гуаньхуа и постепенное сокращение ареала остальных диалектов. Он считал лингвистическое единство Китая почти достигнутым, а диалект Юго-Восточного Китая — досадным анахронизмом, который должен исчезнуть в ближайшем будущем. Следует отметить, что при построении строго централизованной системы средств устного и письменного общения в Китае он не забывал и об альтернативном принципе единства письменного и разговорного языков. Выступая за национальный язык на основе диалектов группы гуаньхуа, Ху Ши признавал ценность остальных диалектов, правда как источников, питающих национальный язык гоюй. Он признавал также полезность литератур на диалектах, которые могут появиться после полного утверждения литературы на национальном языке. В них он видел хранилище средств выражения и жизненных сил литературы на языке гоюй¹¹.

Ученые-филологи, ориентированные на принцип единства национального языка, уже не упоминали о сложных отношениях между национальным языком и диалектами, а прямо говорили о необходимости создания единого национального языка, который должен встать над диалектами. «У нас нет ни малейшей возможности направить бесчисленные диалекты китайского языка на путь слияния в некий национальный язык, — писал профессор Лю Фу. — Единственное, что мы можем и должны создать, — это наддиалектный язык, возвышающийся над местными разновидностями китайского языка. Только так я понимаю национальный язык и только при таком понимании любое его обсуждение будет иметь под собой реальную почву»¹².

Эта концепция, целиком основывающаяся на принципе единого национального языка, завоевала широкое признание еще и потому, что она более всего соответствовала давней традиции литературного языка байхуа и традиции использования гуаньхуа на основе пекинского диалекта. В глазах сторонников традиции национальный язык выступал как преемник байхуа в письменной форме и гуаньхуа в устной. Многие из них находились в министерстве просвещения — в учреждении, которому нужно было проводить в жизнь мудреные проекты пекинских профессоров. В той ситуации, которая сложилась в начале 20-х годов, министерство просвещения могло реально ввести в подведомственных ему школах преподавание единого национального чтения китайских иероглифов, поскольку это вполне согласовывалось

со школьной традицией запоминать школьные литературные чтения иероглифов, которые могли весьма существенно отличаться от чтений, принятых в диалектах.

Министерство просвещения и вместе с ним многие лингвисты справедливо считали, что человеческих сил недостаточно, чтобы изменить что-либо в сложившейся лингвистической ситуации в Китае. Национальный язык для них — это социальный диалект, на котором будут говорить грамотные и образованные люди. В будущем, когда Китай станет страной всеобщей грамотности, все население страны будет владеть национальным языком. Однако при этом диалекты могут сохраняться.

При всей непримиримости отношения участников движения за национальный язык к вэньяню между ними существовало полное согласие относительно того, что сам вэньянь и огромная литература на этом языке останутся в китайской культуре как предмет изучения ученых-филологов подобно тому, как в Европе изучаются языки и литература Древней Греции и Рима¹³.

Профессор педагогического института в Пекине Ли Цзиньси уже в самом конце движения «4 мая» предпринял оригинальную попытку решить проблему национального языка, опираясь на оба принципа реформы. Проект Ли Цзиньси предусматривал не одно средство общения, а их систему: национальный язык на основе пекинского диалекта с иероглифическим письмом и локальные средства общения — региональные литературные диалекты с алфавитным письмом. В начальной школе предусматривалось обучение региональному литературному языку и алфавитному письму. Средняя и высшая школа давали знания национального языка и иероглифической письменности. Цель такой двухступенчатой системы состояла в том, чтобы быстро продвинуть вперед дело народного образования и в короткие исторические сроки сделать Китай страной всеобщей грамотности¹⁴.

Развитие идеи национального языка не совпадает с хронологическими рамками движения «4 мая». В трудах Лу Синя, и Цюй Цюбо начала 30-х годов национальный язык, созданный в эпоху движения «4 мая», был подвергнут резкой критике за то, что он по-прежнему был далек от реального разговорного языка. Китайские писатели 20-х годов, получившие традиционное образование, наводняли его словами и выражениями письменного языка вэньяня. Лу Синь, Цюй Цюбо и их единомышленники из «Левой лиги» призвали к созданию нового литературного «языка масс», отвечающего принципу единства письменного и разговорного языка¹⁵. Лу Синь и Цюй Цюбо не возражали против единого национального языка, но считали при этом, что он должен обладать статусом первого среди равных.

Для «языка масс» требовалась простая письменность, с помощью которой можно было бы ликвидировать неграмотность и открыть народным массам доступ к культуре. Однако алфавитное письмо, с помощью которого грамотность легко могла стать достоянием народа, приводила к проблеме культурного обособления диалектов, за которым ревнители национального единства видели опасность и политическую. Сторонники «языка масс» решительно ставили всеобщую грамотность выше единства литературного языка. Они считали, что период существования локальных разновидностей литературного языка не будет длительным, за ним последует объединение местных литературных языков в общий литературный язык всей страны¹⁶.

Лу Синь и Цюй Цюбо понимали важность и значение общекитайской литературы. Однако современный байхуа их не удовлетворял из-за того, что живой язык в нем не был представлен в нужном объеме. Они не считали, что на этот раз можно обойтись реформой байхуа, а призывали к новой литературной революции, целью которой должен стать переход к новому литературному языку, базирующемуся на разговорном языке своего времени. В основу нового языка они предлагали положить разговорный язык *путунхуа* (общепопятный язык), который используется в областях активных лингвистических контактов представителей разных диалектов. Среди нескольких разновидностей путунхуа, которые в то время существовали в Китае, главной они считали его северокитайскую разновидность, т. е. гуаньхуа. В языках путунхуа Лу Синя и Цюй Цюбо привлекала их смешанность; они видели в них прообраз будущего общекитайского литературного языка, который не будет похож ни на один из современных диалектов. Поэтому использовать гуаньхуа в качестве литературного языка можно было, по их мнению, лишь после его насыщения элементами разных диалектов. Для своей полной и последовательной реализации проект «языка масс»

предполагал такую глубокую перемену в жизни китайского общества, как ликвидация китайского иероглифического письма и переход к алфавитному.

Планы реформы письменности

Рассмотренные выше два принципа формирования национального языка определили и различное отношение к языковому строительству в целом. Принцип единства национального языка предполагает один язык для всей страны. Естественно, что при таком решении проблемы для национального языка может быть сохранена иероглифическая письменность, которая легко сочетается со стандартизованным языком. Принцип единства разговорного и письменного языка допускает несколько языков для одной страны. Эти языки могут находиться друг с другом в разных отношениях: иерархии и равноправия. Естественно, что в первом случае иероглифическая письменность может быть сохранена только для одного из них, как это предусматривалось проектом Ли Цзиньси, а остальные должны располагать алфавитными письменностями. Поэтому принцип единства письменного и разговорного языка требует алфавитного письма для основных диалектов китайского языка.

Зависимость между принципом формирования национального языка и его письменностью была хорошо известна деятелям движения за национальный язык. Потому их взгляды на письменность для национального языка проделали весьма примечательную эволюцию. Дискуссия об эсперанто, какой бы странной она ни казалась, способствовала расширению круга обсуждавшихся проблем. В сущности, вся реформа письменности целиком вылилась из дискуссии об эсперанто. В дискуссии о байхуа проблемы письменности не поднимались¹⁷. Лингвистическая сторона предложений Цянь Сюаньтуна становилась все более и более скромной, а предложения по реформе письменности — все более и более реалистичными. Основная идея реформы китайского письма была сформулирована им в ответе Тао Мэнхэ. «Письменность, — писал он, — это знак, а чем знак проще, чем он унифицированнее, тем легче им пользоваться»¹⁸. Основная мысль У Цзинхэна по поводу китайского письма сводилась к тому, что оно должно сохраниться в Китае надолго в текстах культуры, но для того, чтобы сделать его более эффективным средством повседневного письменного общения, оно нуждается во вспомогательном алфавите. За пределами текстов культуры, иероглифическое письмо должно взаимодействовать с алфавитным. Пропорции того и другого вида письма могут быть различными в зависимости от содержания текста. Памятники истории и культуры Китая должны издаваться в своем исходном виде без алфавитного письма *чжунь цзыму*. Тексты древней истории и культуры, изучаемые в учебных заведениях, должны быть снабжены фонетическими комментариями с помощью *чжунь цзыму*. Во всех популярных изданиях и в учебниках начальной школы иероглифы должны иметь чтение, указанное сбоку с помощью *чжунь цзыму*. Частная корреспонденция может быть написана целиком алфавитом *чжунь цзыму*¹⁹.

Молодые участники движения за национальный язык были настроены более решительно. В 1919 г. Фу Сынянь решительно доказывал не только возможность, но и неизбежность коренной реформы китайского письма. Революция китайской письменности была провозглашена в 1922 г. Статья Цянь Сюаньтуна «Революция письменности», опубликованная в первом номере журнала «Гоюй юэкань» («Национальный язык»), была выдержана в том же эмоциональном стиле, что и «Литературная революция» Чэнь Дусю. От прежних публикаций по проблемам китайского письма она отличалась своим строго реалистическим подходом к проблемам реформы письма.

В статье Цянь Сюаньтуна видное место занимало доказательство возможности и исторической неизбежности реформы китайской письменности. Здесь его главная идея состояла в следующем: реформа является не прихотью деятелей движения за национальный язык, а естественным результатом эволюции китайской письменности. Цянь Сюаньтун доказывал, что китайская иероглифическая письменность шла в своем развитии по общему для всех письменностей мира пути от простейших пиктограмм к знакам фонетической категории. Однако знаки фонетической категории так и не стали алфавитными — в этом состоит главная особенность эволюции китайской письменности, которую сам Цянь Сюаньтун воспринимал как ее трагедию. Если

бы где-то на рубеже нашей эры эволюция сделала еще один шаг, в Китае появилось бы алфавитное письмо. Однако этот шаг так и не был сделан. В настоящее время, считал этот автор, сложились условия для следующего шага в эволюции китайской письменности, которого она ждет уже много столетий. Этот следующий шаг — коренная реформа китайского иероглифического письма и переход к алфавитному.

Переход к алфавитному письму требует подготовительных работ, которые Цянь Сюаньтун изложил в виде специальной программы, состоящей из десяти пунктов. Выполнение их означало бы, что в эволюции китайского письма настанет новая эпоха — эпоха алфавитного письма. Он надеялся, что через десять лет, в 1932 г., дети, пришедшие в школу, уже не будут изучать китайские иероглифы. В течение подготовительного периода он предлагал пользоваться упрощенной иероглифической письменностью: упрощенными и так называемыми «белыми знаками»*, пользоваться смешанным письмом, где наряду с иероглифами можно использовать также латинский алфавит и алфавит чжуинь цзыму. Он предложил также смело заимствовать слова из иностранных языков и писать их в иероглифических текстах в их исходной графической форме, без стеснения использовать алфавит чжуинь цзыму автономно наряду с иероглифической письменностью²⁰. Программа, которую выдвинул Цянь Сюаньтун, не осуществлена и по сей день. Мероприятия переходного характера являются предметом постоянного спора между сторонниками и противниками упрощения письменности до настоящего времени²¹.

В «Революции письменности» Цянь Сюаньтун затронул важную проблему, касающуюся характера письменности, которая должна прийти на смену китайским иероглифам. Ее принципиальное отличие от чжуинь цзыму он видел в том, что оно должно быть не вспомогательным средством к иероглифам, а самостоятельным письмом, призванным заменить иероглифы.

В 1923 г. Подготовительный комитет единства национального языка сформировал исследовательскую комиссию из 11 человек для разработки алфавита национального языка на латинской графической основе. Однако по многим причинам комиссия оказалась нежизнеспособной. Тогда на следующий год в Пекине был сформирован общественный комитет, куда входили Чжао Юаньжэнь, Цянь Сюаньтун, Линь Юйтан, Ли Цзиньси и др., который взял на себя выполнение этой миссии. Он носил шуточное название «комитет нескольких». В 1926 г. работа над алфавитом была завершена, а в 1928 г. он был с большими трудностями опубликован Большим учебным юанем (так называлось в то время министерство просвещения) как «второй вариант национального алфавита».

Алфавит, разработанный «комитетом нескольких», получил название романизованного алфавита китайского языка. Он был предназначен для того, чтобы писать на национальном языке, орфоэпической нормой которого был признан пекинский городской диалект. Его наиболее примечательной особенностью является строчное обозначение тона с помощью дополнительных букв или видоизменения исходных. Этот алфавит обеспечивал максимально возможную индивидуализацию графического облика слова. Его недостатком были слишком сложные правила орфографии, поэтому он мало использовался в Китае, но нашел широкое применение в преподавании китайского языка иностранцам.

К концу 20-х годов «движение за национальный язык» твердо встало на позицию единства национального языка, которая предусматривала создание единого государственного национального языка гокуй, орфоэпической нормой которого был пекинский диалект. В рамках этой концепции был создан алфавит на латинской графике и проведена кратковременная кампания практического использования его как средства ликвидации неграмотности в провинции Хубэй. Этот опыт был прерван японским вторжением в Северный Китай.

Принцип единства письменного и разговорного языка был реализован за пределами Китая. В 1928 г. в Москве Цюй Цюбо приступил к разработке латинского алфавита для китайского языка. Этот алфавит был непосредственно предназначен

* «Белые знаки» — простые знаки, которыми в скорописи заменяют сложные иероглифы, одинаковые по произношению.

для ликвидации неграмотности китайцев, проживавших в Советском Союзе, однако Цюй Цюбо имел в виду применить его и в Китае. В 1929 г. он опубликовал «Проект китайского алфавита на латинизированной основе», за которым последовала «Китайская латинизированная азбука». Эти первоначальные проекты стали основой работы специальной комиссии АН СССР, в которую входили академик В. М. Алексеев, А. А. Драгунов, А. Г. Шпринцин и др. Проект был утвержден Центральным комитетом нового алфавита и рекомендован для распространения среди китайцев, проживавших в СССР. В сентябре 1932 г. I конференция по латинизации китайской письменности приняла алфавит и правила орфографии. Этот алфавит получил название латинизированного.

Латинизированный алфавит последовательно проводил в жизнь идею единства письменного и разговорного языка: он был пригоден для любого диалекта китайского языка. Для того чтобы сделать алфавит максимально гибким и легко приспособляемым к разным диалектам, было решено не пользоваться специальными строчными знаками для обозначения тонов²². Опыт применения латинизированного письма для ликвидации неграмотности китайского населения советского Дальнего Востока на родном языке показал, что с его помощью проблема алфавитной грамотности может быть решена в короткий срок.

Разгоравшаяся антияпонская война положила конец долгой дискуссии о путях развития национального языка в Китае, начало которой совпадает с великим движением «4 мая» и которое долгое время питалось его революционными идеями.

¹ In: Defrencis J. Nationalism and language Reform in China.— Princeton, 1950.— P. 54, 84, 132—133; Софронов М. В. Китайский язык и китайское общество.— М., 1979.

² Стабурова Е. Ю. Утопии китайских анархистов. // Китайские социальные утопии.— М., 1987.— С. 208—209; Борох Л. Н. Традиционные утопии в восприятии Сунь Ятсена. // Там же.— С. 278, 290—300.

³ Чжан Бинлинь. Бо Чжунго юн ваньго синьйу шо=Опровержение идеи будто Китай воспользуется языком эсперанто.— Пекин, 1957.— С. 13—14.

⁴ См.: Проблемы Дальнего Востока.— 1984.— № 2.— С. 146—148.

⁵ Чжоу Тяньду. Цай Юаньпэй чжуань=Биография Цай Юаньпэя.— Пекин, 1984.— С. 130—131; In: Duiker W. J. Ts'ai Yuan-p'ei. Educator of Modern China.— Pennsylvania State University Press, 1977.— P. 61—64.

⁶ См.: Ли Цзиньси. Гоюй юньдун шиган=Очерк истории движения за национальный язык.— Шанхай, 1934.— С. 66—72.

⁷ In: Chou Min-chih. Hu Shih and intellectual Choice in Modern China.— Ann Arbor.— 1984.— P. 149—160.

⁸ Цао Шуцзин. Цянь Сюаньтуан няньгу=Летопись жизни Цянь Сюаньтуна.— Цзинань, 1986.— С. 32; Сянь циньянь.— 1918.— Т. 4.— № 4.— С. 354, 356, 357.

⁹ У Чжи хуэй. Буцзю чжунго вэньцзы чжи фанфа жохэ?=Чем помочь китайской письменности? // Вэньцзы лиши гуань юй гэмин лунь=История и революция китайского письма.— Бэйпин, 1931.— С. 265, 271.

¹⁰ Цао Шуцзин. Указ. соч.— С. 32.

¹¹ См.: Ху Ши вэньцунь=Собрание сочинений Ху Ши.— Пекин, 1925.— Т. 3.— С. 1, 153—154; Пекин, 1930.— Т. 4.— С. 1048—1049; Сянь циньянь.— 1918.— Т. 5.— № 3.— С. 301—302.

¹² Вэньцзы лиши...— С. 132—133.

¹³ Ху Ши вэньцунь.— Т. 3.— С. 323—324; Сянь циньянь.— 1918.— Т. 5.— № 3.— С. 303.

¹⁴ См.: Вэньцзы лиши...— С. 347—372.

¹⁵ Сюй Цюбо вэньцзи=Собрание сочинений Сюй Цюбо.— Пекин, 1954.— Т. 2.— С. 889.

¹⁶ Лу Сянь лунь Чжунго ювэнь гайгэ=Лу Сянь о реформе китайского языка и письменности.— Цзинань, 1950.— С. 27.

¹⁷ См.: Шпринцин А. Г. «Движение 4 мая» и китайский литературный язык.— Движение 4 мая.— М., 1972.— С. 313.

¹⁸ Сянь циньянь.— 1918.— Т. 4.— № 2.— С. 174.

¹⁹ См.: У Чжи хуэй. Указ. соч.— С. 250—253.

²⁰ Вэньцзы лиши...— С. 173—175.

²¹ См.: Проблемы Дальнего Востока.— 1981.— № 3.— С. 175—179.

²² Проблемы Китая.— 1930.— № 2.— С. 137.

Трудные дороги китаеведения

*В. Н. НИКИФОРОВ,
доктор исторических наук*

За 70 с лишним лет своего существования в поле зрения советской науки постоянно присутствовала многовековая история великой соседней страны — Китая. Интерес к этой стране подогревался происходившими там революционными событиями, борьбой китайского народа за независимость, против империализма, вызывавшими самое живое сочувствие и симпатии у советских людей. Для изучения Китая в СССР в разные периоды характерна неравномерность. Так, если бы мы разложили по годам все вышедшие за 70 лет книги и статьи по истории Китая, то получили бы следующую картину: три больших скопления китаеведческой литературы приходятся: первое — на вторую половину 20-х годов (период китайской революции 1925—1927 гг. и непосредственно после нее); второе — на 50-е годы (период победы китайской революции в 1949 г., десятилетие тесной дружбы между СССР и КНР) и, наконец, третье — на 70-е и не окончившиеся еще 80-е годы. Эти три периода в китаеведческой литературе знаменуют собой вехи прямой восходящей линии советского китаеведения.

Но в восходящее развитие вклинивается, прерывая и изгибая всю линию, сложный и противоречивый период 1929—1949 гг., состоящий из множества небольших подпериодов, по два-три года, каждый из которых приносил извне в изучение истории Китая различные негативные моменты.

В это двадцатилетие наука совершала зигзаги, отражавшие борьбу двух тенденций: нормального, подчиняющегося собственным внутренним закономерностям поступательного движения и постоянного отрицательного воздействия внешних волюнтаристских догматических сил, воплощенных в руководящем вмешательстве Сталина.

Первый подпериод, 1929—1931 гг., время «больших дискуссий», в общем содействовал лучшему усвоению историками марксистско-ленинской методологии, обратил их в сторону теоретических проблем. Вместе с тем в ходе дискуссий уже в то время прорывались начетничество, взаимные оскорбления и навешивание друг на друга политических ярлыков. Большие дискуссии, начатые по прямому указанию Сталина¹, так же внезапно были оборваны в 1931 г. после его письма в редакцию журнала «Пролетарская революция» (о недопустимости дискуссий по принципиальным вопросам). Между тем проблема общественных формаций на докапиталистическом Востоке осталась нерешенной, и жизнь заставила еще не раз возвращаться к ее обсуждению.

Совсем исключительным выглядит подпериод 1931—1933 гг. Для исторической науки то было печальное время, когда в момент напряжения всех сил страны на решение задач индустриализации, преодоления кризиса и голода, в деревне распространились ликвидаторские настроения в изучении прошлого, узкоутилитарный подход к общественным наукам. Некоторое время, в частности в области китаеведения, выходили только работы по современности, с сильным уклоном в экономику и текущую политику.

1934—1936 гг. — небольшой просвет среди полос непогоды. Историки смогли вернуться к работе по специальности. Постановление о преподавании истории в школе вновь дало исторической науке права гражданства. Но среди работ историков-китаеведов, ослабленных предыдущими потрясениями, преобладали в эти годы не исследования, а учебные пособия.

В 1937—1938 гг. по кадрам китаеведов, как и по многим другим категориям

советских кадров, прошла кровавая волна незаконных репрессий. Китаеведы, по роду своей работы связанные с заграничной проблематикой, участвовавшие в обсуждении острых теоретических вопросов, пострадали от репрессий, может быть, больше, чем другие отряды советской научной интеллигенции. По приблизительным подсчетам, из 60 человек, печатавших в предшествующие годы монографии и другие книги по истории Китая, около 40 стали жертвами репрессий. Позже, в 50-е годы, из них вернулись только единицы. Те ученые, которые не арестовывались в 30-х годах, также подвергались жестокой, оскорбительной критике (например, академик В. М. Алексеев).

В 1939—1940 гг. (включая и первую половину 1941 г.) мы наблюдаем небольшое просветление, короткий подпериод относительно спокойной, равномерной работы китаеведов (точнее, тех, кто остался). В 1941—1945 гг. — новое страшное испытание для всего советского народа — война с Германией. Для синологической науки необходимо учесть два дополнительных момента: союзница фашистской Германии, Япония, как известно, до 1945 г. формально не участвовала в войне, и поэтому, когда судьба Советского государства решалась на западе, дальневосточные проблемы как бы отодвинулись на второй план. Кроме того, война жестоко обошлась с Ленинградом, старейшим центром отечественного китаеведения, единственным местом, где после потерь 1937—1938 гг. оставался еще небольшой сплоченный отряд историков Китая, большинство их погибло во время блокады.

В результате перенесенных наукой потрясений к моменту победы китайской революции в 1949 г., когда как никогда потребовались кадры китаеведов, во всем Советском Союзе работы по истории Китая (считая книги и статьи) печатало не больше десятка человек.

На протяжении длительного, сложного, в целом неблагоприятного для советской историографии Китая периода 1929—1949 гг. изменились, по сравнению с предшествующими, центры, изучавшие китайскую историю: Владивосток перестал с конца 20-х годов играть роль одной из баз изучения истории Китая (Н. В. Кюннер переехал в Ленинград, К. А. Харнский не писал больше работ по Китаю). Изменились учреждения: вместо руководимой М. П. Павловичем Всесоюзной научной ассоциации востоковедения исследование истории Китая сосредоточилось в Научно-исследовательском институте по Китаю (создан в 1928 г., в 1932 г. вошел в состав Института мирового хозяйства и мировой политики), руководимом сначала М. Волиным (С. Беленького), потом (с 1930 г.) П. А. Мифом. Место «Нового Востока», центрального научного органа, печатавшего статьи по истории Китая, заняли периодические сборники «Проблемы Китая» (ответственный редактор первого номера — М. Волин, затем — П. А. Миф). Умер М. П. Павлович, перестали работать в области истории Китая А. Е. Ходоров, В. Д. Виленский-Сибиряков, появились новые имена. В 1930 г. был создан академический институт востоковедения в Ленинграде на базе Азиатского музея. Однако смерть в 1934 г. первого директора института, С. Ф. Ольденбурга², помешала институту в полной мере вернуть свою деятельность.

Высказывания Сталина по проблемам китайской революции относятся в большинстве к 1927 г., когда революция в Китае приняла неожиданный оборот и проблемы ее горячо обсуждались в Коминтерне, в рядах КПСС, среди китайских революционеров в Москве. Основным направлением мыслей Сталина было стремление доказать, что революция в Китае отнюдь не терпит поражения, напротив, находится в стадии перехода на высший этап, который Сталин сначала считал левоминьдановским, затем, когда левое крыло Гоминьдана перестало существовать как самостоятельный классовый лагерь, Сталин стал возлагать надежду на создание и победу Советов. Вначале он имел в виду городские Советы, затем, после поражения «Кантонской коммуны» (декабрь 1927 г.), его прежние представления о Советах были перенесены на партизанские базы в деревне. Таким образом, Сталин в течение года фактически несколько раз в корне менял свою точку зрения, причем никогда не оговаривался, что прежние его высказывания разошлись с жизнью. Нужно ли говорить, какую путаницу все это породило в советской китаеведческой литературе, особенно учитывая тогдашний догматический подход к каждой цитате Сталина.

Достаточно привести пример с так называемым «уханьским» (левоминьдановским) этапом китайской революции, начало которого чересчур поспешно от-
6 Пр-мы Дальнего Востока № 3

метил Сталин в 1927 г. Даже после того, как гоминьдановцы в Ухани отошли от революции, многие советские историки долго еще были вынуждены учитывать слова Сталина об «уханьском этапе» как якобы втором этапе китайской революции, которых-де обязательно должно быть три. Одни авторы искусственно ограничивали второй этап китайской революции тремя месяцами 1927 г., другие — еще более искусственно распространяли «уханьский этап» на все последующие стадии китайской революции либо просто, сказав о начале второго этапа в апреле 1927 г., умалчивали о его конце.

Так же обстояло дело с «советским этапом» китайской революции, под знаком которого писалась вся советская литература по Китаю вплоть до 1935 г., и только после VII конгресса Коминтерна в этом вопросе наступило некоторое отрезвление.

В первой половине 30-х годов о революционном движении в Китае был написан ряд работ как научно-очеркового, так и популярного характера. Публикация источников также сосредоточивалась в основном вокруг проблем текущей истории китайской революции. Много фактического материала содержалось в периодическом издании «Материалы по китайскому вопросу» (ответственный редактор М. Волин) — предшественнике «Проблем Китая».

Некоторым обобщением истории китайской революции явились лекции преподавателей Университета им. Сунь Ятсена (особенно были известны лекции К. Б. Радека). Университет, в котором учились китайские товарищи, сыграл в 1928—1927 гг. значительную роль в изучении Китая. В нем были собраны лучшие марксистские преподавательские силы. Некоторые сотрудники университета стали затем работать над изучением китайской истории в НИИ по Китаю и в других местах. В числе китайских эмигрантов, работавших только в области истории, были некоторые известные деятели компартии. Среди тех, кто участвовал в переводах, входил в редколлегии журналов, выступал в дискуссиях, словом, являлся органической частью советской науки, назовем (не упоминая официальных представителей КПК в Коминтерне) следующих: Ван Цзясян, Цюй Цюбо, Го Шаотан (Крымов), Чжу Ушань (Осипов).

Выдвижение в конце 20-х — начале 30-х годов на первый план таких тем, как характер китайского общества, в особенности на самых ранних исходных стадиях его развития, обращение к истории тайпинов и других крестьянских восстаний, было связано с желанием разобраться в глубинности аграрных отношений и общественного строя современного Китая, в особенности крестьянских выступлений.

Необходимость разобраться в причинах поражения в 1927 г. китайской революции и измены китайской буржуазии побудила с особым вниманием отнестись к изучению истории буржуазно-революционного движения в Китае. В 1928—1931 гг. развернулась дискуссия о классовых корнях суньятсенизма, в которой участвовали К. В. Антонов, А. Айзенштадт, Г. С. Кара-Мурза. В результате дискуссии был подтвержден революционный смысл учения Сунь Ятсена, в то же время были отклонены попытки выдать Сунь Ятсена чуть ли не за пролетарского революционера. Однако у большинства участников дискуссии обнаружилась тенденция к некоторому преуменьшению революционной роли Сунь Ятсена и его учения в истории Китая.

Буржуазно-революционному и буржуазно-реформаторскому движению в Китае конца XIX — начала XX в. были посвящены вышедшие в конце 20-х — середине 30-х годов работы В. Н. Кучумова: статьи о реформаторском движении конца XIX в., революции 1911 г. и, наконец, книга «Очерки по истории китайской революции», в которую вошли обе вышеназванные статьи³. Кучумов опровергал два распространенных до него мнения: о беспочвенности, узкоинтеллигентском характере реформаторского движения и противоположную точку зрения — о «крайнем радикализме» Кан Ювэя и его сторонников. В работе о революции 1911 г. Кучумов в отличие от статьи о Кан Ювэе использовал значительный фактический материал о революционном подъеме перед событиями 1911 г., о борьбе народных масс в 1911—1913 гг., он первым отыскал ростки рабочего движения в те годы.

После В. Н. Кучумова с работами по новой истории Китая выступил М. Д. Кокин, привлекая новые источники по истории революции 1911 г.: отчеты китайских таможен, отдельные номера китайских газет (полных комплектов автор не имел), сводки газеты «Россия», документы русских архивов. Работа Кокина по китай-

ской революции 1911 г. приближалась к возобладавшему с середины 30-х годов типу исторических трудов, характеризовавшихся наличием в них обширного фактического материала, конкретных подробностей. В трактовке революции 1911 г. Кокин, добавив большой фактический материал, не изменил ни в каких существенных моментах концепцию, выдвинутую Кучумовым⁴.

В области изучения международных отношений Китая нового и новейшего времени центр тяжести с русско-китайских отношений передвинулся в начале 30-х годов на политику западных империалистических стран в Китае. Здесь можно выделить книги и многочисленные статьи В. Я. Аварина, Г. Н. Войтинского, докторскую диссертацию А. Я. Канторовича (Н. Терентьева) — исследование, сохранившее определенное значение до нашего времени и анализировавшее политику США в Китае со второй половины XVIII в. до 1935 г.

Источниками для А. Я. Канторовича послужили публикации документов, пресса, периодика и огромная литература на западноевропейских языках. На основе неоспоримых фактов автор разоблачал миф о «миролюбивой» политике США в Китае, созданный буржуазной историографией. После работы А. Я. Канторовича стало ясно, что политика США в Китае с самого начала не только не отличалась миролюбием, но, напротив, была исключительно агрессивной. Вместе с тем широкие захватнические планы США оказывались нереальными из-за отсутствия у американского капитала достаточных сил в конкурентной борьбе. Это приводило к неоднократным провалам американской агрессии в Китае. А. Я. Канторович обстоятельно проследил, как возникла эта важная особенность политики США. С одной стороны, заинтересованность американского капитализма в Китае проявилась еще в те времена, когда китайская торговля была «столбовой дорогой первоначального накопления капитала в США», с другой стороны — до конца XIX в. наличие свободных земель на Западе США постоянно отвлекало капиталы для освоения этих земель. Отсюда «черты, которые характеризуют американскую политику: ...давление будущего над настоящим, забота о будущей экспансии, стремление удержать расширенным путь для этой последней»⁵. Анализируя американскую политику на Дальнем Востоке в начале XX в., автор показал острую конкурентную борьбу между США и Японией за превращение Китая в их колонию.

В 1928—1934 гг. историческая наука изучала преимущественно темы по истории Китая, которые непосредственно связаны были или с проблемами общей теории (сменой общественно-экономических формаций), или с текущими проблемами революционной борьбы китайского народа⁶. Систематическое изучение всей истории Китая еще отсутствовало. Положение начало меняться в 1934—1935 гг., когда стали сказываться первые благотворные последствия решения об исторической науке, восстановившие преподавание гражданской истории.

Появились работы П. А. Гриневича, Л. И. Думана и др. по феодальному периоду истории Китая, слабо разработавшемуся до середины 30-х годов; вышел в свет общий очерк истории Китая в Большой Советской Энциклопедии, написанный П. А. Гриневичем (с древнейших времен до 1910 г.) и В. Н. Кучумовым (1910—1935 гг.)⁷.

В середине 30-х годов активным историком Китая становится П. А. Гриневич, использовавший в своих работах литературу на китайском языке (как и Л. И. Думан, являвшийся учеником В. М. Алексеева).

Вообще в середине 30-х годов оживилась работа по изучению истории Китая в Ленинграде, где вступает в строй плеяда учеников академика В. М. Алексеева, поколение историков Китая советского времени, имевшее возможность соединить марксистскую методологию с лучшими чертами старой ленинградской школы — знанием литературного китайского языка, методикой работы над источниками.

Монография Думана была первым на русском языке обстоятельным исследованием по социально-экономической истории Китая периода феодализма⁸.

В работе молодого автора имелись некоторые недостатки: сухость изложения, наличие во вводной и заключительной главах ряда более широких выводов, чем позволяли материалы исследования (голословно звучал, например, вывод, что причиной завоевания Синьцзяна Китаем послужило обострение феодальных противоречий в самом Китае).

Говоря о Л. И. Думане, нельзя не отметить еще одну его заслугу перед наукой:

ученик В. М. Алексеева, активный общественный деятель в университете, затем в академии, Думан делал все возможное, чтобы отвести от Алексеева стрелы разгромной критики, стремился сохранить В. М. Алексеева для науки, что в итоге ему и удалось, несмотря на суровую обстановку 30-х годов.

Две статьи ленинградских авторов — А. С. Полякова и П. И. Осипова (Чжу Ушаня) — посвящены описанию китайских рукописей, найденных в 1933 г. вместе с согдийскими документами в Таджикистане, на горе Муг⁹.

Среди относительного многолетия середины 30-х годов выделяется очерк П. А. Мифа по истории Компартии Китая. Миф попытался продолжить изучение революционного движения¹⁰.

Положение в Китаеведении, как и вообще в общественных науках, начало изменяться в худшую сторону уже с конца 20-х годов и постепенно ухудшалось вплоть до 1937—1938 гг. Еще при жизни лидеры научного мира 20-х годов — Павлович, Ольденбург подвергались ожесточенной несправедливой критике, главным образом за «соглашательство», то есть за попытки использовать в науке наиболее квалифицированную часть ученых — так называемых «буржуазных».

Дискуссии в научной среде становились все более ожесточенными, культура дискуссий все больше падала, стороны постоянно обменивались оскорблениями. Обычным явлением становился разнос по указанию свыше той или иной книги, по какой-либо причине не понравившейся Сталину. Более того, добавились получившие значительное распространение в первой половине 30-х годов ликвидаторские настроения по отношению к исторической науке, появилось мнение, что изучать можно и нужно только современность.

Поэтому в нашей периодизации рубежом между послеоктябрьским периодом и временем начала постепенного упадка Китаеведения мы считаем 1929—1930 гг. Некоторые историки Китая (Л. И. Мадьяр) незаконно репрессировались, и до 1937 г., в то время как в 1937—1938 гг. сходит со сцены основная масса синологов, кто печатался по истории Китая, происходит насильственная смена поколений.

Из оставшихся в большинстве беспартийных Китаеведов в Ленинграде и в других местах почти все подвергались травле на собраниях и в печати. Такова была судьба и крупнейшего советского Китаеведа академика В. М. Алексеева.

Исследователи Китая в основном были тесно связаны с практической работой международного характера, что в годы незаконных репрессий делало их особо уязвимыми. Закрылись издания «Проблемы Китая», «Тихий океан», прекратил существование восточный факультет университета во Владивостоке, многие книги советских авторов были изъяты.

Национально-освободительная война Китая против японского империализма, развернувшаяся в 1937 г. и пользовавшаяся поддержкой Советского Союза, вновь подняла интерес советских людей к Китаю. Немногочисленные оставшиеся в живых и на свободе историки-Китаеведы должны были взяться прежде всего за чтение лекций и составление учебных пособий.

В Институте истории АН СССР и на историческом факультете Московского университета в 1939—1941 гг. работал Г. С. Кара-Мурза, в московском Институте востоковедения — Г. Н. Войтинский. Г. С. Кара-Мурза перешел от вопросов текущей политики и новейших проблем, которыми занимался в первой половине 30-х годов, к изучению преимущественно новой истории Китая. Г. Н. Войтинский изучал международные отношения Китая, новейшую историю. Историей Китая стал заниматься В. М. Штейн, до этого — известный специалист по текущей экономике Китая. Работая в Ленинграде в Институте востоковедения АН СССР, он исследовал древнюю и средневековую историю Китая. В Ленинградском университете новой и новейшей историей Китая занимался Г. В. Ефимов. Кроме лекционных курсов, перед войной был создан серьезный обобщающий труд справочного характера — сборник «Китай», подготовленный в Ленинграде академиком В. М. Алексеевым и его школой. Л. И. Думан и А. А. Петров совместно редактировали каждую статью сборника; третий ученик Алексеева, Ю. В. Бунаков, взял на себя всю техническую работу. Очерк истории, написанный в сборнике Л. И. Думаном и Г. В. Ефимовым, до середины 50-х годов сохранял значение основного пособия по китайской истории¹¹.

С конца 30-х годов наступил переход к систематическому изучению всех основных периодов истории Китая, который позволил сделать шаг вперед в решении задачи,

поставленной советскими историками еще в 20-х годах: преодолеть европоцентризм в изложении всемирной истории. Разделы истории Китая, пока, правда, небольшие, стали неотъемлемой частью школьных учебников по истории Древнего мира, нового времени, несколько позже — и учебников истории средних веков.

На древнюю историю Китая в предвоенные годы была распространена ставшая к этому времени господствующей в советской науке концепция В. В. Струве о рабовладельческом способе производства в странах Древнего Востока. Точка зрения о примерно синхронном переходе Китая и стран Средиземноморья от рабовладельческой формации к феодальной была принята в написанном Л. И. Думаном очерке истории Китая до эпохи империализма. В поисках конкретных путей этого перехода для Китая автор сосредоточил свое внимание на надельной системе III—VII вв. н. э. Этот период Думан считал переломным в развитии аграрных отношений, так как «надельная система способствовала прикреплению крестьян к земле, обеспечивая феодальную эксплуатацию крестьянства». С этого времени, полагал автор, феодальная форма производства в Китае становится господствующим. Концепция, согласно которой рабовладельческая формация в Китае заканчивалась первыми веками н. э., стала приводиться и в учебниках. Постепенное принятие этой концепции отдельными учеными (Н. И. Конрад) продолжалось после Великой Отечественной войны.

В 1939—1941 гг. наиболее успешно изучался период новой истории Китая. Значительным событием явился выход вузовского учебника новой истории колониальных и зависимых стран¹². Главы о Китае были написаны Г. С. Кара-Мурзой. Одновременно были отпечатаны стеклографическим способом лекции того же автора по новой истории Китая, представившие более обширный материал, чем его же главы в учебнике¹³.

Главные черты концепции истории Китая XIX — начала XX в. в общих чертах были заимствованы Г. С. Кара-Мурзой из лекционного курса, составленного в конце 20-х годов преподавателями Университета им. Сунь Ятсена. Но автор обогатил свои лекции многочисленным и ярким иллюстративным материалом, подчерпнутым преимущественно из европейских, а в некоторой мере также из китайских работ. Свойственные Г. С. Кара-Мурзе широта кругозора, ясность изложения, художественный дар содействовали тому, что его работы 1939—1941 гг. воспитывали интерес к истории Китая у многих людей. Принадлежащие его перу главы вузовского учебника 1940 г. были перепечатаны в послевоенном издании 1952 г. с незначительными изменениями (внесенными Г. Б. Эренбургом). Популярная работа Г. С. Кара-Мурзы о тайпинах, изданная в 1941 г., после войны переиздавалась дважды¹⁴.

В современной историографии даются разные оценки деятельности Г. С. Кара-Мурзы как историка: одна — целиком положительная¹⁰, другая — в общем уважительная, но обращающая несколько большее внимание на недостатки, которые отразили свое время и наложили отпечаток на творчество Г. С. Кара-Мурзы¹⁶.

В 1937—1941 гг. советские люди с напряженным вниманием следили за сводками с японско-китайского фронта, горячо желая китайскому народу победы над агрессором. Материалы о текущих событиях китайско-японской войны были собраны в книге А. Когана, однако они не были обработаны. Текст книги — сырой, с рядом неясностей и противоречий. Работа двух военных специалистов — Г. Михайлова и М. Степанова — писалась по свежим следам военных событий, еще не завершившихся чьей-либо победой, и, естественно, не могла претендовать на исторические обобщения.

Истории иностранной агрессии в Китае посвящались многочисленные статьи. Значительную научную ценность представляла хроника тихоокеанских событий, составленная японоведом А. Л. Гальпериным. Охватывая события 1776—1930 гг., хроника преимущественно уделяла внимание северо-западному углу Тихоокеанского бассейна. Они освещались автором несколькими параллельными столбцами, например: основные события в странах Тихого океана, англичане на Тихом океане, русские на Тихом океане, прочие европейцы на Тихом океане; все это давалось на фоне событий всемирно-исторического плана, излагавшихся в разделе «Основные события на Западе и в США». Хроника А. Л. Гальперина осталась в советской историографии международных отношений Китая и Тихого океана единственным в то время примером синхронистических таблиц¹⁷.

В 1939—1941 гг. историки, еще не вполне оправившиеся от психологического шока 1937—1938 гг., боялись браться за острые политические темы. Новейшая история Китая изучалась гораздо слабее, чем древняя, средняя и новая. Кроме очерка М. К. Пашковой о рабочем движении¹⁸, по этой тематике почти невозможно назвать в тот период какие-либо книги. Коллектив авторов, издавший в 1940 г. вузовский учебник новой истории колониальных и зависимых стран, затем приступил к написанию учебника новейшей истории, но начало Великой Отечественной войны не позволило завершить работу. Глава по истории Китая 1918—1924 гг. (автор Г. С. Кара-Мурза), в предварительном варианте опубликованная для обсуждения, была написана живо и ярко, но содержала определенные ошибки, в том числе фактические.

Слабость изучения новейшей истории выглядит резким контрастом при сравнении с 20-ми годами и первой половиной 30-х годов, когда в историографии Китая первостепенное значение придавалось именно новейшим проблемам.

Немногочисленность работ по новейшей истории восполнялась отчасти экономическими исследованиями, в которых содержались факты о периоде войны Китая с Японией¹⁹, отчасти — переводными работами западных журналов²⁰. Сведения о международном положении Китая можно было почерпнуть из общей литературы и сборников документов по истории международных отношений²¹.

Историографические статьи, написанные перед войной, посвящены были русским китаеведам прошлого — Иларрону Россохину и Н. Я. Бичурину²².

Нападение фашистской Германии, отразившееся на всех сторонах жизни советского народа, принесло невосполнимые потери китаеведению, и без того крайне ослабленному незаконными репрессиями 1937—1938 гг.

Многие начатые перед войной работы прекратились (некоторые, правда, лишь на время). Война с самого начала ударила по Ленинграду, крупнейшему центру востоковедения, где особенно хорошо было поставлено изучение текстов, истории культуры, проблем древней и средневековой истории. Группа молодых, только что вступивших в науку китаеведов, погибла в Ленинграде в период блокады. Среди них были ученик Алексеева, специалист по надписям на нинских костях Ю. В. Бунаков, исследователь истории китайской книги К. К. Флуг, исследователь истории киданей Л. Н. Рудов, автор труда о первом русском китансте Россохине В. П. Таранович.

Во второй половине 1941 г. не было напечатано ни одной книги или статьи по истории Китая. В 1942—1943 гг., когда советский народ переживал критический период войны с Германией, работы по истории Китая также отсутствовали. Продолжалось изучение международных отношений на Дальнем Востоке, однако непосредственно международным отношениям Китая в 1942—1943 гг. посвящена лишь одна статья Г. В. Ефимова о провокационной политике кайзеровской Германии, стремившейся в конце XIX в. столкнуться в Китае Россию с Англией и Японией²³. Политика германского империализма в Китае занимала и А. А. Трояновского, автора предисловия к изданному под его редакцией переводу книги известного японского дипломата начала XX в. К. Исии²⁴. Факты истории Китая нового и новейшего времени составили большую часть популярной брошюры А. А. Губера, разоблачавшей также дальневосточную политику германского империализма²⁵.

Естественно, усилия ученых-историков, как и всех советских людей, подчинялись в то время одной задаче — борьбе с германским фашизмом²⁶.

1944 год — довольно заметный внутренний рубеж относительного оживления в историографии Китая. Хотя до конца 40-х годов больших исследований или очерков по истории Китая по-прежнему не было, тем не менее с 1944 г. возобновляется работа по изучению истории Китая в форме статей, диссертаций, отдельных разделов книг. Советское китаеведение, правда очень еще неуверенно, начинало восстанавливать силы. Напечатаны были некоторые исследования, написанные до войны или законченные в самом начале войны.

Самая большая работа по новейшей истории Китая была за годы войны написана Г. С. Кара-Мурзой в Чите, в армии, где он служил в качестве китаиста. С группой помощников Г. С. Кара-Мурза подобрал преимущественно из прессы большой материал о положении марионеточного государства Маньчжоу-го. Работа была издана на правах рукописи в виде ряда выпусков, которые автор условно объединил темой «Новый порядок» в Маньчжурии²⁷. Работа имела как практически справочный, так и

теоретически обобщающий характер. Автор отметил широкое, хотя и однобокое развитие производительных сил в Маньчжурии и одновременно господство в Маньчжоу-го принудительного труда. Односторонний характер источников (пресса) привел к переоценке автором успехов японской политики в оккупированных районах Китая.

Итоги исследовательской работы за период с начала 30-х до середины 40-х годов представляются скромными, однако в то время (главным образом в годы предвоенного «возрождения» истории) были написаны лекционные курсы и изданы учебные пособия, продвинулось изучение международных отношений Китая. В предвоенные и послевоенные годы печатались исследовательские статьи по новой истории Китая, в меньшей степени — по древней и средневековой. Изучение же новейшей истории оказалось в глубоком прорыве. Трагический штрих — попытка в этот момент вернуться в науку одного из зачинателей советского китаеведения, соратника М. П. Павловича, А. Е. Ходорова. Отбыв срок заключения, Ходоров возвратился из Магадана в Москву, в 1945 г. работал преподавателем МГПИ, в 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию об экспансии империализма в Китае. Но он не пережил новую полосу репрессий: в 1949 г. был вновь арестован, что оказалось свыше сил даже такого, как он, закаленного жизнью бойца.

Между тем победа народной революции в Китае в 1949 г. во весь рост поставила перед советскими историками-китаеведами прежде всего проблемы именно новейшей истории. К сожалению, следует констатировать, что повальные репрессии 30-х годов, уничтожившие большинство квалифицированных кадров, а также война нанесли невосполнимые потери советскому китаеведению. Эти потери, приведшие к изучению Китая в состоянии упадка, призвано было восполнить новое поколение китаеведов, начавшее работать в 50-е годы.

¹ Основываюсь на своих беседах в 1964—1965 гг. с Сергеем Митрофановичем Дубровским в Институте истории АН СССР.

² См.: Сергей Федорович Ольденбург.— М., 1986.

³ Кучумов В. Н. Очерки по истории китайской революции.— М., 1934.

⁴ Кокин М. Д. Китай // Очерки по истории Востока в эпоху империализма.— М.— Л., 1934. (Главы по Китаю написаны при участии Сергиенко П. X.); его же. Революция 1911 г. в Китае // Пробуждение Азии.— Л., 1935.

⁵ Канторович А. Америка в борьбе за Китай.— М., 1935.— С. 31.

⁶ См., например: Миф П. А. Китайская коммунистическая партия в критические дни.— М.— Л., 1928; его же. Китайская революция.— М., 1932.

⁷ Китай. Исторический очерк // БСЭ.— 1936.— Т. 32.

⁸ Думан Л. И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в.— М.— Л., 1936.

⁹ См.: Согдийский сборник.— М., 1934; Записки Института востоковедения АН СССР.— Л., 1935.— Т. V.

¹⁰ Миф П. А. 15 лет героической борьбы. К 15-летию коммунистической партии Китая.— М., 1936.

¹¹ Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. // Сб. статей.— М.— Л., 1940.

¹² Новая история колониальных и зависимых стран.— М., 1940.— Т. 1.

¹³ Кара-Мурза Г. С. Очерки по новой истории Китая.— М., 1939.— Вып. 1—4.

¹⁴ Кара-Мурза Г. С. Тайпины. Великая крестьянская война и Тайпинское государство в Китае. 1850—1864.— М.,— 1941.— 2-е изд.— 1950.— 3-е изд.— 1957.

¹⁵ Тодер Ф. А., Юрьев М. Ф. Георгий Сергеевич Кара-Мурза // Народы Азии и Африки.— 1988.— № 3.

¹⁶ Никифоров В. Н. К оценке работ Г. С. Кара-Мурзы по истории Китая // Историография и источниковедение истории стран Азии.— Л., 1965.— В. 1.

¹⁷ Гальперин А. Хроника тихоокеанских событий 1776—1930 // Тихий океан.— 1935.— № 3, 4; 1936.— № 1—4; 1937.— № 1.

¹⁸ Пашкова М. Борьба за раскрепощение китайского народа. Очерки рабочего движения в Китае 1925—1939 гг.— М., 1939.

- ¹⁹ Ковалев Е. Ф. Аренда и арендные отношения в Китае. Очерк.— М., 1947; Масленников В. А. Китай. Политико-экономический очерк.— М., 1946.
- ²⁰ Элдридж Ф. Гнев в Бирме. Нецензурированные записки о генерале Стилуэлле и международных интригах на Дальнем Востоке.— М., 1947; Уайт Т., Джекоби Э. Гром из Китая.— М., 1948; Форман Г. В новом Китае.— М., 1948. Был опубликован также перевод источников: Стилуэлл Д. ж. Военные письма и дневники // Знамя.— 1948.— № 9.
- ²¹ История дипломатии.— М., 1941—1945.— Т. I—III; Внешняя политика СССР.— М., 1944—1947.— Т. I—IV; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны.— М., 1946—1947.— Т. I—III; Аварин В. Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия.— М., 1947.
- ²² Таранович В. П. Иларион Россохин и его труды по китаеведению // Советское востоковедение.— М., 1945.— Т. III; Симоновская Л. В. Бичурин как историк Китая // МГУ. Доклады и сообщения исторического факультета.— М., 1948.— Вып. VII; Тихонов Д. И. Русский китаевед первой половины XIX в. Иакинф Бичурин // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. История и филология стран Востока.— Л., 1954.— № 179.— Вып. 4.
- ²³ Ефимов Г. В. Первые шаги германского империализма в Китае // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия гуманитарных наук.— Саратов, 1943.— № 87.
- ²⁴ Кикудзиро Исии. Дипломатические комментарии.
- ²⁵ Губер А. А. Германский империализм на Дальнем Востоке.— М., 1942. Об авторе см.: Гневушева Е. И. Академик Александр Андреевич Губер.— М., 1987.
- ²⁶ О героическом труде советских востоковедов в период Великой Отечественной войны см. Оружием слова. Статьи и воспоминания советских востоковедов. 1941—1945.— М., 1985.
- ²⁷ Работа Г. С. Кара-Мурзы, погибшего в 1945 г. при освобождении Советской Армией китайской территории, является в настоящее время библиографической редкостью. Экземпляр, любезно переданный нам С. Н. Ростовским, состоял из 18 выпусков, изданных в Чите с июля по декабрь 1944 г. на правах рукописи. Общего для всего издания заглавия нет. На обложке каждого выпуска, кроме его названия и надписи «Лекции Кара-Мурзы Г. С.», имелся заголовок, которым объединялись вместе два-три выпуска.

СИС — СОЦИУМ, ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Обмен студентами

По сообщению Государственного комитета по делам просвещения КНР, в 1988 году в Китае обучалось свыше 2 тыс. иностранных студентов и стажеров из 110 стран, в том числе 300 студентов из СССР. Такое же количество Китай примет и в 1989 г., в том числе 320 советских студентов и стажеров. Одновременно из КНР в текущем году выедет около 3 тыс. студентов и стажеров на учебу в 70 стран, из них около 600 — в СССР.

Советско-китайское сотрудничество в области образования возобновилось в 1983 году. В 1985 г. начался обмен преподавателями. Сегодня, например, в вузах Китая ведут занятия 40 советских филологов.

В последнее время получает все большее распространение обучение китайских студентов за границей за свой счет. Если в 1983 г. на этих условиях обучалась всего лишь 1 тыс., то в 1987 г. — уже 16 тыс., а в 1988 г. — 30 тыс. студентов.

Советские окулисты в Китае

В 1988 г. в Пекине находилась делегация советских окулистов, которые передали китайским коллегам технику лечения близорукости, катаракты и глаукомы. Заместитель Генерального директора Московского межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза», профессор Л. Ф. Линник провел ряд сложных операций.

Вьетнамцы во Франции

*Л. А. АНОСОВА,
кандидат экономических наук*

В последние годы все большее внимание французский капитал уделяет своей бывшей колонии — Вьетнаму. Недавно в Париже создано предприятие, гарантирующее капиталовложения в страны Юго-Восточной Азии, в том числе в СРВ. Название предприятия «Софиназия», его глава — видный политический деятель, советник Жака Ширака — Франсуа Миссофф. Общая сумма государственных капиталовложений в это предприятие составляет пока около 50 млн. фр. Работают в этом направлении и известные французские фирмы, такие, например, как «Рон-Пуленк», «Пуллман» и др.

В пользу развития вьетнамско-французских отношений действуют и довольно устойчивые традиции, уходящие своими корнями во времена классического колониализма, когда Франция выступала в роли метрополии для многочисленных своих владений, включая Вьетнам. Вьетнамская иммиграция во Франции, во многом связанная с традициями сравнительно недавнего прошлого, играет сегодня все большую роль в осуществлении деловых франко-вьетнамских контактов. Автор публикуемого ниже материала впервые, как нам представляется, в нашей литературе обращается к этой весьма актуальной и интересной проблематике.

Вьетнамцы во Франции — один из крупных отрядов вьетнамских иммигрантов (их общее количество превышает миллион человек), расселившихся по государствам разных континентов, в том числе в США, Канаде, Австрии, ФРГ, Англии, на Филиппинах, в Швеции и других странах.

Изучение основных демографических, политических и социально-экономических характеристик проживающих ныне во Франции вьетнамских иммигрантов (около 150 тыс. человек), весьма важно для рассмотрения состояния и перспектив франко-вьетнамских отношений, для научного поиска специалистов по истории Вьетнама, многие проблемы которой еще ждут своих исследователей. Судьбы вьетнамских иммигрантов — это часть истории как покинутой ими родины, так и той страны, которая их приняла.

В настоящее время вьетнамская иммиграция становится объектом пристального внимания французских ученых, но пока еще не попадала в поле зрения советских специалистов. Данная статья — фактически первая попытка такого рода. Автор не претендует на всесторонний анализ жизни и деятельности вьетнамских иммигрантов за рубежом, а пытается лишь очертить основной круг вопросов, более глубокое изучение которых — дело будущего. Итак, прежде всего — краткий экскурс в историю.

Во второй половине XIX — начале XX в. эмигранты из Китая, Кореи, Японии, Индокитая и других стран Азиатского континента начали расселяться в Америке и Европе. Разорившиеся крестьяне, городская беднота, представители интеллигенции, особенно молодежь, в поисках лучшей доли, а также и по политическим убеждениям покидали родину. В потоках эмиграции того периода можно выделить два основных направления, определяемых связями между метрополиями и их колониальной периферией. Эмигранты из стран Дальнего Востока преимущественно направлялись в США, а из стран Индокитая, в том числе из Вьетнама, — во Францию, а потом уж и в другие государства. История вьетнамской эмиграции, отражая общность судеб азиатской эмиграции в целом, отличалась в то же время рядом специфических особенностей.

Главными причинами эмиграции вьетнамцев во Францию с середины XIX в. до победы Августовской революции 1945 г. были французская колонизация Вьетнама, двойная эксплуатация местного населения (феодалами и колонизаторами), зарождение деформированных капиталистических форм хозяйства, неуклонное понижение жизненного уровня народных масс. Следует при этом учитывать и сложную диалектику взаимодействия метрополии с колонией. С одной стороны, на одну шею, как утверждала народная мудрость, приходилось три петли: феодальная система, французские колонизаторы, зарождающийся капитализм. Но с другой стороны, вьетнамское общество приобщалось, хотя и преодолевая при этом невероятные, казалось бы, препятствия, к плодам общечеловеческого прогресса, к передовым идеям, унаследованным от Великой французской революции и провозглашавшим равенство и свободу личности.

Мыслящие вьетнамцы, стремясь к получению европейского образования, руководствовались в основном патриотическими чувствами. Они готовились поставить полученные за рубежом знания, образование на службу своей родине. Однако значительная часть студентов надолго оседала во Франции, приобретая статус иммигрантов.

Условия эмиграции и ее характер в значительной степени испытывали на себе влияние изменений в конкретно-исторической обстановке в стране и на международной арене. Так, в период первой мировой войны (1914—1918) одной из форм массовой эмиграции вьетнамцев во Францию стал организованный набор рабочих и мобилизация во французскую армию. Многие из завербованных предпочитали после войны остаться в метрополии, где, несмотря на ухудшение экономического положения, условия существования были все-таки более сносны, чем на родине. В период между двумя мировыми войнами возможности вьетнамской эмиграции в метрополию улучшались по мере быстрого расширения торгово-экономической деятельности Франции. Увеличился наем моряков-вьетнамцев для работы на судах, обслуживающих колониальные морские линии, а также рабочих для различных отраслей французской промышленности. Вырос и поток вьетнамской молодежи во Францию. Многие ее представители оставались там на постоянное место жительства, но не потеряли связи с родиной.

Волны вьетнамской эмиграции, согласно архивным материалам, резко отличаются по силе и величине в различные конкретно-исторические периоды. Так, в 1939—1940 гг. во Францию прибыло около 20 тыс. рабочих и 8 тыс. пехотинцев. Но в 1946—1950 гг. было депатрировано несколько тысяч человек. В итоге на начало 1951 г. во Франции осталось всего 3 тыс. рабочих из Вьетнама, получивших практически статус иммигрантов¹.

Управление вьетнамскими рабочими во Франции сначала было поручено специальной службе «Туземная рабочая сила» (МОИ) при министерстве труда, затем, в 1965 г., — «Дирекции индокитайских рабочих» (ДТИ) при министерстве колоний.

Вьетнамские рабочие находились, по существу, на казарменном положении. Создавались военизированные поселения, расположенные в основном на юге Франции (Фрежус, Марсель, Бордо, Бержерак). Передача рабочих в ведение министерства труда было чисто формальным актом. В действительности эти рабочие вели военизированный образ жизни в полном смысле этого слова, строго соблюдали правила поведения, принятые во французской армии того времени. Трудились вьетнамские эмигранты в основном на объектах военного значения — пороховых заводах, в строительных организациях, в авиации и боевых арсеналах.

Процесс взаимодействия метрополии и колониальной периферии, который нашел свое яркое выражение в жизнедеятельности вьетнамской эмиграции во Франции, привел в конце концов к зарождению в центре Европы политических движений, провозглашавших своей целью установление государственной независимости Вьетнама. То обстоятельство, что Коммунистическая партия Вьетнама формировалась впоследствии под влиянием новых политических течений, в основном на городской базе — представители высших слоев общества, офицерство, квалифицированные рабочие, интеллигенция, получившая образование и прошедшая первую школу политической борьбы во Франции, — имеет, таким образом, свое историческое объяснение.

Несмотря на то что ни один политический союз вьетнамцев во Франции не имел четко выраженной долгосрочной программы в борьбе за независимость Вьетнама, всех их сплачивала единая задача — освобождение родины от колониальной зависимости.

Яркие страницы биографии выдающегося деятеля вьетнамской революции Хо Ши Мина не случайно относятся ко времени его длительного пребывания во Франции.

Будущий вождь национально-освободительного движения в Индокитае товарищ Хо Ши Мин, 100-летие со дня рождения которого будет отмечаться в следующем году, проникся идеями Великой французской революции, здесь, в Европе, он ощутил вдохновляющее дыхание Великой Октябрьской социалистической революции, пришел к необходимости создания во Франции «Общества вьетнамских патриотов» с целью объединить проживающих там соотечественников-эмигрантов. Находясь во Франции, говорится в книге «50 лет деятельности Коммунистической партии Вьетнама», Нгуен Ай Куок (Хо Ши Мин. — Л. А.) обогащался революционным опытом, привлекая на сторону отстаивавшего независимость Вьетнама симпатии рабочих. В 1918 г. Хо Ши Мин вступает в ряды Французской социалистической партии, становится активным деятелем французского рабочего движения, принимает участие в создании французской коммунистической партии. В 1970 г. на XIX съезде ФКП было констатировано, что товарищ Хо Ши Мин выступил в роли одного из основателей ФКП, содействуя становлению ее четко выраженного антиколониального курса.

Политической активизации вьетнамских рабочих-иммигрантов способствовал целый комплекс различных факторов. Во-первых, началась консолидация на национальной основе с иммигрантами из интеллигенции, которая проводила немалую просветительскую работу с соотечественниками, разъясняла им политическую обстановку в стране, пропагандировала освободительные идеи.

Во-вторых, в трудной экономической и политической обстановке, которая сложилась во Франции в первые годы после окончания второй мировой войны, когда участились конфликты между местным населением и вьетнамцами, инициаторы антивьетнамских кампаний стремились ослабить растущую социальную напряженность в стране, возлагая на вьетнамских иммигрантов вину за рост безработицы. Предприниматели, соблазненные дешевизной вьетнамских рабочих рук, действительно нанимали вьетнамцев охотнее, чем французов. Против иммигрантов выступали и профсоюзы, чья деятельность направлялась правящими кругами страны, пытавшимися путем натравливания друг на друга трудящихся разных национальностей отвлечь их от борьбы за политические и экономические требования. Все это вело, и не могло не вести, к ухудшению экономического положения вьетнамцев во Франции: в первые годы после войны более половины официально зарегистрированных рабочих-вьетнамцев не имело работы, что немало способствовало вступлению многих из них в различные политические организации, в том числе и в ФКП.

Новая волна эмиграции началась в 1954 г. В мае 1953 г. с согласия США правительство Франции направило в Индокитай генерала Наварра для того, чтобы под угрозой уничтожения сил сопротивления добиться выхода из агрессивной войны против народно-освободительного движения на выгодных для себя условиях. Однако результаты зимне-весенней кампании 1953—1954 гг. сорвали так называемый план Наварра, способствовали восстановлению мира на Индокитайском полуострове, полному освобождению Северного Вьетнама и образованию Демократической Республики Вьетнам (ДРВ). Старому французскому колониализму был положен конец в этой части земного шара. Однако на смену ему выступили США, пытаясь установить во Вьетнаме свой контроль. США, опираясь на установленный при их поддержке на Юге Вьетнама марионеточный режим, повели решительное наступление на революционные силы страны. Развязанная Соединенными Штатами война против Северного Вьетнама явилась мощным стимулом роста национального самосознания вьетнамского народа. Агрессия Соединенных Штатов вызвала и новую волну вьетнамской эмиграции во Францию. Особенно усилилась эмиграция после принятия сайгонскими властями закона, позволявшего беспощадно расправляться с местным населением. Только с 1954 по 1959 г. на Юге Вьетнама было арестовано 466 тыс. коммунистов и патриотов, 68 тыс. человек — убито².

Одновременно продолжалась начатая в 1945 г. репатриация во Францию вьетнамцев французского происхождения.

Агрессия США во Вьетнаме вызвала, как известно, осуждение мировой общественности. Разделение вьетнамцев на два лагеря решениями Женевских соглашений 1954 г.³ привело и к размежеванию среди вьетнамских иммигрантов во Франции. Конфликты между антикоммунистами и коммунистами наиболее ярко проявились в университетских кругах, особенно в переломные моменты войны:

- наступление в праздник Тэт (1968);
- переговоры в Париже (1968—1972);
- наступление летом 1972 г.;

— освобождение Юга и взятие Сайгона 30 апреля 1975 г.

Вновь прибывшие во Францию вьетнамцы были вынуждены быстро определяться в политическом отношении. Это был период, когда любая форма проявления солидарности становилась политической акцией. Это значило, что «сначала надо выбрать политический лагерь и только затем — дружеские привязанности».

Статистические данные с 1962 по 1980 г., собранные министерством внутренних дел, отражают положение вьетнамцев во Франции до и после 30 апреля 1975 г. Для большого числа вьетнамцев значительность этого события определила резкое изменение жизненных планов и разрыв с родиной.

Цифры, касающиеся вьетнамских беженцев после 1975 г., включают некоторое число вьетнамцев, приехавших во Францию до 1975 г. и потребовавших статуса беженцев. Общее количество иммигрантов в 1975—1980 гг. состояло не только из беженцев, прибывших после 1975 г. Чувство ненависти к коммунистам, страх перед насильственным переворотом, организованным коммунистами, в значительной мере объясняли увеличение запросов на получение статуса беженцев вьетнамцами, уже проживавшими во Франции до 1975 г.

Это разделение на беженцев и небегенцев, отраженное статистикой, имеет свою логику. 1975 год отмечен резким и глубоким изменением во вьетнамском сообществе во Франции. Общественная жизнь, отношение к религии, межличностные связи, структура приема в организации должны были измениться («новый вьетнамец — новая общественная жизнь»). Антисоциалистические организации брали на вооружение лозунг: «Новая общественная жизнь с целью борьбы с коммунизмом». Но симпатизирующие коммунистам организации отстаивали противоположные идеи: «новая общественная жизнь, основанная на крепком единстве вьетнамцев во Франции благодаря победе и полному освобождению родины». Такое понимание новых исторических условий этими организациями ощущается и поныне.

Запросы на получение статуса беженцев для некоторых вьетнамских иммигрантов соответствуют требованию французского подданства и для иных национальных групп. Положение беженца и натурализовавшегося в юридическом плане показывает политическое отношение к своей родине и к стране пребывания.

В 1975 г. агрессия США во Вьетнаме завершилась провалом. В результате произошло воссоединение Севера и Юга, была создана Социалистическая Республика Вьетнам. В связи с этими революционными событиями во Францию устремился новый поток эмигрантов, бывших сторонников сайгонского режима, покинувших родину преимущественно по политическим убеждениям. Значительную часть эмигрантов составляли вьетнамцы так называемого второго поколения, то есть родившиеся во Франции. Примерная численность эмигрировавших составила, по неполным подсчетам приблизительно 50 тыс. человек. В итоге по данным, представленным в редакции журнала «Доан Кет» (май 1988 г.), количество вьетнамских иммигрантов во Франции к настоящему времени достигло более 150 тыс., часть из них — это эмигранты, приехавшие до 1975 г., другая — вьетнамцы, родившиеся во Франции, третья — эмигранты периода окончательного освобождения Южного Вьетнама. Последние до сих пор составляют одну из самых многочисленных частей вьетнамского сообщества во Франции. Что же представляют собой эти группы?

Первая группа состоит из добровольных эмигрантов, большинство которых поселилось во Франции еще до второй мировой войны. Здесь много бывших студентов, получивших образование и оставшихся навсегда за границей. Из их среды вышло немало лиц, добившихся высокого социального положения. Политический облик этой группы определялся поддержка борьбы вьетнамского народа за независимость родины.

Вторая группа, как уже сказано, покинула страну главным образом по политическим мотивам. Не надо, однако, исключать и других причин, в том числе экономических, семейных и пр. По профессиональному составу это были: студенты и учащиеся (43,7%), чиновники (управленцы) и лица свободных профессий, представители интеллигенции (врачи, журналисты, писатели) (3,8%), чернорабочие и квалифицированные рабочие-электрики и др.⁴ Члены этой группы отрицательно относятся к правительству СРВ, но число явных его противников постепенно уменьшается. Это, очевидно, связано с тем, что вьетнамское правительство начиная с 1987 г. облегчило процедуру въезда эмигрантов во Вьетнам для посещения родственников, отправления семейных обрядов и т. д. Налицо тенденция к изменению отношения к СРВ в лучшую сторону со стороны этой группы.

Представители третьей группы, по собственному признанию ее представителей, чувст-

вуют себя одновременно и французами и вьетнамцами. Их политические взгляды отличаются лояльностью. Характерным в этой группе, однако, является преимущественное тяготения к вьетнамской культуре, к своим этническим корням.

География расселения вьетнамцев во Франции имеет свою специфику. В отличие от представителей иных азиатских народов, например китайцев, живущих в эмиграции, как правило, тесными общинами, вьетнамцы, поселившиеся в Париже (а это половина всех вьетнамских иммигрантов во Франции), территориально разбросаны по всему городу. То же самое можно сказать о вьетнамцах, которые проживают в Лионе, Марселе и некоторых других городах.

Общественное мнение по-разному реагирует на присутствие во Франции вьетнамских иммигрантов, однако до сих пор для родившихся там вьетнамцев не устанавливается национальность. Они — лица без национальности. Специфические проблемы возникают с нелегальной эмиграцией, продолжающейся по сей день.

В Париже функционирует Ассоциация вьетнамцев во Франции. Издается пять журналов, из которых только «Доан Кет» — единственный, имеющий непосредственные связи с Вьетнамом, широко использующий его прессу и информацию различных правительственных учреждений. Журнал обращается к разнообразным актуальным проблемам политики, экономики, социологии. Тираж журнала составляет 4 тыс. экземпляров. Финансирование осуществляется за счет подписчиков, субсидий ассоциации и рекламы.

В последние два-три года во Франции организовано несколько вьетнамских фирм с общим денежным оборотом около 200 млн. фр. Это фирмы по изготовлению проектов предприятий, которые будут построены в СРВ, и фирмы, реализующие эти проекты. Так, например, фирма «Серепко» проектирует небольшие предприятия: нефтеперерабатывающий завод «Сайгон-петро» около города Хошимина, мощностью 40 тыс. т нефтепродуктов в год, вошел в строй 30 апреля 1988 г., стоимость проекта составила 4 млн. долл.; завод по производству 47 видов продовольственной продукции для экспорта в городе Хошимине, стоимость проекта составила 2 млн. долл*. СРВ будет выплачивать стоимость вложенного капитала экспортируемой продукцией через посредника — вьетнамское предприятие во Франции. Немногим больше года существует акционерное общество (фирма) «Параксим», созданное на средства вьетнамских иммигрантов, которое занимается международной торговлей. Значительное место в объеме торговых операций фирмы занимают посреднические операции во внешнеэкономической деятельности СРВ. Аналогичные фирмы создаются в Канаде, ФРГ, Японии.

Все шире развиваются непосредственные деловые связи между вьетнамскими иммигрантами во Франции и Вьетнамом.

Что касается экономической деятельности вьетнамских иммигрантов в стране проживания, то важная сфера приложения их сил — организация и содержание ресторанов. Держатели ресторанов — это в основном бывшие коммерсанты, эмигрировавшие во Францию с целью нажить капитал, старые рабочие и служащие, чьи сбережения позволяют вложить деньги в создание ресторана, бывшие политические деятели с Юга Вьетнама, бежавшие во Францию и желающие сохранить экономическую независимость, представители интеллигенции, не выдержавшие конкуренции в других областях. Выбор ресторанной деятельности как сферы приложения сил и капиталов объясняется тем, что капиталовложения в эту отрасль приносят высокую норму прибыли, а сама отрасль сравнительно более конкурентоспособна, позволяет избежать экономической конкуренции со стороны властей или конкуренции с французами. Кроме того, как утверждают сами вьетнамцы, рестораны — это единственный сектор, где сильна солидарность вьетнамских иммигрантов — держатели ресторанов охотно дают займы своим соотечественникам, не боясь конкуренции с их стороны.

Однако экономическая ситуация в этом секторе далеко не стабильна. Положение ухудшилось, особенно после массового наплыва беженцев в 1975 г. Экономический кризис во Франции, возросшая плотность вьетнамцев и китайцев в ресторанном предпринимательстве ведут к заметному сокращению численности вьетнамских ресторанов.

* Из беседы автора с руководством редакций журналов «Доан Кет» и «Судестация» (Париж, май 1988 г.).

Ресторанная деятельность иммигрантов из Вьетнама является основным занятием их не только в Париже, где они затронуты сильнейшей конкуренцией, но и в Марселе, Лионе и других городах. В Марселе содержателями ресторанов стали в основном бывшие моряки интернациональных линий или служащие порта, а также солдаты и студенты.

В Лионе в отличие от Марселя большинство владельцев ресторанов — выходцы с Севера Вьетнама. В Бордо, Гавре, Тулоне социальное происхождение вьетнамских предпринимателей то же, что и в Марселе. А в Ницце, Каннах и других городах вьетнамцы, ставшие владельцами ресторанов, прибыли туда из разных мест, привлеченные выгодной экономической конъюнктурой.

Основание, организация и работа вьетнамского ресторана отличаются от французского или какого-либо другого. Вьетнамский ресторан чаще всего семейный. Работа делится между членами семьи, и это в основном муж или жена, которые держат дело. Дети используются как прислуга в зале (запасная или постоянная). Подобный тип семейного ресторана, так же как и продуктовой лавки, не изменился с момента массового наплыва беженцев в 1975 г. Это не относится к китайцам, у которых рестораны более крупные и конкурентоспособные. В частности, персонал вьетнамского ресторана не превышает 5 человек, тогда как в китайских ресторанах количество служащих колеблется от 10 до 30. Эта разница более или менее объясняет неустойчивость вьетнамских ресторанов в условиях конкуренции в больших городах, особенно в Париже.

Есть еще одна причина, которая делает это занятие малоперспективным, — дети часто отказываются от продолжения дела, поскольку это очень тяжелая работа: в течение 12—16 часов в день содержатель ресторана, как говорят сами хозяева, раб денег.

Конкуренция, коммерческая деятельность, ограниченная семейными масштабами, отсутствие продолжения в детях приводят эту профессию на грань кризиса.

Существуют и другие, относительно массовые профессии, которыми овладевают сейчас вьетнамские иммигранты. Они связаны с научно-техническим прогрессом французского общества и отражают стремление вьетнамцев занять в нем свое место, чтобы добиться профессиональной защищенности, избежать безработицы, обеспечить будущее. Считается, что профессиональный рост в области программирования, прогнозирования, научной информатики позволяет подняться в более высокие социальные слои общества. Еще одна профессия, распространенная среди иммигрантов из Вьетнама, — вьетнамская иглотерапия. Кроме того, появилось стремление овладеть профессиями в области филологии и европейской медицины, для того чтобы работать в странах Африки и Латинской Америки в рамках программ сотрудничества Франции с этими странами или в международных организациях.

В среде иммигрантов существуют и так называемые незарегистрированные занятия: работа, связанная с погрузочно-разгрузочными процессами, не требующая особой квалификации, работа в швейной промышленности, в домашнем швейном производстве, в мастерских по производству бижутерии и т. д. Заработная плата в этом случае гораздо ниже минимума.

Структура образования и занятости вьетнамских иммигрантов является достаточно верным индикатором их материального и социального положения, свидетельствует об имущественном расслоении в иммигрантской среде. Политические убеждения, финансовые возможности каждой из ее прослоек определяют взаимоотношения с их родиной. Изучение их — особый предмет для исследования, так как в рамках одной статьи, естественно, невозможно проследить все аспекты жизни и деятельности вьетнамских иммигрантов во Франции. Остались за пределами многие важные проблемы, которыми определяются современные процессы, происходящие в среде иммигрантов, ставшие таковыми после 1975 г., в том числе проблема установления более тесных контактов с родиной, включая добровольное возвращение, вопрос о вживании в среду страны приезда и многие другие. Все это дает основу для продолжения более детального изучения темы о вьетнамских иммигрантах во Франции. Открытым остается вопрос о судьбах вьетнамских иммигрантов в других странах — в Японии, Китае, Новой Каледонии, Таиланде, Кампучии и Лаосе до 1945 г., в США после второй мировой войны и особенно в наши дни.

¹ Le Huu Khoa. Les vietnamiens en France: insertion et identité. — Paris, 1985. — P. 44.

² 50 лет деятельности Коммунистической партии Вьетнама. — Ханой, 1980. — С. 152.

³ Очерки истории Вьетнама. — Ханой, 1977. — С. 312—316.

⁴ Relations internationales. — 1988. — P. 234—235.

А. И. КОБЗЕВ,
кандидат философских наук

Вместо предисловия

В своде конфуцианской канонической литературы «Тринадцатиканонии» самым сложным и многослойным памятником является «Чжоу и» («Чжоуский канон перемен»), иначе «И цзин» («Книга перемен», или «Канон перемен»). Эта по китайской классической традиции древнейшая из книг оказала наибольшее влияние на всю китайскую философию.

Первый советский исследователь и переводчик этого памятника Ю. К. Щуцкий пришел к выводу, что он был создан в VIII—VII вв. до н. э. «как текст вокруг древнейшей практики гадания» и в дальнейшем служил почвой для философствования. Внимание к этому памятнику со стороны многих поколений китайских мыслителей можно объяснить почитанием «высокой ревности» как определяющей тенденции духовной жизни старого Китая, но прежде всего, отражением в «Каноне перемен» своеобразно закодированных результатов длительного культурного опыта и попыток его теоретического осмысления. Уже в ранних комментариях и древнейших памятниках базовые графические комбинации этого канона — восемь триграмм (ба гуа) трактовались как «образы» первооснов мироздания, а состоящие из триграмм гексаграммы — как реальные ситуации, определяемые взаимодействием этих первооснов. В гексаграммах усматривались и сочетания трех пар черт, раскрывающие порядок и содержание взаимовлияния трех начал, или «пределов» всего сущего — неба, земли и человека. Входящий в название канона иероглиф «и», пиктограмма которого изображала меняющего окраску хамелеона, обозначил главную идею памятника, ставшую одним из основных положений для всех течений китайской философии, — всеобщей изменчивости и постоянного движения. В построениях канона обнаруживаются истоки доктрины взаимодействия противоположных сил — инь и ян, а также традиционных концепций цикличности и ритма. Хотя, по словам Ю. К. Щуцкого, памятник этот всегда пользовался славой темного и загадочного текста, многие места которого не поддаются удовлетворительной расшифровке, органичность его основных идей и символики всему строю китайской философской мысли обусловили их развитие в различных системах, созданных в рамках главных направлений философии и идеологии Китая — конфуцианства, даосизма и буддизма. Прикладной характер философских концепций, служивших в Китае универсальным средством объяснения природных явлений и обоснования практической деятельности в любых областях, обусловил роль этого памятника в истории культуры этой страны.

На Западе сведения о «Каноне перемен» появились в конце XVII века, а первые переводы — в XVIII веке. Ныне условно эталонным признается немецкий перевод Р. Вильгельма (1932), высоко оцененный, в частности, Ю. К. Щуцким. Работа Р. Вильгельма стала одной из ступеней наметившегося в конце XIX — начале XX вв. перехода от стихийного и опосредованного культурного взаимодействия Востока и Запада к сознательному и прямому восприятию восточных ценностей, призванных, по мнению ряда западных мыслителей, «исправить» недостатки родной им культуры. Содержание «находок» во многом определяется собственным ходом развития западной мысли. Так, отклик, который нашли воззрения китайских философов в сочинениях Г. Торо, Л. Толстого, Б. Рассела, А. Швейцера и многих других видных представителей европейской и американской интеллигенции, обусловлен их стремлением подкрепить свои идеи конкретным «историко-географическим» указанием на плодотворное направление

духовного поиска. В то же время обращения Запада к культуре дальневосточного региона и Востока вообще играют роль катализатора духовных процессов, ведущих к осознанию единства человека и мира, целостности культуры человечества в многообразии ее проявлений. В русло этих процессов естественно ложится мудрость «Канона перемен».

В знаменитом романе Г. Гессе «Игра в бисер» универсальный язык Игры, связывающий человека с другими людьми и мирозданием, опирается на построения и идеи «Канона перемен». Известный американский композитор и теоретик музыки Дж. Кэйдж строит теорию композиции, отталкиваясь, в частности, от символики этой же книги. К нередко ошеломляющим результатам приводит сопоставление ее графических и числовых комбинаций с данными современной науки: в «Каноне перемен» усматриваются шифры астрономических, географических, календарных схем, биологических процессов и, как некоторые полагают, даже структуры ДНК.

Случайность или закономерность подобных соответствий может быть выявлена в результате серьезных научных исследований. Со второй половины 70-х гг. в нашей стране наметилось возрождение традиций изучения «Канона перемен», заложенных в 30-е годы Ю. К. Шуцким, труд которого сейчас готовит к переизданию Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Значительная часть советских специалистов видит корни влияния «Канона перемен» на китайскую культуру в глубоком воздействии этого памятника прежде всего на методологию традиционной философии и науки. Существует точка зрения, что в нем представлены основы «учения о символах и числах» (сян шу сюэ), или «нумерологии», — специфической теоретической системы, элементами которой являются математикоподобные объекты, связанные между собой преимущественно не по законам математики. Принципы «учения о символах и числах», ставшего впоследствии самостоятельной дисциплиной, легли в основу методологии китайской традиционной науки и классической философии. Эта гипотеза дает основание А. И. Кобзеву сравнить «Канон перемен» с аристотелевым «Органомом», в котором представлены основы науки логики как всеобщей познавательной модели. Исследование столь сложного памятника позволяет уточнить представления об истоках специфики китайской философии, о сущности и значении отмечаемого А. И. Кобзевым теоретического параллелизма при решении нумерологических и логических задач в рамках разных научных традиций. Значение «Канона перемен» в истории цивилизации ставит узкие его, казалось бы, проблемы в широкий культурологический контекст. Раскрытие загадок структуры и составления этого текста может пролить свет на многие закономерности развития человеческого мышления и мировой культуры.

Публикуемая ниже статья — одна из таких попыток приблизиться к разгадке великого памятника китайской древности.

Отдел культуры «ПДВ»

Учитель [Конфуций] сказал: «Продлись мои лета, [я бы] пятьдесят [из них] отдал изучению «Перемен» и смог бы избежать больших отклонений»
(«Лунь юй». VII, 16/17).

Точно так же, как книгой книг западной культуры считается Библия, книгой книг китайской культуры является произведение, носящее название «Чжоу и», или «И цзин» (на значении и различии этих заглавий мы остановимся ниже). Библия и «Чжоу и» сходны и по своей роли духовного центра соответствующих культур, и по степени загадочности происхождения и глубинного смысла, продолжающей сохраняться, несмотря на многовековые подвижнические усилия исследователей. Излагая традиционную для Китая точку зрения, крупнейший отечественный синолог академик В. М. Алексеев писал: «"Книга перемен" ("И цзин") есть книга книг, дающая углубленному в нее уму и силу и содержание, но никаким умом не исчерпываемая»¹. Примерно в то же время, в 40-е годы, один из выдающихся европейских мыслителей, К. Юнг, в предисловии к осуществленному Р. Вильхельмом переводу «Чжоу и» писал об этом «великом и уникальном» произведении: «Подобно части природы, оно ждет, пока будет открыто. Оно не предлагает ни фактов, ни власти, но для любите-

лей самопознания, мудрости — если таковые найдутся — может представиться правильной книгой. Для одного его («Чжоу и».— А. К.) дух покажется ясным, как день, для другого — смутным, как сумерки, для третьего — темным, как ночь»².

Загадочно само название «Чжоу и». Каждый из двух составляющих его иероглифов может быть понят по крайней мере двояко. «Чжоу» — это, во-первых, название династии, правившей в Китае с конца II тысячелетия до н. э. до середины III в. до н. э., и хронологическое обозначение данной эпохи; во-вторых, слово, имеющее значения «оборот, круг, цикл, везде, повсюду, полный, исчерпывающий». Иероглиф «и» означает, во-первых, «легкий, нетрудный»; во-вторых, «перемена, метаморфоза». Соответственно сочетание «Чжоу и» допускает четыре осмысления: «[Канон] перемен [эпохи] Чжоу», «Легкий [канон эпохи] Чжоу», «Всеохватно-круговые перемены», «Всеохватно-круговой легкий [канон]». Использование здесь для уточнения смысла слово «канон» является эквивалентом иероглифа «цзин», входящего в состав обозначения «И цзин», синонимичного «Чжоу и» («Канон перемен», именно «канон», а не «книга», поскольку последнему термину точно соответствует иероглиф «шу», что, в частности, отражено в различении «Четверокнижия» — «Сы шу» и «Пятиканония» — «У цзин»).

Первый, остающийся до сих пор непревзойденным в СССР исследователь «Чжоу и» Ю. К. Шуцкий выделил 19 различных трактовок этого столь таинственного произведения: 1) гадательный текст; 2) философский текст; 3) гадательный и философский текст одновременно; 4) основа китайского универсизма; 5) собрание поговорок; 6) записная книжка политика; 7) политическая энциклопедия; 8) толковый словарь; 9) бактрийско-китайский словарь; 10) фаллическая космогония; 11) древнейший исторический документ Китая, 12) учебник логики; 13) бинарная система; 14) тайна кубокуба; 15) случайные толкования и комбинации черт; 16) фокусы уличного гадала; 17) ребячество; 18) бред; 19) ханьская подделка»³.

В природе человеческого ума — испытывать особый интерес ко всему загадочному, поэтому к «Чжоу и» никогда не охладевало внимание ученых, среди которых, помимо профессионалов-синологов, можно назвать уже упоминавшегося К. Юнга и великого Лейбница. Постижение «Чжоу и» В. М. Алексеев считал основной синологической проблемой, «главным камнем преткновения всех китаистов всех времен и наций, начиная с китайцев и японцев и кончая американцами». Эта «окультурная по форме и философская по содержанию» книга, отмечал В. М. Алексеев, «привлекала и привлекает самые трезвые умы своею неразгаданной системой»⁴.

На западноевропейских языках существует обширнейшая литература о «Чжоу и» и множество переводов этого памятника, наиболее авторитетными из которых признаны переводы Дж. Легга (на английский язык) и Р. Вильгельма (на немецкий). Последний в свою очередь переведен на английский и французский языки. В недавно вышедшем специально посвященном «Чжоу и» номере американского «Журнала китайской философии» была опубликована библиография «Чжоу и» на западноевропейских языках. Этот отнюдь не исчерпывающий список включает в себя внушительное количество работ — 235⁵.

Количество соответствующих китайских публикаций вообще трудно поддается учету. Новый подъем изучения «Чжоу и» в КНР наметился с начала 80-х годов в связи с общим повышением интереса к национальной духовной традиции. В 1984 г. в Ухане было проведено первое всекитайское совещание по «Чжоу и». С 5 по 9 декабря 1987 г. в Цзинане прошла аналогичная международная конференция, в которой приняли участие около 200 специалистов. Подробные отчеты об этом представительном форуме были помещены в ряде научных журналов КНР, в частности в «Философских исследованиях» (№ 3 за 1988 г.), куда также была включена подборка статей, посвященных «Чжоу и»⁶. С 1988 г. в Цзинане начал издаваться специализированный журнал «Исследования «Чжоу и»» («Чжоу и яньцзю»).

Большой размах изучение «Чжоу и» приобрело в Японии. Об этом, к примеру, наглядно свидетельствует опубликованная в журнале «Чжоу и яньцзю» библиография работ о «Чжоу и», вышедших в свет за последние годы в Японии. Этот обширный список состоит из 200 позиций⁷.

В СССР исследование «Чжоу и» блестяще начал Ю. К. Шуцкий. Но из-за того, что он был незаконно репрессирован в 1937 г., его докторская диссертация «Китайская классическая «Книга перемен», написанная в 1928—1935 гг., смогла увидеть свет только в 1960 г. Дальнейшее развитие этот мощный исследовательский импульс

получил у нас еще через 20 лет, в начале 80-х годов, в рамках структурно-текстологического и методолого-наукоеведческого направлений отечественной синологии⁸.

Еще В. М. Алексеев проницательно указывал, что «Чжоу и» «требует для своего научного анализа более широкой базы, нежели база чисто китайская, а тем более старинно китайская и традиционнo китайская»⁹. Он же пророчески утверждал, что загадка этого древнего памятника «неразрешима вплоть до новых данных археологии: ведь ни одного текста (в полном смысле этого слова) еще не вырыто!»¹⁰. В настоящее время мы располагаем и более широкой, чем чисто китайская, научной базой для анализа «Чжоу и», и новыми данными археологии — а именно, найденным в 1973 г. в кургане Мавандуй самым древним его текстом. С учетом этих обстоятельств попытаемся дать общую характеристику самой оригинальной книге всего дальневосточного региона.

«Чжоу и» — наиболее авторитетное произведение китайской канонической и философской литературы, стоящее во главе «Тринадцатиканония» («Ши сань цзин») и «Пятиканония» («У цзин») и оказавшее фундаментальное нормативное воздействие на всю культуру традиционного Китая и сопредельных стран. Выраженные в нем идеи, отмечает Чжу Бокунь, «создали своеобразное мировоззрение и методологию, оказали огромное влияние на развитие философии, религии, естественных наук, литературы и искусства в Древнем Китае, в результате чего китайская культура стала совершенно уникальной в истории мировой культуры и внесла свой вклад в человеческую цивилизацию»¹¹. Символы и принципы «Чжоу и» пронизывали буквально все сферы жизни традиционного Китая — от теоретических эмпириев и высокого искусства до бытовых предметов и украшений. Из этого же источника черпали астрономы и астрологи, навигаторы и гадатели, музыканты и врачи, историки и администраторы, мастера боевых искусств и знатоки тайн продления жизни. Благодаря своей абстрактной универсальности символика «Чжоу и» еще на рубеже XIX—XX вв. одновременно использовалась и в магических ритуалах ихэтуаней, и в изображениях даосских божеств, и в почтово-телеграфном коде, и в детских головоломках, и т. д.

В древнейшем китайском библиографическом каталоге «И вэнь чжи» Бань Гу (I в.) первый раздел, носящий заглавие «Шесть искусств» («Лю и»), посвящен важнейшей, канонической литературе. В послесловии к нему развита теория, согласно которой пять канонов — «Юэ» («Музыка»), «Ши» («Стихи»), «Ли» («Благопристойность»), «Шу» («Писания»), «Чунь цю» («Весны и осени») — соответствуют пяти постоянствам (у чан) — гуманности (жэнь), должной справедливости (и), благопристойности (ли), разумности (чжи), благонадежности (синь), а также пяти учениям (у сюэ) и пяти элементам (у син). Канон «Перемены» («И», т. е. «Чжоу и») назван истоком (юань) всей этой системы и вместе с сопричастными ему произведениями помещен в начальном (первом из девяти) подразделе «Шести искусств»¹². В дальнейшем подобное положение «Чжоу и» никогда не оспаривалось и только укреплялось. Однако еще в «Чжуан-цзы» (IV—III вв. до н. э.), в списке канонов, аналогичном приведенному, «И» был поставлен на предпоследнее, пятое место — после «Ши», «Шу», «Ли», «Юэ» и перед «Чунь цю»¹³.

«Чжоу и» включает в себя каноническую часть (в двух разделах) — собственно «И цзин» (это название по принципу *pars pro toto* часто употребляется и как синоним «Чжоу и») — и комментирующую — «И чжуань» (или «Ши и» — «Десять крыльев», т. е. семь комментариев, три из которых имеют по два раздела).

Основу «И цзина» составляют 64 гексаграммы (лю ши сы гуа) — особые графические символы, состоящие из шести расположенных друг над другом (читающихся снизу вверх, то есть противоположно порядку чтения иероглифов) черт двух видов, целой и прерванной, во всех комбинаторно возможных сочетаниях. Черты истолковываются как знаки универсальных мироустроительных сил *инь* (прерванная) и *ян* (целая), а их двойные, тройные и т. д. комбинации — как знаки более конкретных воплощений *инь* и *ян* во всех сферах бытия. Центральную роль в этой системе играют восемь триграмм (ба гуа) — сочетания из трех черт, считающиеся половинными компонентами гексаграмм и знаменующие собой восьмеричный набор универсалий:

☰ Цянь — творчество, крепость, небо, отец; ☷ Кунь — исполнение, самоотдача, земля, мать; ☳ Чжэнь — возбуждение, подвижность, гром, первый сын;

☰ Кань — погружение, опасность, вода, второй сын; ☷ Гэнь — пребывание, незыблемость, гора, третий сын; ☱ Сюнь — утончение, проникновенность, ветер (дерево), первая дочь; ☲ Ли — сцепление, ясность, огонь, вторая дочь; ☴ Дуй — разрешение, радость, водоем, третья дочь.

Происхождение канонической части «Чжоу и» связано с гадательной практикой и восходит к концу II — началу I тысячелетия до н. э. Древнейшие мантические приемы в «Чжоу и» преобразованы в нумерологическую систему математикоподобных операций с числами и геометрическими фигурами, задача которой — «разделять по родам свойства всей тьмы вещей» («Си цы чжуань» II, 2)¹⁴. В приписываемой Конфуцию, но реально сложившейся, видимо, в V—III вв. до н. э. комментирующей части и главным образом в ее наиболее философском разделе — «Си цы чжуань» («Комментарий привязанных слов») — эта система трактуется как учение о замкнутой, состоящей из 64 основных ситуаций структуре постоянно и циклически изменяющегося мира. «Перемены имеют Великий предел (тай цзи). Это рождает двойцу образов (*инь* и *ян*). Двойца образов рождает четыре символа. Четыре символа рождают восемь триграмм» («Си цы чжуань», I, 11)¹⁵.

«Гуа» (мантический символ, «триграмма, гексаграмма») — одна из самых оригинальных и фундаментальных общеметодологических категорий китайской философии, одновременно обозначающая конститутивные элементы двух универсальных классификационных схем (8 триграмм — ба гуа и 64 гексаграмм — лю ши сы гуа). Этимологически иероглиф «гуа» восходит к изображению геометризованных графических результатов — гадания на панцирях черепахи и на костях крупного рогатого скота (бу). Это значение «гуа» отражено в трактате III в. до н. э. «Сюнь-цзы»¹⁶. Позднее гуа были связаны с другой гадательной практикой — на тысячелистнике (ши), — построенной на получении числовых комбинаций, что широко отражено в «Цзо чжуань»¹⁷. В итоге гуа объединили идеи геометрической символизации и числовой комбинаторики, из чего выросла общетеоретическая нумерологическая методология.

Китайская традиция возводит происхождение гуа к мифическим источникам цивилизации в стране — деятельности первого государя (культурного героя) Фуси, который использовал чудесно явленные гуа как природные образцы в созидании основ материальной культуры.

Целостная философская концепция гуа впервые была сформулирована в приписываемой Конфуцию комментирующей части «Чжоу и» («Си цы чжуань», «Шо гуа чжуань»). Специфику категории гуа составляет материальная выраженность в двух количественно определенных наборах графических символов — 8 триграммах и 64 гексаграммах. Каждой гуа присущи индивидуальное имя (8 триграмм и их удвоения — 8 гексаграмм — одноименны), образный и понятийный комплексы, стандартные формулы как абстрактного, так и конкретного содержания. Например, двум парам главных гуа ☰ ☷ и

☷ ☰ соответствуют имена Цянь и Кунь, образы неба и земли, понятия твор-

чества и исполнения и т. д. Согласно К. Юнгу, гуа фиксируют общечеловеческий набор архетипов (врожденных психических структур). Триграммы, гексаграммы и их компоненты во всех комбинаторно возможных сочетаниях образуют универсальную иерархию классификационных схем, охватывающую в наглядных символах (сян) любые аспекты действительности — части пространства, отрезки времени, природные стихии, числа, цвета, органы тела, социальное и семейное положение и т. д.

Структурно и онтологически 8-членный и 64-членный наборы гуа представляются продуктами последовательного раздвоения (по принципу *инь* — *ян*) Единого — Великого предела (тай цзи), т. е. элементами числового ряда 1, 2, 4, 16, 32, 64. Однако исторически гексаграммы могли возникнуть раньше триграмм, ставших инструментом их теоретического осмысления.

В статическом плане каждой из наборов — 8 триграмм и 64 гексаграмм —

зафиксирован в двух стандартных пространственно ориентированных квадратно-круговых расположениях, приписываемых мифическому Фуси и историческому основателю династии Чжоу (XI в. до н. э.) Вэнь-вану. С этими расположениями связаны соответствующие линейные последовательности гуа. В канонической части стандартного текста «Чжоу и» гексаграммы расположены в последовательности Вэнь-вана. Постепенная смена целых (*ян*) и прерванных (*инь*) черт триграмм и гексаграмм в последовательности Фуси подчинена той же закономерности, что и смена знаков 1 и 0 в обозначении натурального ряда чисел в двоичной арифметике. Соответственно 8 триграмм и 64 гексаграммы в последовательности Фуси представляются в двоичном коде как 7.....0 и 63.....0. Создатель двоичной арифметики Лейбниц усмотрел в этом подобии, стимулировавшем его работу в данном направлении, свидетельство предустановленной гармонии и единства божьего промысла для всех времен и народов¹⁸.

В 1973 г. в кургане Мавандуй, вблизи города Чанша, при археологических раскопках был обнаружен древнейший, датируемый 180—170 гг. до н. э., текст «Чжоу и», которому присущ ряд существенных особенностей. В нем канон и комментарий «Си цы чжуань» не разделены на две части; отсутствуют комментарии «Туань чжуань», «Сян чжуань» и «Вэнь янь чжуань»; в тексте, соответствующем стандартной первой части «Си цы чжуани», нет § 8, переставлены местами § 9 и 10, а в тексте, соответствующем § 5 стандартной второй части данного комментария, присутствует тысячеиероглифная добавка, в которую включен § 3 «Шо гуа чжуани». В связи с последним обстоятельством стоит отметить, что само употребление термина «8 триграмм» (ба гуа) в «Чжоу и», по-видимому, нумерологизировано: он встречается здесь ровно 8 раз, 7 раз в «Си цы чжуани» и 1 раз в «Шо гуа чжуани» — именно в § 3, который изначально, быть может, действительно входил в состав «Си цы чжуани», включавшей в себя 8 употреблений термина «8 триграмм».

Но наиболее важная особенность мавандуйского «Чжоу и» — специфическая последовательность гексаграмм, отличающаяся строгой закономерностью и типологически схожая с последовательностью Фуси, хотя отнюдь не идентичная ей. Содержащая эту последовательность каноническая часть мавандуйского «Чжоу и» представляет собой манускрипт на шелковой ткани, разделенный вертикальными линиями на 93 столбца, в каждом из которых количество иероглифов колеблется от 64 до 81¹⁹, что свидетельствует о нумерологизированности самой формы записи нумерологического канона, поскольку 64 (4³) и 81 (3⁴) — основополагающие числа китайской нумерологии.

В ицинистике (и сюэ — науке об «И цине», или «Чжоу и») в течение столетий обсуждается проблема трех текстов этого памятника²⁰. Древнейшее сообщение о них содержится в «Чжоу ли» («Чжоуская благопристойность»), где сказано, что при великом гадании (да бу) использовались «приемы трех Перемен» (сань и чжи фа): «Смыкающихся Гор» («Лянь шань»), «Возвращения в Сокровищницу» («Гуй цзан») и «Всеохватно-круговых (Чжоуских) Перемен» («Чжоу и») ²¹. Ицинисты считали «Лянь шань», «Гуй цзан», «Чжоу и» тремя вариантами одного произведения, возникшими в разные эпохи, и соответственно связывали их либо с тремя выдающимися правителями — Фуси (или последовавшим за ним Шэнь-нуном), Хуан-ди (преемником Шэнь-нуна) и Вэнь-ваном, либо с тремя первыми династиями — Ся (XXI—XVI вв. до н. э.), Шан-Инь (XVI—XI вв. до н. э.) и Чжоу (XI—III вв. до н. э.). Тексты «Лянь шань» и «Гуй цзан» считались утраченными, поэтому их отличие от «Чжоу и» оставалось загадкой.

К иному выводу пришел один из крупных представителей критической текстологии эпохи Цин — Пи Сижуй (1850—1908). Его точку зрения мы воспроизводим в изложении Ю. К. Щуцкого: «Вполне вероятно, что «Лянь шань» и «Гуй цзан» даже и не тексты, а только системы гадания. Можно даже предполагать, что до Конфуция и «Чжоу и» была тоже лишь системой гадания и не существовало записанного текста. Словом, тщетны попытки доказать, что были три разные версии «Книги перемен», относимые к разным эпохам, ибо первоначально «Чжоу и» — название одной из систем гадания наряду с системами «Лянь шань» и «Гуй цзан». Но Конфуцием была выдвинута только система «Чжоу и», тогда еще лишенная записанного текста. Поэтому искать тексты «Лянь шань» и «Гуй цзан» напрасно, их никогда не было, текст же «Чжоу и» не старше Конфуция» ²².

В целом критическая текстология эпохи Цин явилась одной из вершин развития традиционной китайской науки, и полученный в ее рамках вывод Пи Сижую следует признать весьма основательным. Его можно подкрепить и тем, что, согласно «Чжоу ли», различие между «тремя Переменами» заключено в каких-то технических «приемах» («фа» — «методах, способах, образцах, нормах, законах»). Кстати, как раз этот употребленный Пи Сижую иероглиф «фа» Ю. К. Щуцкий перевел словом «система» в сочетании «система гадания»²¹.

Однако признание вывода Пи Сижую отнюдь не противоречит данным древних авторов, в частности древнейшего комментатора «Чжоу ли» — Ду Цычуня (ок. 30 г. до н. э. — ок. 58 г. н. э.), утверждавшего, что «Лянь шань» — это Фуси, а «Гуй цзан» — Хуан-ди²⁴. Ду Цычунь не квалифицировал «Лянь шань» и «Гуй цзан» как тексты, но только указывал на их связь с именами Фуси и Хуан-ди. Между тем хорошо известно, что с именем Фуси связано специфическое расположение гуа — главных элементов данной системы. Другое, альтернативное расположение приписывается Вэнь-вану, который однозначно соотносится с «Чжоу и». Отсюда легко заключить, что «Лянь шань», «Гуй цзан» и «Чжоу и» означают собой разные системы расположения гуа, изобретателями которых считались соответственно Фуси, Хуан-ди и Вэнь-ван.

Следующее наше предположение состоит в том, что «созданная» Хуан-ди система «Гуй цзан» есть не что иное, как мавандуйское расположение гуа. Подтверждается этот тезис следующими текстологическими наблюдениями. Прежде всего надо отметить, что мавандуйское расположение, по-видимому, было достаточно широко известно, хотя это и становится понятным только после его обнаружения. Так, первыми, т. е. в наиболее значимой позиции, упоминаются в «Го юе» гексаграммы Цянь (№ 1) и Пи (№ 12). Они приведены в составе гадательной формулы «юй Цянь чжи Пи»²⁵, которая тут употреблена неестественно²⁶. Эта неестественность может быть понята как сигнал особой взаимосвязи выделенных гексаграмм.

Наиболее вероятный вариант подобной взаимосвязи — вхождение гексаграмм в пару, открывающую собой определенную последовательность гуа и таким образом обозначающую ее. Данный способ обозначения последовательности гуа известен, например, по тексту «Ли цзи»²⁷.

Итак, пару гексаграмм Цянь и Пи в «Го юе» можно трактовать как символ определенной последовательности гуа. И таковой оказывается именно мавандуйская последовательность, поскольку ее начальные гексаграммы — Цянь и Пи.

Впрочем, в мавандуйском тексте данные гексаграммы названы иными иероглифами — Цянь (Затвор) и Фу (Жена), — которые, видимо, содержат в себе намеки на терминологические обозначения данного расположения гуа. Первый из них, кажется, связан с именем Хуан-ди — Сюань-юань (Оглобля Колесницы), так как иероглиф «цянь» имеет значение «чека (колеса)». Присуще ему и еще одно значение — «ушки треножника-дин», а треножник-дин сыграл особую роль в жизни и смерти Хуан-ди²⁸.

Правая часть иероглифа «фу» идентична правой части «гуй» из сочетания «Гуй цзан», и, возможно, тут мы имеем дело с разным написанием одного и того же знака, возникшим при неквалифицированном переписывании или преобразовании иероглифов путем придания им смыслоопределяющих ключевых компонентов (левых частей). Трактовка иероглифа «гуй» из сочетания «Гуй цзан» как обозначения гексаграммы вполне допустима, поскольку знак «шань» («гора») из аналогичного сочетания «Лянь шань» традиционно идентифицируется с гуа Гэнь (гексаграмма № 52), образом которой является гора²⁹.

Из всего проведенного анализа следует, что если наша гипотеза верна, то «Лянь шань», «Гуй цзан» и «Чжоу и» соответствуют трем известным ныне типам расположения гуа, соотносимым с именами Фуси, Хуан-ди и Вэнь-вана. Все они основаны на едином тексте — «Чжоу и», и поиск других вариантов — «Лянь шаня» или «Гуй цзана» — бессмыслен: таковых не существовало. Обнаружение же мавандуйского текста — еще одно замечательное свидетельство точности древнекитайских авторов (в данном случае — отмечавших существование третьего типа расположений гуа).

В нумерологических схемах гуа располагаются в линию, квадратом (символ земли), соотносясь по вертикали, горизонтали и диагонали, а также кругообразно (символ неба), соотносясь по окружности и через центр (отношения цзун и цо); делятся на «мужские» и «женские»; образуют пары по двум главным принципам: «обратно-

сти» (фань), т. е. перевернутости членов пары относительно друг друга на 180° (например, $\equiv \equiv \equiv$ и $\equiv \equiv \equiv$), и «супротивности» (дуй), т. е. противоположности черт в одинаковых позициях (например, $\equiv \equiv \equiv$ и $\equiv \equiv \equiv$). Эти два вида противопостав-

ления в традиционной китайской методологии охватывают все контрарные и контрадикторные отношения, то есть и противоположность и противоречие.

Кроме того, они выражают два универсальных закона мироздания, синтезируемых в понятии «дао». Сам исходный смысл иероглифа «дао» — «путь» — двуедин: путь — это и статический объект, дорога, и динамический процесс, движение по дороге. Соответственно наиболее общие определения дао выделяют в нем и универсальную статическую структуру «супротивности» в виде бинарной оппозиции сил инь и ян, и универсальный процесс «обращения вспять» в виде перехода от одного члена оппозиции к другому и наоборот. «Одно инь, одно ян — это называется дао» («Си цы чжуань», I, 5)³⁰. «Обозначая иероглифом, говорим: это — дао... О [нем] далекоидущем говорим: обратное (фань)» («Дао дэ цзин», § 25)³¹. «Дао есть то, благодаря чему происходит обращение (фань) к корню и возвращение к началу» («У-цзы», гл. 1)³².

В динамическом плане взаимопревращения гуа (путем трансформации черт в противоположные) отражают все фазы циклического развития космоса в основополагающей для «Чжоу и» теории кругообразных перемен (чжоу и). В статике целая и прерванная черты гексаграмм обозначаются цифрами 9 и 6. Объяснение этого шифра, по мнению академика В. М. Алексеева, является «едва ли не основным» для понимания «Чжоу и»³³. В динамике (при мантическом построении) каждая из двух черт еще дифференцируется по двум состояниям — старости (лао) и молодости (шао). В результате образуются четыре элемента (сы сянь), выражаемые числовыми и графическими символами: «старая инь» — 6, X («переплетенная» — цзяо); «молодая инь» — 8, — — («переломленная» — чжэ); «молодой ян» — 7, — — («одинарный» — дань); «старый ян» — 9, □ («повторенный» — чун). Первый и последний элементы могут трансформироваться в противоположные по принципу: инь переходит в ян, ян — в инь³⁴.

Используемые для описания трансформаций гексаграмм четыре «формирующих» числа 6, 7, 8, 9, на наш взгляд, производны от геометрической структуры триграмм. Последние традиционно изображаются в квадратной форме и в «Си цы чжуань» (I, 11) прямо определены термином «фан» («квадрат»)³⁵. В таком квадрате должно быть три строки (по количеству черт триграммы) и три столбца (в силу трехчленно-

сти каждой черты, что явствует из сопоставления целой и прерванной черт: $\overline{1} \overline{2} \overline{3}$ то есть он должен быть девятиклеточным 3×3 (что определяется термином «цзин» — «канон»). При вписывании в него всех восьми триграмм образуются четыре комбинации, различающиеся числом заполненных и пустых клеток (см. схему 6). Цифры, выражающие количество заполненных клеток в этих комбинациях, оказываются именно 6, 7, 8, 9.

Главные в данной четверке 9 и 6 предстали индексами главных триграмм Цянь и Кунь. В силу полной однородности черт в этих триграммах их числовые символы 9 и 6 могли быть перенесены с целого на часть и присвоены чертам ян и инь как простейшим эквивалентам Цянь и Кунь.

Остальные шесть триграмм на схеме 6 образовали две группы по три, представляемые цифрами 7 и 8. Следовательно, соотношение «старых» и «молодых» триграмм оказалось равным 1 к 3, что точно соответствует вероятностям получения числовых символов черт гексаграмм при гадании с помощью монет: 9 — $1/8$, 6 — $1/8$, 7 — $3/8$, 8 — $3/8$.

Кроме того, объединенные на схеме 6 цифрами 7 и 8 тройки триграмм объединены и в «Шо гуа чжуань» (§ 10—11) как три «сына (мужчины)» и три «дочери (женщины)»³⁶. Старший, средний и младший «сыновья» (Чжэнь, Кань, Гэнь) соотнесены с «отцом» (Цянь), что вполне совпадает со связью 7—9; старшая, средняя и младшая «дочери» (Сюнь, Ли, Дуй) соотнесены с «матерью» (Кунь), что вполне совпадает со связью 8—6. Каждая из «сыновних» и «дочерних» триграмм скоординирована

с одной из черт «отцовской» или «материнской» триграммы (старшая — с нижней, средняя — с центральной, младшая — с верхней) соответственно наличию такой же черты в данной позиции, и в целом вся эта система образует линейную последовательность триграмм, приписываемую Вэнь-вану. Ее структура, судя по результатам нашего анализа, закономерно связана с магической числовой символикой и представляет собой нумерологическую интерпретацию наложения триграмм на канонический девятиклеточный квадрат.

Связь триграмм с девятиклеточным квадратом прослеживается и еще по одной линии. В стандартном двумерном расположении триграммы занимают восемь клеток такого квадрата (незаполненной в нем остается центральная клетка). Если в девятиклеточном квадрате с расположением триграмм, приписываемым Фуси (см. схему 3), вместо триграмм поставить их числовые эквиваленты, показанные на схеме 6, то каждая из четырех пар диаметрально расположенных величин даст в сумме 15 (см. схему 7), что равно константной сумме троек чисел в девятиклеточном магическом квадрате ло шу — «Документе из [реки] Ло» (см. схему 2). Если в этом же расположении вместо триграмм поставить другие соотносимые с ними числа, образуемые суммами числовых значений их черт (целая — 9, прерванная — 6), то каждая из четырех пар диаметрально расположенных величин даст сумму 45 (см. схему 8), которая также коррелирует с ло шу, равняясь сумме всех его чисел.

После общего обзора основных принципов организации гуа рассмотрим несколько более подробно систему их пространственных расположений, поскольку вместе с «магическим крестом» хэ ту — «Планом из [Желтой] реки» (см. схему 1), магическим квадратом ло шу (см. схему 2) и системой пространственных расположений пяти элементов она образует фундамент нумерологической символики. Комментаторская традиция «Чжоу и» выделяет две главные линейные (шы сюй) последовательности триграмм, связываемые с именами Фуси (ЛПТФС) и Вэнь-вана (ЛПТВВ): ЛПТФС — Цянь, Дуй, Ли, Чжэнь, Сюнь, Кань, Гэнь, Кунь; ЛПТВВ — Цянь, Кунь, Чжэнь, Кань, Гэнь, Сюнь, Ли, Дуй. В первой мужскими считаются триграммы Цянь, Ли, Сюнь, Гэнь, женскими — Дуй, Чжэнь, Кань, Кунь; во второй — мужскими — Цянь, Чжэнь, Кань, Гэнь, женскими — Кунь, Сюнь, Ли, Дуй³⁷.

Кроме них, в источниках встречаются и другие последовательности. Например, в «Шо гуа чжуани» (§ 3—11)³⁸ приведены шесть последовательностей: 1) Цянь, Кунь, Гэнь, Дуй, Чжэнь, Сюнь, Кань, Ли (§ 3), 2) Чжэнь, Сюнь, Кань, Ли, Гэнь, Дуй, Цянь, Кунь (§ 4), 3) Чжэнь, Сюнь, Ли, Кунь, Дуй, Цянь, Кань, Гэнь (§ 5), 4) Чжэнь, Сюнь, Ли, Дуй, Кань, Гэнь (§ 6), 5) Кань, Ли, Чжэнь, Сюнь, Гэнь, Дуй (§ 6), 6) Цянь, Кунь, Чжэнь, Сюнь, Кань, Ли, Гэнь, Дуй (§ 7—11).

Но все они, как, впрочем, и ЛПТВВ, производны от квадратно-круговых расположений, в которых триграммы размещаются равномерно по периметру квадрата или окружности (фан вэй). Таковых традиция «Чжоу и» выделяла опять-таки два — «преднебесное» (сянь тянь) и «посленебесное» (хоу тянь), — связывая их с именами все тех же Фуси и Вэнь-вана: первое (КРТФС) см. на схеме 3, второе (КРТВВ) — на схеме 4. На обеих схемах осями разделены четверки триграмм, считающиеся женскими и мужскими в данных расположениях. Сравнение по этому признаку их между собой, а также с ЛРТФС и ЛРТВВ хорошо демонстрирует функциональную амбивалентность триграмм, меняющих свои качества даже на противоположные в зависимости от образуемой ими символизационной системы (в данном случае неизменными в своих признаках оказались только мужская триграмма Цянь и женская Кунь, поскольку они являются исходными точками отсчета).

КРТВВ прямо зафиксировано в «Шо гуа чжуань» (§ 5, 6), его полным и сокращенным описанием являются взятые отсюда последовательности 3) и 4), которые задают периметрально-кольцевой (цзун) способ считывания элементов этой системы. В § 5 «Шо гуа чжуани» не только указаны взаиморасположение триграмм и порядок перехода от одной к другой, но и дана их увязка со странами света (на соответствующих схемах, следуя китайской топографической традиции, мы соотносим юг с верхом, север — с низом, восток — с левой стороной, запад — с правой), в частности начальная Чжэнь отнесена к востоку.

Остальные воспроизведенные выше последовательности триграмм из «Шо гуа чжуань» комментаторы «Чжоу и» считали описанием КРТФС. Как показал проведенный нами специальный анализ³⁹, они когерентны, то есть образуют единую систему, и, действи-

тельно, структурно связаны с КРТФС. Во всяком случае, несомненно, что, описывая эти последовательности, автор «Шо гуа чжуань» имел перед глазами или мысленным взором какое-то квадратно-круговое расположение триграмм, аналогичное отраженному в § 5 и 6. Общая идея квадратно-кругового расположения гуа передана в «Чжоу и» их определением термином «фан» («квадрат»), заключающим в себе представление о концентрическом двумерном пространстве в виде многоугольника с количеством сторон, кратным 4 («Си цы чжуань», I, 11)¹⁰.

Кроме того, в четырех разбираемых последовательностях — 1), 2), 5), 6) — триграммы указаны стабильными парами, а в § 3 «Шо гуа чжуани» такая парность квалифицирована как «взаимное перекрещивание» (сян цо), то есть соотношение друг с другом через центр. Именно оппозиционность через центр (сян дуй) характерна для КРТФС.

Но все же графические изображения КРТФС известны лишь с эпохи Сун (X—XIII вв.), поэтому теоретически можно допустить, что квадратно-круговое расположение триграмм, отвечающее принципу цо и отраженное в § 3, 4, 6—11 «Шо гуа чжуани», по своей сути аналогично КРТФС, но в деталях отличается от него. Единственным претендентом на эту роль пока является пространственное расположение триграмм, реконструируемое из мавандуйской линейной последовательности гексаграмм. Последняя образована посредством двух последовательностей триграмм: верхних — Цянь, Гэнь, Кань, Чжэнь, Кунь, Дуй, Ли, Сюнь, каждая из которых в гексаграммах занимает по восемь позиций подряд (ВЛПТМВД), и нижних — Цянь, Кунь, Гэнь, Дуй, Кань, Ли, Чжэнь, Сюнь, каждая из которых чередуется через восемь позиций (НЛПТМВД).

Анализ данной структуры позволяет предположить, что мавандуйская последовательность гексаграмм была получена с помощью простого приспособления, имеющего аналоги среди древнекитайских астрономо-астрологических инструментов и ритуальных предметов. Оно (КРТМВД) должно было представлять собой круг, в котором по странам и полустранам света располагались триграммы нижней последовательности, и окружающее его кольцо, в котором точно так же располагались триграммы верхней последовательности (см. схему 5). Путем их вращения относительно друг друга и поочередного совмещения каждой из верхних триграмм с восемью нижними можно механически получить мавандуйскую последовательность гексаграмм. С помощью подобного приспособления из КРТФС выводятся соответствующие последовательность и расположение гексаграмм, с той только разницей, что верхняя и нижняя последовательности триграмм тут идентичны и вращение идет не в одну сторону, а меняет свое направление на противоположное после прохождения половины окружности.

Как мы установили, сходный инструмент, основанный на этой же идее механического сочетания терминов, нанесенных на вращающиеся относительно друг друга концентрические круги и кольца, очевидно, использовался в комбинаторной практике, связанной с системой пяти элементов. Таким образом, в нумерологии был выработан принцип нумерологической машины, типологического аналога первой в Европе логической машины Раймунда Луллия (1235—1315). В данном случае не исключено и знакомство последнего с более древней китайской конструкцией через посредство мусульманской культуры, великолепным знатоком которой он был. Однако реальный теоретический параллелизм в решении нумерологических и логических задач тут, пожалуй, интереснее, чем возможные исторические взаимовлияния.

Итак, известные нам линейные последовательности триграмм выводимы из их пространственных расположений, но не наоборот, что заставляет считать последние исходными. Роль же линейных последовательностей состоит не только во вторично-упрощенной фиксации соответствующих пространственных архетипов, но и, что, очевидно, важнее, в отражении их динамического аспекта, то есть закономерностей превращения одной триграммы в другую в ходе универсального циклического процесса перемен (чжоу и).

Пространственные расположения и линейная последовательность гексаграмм, приписываемые Фуси, лпстроены по тому же принципу, что и соответствующие порядки триграмм (КРТФС, ЛПТФС). Некоторый нюанс тут вносит разделение единого квадратно-кругового расположения триграмм на два расположения гексаграмм — круговое (юань ту фан вэй) и квадратное (фан ту фан вэй). Первое представляет собой кольцо из 64 гексаграмм, в котором движение от Цянь к Кунь идет точно так же, как в

КРТФС. Квадратное расположение, обычно помещаемое внутри кругового, представляет собой блок из 64 гексаграмм, образующих квадрат из 8 столбцов и 8 строк. Начальная гексаграмма Цянь здесь находится в северо-западном (нижнем правом) углу квадрата (а не на юге, сверху, как в круговом расположении), конечная гексаграмма Кунь — в юго-восточном (верхнем левом) углу (а не на севере, внизу). Движение от Цянь к Кунь, идентичное с таковым в кольце, идет в квадрате по строкам справа налево, снизу вверх. В целом эта система кругового и квадратного расположений самой своей формой выражает не только гармонию круглого неба и квадратной земли, но и равновесный характер космических процессов, состоящих из тождественных, но встречных потоков.

Данные принципы пространственного расположения распространяются и на порядок гексаграмм, приписываемый Вэнь-вану и реализованный в стандартном тексте «Чжоу и» в виде линейной последовательности. Ни формально-структурная, ни идейно-содержательная ее связь с ЛПТВВ и КРТВВ пока не прояснена. Не раскрыта до сих пор и общая внутренняя закономерность данной последовательности. Гексаграммы в ней располагаются парами: 28 пар построены по принципу обратности (фань), 4 (№ 1—2, 27—28, 29—30, 61—62) — по принципу супротивности (дуй). Последним восьми гексаграммам присуща центральная симметрия, они не изменяются при повороте на 180°, поэтому на них не распространяется принцип обратности. В силу такой внутренней организации последовательности Вэнь-вана может быть записана с помощью всего лишь 36 гексаграмм, если каждую из 28 пар, построенных по принципу фань, отражать одной гексаграммой, читаемой снизу вверх и сверху вниз⁴¹.

Вопреки иногда высказываемому мнению об отсутствии кругового расположения гексаграмм в порядке Вэнь-вана таковое использовалось в китайской нумерологии⁴², более того, по нашему мнению, оно является исходным для данного порядка. В круговом расположении Вэнь-вана начальные гексаграммы Цянь и Кунь находятся на севере, внизу, и движение от них идет по часовой стрелке, возвращаясь к исходному пункту. В квадратном расположении Вэнь-вана начальная точка помещена в юго-западном (верхнем правом) углу, конечная — в северо-восточном (нижнем левом), движение идет по строкам справа налево, сверху вниз. Следовательно, здесь, как и в расположении Фуси, начальные точки кольца и квадрата, а также направления исходящих из них движений взаимно противоположны. В свою очередь в том же отношении противоположности состоят друг с другом расположения Фуси и Вэнь-вана, соотносимые с оппозицией цю — цзун и диаметрально отличающиеся своими начальными точками как в круговой, так и в квадратной форме. Все это наглядно демонстрирует универсальность общеметодологического принципа дополнительности противоположных начал (*инь и ян*), реализуемого на любом уровне мироописания.

Круговое расположение мавандуйского порядка гексаграмм подразумевается самим механизмом его порождения из КРТМВД и естественной аналогией со сходным образом порождаемым круговым расположением гексаграмм, приписываемым Фуси. Мавандуйский текст «Чжоу и» написан на шелке, но он имитирует более древнюю форму записи на бамбуковых планках, разделяя иероглифы вертикальными линиями на узкие, в один знак, и длинные столбцы, в самом верхе которых помещены гексаграммы⁴³. Ясно, что в такой записи на исходном материале — автономных бамбуковых планках — гексаграммы могли свободно раскладываться по кругу и вновь собираться в линейную последовательность. Эта замечательная по своей простоте возможность структурных трансформаций была с неизбежностью утрачена при переходе на другой писчий материал — шелк и бумагу.

В эпоху Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.) под воздействием мистико-натурфилософских учений школы инь-ян, школы новых писем и оракуло-апокрифической (чань вэй) традиции общеметодологический потенциал схем гуа был реализован в максимальном увеличении их онтологических референтов и координации со всеми другими аналогичными схемами — прежде всего пятью элементами, циклическими и зодиакальными знаками, магическими числовыми фигурами хэ ту и ло шу.

В «Лесе перемен» («И линь») Цзяо Яньшоу (I в. до н. э.) или Цуй Чжуаня (I—II в.) система «Чжоу и» была усложнена до 4096 (64²) членов — сочетаний всех гексаграмм друг с другом и с самими собой.

Ян Сюн (53 г. до н. э. — 18 г. н. э.) в «Каноне великой тайны» («Тай сюань цзин») предложил альтернативную систему, в которой 64 гуа заменены 81 тетраграммой («тетра-

грамма» — «шоу», буквально: «голова»). Последние состоят из всех возможных комбинаций 3 видов (сань мо) черт: целой , единожды прерванной и дважды прерванной (символизируемых числами 1, 2, 3) в 4 позициях (сы чун), считаваемых противоположно позициям (вэй) гуа сверху вниз: фан («страна»), чжоу («область»), бу («район»), цзя («семья»). Последовательность тетраграмм в «Каноне великой тайны» подчинена единому алгоритму, аналогом которого является алгоритм последовательности гуа, приписываемой Фуси. При перекодировке в числа трюичной арифметики последовательность тетраграмм образует ряд $80, \dots, 0^{14}$.

Система Ян Сюна, несмотря на свою филигранную выверенность и даже возможную укорененность в древнейшей гадательной практике¹⁵, не одолела в конкурентной борьбе систему гуа, развитие которой достигло апогея в эпоху Сун, когда были созданы наиболее яркие образцы нумерологической философии. Поскольку, согласно

Схема 1

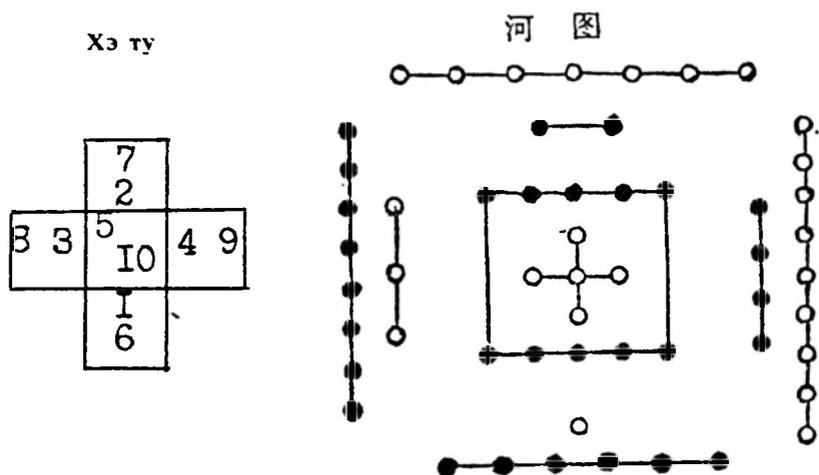
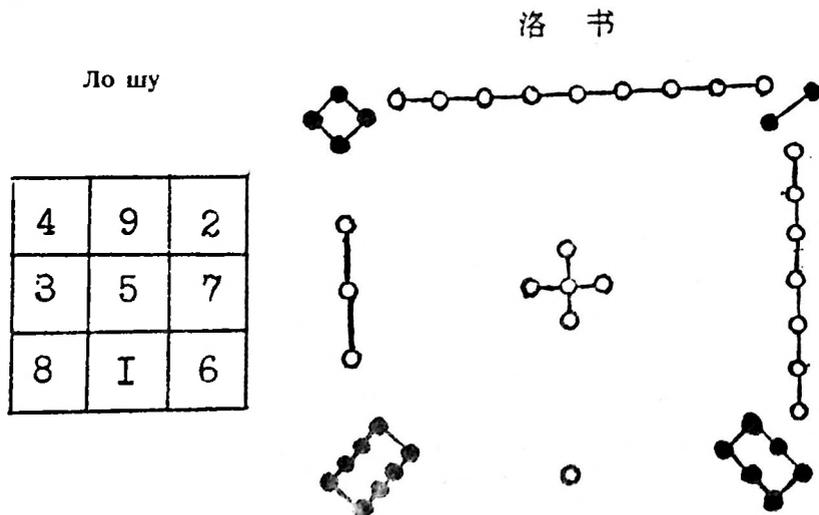

Схема 2

«Си цы чжуани» (I, 12), «предел сокровенного в Поднебесной заключен в гуа»⁴², последние вошли в фундамент не только философии, но и науки (особенно астрономии, хронометрии, топографии, медицины, алхимии), литературы и искусства, всей культуры традиционного Китая. Стоя во главе «нумерологического органа», текст «Чжоу и» распространил свои «чары» на всю китайскую классику.

Схема 3 КРТФС

伏羲八卦方位

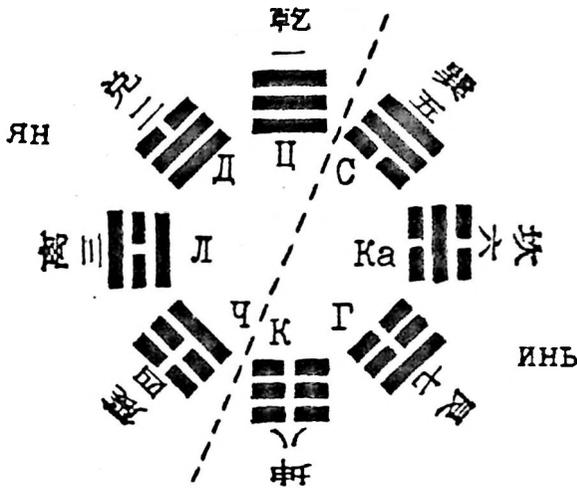

Схема 4 КРТВВ

文王八卦方位

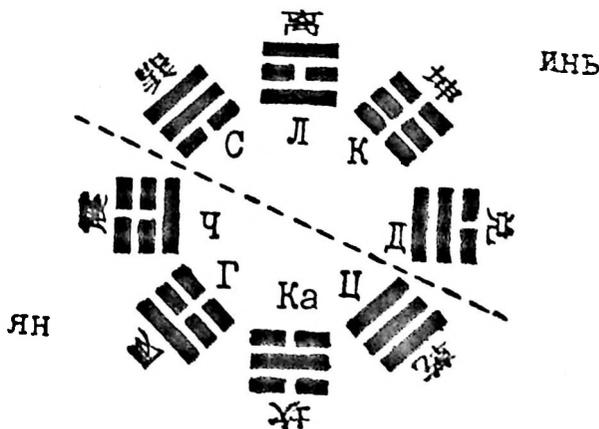

Схема 5

КРТМВД
(ВКРТМВД
и НКРТМВД)

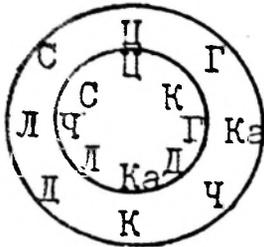

Схема 7

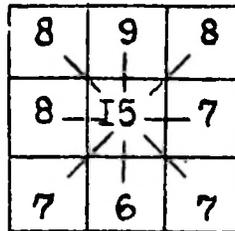

Схема 8

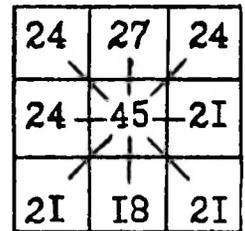
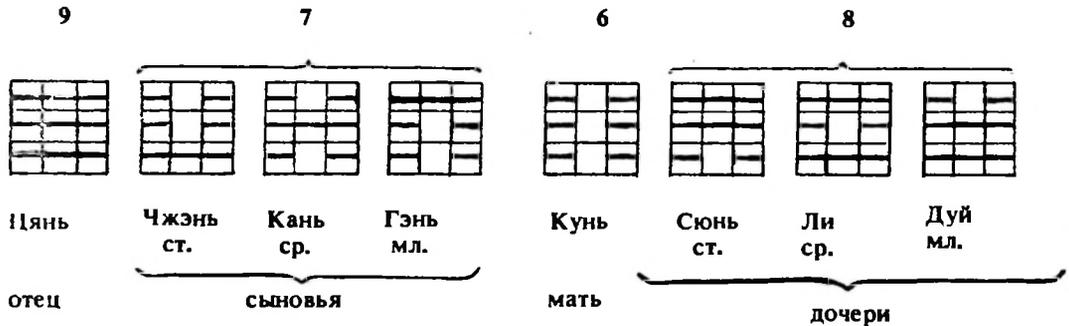

Схема 6

¹ Алексеев В. М. Китайская литература. Избранные труды.— М., 1978.— С. 403.

² C. G. Jung. Foreword // The I Ching or Book of Changes / The R. Wilhelm translation rendered into English by C. F. Baynes.— Vol. 1.— N. Y., 1950.— P. XX.

³ Шуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен».— М., 1960.— С. 47.

⁴ Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы.— М., 1982.— С. 91.

⁵ Cheng Chung-ying, E. Johnson. A Bibliography of the I Ching in Western Languages // Journal of Chinese Philosophy.— Honolulu, 1987.— Vol. 14.— № 1.— P. 73—90.

⁶ Чжэсюэ яньцзю.— Пекин, 1988.— № 3.— С. 58—80.

⁷ Нице. Цзиньнянь Жибэнь чубань буфэнь «И» сюэ шуму (Библиография японской ицини-стихи за последние годы) // Чжоу и яньцзю.— Цзинань, 1988.— № 1.— С. 121—126.

⁸ См., например: Зинин С. В. Построение гексаграмм «И цзина» // Проблема человека в традиционных китайских учениях.— М., 1983.— С. 17—26; его же. Мантические ритуалы бу и ши в эпоху Чунь цю (VIII—V вв. до н. э.) // Этика и ритуал в традиционном Китае.— М., 1988.— С. 155—172; Карапетьянц А. М. «Ба гуа» как классификационная схема // XIII научная конференция «Общество и государство в Китае».— М., 1982.— Ч. 1.— С. 49—66; его же. К проблеме структуры «И цзина» // XIV научная конференция «Общество и государство в Китае».— М., 1983.— Ч. 1.— С. 51—74; его же. Двоично-четверичное кодирование в «И цзине» // XVI научная конференция «Общество и государство в Китае».— М., 1985.— Ч. 1.— С. 57—65; Кобзев А. И. Нумерологическая методология классической китайской философии // XIV научная конференция «Общество и государство в Китае».— М., 1983.— Ч. 1.— С. 33—50; его же. Особенности философской и научной методологии в традиционном Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае.— С. 17—55; его же. Гексаграммная мантика в эпоху Чунь цю // XX научная конференция «Общество и государство в Китае».— М., 1989.— Ч. 1.— С. 10—22; Спириин В. С. Локализация «прибавления» и «вычитания» в «И цзине» // XII научная конференция «Общество

- и государство в Китае». — М., 1981. — Ч. 1. — С. 93—100; его же. Формальное построение «Си цы чжуани» // Письменные памятники Востока. Историко-филологическое исследование. 1975. — М., 1982. — С. 212—242; его же. О значении древнего порядка триграмм // XVII научная конференция «Общество и государство в Китае». — М., 1986. — Ч. 1. — С. 45—50.
- ⁹ Алексеев В. М. Китайская литература. — С. 404, прим. 23.
- ¹⁰ Алексеев В. М. Наука о Востоке. — С. 388.
- ¹¹ Чжу Бокунь. И сюэ юй Чжунго вэньхуа (Изиинистика и китайская культура) // Чжунго вэньхуа шуоюань цзяньянъ лю (Доклады Академии китайской культуры). — Сб. 1. — Лунь Чжунго чуаньтун вэньхуа (О традиционной культуре Китая). — Пекин, 1988. — С. 205.
- ¹² Бань Гу. Хань шу (Книга /об эпохе/ Хань) // Эр ши у ши (25 хроник). — Шанхай, 1934. — Т. 1. — С. 432, 434.
- ¹³ Чжуан-цзы цзи цзе («Трактат/Учителя Чжуана» с собранием разъяснений) // Чжу цзы цзи чэн (Корпус философской классики). — Пекин, 1956. — Кн. 3. — С. 216; Древнекитайская философия. — М., 1972. — Ч. 1. — С. 284; Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая: Ян Чжу, Ле-цзы, Чжуан-цзы (VI—IV вв. до н. э.). — М., 1967. — С. 315.
- ¹⁴ Чжоу и // Тун бань Сы шу У цзин (Четверокиниже и Пятиканоние, отпечатанные с медных досок). — Шанхай, 1936. — Кн. 1. — С. 64.
- ¹⁵ Там же. — С. 62.
- ¹⁶ Сюнь-цзы (/Трактат/ Учителя Сюня) // Чжу цзы цзи чэн. — Кн. 2. — С. 108.
- ¹⁷ См.: Зинин С. В. Магические ритуалы бу и ши в эпоху Чунь цю.
- ¹⁸ См.: Швырев Ю. А. Письма Лейбница о двоячной системе счисления и ее китайских истоках // XVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». — М., 1987. — Ч. 1. — С. 145—147; Щуцкий Ю. К. Указ. соч. — С. 28—30.
- ¹⁹ См.: Вэнь у (Памятники культуры). — Пекин, 1984. — № 3. — С. 1—24.
- ²⁰ См., например: Щуцкий Ю. К. Указ. соч. — С. 63—65.
- ²¹ Чжоу ли (Чжоуская благопристойность) // Ши сань цзин чжу шу («Тринадцатиканоние» с комментариями и толкованиями). — Пекин, 1957. — Кн. 13. — С. 877.
- ²² Щуцкий Ю. К. Указ. соч. — С. 65.
- ²³ Там же. — С. 65, 84, прим. 70.
- ²⁴ Цит. по: Чжоу ли. — Кн. 13. — С. 877.
- ²⁵ Го юй (Речи царств). — Шанхай, 1958. — С. 34; ср.: Го юй (Речи царств). — М., 1987. — С. 60.
- ²⁶ Подробно см.: Кобзев А. И. Гексаграммная магия в эпоху Чунь цю.
- ²⁷ Ли цзи (Записки о благопристойности) // Ши сань цзин чжу шу. — Кн. 22. — С. 991; Древнекитайская философия. — М., 1973. — Т. 2. — С. 101—102.
- ²⁸ Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки) // Эр ши у ши. — Т. 1. — С. 4, 117; его же. Исторические записки. — М., 1972. — Т. 1. — С. 134; — М., 1986. — Т. 4. — С. 180.
- ²⁹ Щуцкий Ю. К. Указ. соч. — С. 64.
- ³⁰ Чжоу и. — С. 58.
- ³¹ Лао-цзы чжу («Трактат/ Учителя Лао» с комментариями) // Чжу цзы цзи чэн. — Кн. 3. — С. 14; ср.: Древнекитайская философия. — Т. 1. — С. 122.
- ³² У-цзы (/Трактат/ Учителя У) // Чжу цзы цзи чэн. — Кн. 6. — С. 1; ср.: Конрад Н. И. Избранные труды. Синология. — М., 1977. — С. 318.
- ³³ Алексеев В. М. Наука о Востоке. — С. 384.
- ³⁴ Чжоу и. — Предисловие. — С. 4.
- ³⁵ Чжоу и. — С. 62.
- ³⁶ Чжоу и. — С. 71—72.
- ³⁷ См., например: Чжоу и. — Предисловие. — С. 7; Щуцкий Ю. К. Указ. соч. — С. 23.
- ³⁸ Чжоу и. — С. 70—72; см. также: Карапетьянц А. М. «Ба гуа»...
- ³⁹ Кобзев А. И. Нумерологическая методология... — С. 43—47.
- ⁴⁰ Чжоу и. — С. 62.
- ⁴¹ Сюй Циньтин. И цзин яньцзю (Исследование «Канона перемен»). — Тайбэй, 1970. — С. 33—35.
- ⁴² См., например: С а з о н о в В. А. Солнечные и лунные циклы в интерпретациях «И цзина» // XVI научная конференция «Общество и государство в Китае». — М., 1985. — Ч. 1. — С. 73.
- ⁴³ См., например: Вэнь у. — 1984. — № 3. — Илл. 1—2.
- ⁴⁴ Ян С ю н. Тай сюань цзин (Канон великой тайны). — Тайбэй, 1968; ср.: Щуцкий Ю. К. Указ. соч. — С. 139—142; Карапетьянц А. М. Древнекитайская системология и математика // XII научная конференция «Общество и государство в Китае». — М., 1981. — Ч. 1. — С. 59—60.
- ⁴⁵ Чжан Ячу, Лю Юй. Цун Шан Чжоу ба гуа шуцзы фухао тань шифа ды цзинэ вэньти (Обсуждение некоторых вопросов гадания на тысячелетнике на основе числовых символов триграмм [эпохи династий] Шан и Чжоу) // Каогу (Археология). — Пекин, 1981. — № 2. — С. 154—163.
- ⁴⁶ Чжоу и. — С. 65.

А. К. ЛЕБЕДЕВ

Слова «Япония», «японский» в последнее время стали чуть ли не синонимами понятия «научно-технический прогресс». Обычно при этом вспоминают достижения этой страны в области электронной техники, позволившие ей наводнить мир первоклассной качественной радиоэлектронной аппаратурой. Однако Япония добилась успехов и в других областях науки и техники, в том числе в такой «технологически передовой» отрасли, как строительство.

Общепринятым является мнение, что наукоемкие отрасли, к которым в первую очередь относится электронная промышленность, определяют сейчас развитие науки и техники в целом. При этом как-то уходит на второй план то, что все современное сверхсложное оборудование, ориентированное на технологии высокого уровня и призванное революционизировать процессы производства, лишь тогда может нормально функционировать, когда имеются соответствующие здания и сооружения, обеспечивающие нормальные условия для эксплуатации этой техники и работы обслуживающего ее персонала. Да и само жилище человека, насыщенное различными бытовыми машинами и приборами, начиная от оборудования кухни и кончая видеотехникой и домашними компьютерами, теряет свои традиционные формы. В современных условиях следование традициям — чаще всего лишь своего рода стилизация, а не необходимость, диктуемая окружающей средой и природными свойствами строительных материалов.

Однако окружающая среда, а для Японии такой ее элемент, как высокая сейсмичность практически во всех районах страны, вносит свои требования при строительстве зданий и сооружений. В связи с недавней катастрофой в Армении проблемы сейсмологии вновь привлекли внимание общественности Японии. По заявлениям ученых-сейсмологов, надежной системы прогнозирования землетрясений пока не существует, хотя этой проблемой в Японии занимаются давно и целенаправленно. По оценкам японских специалистов, системы по предотвращению тяжелых последствий природных катастроф (землетрясений, оползней и т. п.), основанные на использовании специальных датчиков, указывающих на приближение опасности, вероятнее всего, будут созданы в 2005—2010 гг. Примерно в этот же период найдут, как полагают, широкое применение технологии определения сейсмической активности и геологического строения отдельных районов и участков местности, которые могут использоваться при выборе мест строительства сооружений и зданий. Несколько ранее, в 2000—2005 гг., ожидается переход к широкому использованию локальных систем амортизации сейсмических толчков, обеспечивающих сохранность ключевых элементов построек и оборудования от разрушений.

Но даже и в случае успехов в этих направлениях основные усилия в области защиты от землетрясений предполагается направить на обеспечение сейсмостойкости сооружений, комплексной защиты населения от возможных катастроф в случае стихийных бедствий, учитывая расширяющиеся масштабы городского строительства в стране. По оценкам, к 2000 г. 70 % населения страны, которое, согласно прогнозам, к тому времени возрастает до 130 млн. человек, будет проживать в городах. Цены на земельные участки в городских районах стремительно растут, в результате чего становятся экономически оправданными проекты, совсем недавно считавшиеся футуристическими.

Как отмечалось в одном английском исследовании, посвященном строительной индустрии Японии, с внедрением новой японской технологии в ближайшие 10 лет строительный мир изменится так же сильно, как изменилось автомобилестроение, когда Генри Форд запустил в производство легковой автомобиль модели «Т»¹. Японские фирмы накопили большой опыт строительства крупных объектов инфраструктуры (туннелей и мостов) и энергетики и намерены широко использовать его в своей деятельности на внешнем рынке. Они считаются лидерами в области строительной робототехники. В частности, ими разработаны строительные машины с дистанционным и программным управлением, высокоавтоматизированные домостроительные заводы.

Для Японии становится реальностью освоение подземного пространства под городами не только для прокладки там транспортных и других коммуникаций, но и для строительства под землей многоэтажных жилых комплексов вместе с такими объектами, предназначенными для проведения досуга, как кинотеатры, рестораны, спортивные залы и т. п. Разрабатываются проекты строительства высотных зданий на искусственных, отвоеванных у моря площадках и даже на сваях в открытом море. Научным советом Японии подготовлено технико-экономическое обоснование строительства города с населением в 1 млн. человек, который предполагается возвести на сваях в Тихом океане в 100—150 км южнее Токио, где глубины воды достигают 130-150 м. Д. Кондо, президент названного совета, указывает, что вследствие большой плотности населения цена 1 м² земли в центральных районах Токио превышает 300 тыс. долл. По его подсчетам, общая стоимость земель в Японии достигла 8 трлн. долл., что более чем вдвое выше, чем в США², хотя площадь Японии составляет лишь 3 % площади США.

Власти Токио разработали проект городского «прибрежного центра», предусматривающего строительство 24 высотных административных зданий, в которых будут работать 115 тыс. человек, а также жилых зданий, рассчитанных на 44 тыс. жильцов. В целом, как отмечает печать, у крупных частных компаний растет интерес к строительству небоскребов, что, по мнению обозревателей, позволяет говорить о «новой эре строительства сверхвысотных зданий».

В апреле 1988 г. исполнилось 20 лет со дня завершения строительства первого в Японии сверхвысотного здания «Касумигасэки билдинг», высотой 147 м, расположенного в Токио. Истекший период, по словам японских обозревателей, характеризуется значительным прогрессом в области строительных технологий, что позволило повысить надежность и удобство строений, в том числе создать здания с конструкцией, поглощающей толчки и вибрацию, что особенно важно для Японии, страны с повышенной сейсмической активностью. В настоящее время разрабатываются проекты строительства здания для городских властей Токио (высотой 243 м), небоскреба «Лэндмарк тауэр» (295 м) в Иокогаме. Они будут выше самого высокого на сегодняшний день в стране здания «Саншайн-60» (226 м).

Вместе с тем, как отмечал вице-президент одной из крупнейших в Японии строительных компаний «Кадзима» Т. Кобори, который когда-то участвовал в подготовке проекта «Касумигасэки билдинг», все существующие сверхвысотные здания по своей конструкции должны быть надежными, однако ни одно из них до сих пор не испытало сильного землетрясения, а это означает, что их полная безопасность не доказана³. Сам Т. Кобори является сторонником зданий новой конструкции, получивших название «динамические информатизированные здания» (ДИЗ). Традиционно при строительстве небоскребов использовалась концепция «сопротивления толчкам», согласно которой здание должно обладать высокой стойкостью к сейсмической и ветровой нагрузкам и не разваливаться. В основу конструкции ДИЗ заложена концепция «амортизации», идея подавления колебаний.

Специальное оборудование ДИЗ, весящее многие тонны, в автоматическом режиме под управлением ЭВМ перемещается в направлениях, противоположных векторам сейсмических колебаний. Оно мгновенно реагирует на колебания, которые меняются по направлению и силе. Амортизирующая способность такой конструкции становится особенно важным ее качеством вследствие быстрого роста числа зданий, в которых установлена сложная электронная вычислительная техника и аппаратура связи, чуткие к сотрясениям и толчкам.

Японская компания «Мицубиси эстейт» намерена использовать подобную амортизи-

рующую систему для здания «Лэндмарк тауэр», в котором будут размещены конторские помещения и гостиница. Это 75-этажное здание, после завершения строительства в 1993 г., станет самым высоким в Японии и будет, как полагают, подвергаться сильной ударной ветровой нагрузке. Стоимость строительства этого здания (исключая стоимость земли) оценивается в 140 млрд. иен.

Еще одна система защиты размещенного в зданиях оборудования от толчков и вибрации предложена японской строительной компанией «Обаяси гуми». Эта система, получившая название «динамический пол», уже нашла применение более чем в 50 зданиях в Японии, с конторскими помещениями общей площадью 50 тыс. м². В частности, она установлена на третьем, четвертом и пятом этажах центрального здания банка «Сумитомо», на которых размещены ЭВМ.

Конструктивно рассматриваемая система представляет собой двойной пол, верхняя часть которого подвижная и расположена на высоте 45 см над неподвижной нижней частью. Верхняя часть «динамического пола» опирается на стальные пружины, установленные в цилиндрических стаканах. Эти опоры, снабженные масляными амортизаторами, поглощают большую часть вертикальных толчков. Что касается горизонтальных перемещений, то каждая из опор оборудована стальным башмаком с тефлоновым покрытием и может проскальзывать относительно верхнего пола на 20 см во всех направлениях.

Система «динамического пола», установленная в одном из зданий на шестом этаже, прошла практическую проверку еще в 1976 г. В результате землетрясения в 6,4 балла по шкале Рихтера, нижний пол испытывал толчки с ускорением 300 см/с², тогда как верхний пол — лишь 120 см/с², благодаря чему ни одна из установленных на этом этаже ЭВМ не пострадала.

«Динамический пол» может устанавливаться не только во вновь возводимом здании, его можно «встраивать» и в существующие постройки. По данным на 1987 г., его стоимость 500—600 долл. за м².

Эра строительства сверхвысотных зданий, похоже, охватит и жилищную сферу. Японская компания «Сэйю» осуществляет строительство 30-этажного жилого здания в одном из районов Токио. Созданный японским министерством строительства Совет по научным исследованиям и разработкам в области нового жилищного строительства в городах и Государственная корпорация по градостроительству совместно со строительными фирмами страны ведут исследования по проекту 50-этажного небоскреба, который призван послужить прообразом жилых зданий будущего. На крыше его предполагается разместить сад, внизу — рестораны и магазины. Из лифта с прозрачной кабиной можно будет любоваться панорамой Токийского залива.

Давно высказанная идея о строительстве зданий-гигантов, представляющих собой автономный производственно-жилой комплекс, также становится реальностью. В небоскребе «Лэндмарк тауэр» верхние этажи предполагается отвести под гостиницу, средние — под конторские помещения, нижние — под торговые предприятия. Здание фактически будет представлять собой автономный комплекс.

Автономные комплексы представляют собой и так называемые «информатизированные здания». Этот термин появился в США в 1984 г., однако толкование его до сих пор не устоялось. Согласно современной точке зрения, это здание, в котором установлены центральная управляющая ЭВМ, цифровая телефонная установка, сеть волоконно-оптических линий связи для обеспечения управления инженерным оборудованием здания (лифты, осветительные приборы, кондиционеры, системы отопления, приборы безопасности и т. п.), локальные вычислительные сети, оборудование для проведения телевизионных конференций, установки спутниковой связи, оборудование для автоматизации конторских работ, хранения и обработки информации.

В настоящее время в Японии насчитывается четыре «информатизированных здания»: «Тосиба билдинг» (расположено в Токио, построено в марте 1984 г.), «Хонда Аояма билдинг» (Токио, август 1985 г.), «Туин-21» (Осака, март 1986 г.), «Арк хилз» (Токио, март 1986 г.).

Пока в процессе информатизации японской экономики наблюдается определенный дисбаланс — основным центром обработки и хранения информации является Токио. Строительство «информатизированных зданий» в других городах позволит исправить это положение, распределив указанные функции по всей стране. В марте

школах первой ступени проходило 330 тыс. учащихся и в 39 школах второй ступени — 27 тыс. учащихся. Кроме того, около 60 тыс. детей охвачены системой дошкольного обучения², которое осуществляется как за счет государственных средств, так и за счет средств предприятий, кооперативов и других производственных объединений.

К деятельности по осуществлению программ в области народного образования потребовалось привлечь дополнительное количество учителей, а также административного персонала. За время, прошедшее после 1979 г., создана целая сеть педагогических учебных заведений, среди них — педагогический институт, институт управления, 20 педучилищ, 7 региональных центров по подготовке преподавателей средних школ первой ступени.

Начальные и средние школы получили созданные в относительно короткие сроки учебники; разработаны школьные программы на кхмерском языке, которые постоянно совершенствуются. В большинстве школ открылись библиотеки. Развернуто строительство школьных помещений — как временных, так и капитальных. Ежегодно во время каникул педагоги занимаются на курсах повышения квалификации. Однако, как признают кампучийские товарищи, несмотря на большие достижения, здесь предстоит еще многое сделать.

Сразу после провозглашения НРК стала создаваться система высшего и среднего специального образования. В декабре 1979 г. в Пномпене вновь открылся институт медицины и фармакологии, а в январе следующего года приняло учащихся училище по подготовке младшего медицинского персонала. В июле 1980 г. начал свою деятельность педагогический институт, где сейчас обучается более тысячи студентов по девяти специальностям.

В сентябре 1981 г. принял студентов оборудованный с помощью СССР политехнический Институт кампучийско-советской дружбы. На его пяти факультетах — более тысячи студентов, среди преподавателей есть и советские специалисты. Сейчас в стране действует шесть высших учебных заведений, которые готовят студентов по 32 специальностям. Предполагается открыть пномпеньский университет с 11 факультетами по естественным и общественным наукам. В него также войдут педагогический институт и институт языков.

Средние специальные учебные заведения (их 22) готовят выпускников по 61 специальности. Существует также 29 школ профессионально-технической подготовки. Важное место среди них занимает созданный при содействии СССР Центр профессиональной подготовки кампучийско-советской дружбы, который готовит квалифицированных рабочих по 14 специальностям. Помимо этого ряд министерств и организаций имеют собственные ускоренные курсы профессиональной подготовки и повышения квалификации.

По соглашению с рядом социалистических стран в последних проходят обучение кампучийские студенты и стажеры. В 1988 г. около 5 тыс. кампучийцев обучались в вузах, средних специальных учебных заведениях, а также производственно-технических училищах социалистических стран. Сотрудничество в области образования осуществляется с Советским Союзом, Вьетнамом, Лаосом, ГДР, Польшей, Венгрией, Болгарией, Чехословакией, Монголией, Кубой, а также с Индией.

При министерстве образования НРК создан научно-исследовательский институт, в нем сейчас около 25 сотрудников, занятых научными разработками, в основном применительно к педагогике, по таким направлениям как история, география, образование, лингвистика, литература, намечены исследования в области социологии. Большое внимание уделяется институту выработке терминологии на кхмерском языке. Институт поддерживает связи с научными и педагогическими центрами социалистических стран, в том числе с Институтом этнографии и Институтом востоковедения АН СССР, совместно с которым ведутся разработки по истории Кампучии английского периода.

Важную роль в деле становления образования в НРК, особенно на начальном этапе, сыграла помощь международных, а также неправительственных организаций. Один из авторов настоящего материала исследовал эффективность и уроки оказания международной помощи пережившим глубокий кризис странам. В изданном ЮНЕСКО аналитическом материале представлен ряд соображений, касающихся международной помощи Кампучии³. Эта помощь в сфере народного образования прошла три этапа: 1) период 1979—1981 гг. — этап оказания экстренной помощи, прежде всего предме-

тами первой необходимости и питанием для детей; 2) период 1982—1983 гг. — расширение и совершенствование помощи, рост международной поддержки гуманитарной помощи Кампучии; 3) период 1983—1984 гг. — последовательная стагнация помощи.

Эффективность международной помощи во многом зависит от конкретных условий страны, которой она оказывается. К факторам, благоприятствовавшим такого рода эффективности на рубеже 70-х — 80-х годов, если иметь в виду условия Кампучии, нередко относят традиционно сохранявшиеся стереотипы общественной организации — общины, деревни, семьи, в которых важное место занимали принципы взаимопомощи. При этом школы в Кампучии часто служат как бы центром взаимопомощи в деревне, прежде всего в обеспечении детей питанием и медицинским обслуживанием. Учителя имеют в общине высокий авторитет и выполняют роль лидера.

В условиях конфликтной ситуации в Кампучии школа рассматривалась не только как центр общественных коммуникаций, но и как зона, гарантирующая безопасность детей. Для них это было место, где они могли обрести спокойствие, надежду на будущее и, что не менее важно, получить питание и медицинскую помощь. Таким образом, школа стала в начале 80-х годов по существу единственной организацией, направленной всецело на обслуживание детей. В связи с этим международная помощь, имевшая в виду поддержку этой ячейки кампучийского общества, явилась важной составной частью борьбы за выживание нации.

Как правительственным организациям НРК, занимающимся вопросами образования, так и международным организациям по оказанию гуманитарной помощи в своей работе приходилось учитывать целый ряд немаловажных факторов. К числу последних относятся: миграция населения внутри страны и через ее границы, вызванная военными действиями; изменения в демографической ситуации, которая характеризовалась резким уменьшением доли мужского населения; увеличение количества вдов и сокращение рождаемости в 1975—1979 гг. Комплексное воздействие этих демографических аномалий еще в течение длительного времени будет сказываться как на структуре занятости населения, так и на социальных запросах в сфере образования и профессионального обучения.

На рубеже 80-х годов в среде кампучийцев более заметно, нежели ранее, стали проявляться такие качества, как доверие к окружающим, чувство собственного достоинства, полнее проявляет себя личность граждан нового общества. Резко возросли культурные потребности, в том числе интерес к книгам и другим источникам информации, заметнее тяга людей к культурному самовыражению. Правительство в ответ на запросы населения по восстановлению богатого культурного национального наследия и культурных ценностей значительно активизировало по всем доступным каналам информацию о национальной культуре. Важную роль в этом процессе играла и школа, часто служившая своеобразным культурным центром, организовывавшим различного рода шествия и представления с национальными танцами, музыкой, демонстрацией образцов прикладного искусства и т. д.

В те же годы, когда Кампучии оказывалась срочная гуманитарная помощь, основной для населения была продовольственная проблема. Оплата труда учителей осуществлялась частично за счет государства (пайками риса), частично группами взаимопомощи и другими объединениями сельскохозяйственных производителей, ремесленников, торговцев и т. д. Дети получали питание в школах или приютах. Таким образом, возможность получать питание и пользоваться медицинской помощью стала важным дополнительным стимулом для посещения детьми школы. Это позволило активно развернуть образовательные программы повсеместно и внедрять в школах рабочую атмосферу: занятия по труду, ремеслам и т. п.

Опыт Кампучии подтверждает, что международная помощь в деле образования при относительно умеренных затратах может достичь заметных результатов лишь в том случае, если максимально использовать народные энергии и инициативу, которые обязательно проявляются в ходе решения проблем, имеющих жизненное значение.

Важную роль в эффективном использовании международной помощи играет взаимопонимание и взаимодействие стран и организаций, оказывающих ее, и правительства страны, получающей данную помощь. По мнению одного из авторов, министерство образования НРК, возглавляемое бывшими преподавателями, имело лучшую организацию и было лучше подготовлено к приему и распределению международной помощи, чем другие заинтересованные организации республики.

В целом, если оставить в стороне различного рода технические неувязки, которые имели место, программы международной помощи Кампучии в области образования были успешными. В значительной степени этому способствовало то, что эти программы связали воедино образование, производственное обучение и удовлетворение основных жизненных потребностей населения.

В то же время, как считает один из авторов, не удалось достичь значительного прогресса в повышении уровня технического и профессионального обучения. Это можно объяснить традиционным предпочтением, которое отдают кампучийцы гуманитарному, «академическому» типу среднего образования, а также тем, что правительство еще не разработало эффективную систему стимулирования технического образования (набора студентов, распределения стипендий и т. д.).

К недостаткам можно отнести и то, что иногда в погоне за внешним эффектом неправительственные и частные гуманитарные организации уделяли все внимание помощи школам при домах для сирот, а это приводило к диспропорциям в поставках и распределении помощи.

¹ Republique Populaire du Kampuchea, Statistiques Scolaires 1979—1987, Ministere de l'education, novembre 1987.

² Ibid.

³ Hans Reiff. Education development. Basic human needs and disaster relief: lessons from a few experiences. Unit for cooperation with UNICEF and WFP. Unesco, Paris, 1984.

СИС — СОЦИУМ, ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Китайские рабочие за рубежом

С 1979 г. Китай развивает сотрудничество с зарубежными странами в деле предоставления им трудовых услуг по контрактам. В период с 1979 по 1988 гг. около 300 тыс. китайских рабочих и специалистов трудились в 118 странах мира. В государствах Азии, Африки и Ближнего Востока с помощью китайских специалистов было построено 6,7 тыс. объектов. Доходы Китая от этого превысили 10 млрд. долларов.

В 1988 г. китайские компании заключили с иностранными партнерами свыше 1,5 тыс. контрактов на сумму около 2 млрд. долларов; численность китайского персонала, работающего за границей, составила 68 тыс. человек.

Китай строит за рубежом шоссейные дороги, фабрики, сельскохозяйственные фермы, школы, клубы и стадионы, а также оказывает помощь в эксплуатации объектов.

Бум иностранного туризма в Китае

В последние годы в Китае большое внимание уделяется развитию индустрии туризма. В рамках проводимой политики расширения связей с внешним миром иностранному туризму придается важное значение.

По сообщениям китайской печати, в 1987 г. страну посетило 26,9 млн. иностранцев, доходы от туризма составили 1,84 млрд. долларов или 34,2 % всех валютных поступлений по неторговым каналам. В 1988 г. количество иностранцев, посетивших Китай, превысило 30 млн. человек, валютные поступления от интуризма составили 2,22 млрд. долларов. Сегодня в Китае действует более 1300 туристических гостиниц, имеющих 200 тыс. комфортабельных номеров.

«Жестокий русский плен»!

(свидетельствуют японцы)

*Е. Ю. БОНДАРЕНКО,
кандидат исторических наук*

Судьба военнопленных всегда была одной из наиболее болезненных проблем войн и военных конфликтов. Последствия второй мировой войны страшны еще и тем, что до сих пор неизвестна участь сотен тысяч ее участников. Во многих странах мира средства массовой информации, исходя из принципов гуманизма, стараются собрать и сообщить все возможные сведения о жертвах концлагерей и тюрем, проследить судьбу солдата или офицера, попавшего в плен. Необходимо знать правду о минувшей войне, чтобы ее ужасы не повторялись вновь.

Радио, печать и телевидение Японии также уделяют большое внимание судьбам своих сограждан, попавших в плен после разгрома советскими войсками в сентябре 1945 г. Квантунской армии. В послевоенные годы свыше 600 тыс. японских военнослужащих находились в лагерях на территории Советского Союза¹. Публикации воспоминаний бывших военнопленных вызывают естественный интерес в современной Японии. Однако во многих из них звучат грубые антисоветские вымыслы. Средства массовой информации пытаются убедить японцев в том, что их соотечественники, оказавшись в советском плену, терпели тяжкие лишения. Печать приводит все «новые цифры» погибших в России от голода, мороза и побоев. С тревогой говорила об этом на встрече с советскими учеными известная японская публицистка Хисао Савати, стремящаяся объективно осветить положение японских военнопленных в СССР, используя для этого и материалы советских архивов.

Цель этих фальсификаций ясна — очернить советского воина-гуманиста, воина-освободителя и поставить его вровень с солдатом японской армии с его слепым фанатизмом и культом жестокости, прививавшимися милитаристской пропагандой с детства. Ведь жестокость японских солдат к военнопленным в годы второй мировой войны еще не изгладилась из памяти народов, переживших японскую оккупацию.

Видимо, из-за царивших в Японии взглядов на отношение к военнопленным сразу после разгрома Квантунской армии по Японии поползли леденящие душу слухи об издевательствах советских солдат над военнопленными. Подстрекаемые местной реакцией и инсинуациями западных радиостанций, родственники военнопленных японцев буквально осаждали советское представительство, требуя сведений о своих близких и возможности переписки.

А в это время бывшие японские солдаты обустроивались в лагерях на территории советского Дальнего Востока, в Сибири и в центральных районах РСФСР. В обращении с японскими военнопленными Советское правительство строго руководствовалось нормами международных конвенций о военнопленных. Пленные, независимо от служебного положения в японской армии, обеспечивались высококалорийным продовольственным пайком, включавшим рис и другие продукты, а также одеждой, обувью, медицинской помощью.

Вот что заявил о своем пребывании на советском Дальнем Востоке в СССР бывший военнопленный, а впоследствии грузчик порта Фусики на встрече с советскими моряками: «О Советском Союзе у меня остались хорошие воспоминания. Будучи военнопленным, я работал на известковом заводе в Хабаровском крае. Администрация относилась к нам хорошо. Когда были сильные морозы, нам даже не разрешали

работать»². Администрация лагерей уделяла большое внимание охране труда и здоровья японских военнопленных, организации их отдыха. В Хабаровске для военнопленных издавалась на японском языке газета «Нихон симбун» с ежедневным тиражом 200 тыс. экземпляров. Было разрешено получать посылки из Японии³.

На фоне довольно благополучной жизни японских военнопленных в СССР кадрами из фильмов ужасов кажутся эпизоды расправ японских солдат над военнопленными в годы второй мировой войны. Свидетельствуют строки из Приложения к Приговору Международного военного трибунала в Токио (май 1946 г.): «Пытки военнопленных и гражданских интернированных лиц производились почти во всех районах, где располагались японские войска... К этим пыткам относились пытки водой, прижигание тела, пытки электричеством, растягивание коленных суставов, подвешивание, принуждение стоять на коленях на острых предметах и порка... В результате такого обращения 27 процентов всех британских и американских пленников погибли в лагерях. Многие тьсячи других навсегда остались инвалидами»⁴.

В 1949 г. первая партия военнопленных возвратилась в Японию из Владивостока, Находки и Ворошилова (Уссурийска). На пароходе «Эйтоку мару», прибывшем из Находки в Майдзуру, вернулось 2 тыс. японских граждан. Толпы родственников и журналистов, встречавших в порту бывших пленников, застыли в ожидании... О том, какое впечатление произвели репатрианты на японскую общественность, говорят сообщения токийской радиостанции. «В первой партии военнопленных не было изнуренных, павших духом, ходячих скелетов, какими предполагала встретить их японская общественность. На палубу парохода «Эйтоку мару» вышли японцы, которые в течение нескольких лет не видели своей родной земли. Все прибывшие японцы были в полном здорьеве и пели песни дружно, хором»⁵.

Это была первая неожиданность для общественности Страны восходящего солнца, которая привела многих в полную растерянность. Еще более впечатляющим оказались личные контакты японских журналистов с их соотечественниками, прибывшими с советского Дальнего Востока. «Репатриированные японские граждане уже второй день находятся на своей родной территории,— сообщало японское радио в июне 1949 г.— Все они по-разному излагают впечатления о Советском Союзе. Единственное, в чем сходятся все высказывания,— это в том, что в Советском Союзе нет расовой дискриминации и что ко всем гражданам Японии, находившимся в лагерях для военнопленных на территории Советского Союза, относились так же, как к гражданам Советского Союза»⁶. В беседе с японскими репатриантами журналисты, как сообщалось в передачах токийского радио выяснили, что «в лагерях для военнопленных в Советском Союзе питание с каждым годом улучшалось, вследствие чего японцы смогли приехать на родину в полном здравии. Репатриант из города Киото Мурата заявил, что хотел бы познакомиться своих соотечественников с истинным положением дел в Советском Союзе. По его мнению, желательно также перенять хорошие стороны СССР и непосредственно применять их в Японии для того, чтобы развить в Японии истинную демократию»⁷. Многие репатрианты, по их свидетельству, «стали думать совсем иначе, чем прежде...»⁸.

Гуманное отношение советского человека к пленным не могло не отразиться на японских солдатах, живших в послевоенные годы на территории СССР. У них, недавних камикадзе, не ставших ни во что ни свою, ни чужую жизнь, раскрывались на мир глаза, очищались души. О чувствах и настроениях японцев, побывавших в советском плену, свидетельствуют телеграммы, отправленные родным с борта парохода по возвращении. Содержание этой корреспонденции в основном оптимистичное и бодрое. Вот типичное из них: «Здоров. Скоро буду дома. Вы, наверное, беспокоились в связи с тем, что я содержался в лагерях в Советском Союзе. Но ваши беспокойства напрасны»⁹.

Физическое состояние репатриантов быстро перестало вызывать беспокойство у соотечественников. Однако у представителей правящих кругов Японии тревогу вызывали взгляды и мировоззрение прибывающих из Советского Союза военнопленных. Это беспокойство отражалось и в передачах японского радио. Например, в таком сообщении: «30 июня 1949 г. В Майдзуру прибыла вторая группа репатриированных в количестве 2 тыс. человек, которые пели коммунистические песни. Во время встречи прибывшие выстроились на палубе парохода «Эйтоку мару» и запели «Интернационал», выкрикивали коммунистические лозунги»¹⁰

По прибытии в Токио репатрианты направлялись в советское дипломатическое представительство и штаб коммунистической партии. Японцы благодарили советских людей за гуманное отношение к военнопленным и рассказывали, что 5 тыс. их соотечественников по разрешению Советского правительства остались на Южном Сахалине на постоянное место жительства¹¹.

Японские радиожурналисты писали также о том, что прибывшие из СССР репатрианты приняли участие в митинге, организованном профсоюзными организациями Японии в защиту безработных. Это произошло 30 июня 1949 г., а 5 июля 50 бывших военнопленных пришли в Токийское управление государственных железных дорог для того, чтобы выразить свой протест по поводу массового увольнения рабочих. Когда им было отказано в приеме, репатрианты, соединившись с другой группой бывших военнослужащих, организовали демонстрацию и пошли к резиденции премьер-министра, в комитет профсоюза рабочих государственных железных дорог. Требования демонстрантов включали 12 пунктов, важнейшим из которых было требование «свободы действий демократических организаций Японии»¹². «Японские репатрианты, размахивая красными флагами, посетили здание национального парламента и выразили свое желание работать на демократическую Японию вместе с коммунистической партией как руководящей силой страны», — сообщало в те дни радио Японии¹³.

Реакция забила тревогу. На территории Японии во всех местах въезда репатриантов из СССР японские и американские спецслужбы устроили «карантинные лагеря» для выявления тех, кто «поддался красной пропаганде», выступал за демократическое обновление Японии. Бывшие военнопленные находились за колючей проволокой, пока шла их проверка на лояльность, а заодно и сбор сведений о СССР. В большинстве случаев беседы с военнопленными не удовлетворяли представителей спецслужб. Последние утверждали, что репатрианты заучили все ответы на вопросы еще в России. «Когда возвратившихся репатриантов спрашивали о каких-либо разговорах среди русских об атомной бомбе или об испытаниях русскими атомных бомб, — отмечал японский корреспондент, — репатрированные давали, как видно, заранее подготовленные ответы и говорили, что атомная бомба является варварским оружием, которое США отказываются раскрыть или передать под международный контроль»¹⁴. Как подчеркивали в 1949 г. японские и американские средства массовой информации, многочисленные проверки бывших военнопленных привели правительство Японии к выводу, что «большая часть недавно репатрированных из России японцев являются коммунистами или по меньшей мере их последователями»¹⁵.

Это, конечно, явное преувеличение. Но тем не менее на взгляды японских военнопленных большое влияние оказали гуманность и интернационализм советского человека. Свои чувства и впечатления репатрианты передавали новым поколениям японцев. Не случайно, что на судах, перевозивших в 1956 г. последние партии военнопленных из Находки в Японию, находились рисунки, письма и подарки японских школьников их сверстникам в школах Находки, Хабаровска, Южно-Сахалинска.

Память японцев о гуманизме советских людей все же сильнее пропагандистских кампаний и вымыслов о «жестоком русском плене».

¹ См.: Всемирная история.— М., 1965.— Т. X.— С. 548.

² Тихоокеанский моряк.— 1960.— 15 марта.

³ Государственный архив Хабаровского края (далее ГАХК).— Ф. 1036.— Оп. 1.— Д. 461.—

Л. 20.

⁴ Цит. по: Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио.— М., 1980.— С. 535.

⁵ ГАХК.— Ф. 1036.— Оп. 1.— Д. 461.— Л. 11, 26.

⁶ Там же.— Л. 3.

⁷ Там же.

⁸ Там же.— Л. 7.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.— Л. 30.

¹¹ Там же.

¹² Там же.— Л. 77.

¹³ Там же.— Л. 107.

¹⁴ Там же.— Л. 20.

¹⁵ Там же.— Л. 21.

Рождение новой Ассоциации

ПЬЕРО КОРРАДИНИ (Италия)

На конференции Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК), состоявшейся в 1984 г. в Тюбингене, г-жа Дж. Чэнь представила сообщение о вновь образовавшейся к тому времени Европейской ассоциации по китайскому праву. Как президент этой ассоциации (с мая 1988 г.) и в надежде на установление тесного сотрудничества как с отдельными членами ЕАК, так и с различными организациями и другими ассоциациями китаеведов, я хочу представить на ваше рассмотрение некоторую новую информацию о деятельности нашей ассоциации.

Хорошо известно, что начиная с 1978 г. в КНР осуществляются программы совершенствования законодательства, которые все еще далеки от завершения. Для достижения впечатляющих целей модернизации Китая необходимо юридическое обеспечение. Фактически, если «власть людей» не сменится «властью закона», невозможна никакая реальная модернизация.

В ходе так называемой культурной революции игнорировались немногие функционировавшие ранее правовые акты и юридические органы. Была приостановлена начатая в 50-е гг. работа по выработке законодательства КНР. После десятилетнего хаоса потребовалась трудная работа в юридической области, и пришедшие около десяти лет назад к власти новые лидеры Китая столкнулись с серьезнейшей проблемой.

Нет необходимости объяснять важность правотворческой деятельности в КНР. Достаточно упомянуть, что если не будут точно и ясно определены права граждан и юридических лиц, то никакое развитие национальной экономики невозможно как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. В особенности это касается вопросов распоряжения имуществом, права собственности, порядка наследования. Более того, иностранные капиталовложения и такие новые формы экономической деятельности, как совместные предприятия и особые экономические зоны не только не могут успешно развиваться, но и существовать как независимые элементы рыночной экономики, если им не обеспечены юридические гарантии получения прибылей и решения вопросов трудовых отношений. Короче говоря, для того чтобы обеспечить нормальное экономическое и социальное развитие и защитить важнейшие права граждан, в любых условиях необходимы юридические гарантии.

В течение длительного времени ощущается необходимость научного подхода к изучению правовой системы КНР. Широко известны имена таких видных специалистов прошлого, как Джин Эскарра, Дерк Бодд, Карл Бюнгер, Маринус Мейджер. Однако приходится с сожалением констатировать, что в течение последних десятилетий в области исследования данных проблем, даже в историческом аспекте, не достигнуто серьезного прогресса.

По инициативе ученика Эскарры покойного Цянь Чэхао в 1984 г. была создана наша Ассоциация по китайскому праву. Будучи сотрудником французского Центра научных исследований, г-н Цянь продолжал традиции изучения китайского права. В критический момент истории Китая он хотел значительно ускорить работу в этой области.

* Пьеро Коррадини — профессор Государственного университета «Сапиенца» в Риме, президент Европейской ассоциации по китайскому праву. Настоящее сообщение сделано на XXXI Конференции Европейской ассоциации китаеведения, состоявшейся в сентябре 1988 г. в Веймаре (ГДР) и опубликовано в Информационном бюллетене Европейской ассоциации по китайскому праву (1988, № 3).

При подготовке к печати сообщение подвергнуто незначительным сокращениям.

Ассоциация была основана с двоякой целью. С одной стороны, в ее задачу входит совершенствование научных знаний в правовой системе как традиционного, так и современного Китая. С другой — Ассоциация была ориентирована на практическую помощь фирмам и другим субъектам юридической практики в их повседневной работе. С этой целью были созданы следующие постоянные комиссии: по типовым контрактам, по банковским и валютным операциям, по арбитражу, по морскому праву, по правовой терминологии, по административному праву.

Ассоциация издает информационный бюллетень, который пользуется значительным спросом среди юристов и синологов. В штаб-квартире ассоциации в Брюсселе, в ее распоряжении находится Китайская правовая библиотека, способная удовлетворить запросы растущего числа специалистов и студентов. Возможно, эта библиотека с фондом более полутора тысяч томов, 3/4 которых на китайском языке, — не единственная в Европе. Однако, по всей видимости, она может предоставить наиболее полную информацию по сравнению с другими библиотеками.

По инициативе ассоциации установлены контакты с Китайским обществом правоведения (КНР), а также с различными юридическими и деловыми учреждениями в Европе. Она оказала реальную помощь таким организациям, как Европейский центр менеджмента (Брюссель) и Миланский институт арбитража.

В ассоциации, которая была официально зарегистрирована в Бельгии как международная организация, насчитывается (на конец 1987 г.) 130 членов, заявки на вступление продолжают поступать. Поскольку целью ассоциации, как записано в ее Уставе, является «содействие и координация исследований китайской правовой системы», постольку существует значительное поле деятельности для синологов, интересующихся данной проблематикой.

СИС — СОЦИУМ, ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Крепнут дружеские связи

По данным агентства Синьхуа, в 1988 г. Китайское народное общество дружбы с заграницей (КНОДЗ) приняло 200 делегаций (более 3 тыс. человек) из 57 стран, что на 50 % больше, чем в 1987 году; 41 китайская делегация (более 250 человек) посетила 36 стран.

За 34-летний период своего существования общество установило дружеские связи со 140 странами. Более 300 филиалов КНОДЗ имеют с городами 36 стран отношения на уровне «породненных городов».

В 1988 г. по линии КНОДЗ 6 китайских художественных коллективов выступили со своими программами в 7 странах, 32 художественных коллектива из 10 стран совершили гастрольные поездки в КНР.

Традиционная китайская медицина

По данным Государственного управления по делам традиционной китайской медицины, за последние 9 лет количество больниц традиционной медицины возросло с 400 до 1800, 95 % больниц западного направления имеют при себе отделения народной медицины. К 2000 году число врачей традиционного направления планируется увеличить на 350 тыс. человек.

По рецептам народной медицины выпускается свыше 4 тыс. видов лекарств. В 1987 г. объем изготовленных лекарственных препаратов с применением дикорастущих трав, продуктов животноводства и морских промыслов составил 200 тыс. тонн.

Большой популярностью лекарства традиционной китайской медицины пользуются за рубежом. Как сообщает «Чайна дейли», в 1987 г. благодаря их экспорту доходы государства увеличились на 300 млн. долларов.

*А. А. ДОЛИН,
кандидат филологических наук*

Врачеватели и маги

Натурфилософские представления даосских мыслителей нашли конкретное отражение в медицинской науке, которая в отличие от алхимии и магии, также освоенных даосами, приносит и продолжает приносить весьма ощутимые результаты. Считается, что первая известная нам книга по медицине «Нэйцзин» («Трактат о внутреннем»), приписываемая императору Хуан-ди (III тыс. до н. э.), обобщила эмпирические познания китайских лекарей, накопленные за тысячелетия существования древней цивилизации. С той поры появилось множество трактатов, пособий и учебников по китайской медицине. В частности, уже так называемая «Книга правды» (IV в.) давала полную топографию почти семисот акупунктурных точек и их подробное пояснение. В VI в. получило развитие учение о пульсе и диагностике различных заболеваний по пульсу. Далее, вплоть до XI в., различные аспекты акупунктуры и акупрессуры разрабатывались в сочинениях всех ведущих китайских врачей. В эпоху Сун в 1027 г. впервые были отлиты из бронзы две человеческие фигуры в полный рост с указанием расположения точек и глубины их местонахождения. (Одна такая скульптура сейчас находится в Государственном Эрмитаже.) В 1068 г. по императорскому указу была основана академия по акупунктуре. В XIII в. вышла специальная книга о точечном массаже для детей. Наконец, в 1315 г., в эпоху Юань, врач Ду Сеузинь обобщил весь имевшийся к тому времени опыт акупунктуры и акупрессуры в своем фундаментальном труде.

Позже, в эпоху Мин (XIV—XVII вв.), выходили новые многочисленные исследования по национальной медицине, и в частности по акупунктуре, акупрессуре, массажу. Их объем превысил сто больших томов. В 1575 г. из всей имевшейся в ту пору литературы был составлен восьмитомный сборник «Введение в медицинские науки», а в конце XVIII в. увидел свет основополагающий труд в трех томах «Упрощенное обучение технике иглоукалывания и прижигания моксой». Только за последнее столетие в Китае было опубликовано несколько десятков книг по акупунктуре и смежной тематике, но все они, разумеется, базируются на классическом каноне.

Хотя многие европейские врачи, столкнувшись с китайской медициной, обвиняли китайских медиков в невежестве и злостном шарлатанстве, было бы большим заблуждением думать, что достижения чжэньцзю-терапии перестали интересовать человечество. Еще в XVII в. появились книги французов и голландцев о методах китайской медицины. Всего вышло восемь книг. В XVIII в. были опубликованы работы еще восемнадцати европейских авторов, среди которых можно упомянуть Вальсальву (1707), Кемпфера (1712), Кардонне (1770), Зибольда (1781), Вико д'Азора (1787). В XIX в. число авторов, выпустивших работы по акупунктуре, увеличилось до 142. Среди них выделяются имена Берлиоза, Ремусата, Лавю, Сарландье, Дабри. Наконец, в XX в. теории акупунктуры разрабатывали на За-

* Окончание. Начало см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1989, № 2.

паде Феррей-Ролле, Сульи де Моран, Де ля Фуйе, Войши, Нибойе, Шамфрауль, Штиффатер, Шмидт, Бахман и десятки других специалистов.

В СССР также выходили труды по иглотерапии Г. Г. Лувсана, В. Г. Вогралика, Д. М. Табеевой, В. С. Гойденко, Т. Е. Норкиной и др. Принципы акупунктуры и акупрессуры, в частности, глубоко изучаются в Московском институте рефлексотерапии и давно уже используются на практике для лечения самых различных заболеваний во всех крупных городах нашей страны. Таким образом, как бы ни были уязвимы для критики основные положения национальной китайской медицины с точки зрения материалистической науки, их жизненность не оставляет сомнений.

Китайская медицина, сохранившая все свои отличительные черты на протяжении тысячелетий, существенно отличается как от западных, так и от ближневосточных медико-биологических учений. Гиппократ, Гален или Авиценна, ознакомившись с трактатом Хуан-ди, вероятно, сочли бы эту книгу чистой воды шарлатанством. С другой стороны, знаменитый лекарь Хуа То, прочитав сочинения Гиппократа или «О природе вещей» Лукреция, скорее всего назвал бы авторов наивными фантазерами. Дело в том, что при явном единстве анатомического строения человека любой национальности подход к человеческой природе на Западе и на Востоке был в корне различен. С точки зрения классической и современной западной медицинской мысли в китайской (точнее тибетско-китайской, а также корейской, вьетнамской и японской) традиционной медицине есть положения и представления совершенно неприемлемые. Тем не менее эта медицина как целостная система действовала на протяжении тысячелетий и получает всемирное признание в наши дни.

Восточная медицина делает упор на активизации естественных биологических возможностей человека, чтобы предотвратить болезнь и улучшить общее состояние организма, а если организм все же поражен недугом, задача врача — выявить его первопричину, ликвидировать ее и восстановить утраченную гармонию с природой. Западная медицина лечит конкретную болезнь, восточная — конкретного больного. Химические препараты и хирургическое вмешательство служат в западной медицине наиболее радикальными средствами. Между тем на Востоке предпочтение отдается акупунктуре, акупрессуре и фитотерапии с непременным учетом индивидуальных особенностей пациента. Не будем же пытаться сравнивать преимущества и недостатки медицинской науки Востока и Запада. Остановимся лишь на изложении ключевых положений китайской медицины, легших в основу натурфилософской теории ушу и определивших важнейшие направления психофизиологического тренинга в области воинских искусств.

Поскольку человеческое тело, образующее некий микрокосм, мыслится как часть макрокосма, единой Вселенной, оно подчиняется законам, царящим в природе. В этом микрокосме также бесконечно взаимодействуют силы *инь* и *ян*, проявляющиеся в соотношении пяти первоэлементов. Мужчина воплощает начало *ян*, женщина — начало *инь*, но каждый пол заключает в себе и часть противоположного начала. Также и внутренние органы человека делятся на шесть *ян* и шесть *инь* — органов, соотносящихся с пятью стихиями.

Человек подчиняется общим закономерностям природы, отличаясь от всего остального разумом, способностью познавать и изменять окружающий мир. Тело его расчленяется на анатомо-функциональные единицы — органы, неизменно взаимодействующие между собой и в целом с окружающей средой.

«Нэйцзин» утверждает, что в человеческом организме имеется двенадцать жизненно важных органов. Под органами понимаются структурно-функциональные единицы, системы, объединяемые не столько по принципу морфологической очерченности и топографической ограниченности (как это принято в западной медицине), сколько по принципу общности функциональной деятельности. Ни органы, ни их наименования в восточной медицине не соответствуют в полной мере нашему современному представлению.

В толкование понятия «орган» даосскими врачами вкладывался более широкий смысл. Так, легкие — это не только вся бронхо-легочная система, обеспечивающая дыхание, но и циркуляция, использование вдыхаемого воздуха в организме; сердце — вся система кровообращения и крови, теснейшим образом связанная с психической деятельностью человека; печень — орган и система, обеспечивающие обмен веществ

и энергии, связанные с их нервной и гуморальной регуляцией и деятельностью других органов.

Из двенадцати жизненно важных органов 6 органов (*ян*) рассматриваются как цеха усвоения, выработки и направления энергии: желудок, тонкая и толстая кишки, желчный и мочевой пузыри и так называемый «тройной обогреватель»; другие 6 органов (*инь*) рассматриваются, как вместилища и места реализации энергии: легкие, сердце, печень, селезенка, почки и так называемый «перикард» (точнее: «управитель сердца» или «сердечно-сексуальная система»). Каждый из перечисленных органов мнемонически соответствует определенному первоэлементу и в зависимости от этого находится с другими органами в сложном взаимодействии. Взаимодействие между ними осуществляется многообразно.

Боль — это функция силы *ян*. Все *ян*-органы могут подвергаться влияниям со стороны сознания и подсознания, различных эмоций и импульсов. Здоровье организма в основном зависит от целостности *инь* — органов, которые содержат в себе и элементы *ян*. Последнее обстоятельство объясняет тот факт, что сильные волевые акты, испуг, тревога, волнения и прочие *ян*-влияния могут поражать *инь*-органы. Чаще всего нарушающие *ян*-влияния идут через так называемый меридиан «тройного обогревателя» — функциональный круг, соединяющий органы грудной полости, брюшной полости и мочеполовой системы.

Акупунктурная система не ограничивается чисто физическими симптомами — в нее входит также ряд психических состояний, так что при помощи чжэньцзю-терапии можно влиять и на психосоматические особенности организма.

Человеческий организм, как и все в природе, подвержен циклическим переменам: рождение, созревание, зрелость, старость, смерть. Состояние и настроение человека определяются «энергетикой» его организма. Так, «состояние здоровья» в японском и китайском языке буквально переводится как «пропорция жизненной энергии *ци*».

Энергия *ци* (соотносящаяся с индийским понятием *прана*) циркулирует в теле, последовательно протекая по всем двенадцати меридианам, начиная с меридиана легких и кончая меридианом печени, непрерывно возвращаясь вновь к меридиану легких. Кроме основных меридианов, циркуляции энергии способствуют еще ряд вспомогательных каналов.

Считается, что человек получает начальный заряд энергии при рождении от своей матери, а затем постоянно получает энергию при дыхании в течение всей жизни. По меридианам энергия вместе с кровью поступает ко всем внутренним органам. Энергию можно аккумулировать при помощи специальных упражнений, можно стимулировать приток энергии к отдельным органам для их оздоровления или отток — для их разрушения. Залогом же здоровья и душевного равновесия служит ровная и уверенная циркуляция энергии в теле, подготовленном специальной диетой, дыхательными и гимнастическими упражнениями.

Уравновешенное соотношение между органами обеспечивает здоровье человека. Состояние здоровья, в представлении китайских медиков, есть результат бесчисленных колебаний между влияниями сил *инь* и *ян* в пределах средней нормы, которые условно можно передать на графике синусоидой. Изменение ритма говорит о нарушении жизнедеятельности какого-то органа, а выход кривой за допустимую границу свидетельствует о смертельном недуге.

Для мастера чжэньцзю-терапии прежде всего необходимо выделить причинный мотив, ведущий к нарушению работы того или иного органа, чтобы вовремя устранить недуг.

Согласно традиционным представлениям, в организме имеется большое количество акупунктурных точек, расположенных в подкожной клетчатке (а иногда на значительной глубине) и связанных между собой через энергетические меридианы, соединяющие ряд точек в разных частях тела, которые обладают способностью влиять на жизнедеятельность органа.

Знание дислокации точек составляет основу техники акупунктуры и акупрессуры, техники, которая неразрывно связана с учением о пульсе, циркуляции биоэнергии *ци* в организме, взаимодействии внутренних органов.

В наши дни по чжэньцзю-терапии выпущено столько пособий, что описывать здесь принципы точечного воздействия явно излишне. Приведем лишь основные теорети-

ческие послышки, оказавшие решающее воздействие на формирование натурфилософской базы ушу.

Итак, в представлении китайских медиков, энергия *ци* в теле человека стремится в направлении хода меридиана и волнообразно пробегает через все двенадцать меридианов (шесть меридианов *инь* и шесть *ян*), а также через два дополнительных, пролегающих через фронтальную и заднюю части головы и туловища. Циркуляция энергии совершается в определенном порядке и с учетом так называемого оптимального времени каждого органа. Под оптимальным временем подразумевается два часа наивысшей активности и чувствительности, свойственные сердцу, печени, легким, почкам и прочим обусловленным органам. Врачи определяют это время по качеству пульса радиальной артерии. У всех людей оптимальное время органов совершенно одинаково, что дает возможность безошибочно воздействовать на точки нужного меридиана с максимальным эффектом. *Инь*-воздействие — успокоение, релаксация. В боевой обстановке нарушение нормальной жизнедеятельности органа проводится в собственн оптимальное время, а *ян*-воздействие, то есть тонизирование, стимуляция, — сразу же после оптимального времени. Каждый из двенадцати меридианов имеет одну основную тонизирующую и одну основную тормозящую точку.

Базой для классификации меридианов и точек также служит учение о пяти элементах. Точнее говоря, учение об элементах является кодом, позволяющим программировать схемы точечного воздействия.

Органы и соответствующие им стихии находятся в оппозиции друг к другу: вода (почки) — к огню (сердце); дерево (печень) — к земле (селезенка); огонь (сердце) — к металлу (легкие); земля (селезенка) — к воде (почки); металл (легкие) — к дереву (печень).

В графическом изображении взаимодействие внутренних органов представляет собой гексаграммы «Книги перемен». По ходу часовой стрелки происходит стимуляция органов, против часовой стрелки — подавление. Кроме того, органы влияют друг на друга через одно звено по принципу «дед — внук».

Всего насчитывается более 700 чувствительных точек (чжэнь), но в акупунктуре и акупрессуре обычно используется примерно 360. В упрощенном варианте упоминается 108 точек. Располагаются точки, как правило, в незащищенных местах — в соединениях мышц и сухожилий, на открытых поверхностях рук, ног, спины, живота; там, где имеются нервные пучки — на ушах, на пятках, на лбу, на лице... С точки зрения физиологии чжэнь — это уязвимые точки, в которых органические нарушения (укол, нажатие, прижигание) дают мощные рефлекторные всплески.

Все точки так или иначе связаны и с девятью предпологаемыми энергетическими центрами организма (даньтянь), которые по сути родственны чакрам индийской йоги.

Хотя эффективность китайской медицины в лечении многих болезней давно доказана, стройного и последовательного объяснения механизма точечного воздействия пока не существует. Предлагаются различные версии. Одни специалисты стремятся отнести всю систему к области нервных рефлексов, другие полностью принимают на веру «энергетическую теорию», изложенную в классических китайских текстах (кстати, в наши дни потоки биоэнергии прослеживаются на экране термографа), третьи пытаются доказать реальное физическое присутствие меридианов и точек в тканях человеческого тела.

Трудно переоценить роль медицинских познаний для мастеров ушу. Та же акупрессура в руках мастера становилась грозным оружием, позволяющим эффективно воздействовать голыми руками или безобидными палочками на уязвимые точки, чтобы мгновенно умертвить или парализовать противника. Известно, что подлинники мастера ушу обладали также прекрасной медицинской подготовкой.

Средства акупрессуры, точечный массаж использовались в школах воинских искусств и в качестве постоянно действующего стимулятора (в сочетании с различными снадобьями, а также с дыхательными упражнениями) для мобилизации всех сил бойца во время тренировки, для подавления чувства страха, усталости, растерянности, для притупления болевых ощущений и частичной анестезии, для залечивания травм, для оперативной реанимации.

Помимо учения о биоэнергии *ци*, о точках и меридианах, традиционная даосская медицина выдвинула множество теорий о взаимодействии тела и духа, разработала различные системы психофизического тренинга, составившие со временем

так называемую даосскую йогу. Не случайно в верованиях простых людей даосские патриархи (сянь) наделялись волшебными свойствами. Им приписывали умение летать по воздуху, «оседлав ветер», повелевать громами, вызывать землетрясение. Даосы разработали сложный комплекс оккультных наук — геомантии, хиромантии, астрологии, — основанный на «Книге перемен», тем самым как бы приобретающая контроль над всем жизненным циклом человека во многих поколениях. Они научились излечивать многие недуги, монополизировали сферу таинственного, сохранив свою власть над умами даже в те периоды, когда конфуцианство и буддизм, казалось бы, полностью господствовали в официальной идеологии. Только одного даосам не удавалось — добиться бессмертия, вечности, нетленности тела.

Учение о бессмертии, о преодолении оков бренного бытия путем физических упражнений и магической практики занимало ключевое положение в религиозном даосизме. Мы не будем здесь касаться вопросов, связанных с даосской магией, на которую уповали многие искатели вечной жизни. Могучие владыки стремились овладеть эликсиром бессмертия за деньги, не прилагая к тому никаких усилий. Среди тех, кто обращался к даосским кудесникам с просьбой омолодить их, были такие грозные правители древности, как Цинь Ши-хуанди (правил с 221 по 210 г. до н. э.), Ханьский У-ди (140—87 гг. до н. э.), Тай-у (424—451 гг.). Даже далекий от китайских верований Чингисхан, почувствовав приближение смерти в 1222 г., потребовал у даосского монаха Чан Чуня зелье вечной молодости. Однако никому из властителей Поднебесной не удалось купить бессмертие за золото. Некоторых успехов добились лишь те самоотверженные подвижники, которые в поисках секрета вечной молодости усердно занимались дыхательными упражнениями, оздоровительной и военно-прикладной гимнастикой, соблюдали строжайшую диету. Им подчас удавалось продлить жизнь на несколько десятилетий, демонстрируя чудеса силы, ловкости и выносливости. Именно они, апологеты чудодейственного сянь-даосизма, внесли неоценимый вклад в развитие теоретической и практической базы воинских искусств.

Поиски эликсира бессмертия, которыми даосы занимались на протяжении тысячелетий, в конце концов привели к появлению учения о продлении жизни, о выживании, к созданию «науки жизни».

О теоретической возможности долгой, если не вечной, жизни задумывались Лао-цзы, Чжуан-цзы и многие их последователи. Лао-цзы, по-видимому, не верил в бессмертие, но верил в возможности человеческого тела и духа и не страшился смерти физической. Недаром его трактат «Дао дэ цзин» содержит положения, которым суждено было стать краеугольным камнем философии ушу. «Я слышал, что тот, кто умеет овладевать жизнью, идя по земле, не боится носорога и тигра: вступая же в битву, не боится вооруженных солдат. Носорогу некуда вонзить в него свой рог, тигру негде наложить свои когти, а солдатам некуда поразить его мечом. В чем причина? Это происходит оттого, что для него не существует смерти».

Для даосского мудреца внешнее неотделимо от внутреннего. Неподготовленное тело не может стать обителью высшей мудрости и духовного совершенства. Также и благородный дух нежизнеспособен при слабом, болезненном теле, как бы ни стремился человек к горным высям. Тело и дух должны быть едины в постижении Абсолюта, в слиянии с Великой Пустотой.

«Одинокий барс жил в Лу на высокой горе, пил лишь воду, ни с кем не делил наживы, — рассказывает Чжуан-цзы. — Прожил лет до семидесяти, а выглядел будто младенец. Но на беду повстречался с голодным тигром. Голодный тигр убил его и сожрал. Жил там и Чжан Смелый. На высоких воротах у него висели тонкие занавеси, и каждый к нему заходил. Прожил он до сорока и умер от болезни — лихорадки. Одинокий барс поддерживал свое внутреннее, а тигр съел его внешнее. Смелый поддерживал свое внешнее, а болезнь напала на его внутреннее. Оба они не подгоняли свое отстающее».

Даосы не слишком интересовались внешним видом человека, скульптурными мышцами, объемом груди и шириной плеч. Хотя, согласно конфуцианскому канону, «благородный муж» (цзюньцзы) должен был обладать привлекательной внешностью без заметных изъянов, даосские патриархи в своих притчах не раз высмеивали это положение.

В даосизме никогда не существовало антиномии «тело — дух» или «плоть — душа», хотя для этих понятий и предлагались свои особые термины. Материальное и идеаль-

ное в даосском миропонимании составляют неразрывное единство — порождение животворящей энергии *ци*, которая может выступать либо в ипостаси мирового «дыхания», либо в виде скопления «семян», формирующих все сущее в природе. Наньышим проявлением пребывающей в непрерывном движении энергии служит «дух», или «одухотворенность», — шэнь. Культивирование «духа» путем разработки тела, постоянного очищения *ци*, втягивания в ритм вселенских метаморфоз и обретения неисчерпаемых сил в слиянии с Пустотой — вот смысл даосской «науки жизни», «искусства Дао», при помощи которого можно многократно усилить обычные возможности тела.

Противопоставляя «внешнюю» и «внутреннюю» концепцию силы, Ле-цзы приводит такую притчу:

«Гуньи Бо прославился своей силой среди правителей. Танци Гун рассказал о нем чжоускому царю Сюань-вану. Царь приготовил дары, чтобы его пригласить, и Гуньи Бо явился.

При виде его немощной фигуры в сердце Сюань-вана закралось подозрение.

— Какова твоя сила? — спросил он с сомнением.

— Силы моей, вашего слуги, хватит лишь на то, чтобы сломать ногу весенней саранчи да перебить крыло осенней цикады.

— У моих богатырей хватит силы, чтобы разорвать шкуру носорога да утащить за хвосты девять буйволов! — в гневе воскликнул государь, — а я еще огорчен их слабостью. Как же ты мог прославиться силой на всю Поднебесную, если способен лишь сломать ногу весенней саранчи да перебить крыло осенней цикады?

— Хорошо! — глубоко вздохнув, сказал Гуньи Бо и отошел от циновки. — На вопрос царя, я, ваш слуга, осмелюсь ответить правду. Учил меня, вашего слугу, Наставник с Шан-горы. Равного ему по силе не найдется во всей Поднебесной. Но никто из шести родичей об этом не знал, ибо он никогда к силе не прибегал... Ведь то, что легко внутри тебя, не трудно и вне тебя. Если не встретятся внешние трудности, то и слава не выйдет за пределы твоей семьи.

Ныне слава обо мне, вашем слуге, дошла до правителей, значит, я, ваш слуга, нарушил завет учителя и проявил свои способности. Правда, слава моя, вашего слуги, не в том, чтобы своей силой злоупотреблять, а в том, как пользоваться своей силой. Разве это не лучше, чем злоупотреблять своей силой?»

Вымышленный герой притчи олицетворяет традиционную даосскую доктрину силы, идущей от глубинного понимания природы вещей и направленной не на внешние эффекты, а на внутреннее очищение.

Мы не знаем, что именно принесло славу Гуньи Бо, где и при каких обстоятельствах ему довелось выказать мощь, превосходившую, судя по слухам, все подвиги телохранителей царя. Может быть, в какой-нибудь экстремальной ситуации ему пришлось вступить за слабого, разбросав отряд солдат, или сдвинуть обломок скалы, придавивший женщину. Во всяком случае, «нарушив завет учителя», он доказал, что мобилизация внутренних ресурсов в решающий момент значит не меньше, чем гора мускулов, позволяющая свалить с ног буйвола или надорвать носорожью шкуру. Такая установка предопределила ход исканий большинства даосских мыслителей.

«Игры пяти зверей»

В так называемой даосской йоге наблюдается причудливое смешение самой невероятной мистики с продуманными и вполне обоснованными изысканиями в области физиологии, психологии, рефлексотерапии, аутогенной тренировки и гипноза.

Даосы уделяли особое внимание здоровью и силе внутренних органов, эластичности мышечных волокон, подвижности суставов, прочности сухожилий, чуткости нервных окончаний, хорошему кровообращению, правильному обмену веществ и поддержанию энергетического баланса организма. Для обеспечения такой, с точки зрения даосов, нормальной жизнедеятельности предполагалось три пути: диета, тренировка дыхания и разнообразные комплексы гимнастических упражнений.

Строгие диетические ограничения запрещали не только отшельникам, но и всем мастерам ушу употребление спиртных напитков, мяса, пряностей, многих овощей и мучного. Взамен предлагались фрукты, орехи, ремень, бобовые, некоторые лес-

ные растения, соки, мед, а также всевозможные укрепляющие отвары и снадобья фитотерапевтического свойства. С течением веков диетическое меню претерпевало изменения, но и поныне мастера ушу не употребляют мяса, считая, что оно отяжеляет организм и мешает циркуляции *ци*.

Системы дыхательных упражнений даосской йоги непрерывно модифицировались, разрастались и усложнялись, составляя важнейшие разделы энергетического тренинга цигун. В даосской натурфилософии дыхание считалось основным носителем биоэнергии (так и в индийской теории пранаямы), а потому без овладения секретами дыхания немислимо было ни активное долголетие, ни подлинное мастерство.

В качестве примера дыхательных систем можно упомянуть так называемое «эмбриональное дыхание», дыхание по способу «пяти ростков», дыхание «с поглощением солнца» и др. При огромном разнообразии имеющихся способов дыхания бросается в глаза сходство основных принципов: практики дыхания «диафрагмой» с задержкой дыхания на вдохе или же на выдохе, что также соотносится с некоторыми методами индийской пранаямы. Чаще всего дыхательным упражнениям сопутствовала медитация, переходящая в углубленное интенсивное самовнушение.

В погоне за долголетием и здоровьем даосские лекари стали пристально изучать способы дыхания черепахи, аиста, ворона, жабы и других животных, которым природа отмерила более щедрый срок жизни, чем людям. Пытаясь овладеть необычными дыхательными ритмами, они изобретали различные сложные позы, постепенно переходили от статических упражнений к динамическим, имитируя движения зверей и птиц. Нередко в такие дыхательные комплексы упражнений проникали и элементы обрядовых плясок.

Одно из главных направлений в классической даосской науке о дыхании предполагало вдох через нос и выдох через рот с задержкой части воздуха внизу живота. Многие дыхательные упражнения для большей эффективности рекомендовалось сочетать с резкими ударами и махами рук, ног, головы. Выдох, как правило, сопровождался шипением, хрипом или коротким выкриком. В боевой практике нашел применение и долгий крик, парализующий на несколько секунд противника.

Тело человека в даосской йоге (как и в теории ушу) условно делится на три уровня: верхний (голова, плечи, руки), средний (грудь и спина) и нижний (живот, таз, ноги). Каждому уровню соответствует энергетический центр (дантянь), аллегорически именуемый «киноварное поле». По другой версии, «киноварных полей» насчитывается девять и они приблизительно соответствуют чакрам индийской йоги. Из трех важнейших верхний центр помещается в голове, средний в области сердца и нижний — на три пальца ниже пупка. Нижнее «киноварное поле» трактуется как основное изначальное вместилище *ци* и чаще всего фигурирует в канонах воинских искусств. Именно оно упоминается просто как дантянь, то есть Средоточие. Другое название этого центра — «море *ци*» (цихай).

Гимнастические упражнения, зародившиеся в лоне даосской йоги, со временем разделились на два направления — чисто оздоровительное и военно-прикладное, которые, впрочем, имеют немало точек пересечения.

Важное направление оздоровительной гимнастики даосов, включающее разнообразные методы, обозначается общим понятием даонь (растягивание и сжатие тела). Вместе с дыхательными упражнениями их нередко называют также *нэйгун* (внутренняя деятельность), а в самом общем значении — *гунфу* (усердная работа, старательная тренировка).

Изобретение эффективной оздоровительной гимнастики, известной под названием «Игры пяти зверей» (*У цинь шу*) приписывается великому медику II—III вв. Хуа То. Она состояла в имитации определенных движений медведя, тигра, оленя, обезьяны и журавля. В трактате Хуа То сказано:

«Тело требует упражнений, но не до изнеможения, ибо упражнения предназначены для того, чтобы устранять дурной дух из организма, способствовать кровообращению и предотвращать недуги. Дверной порог, который регулярно используется по назначению, никогда не гниет. То же и с человеческим телом. У меня есть своя система упражнений под названием «Игры пяти зверей». В ней используются повадки медведя, тигра, оленя, обезьяны и журавля. Система эта излечивает болезни, укрепляет ноги и сохраняет здоровье надолго. Заключается она в прыжках, наклонах, раскачивании, ползании, вращении и сокращении мышц путем напряжения».

Со временем на базе оздоровительного комплекса «Игры пяти зверей» были созданы и упражнения прикладного характера, а сами перечисленные животные легли в основу различных «звериных стилей» ушу.

Звери, птицы, насекомые и пресмыкающиеся всегда играли важнейшую роль в процессе становления оздоровительных гимнастических комплексов и боевых приемов ушу. Ведь вся традиционная китайская медицина и даосская йога во всех их разновидностях складывались из «адаптации к стихиям» и наблюдении над растительным и животным миром. В попытке осмыслить закономерности вселенских метаморфоз, исходя из принципов Естественности и Целостности мироздания, древние даосы, а вслед за ними и приверженцы других учений стремились следовать Пути различных живых существ.

Лекари и мастера ушу вели наблюдение за зверями и птицами с позиций, очень близких к позициям современной бионики. Их интересовали отнюдь не только внешние свойства животного и его повадки. Объектом тщательного изучения становились также походка животного, его дыхание, его навыки ориентации в пространстве, его манера выслеживать жертву и поражать ее или спастись от преследования, даже его поведение на отдыхе, во время игры.

Изучая животное при создании того или иного «звериного» стиля гимнастики или школы ушу, главной целью мастера было не подражание порой весьма примитивным движениям цапли, лошади, медведя или тигра, а умение выявить особенности функционирования биоэнергии *ци* в данном животном как в совершенном творении природы. Века и тысячелетия эволюции снабдили каждый вид замечательной способностью приспосабливаться к окружающей среде. Звери, птицы, пресмыкающиеся, выжившие в результате естественного отбора, сами по себе уже иллюстрируют победный исход безмерно долгой и кровопролитной борьбы. Их адаптационные свойства, отшлифованные поколениями, в том числе умение защищаться и нападать, будучи правильно поняты и истолкованы, должны были улучшить способность человека к выживанию, передать ему часть всеобщего Совершенства Вселенной, всеобщего Дао. Школа, принявшая в качестве покровителя то или иное животное, как бы принимала на вооружение все защитные свойства данного биологического вида. Адепт школы должен был мысленно перевоплотиться в зверя или птицу и вести себя так, как мог бы вести себя тигр, конь, орел или дракон, если бы он «переселился» в тело человека.

Итак, главное — уловить, как действует поток *ци* в организме, как он заставляет, например, леопарда стелиться по земле и высоко прыгать, бить лапами, рвать зубами, терзать когтями; змею — извиваться, скручиваться кольцом, жалить или оплетать и душить жертву; петуха — смело нападать, разить клювом и шпорами, ловко уклоняться от ударов противника.

Тигр ходит мягко, крадучись — отсюда в стиле «тигр» скользящие переходы, очень низкие стойки, плавные перекаты через плечо. Настигнув жертву, тигр бьет ее лапой, сбивая с ног, а затем запускает в тело когти. Отсюда и страшные удары «тигровой лапой» в уязвимые места, прочерчивание «когтями» по болевым зонам, наконец, проникающие удары с «разрыванием» тканей. Цапля в схватке со змеей отмахивается крыльями, бьет длинными ногами и целит клювом в голову противника. Отсюда в стиле «цапля» обилие высоких стоек, перескоков, ударов ногами, хлестких маховых ударов рукой и точечных ударов «щепотью», сложенной наподобие клюва.

В каждом «зверином» стиле и гимнастическом комплексе мельчайшие нюансы поведения животного проанализированы на энергетическом уровне и увязаны с общими положениями теории ушу. Боевые навыки отдельного животного, а иногда и двух (например, птицы и змеи) как бы накладываются на классические схемы движений, соотносятся с триграммами и гексаграммами «Книги перемен», с зодиакальной космологической символикой, с «пятью первоэлементами», с учением об энергетических меридианах. Таким образом, каждый «звериный» стиль есть часть целого, единого гигантского комплекса психофизического тренинга.

Иногда определенный «звериный стиль» составляет сам по себе целую школу. Иногда, наоборот, в рамках одной школы применяются несколько «звериных стилей» — например, двенадцать стилей школы Син-и (Направленная воля). Наиболее популярны в современном ушу стили медведя, тигра, змеи, обезьяны, ястреба, петуха, ласточки, крокодила, коня, вепря, дракона. Внутри одного «звериного» стиля также мо-

гут существовать различия. Так, вариантов «змеино́го» стиля насчитывается не менее пяти, по соответствующим видам змей — от удава до кобры. Такие же различия есть в стилях тигра, дракона, петуха и пр. С именами животных связаны не только целые стили, но также традиционные названия приемов и многих комплексов формальных упражнений.

Немало видов даосской гимнастики приурочивалось к календарю. Так, комплекс «Четырех времен года» из 24 упражнений соответствовал 24 «сезонам», начинавшимся первого и пятнадцатого числа каждого лунного месяца. Весь комплекс подразделяется на четыре большие группы упражнений. Помимо всех 24 упражнений комплекса, в каждое время года следовало дополнительно выполнять те шесть, которые были направлены на укрепление относящегося к данному сезону внутреннего органа. «Весенним» органом считалась печень, а символом ее — дракон; «летним органом» — сердце, а символом его — красная птица; «осенним органом» — легкие, а символом — тигр; «зимним органом» — почки, а символом его — обвитая змеей черепаха. Большинство упражнений, как и в прочих подобных комплексах гунфу, так или иначе соотносилось с повадками тотемного животного. Таким образом, группа движений «тигра» была более динамична, а группа движений «змей и черепахи» более статична. Все движения имели выразительные образные названия: «тигр выходит из пещеры», «дракон бьет лапами по земле», «дракон виляет хвостом» и т. п.

Значительная часть движений из оздоровительных комплексов вошла в разминочную гимнастику различных школ ушу. Кроме того, существовали также соотнесенные с календарем специальные сложные комплексы упражнений на адаптацию организма к «пяти стихиям» — дереву, огню, воде, земле и металлу. Эти циклы упражнений были тесно сопряжены с магическим ритуалом и давали порой столь поразительные результаты, что в народном сознании образ даосского мудреца зачастую ассоциировался с образом кудесника, способного летать по небу, оседлав ветер, заклинать дождь — словом, повелевать любой стихией.

Тем не менее в деяниях даосских отшельников и мастеров ушу, как бы ни разукрашивала их молва, не было претензии на волшебство. «Творить чудеса» благодаря искусству Дао означало для них довести до предельной степени совершенства все ресурсы человеческой физиологии и психики. В самом деле, может ли обычный человек расколоть положенные друг на друга восемь кирпичей? Или пальцами растереть в порошок грецкий орех? Или безболезненно приложить к телу раскаленный докрасна железный брус? Или спрыгнуть с высоты двадцати метров, не получив травмы? Да, может, если научиться управлять энергетикой организма.

Подтверждения тому мы находим в Китае и поныне. Люди ходят по горячим углям и по битому стеклу, подставляют грудь или горло под острие копья, ложатся под повозку с камнями весом до полутора тонн. Это не мифические герон древности, а наши современники, которых можно увидеть собственными глазами. Таково искусство Дао, посредством которого возможности человеческого организма в ходе многолетней тренировки удваиваются, утраиваются, удесятерятся.

Квинтэссенцией даосской йоги стало учение «о деятельности цзи» — цигун. Как универсальная метода йогического психофизического тренинга цигун во всех своих ипостасях преследует единую цель — аккумулировать в организме биоэнергию, контролировать и направлять ее движение для активизации всех физиологических и психических процессов в организме. С помощью цигун тело приобретает способность выдерживать немислимые перегрузки, а психика становится особенно восприимчива к теплотическому контакту и другим видам парапсихологической деятельности.

Началом начал цигун является опять-таки учение о дыхании, которое функционирует в едином комплексе с определенными гимнастическими упражнениями. Дыханию в цигун посвящены труды знаменитых медиков Древнего Китая — Бянь Цяо, Тао Хунцзина, Сун Шулина, Ли Шичжэня и многих других. Однако письменных источников с описанием методик тренировки цигун сохранилось довольно мало. На протяжении веков традиция передавалась преимущественно в изустной форме, а «опорными пунктами» ее становились даосские храмы, буддийские монастыри, народные секты даосского или буддийского толка. В большой или меньшей степени к практике цигун обращались все образованные люди, поскольку без овладения ци считалось невозможным заниматься ни каллиграфией, ни живописью, ни поэзией, ни астрономией, ни фехтованием, ни стрельбой из лука.

В наши дни известно множество систем цигун, из которых некоторые совершенно определенно соотносятся с тренингом ушу. Это в первую очередь Тайцзи иэйгун («Внутренняя деятельность по системе Великого предела»), Багуа-тайцзигун («Тренировка по системе Восьми триграмм и Великого предела») и Хэсюэгуан («Упорядочение кровообращения»). Например, систему «жесткого» цигун Хэсюэгуан мастера ушу называли «железной рубашкой» или «алмазной накидкой», защищающей тело от любого внешнего воздействия. «Кто овладевает этой системой, сможет противостоять сотням болезней», — говорилось в трактате мастера Дэн Чжуншаня. По мысли теоретиков Хэсюэгуан, циркуляция энергии *ци* в организме достигается за счет кровообращения. Таким образом, если добиться правильной циркуляции крови, все внутренние органы будут здоровы. В то же время *ци*, направленная по «очищенным каналам» к поверхности тела, создаст в случае необходимости мощное защитное поле.

Любопытной иллюстрацией к действию системы цигун «железная рубашка» может служить колоритная зарисовка средневекового классика китайской литературы Пу Сунлина в цикле «Рассказы о людях необычайных»:

«Мусульманин Ша изучал искусство силача «железная рубаха». Сложит пальцы, хватит — прорубает быку голову. А то воткнет в быка палец и прорубает ему брюхо. Как-то раз во дворе знатного дома Чоу Пэн-саня подвесили бревно и подвели двух дюжих слуг откатнуть его изо всех сил назад, а потом сразу отпустить. Ша обнажил живот и принял удар на себя. Раздалось «хряп» — и бревно отскочило далеко.

А то еще, бывало, вытасит свою, так сказать, мужскую силу и положит на камень. Затем возьмет деревянный пест и изо всех сил колотит — ни малейшего вреда. Ножа, правда, боится».

Однако различные «мягкие» методы цигун, включающие дыхательные упражнения, медитацию, психотренинг и гимнастические движения, безусловно, еще нельзя рассматривать как разделы ушу. Это всего лишь общеоздоровительные и укрепляющие комплексы, не содержащие боевых приемов, но рассчитанные на приведение тела и духа человека в состояние боевой готовности. Вопрос о том, переходить ли от гимнастики к освоению военно-прикладных аспектов ушу, каждый волен был решать для себя сам. Лекари же успешно использовали цигун исключительно в мирных целях.

Интересны образные названия упражнений цигун из различных комплексов: «дикий конь поднимается в гору», «два дракона выходят из пещеры», «крадущийся тигр потягивается», «расслабиться», «прислушиваться к звукам издалека», «плыть против течения», «пускать корни», «взглянуть внутрь себя самого», «соединять в одно целое природу и человека». Последнее название как нельзя лучше отражает цель цигун.

Ни мастера цигун, ни наставники ушу никогда не ограничивались преподаванием одной «специальности». Процесс обучения затрагивал все стороны жизни ученика и приводил все проявления его натуры в полное соответствие с глобальной программой. Вылепить форму из аморфной плоти и наполнить ее достойным содержанием — такую задачу ставили перед собой древние шифу и их последователи в XX веке. Не только еда, сон, естественные отправления и физические тренировки учеников становились объектом строгого повседневного контроля, но и духовные интересы молодых людей, особенности их характера, мельчайшие нюансы психики подвергались тщательному анализу и корректировке. Традиции школ, вечно обновляясь, могли передаваться из поколения в поколение лишь людьми, глубоко преданными делу и готовыми во имя идеалов ушу пожертвовать всем. Именно такие люди донесли до наших дней заветы старых мастеров и сделали их достоянием народов мира.

Токио книжный

*О. И. ЗАВЬЯЛОВА,
кандидат филологических наук*

Большие и маленькие книжные магазины разбросаны по всему Токио, но подлинное книжное царство, пронизанное традиционным дальневосточным духом уважения к книжной учености и письменному слову, — это столичный район Канда. Расположенный в центре города, неподалеку от императорского дворца, он оказался в конце XIX в. по соседству с несколькими построенными здесь в то время университетами. Именно тогда потянулись на Канду первые продавцы книг, раскладывавшие свой товар прямо на расстеленных на земле циновках.

С тех пор сменилось несколько поколений. Вдоль двух основных магистралей и в боковых улочках Канды появились многие десятки книжных магазинов. К их владельцам — обычно настоящим специалистам в своей области — часто обращаются за библиографическим советом не только студенты, но подчас и именитые ученые. Университетские профессора в отставку, унаследовавшие дело от родителей, есть сейчас даже среди самих книжных торговцев. Сложились в токийском «книжном царстве» и свои «цеховые традиции». От Канды старой, района ремесленников и воинов низших рангов, дошел до наших дней один из самых больших и красочных праздников японской столицы — Канда мацури. Тысячи людей заполняют Канду во время этого праздника. Группы мужчин и женщин в традиционных пестрых хлопчатобумажных куртках — у каждого квартала своя форма — пританцовывая несут на плечах тяжелые богато украшенные резьбой переносные алтари «микоси». Раздаются громкие ритмичные крики танцоров-носильщиков, и кажется, что вы попали на улицы старого Эдо (так раньше назывался Токио). Совсем поиному выглядит новый праздник Канды — Фестиваль подержанных книг, возникший не многим более тридцати лет назад. Прямо под открытым небом выставляется множество книжных прилавков, около которых толпятся скромно одетые люди, объединенные страстной любовью к книге и знаниям: школьники в темных мундирах, студенты в бейсбольных куртках, интеллигенты старой закалки в беретах и галстуках-шнурках, которые редко кто носит в современном Токио. На книжном фестивале очень тихо, но найденная здесь букинистическая редкость радует сердце истинного «книжного червя», пожалуй, не меньше, чем шумное, нередко хмельное гулянье старинного праздника городских простолюдинов.

Знакомство с Кандой лучше всего начать с одного из самых больших и заметных ее магазинов — шестиэтажного книжного гиганта «Сансэйдо», расположенного на углу оживленной магистрали. Родной брат нескольких других таких же современных столичных книжных гигантов, он предлагает в своих ярко освещенных залах словари и новейшие журналы, географические карты со всего света и роскошные издания по искусству, учебники и иероглифические прописи, японские комиксы «манга» и научные издания на японском и западных языках. Есть в книжных дворцах вроде «Сансэйдо» и другие товары, представляющие интерес для современного интеллектуала: не только письменные принадлежности или, положим, очки, которые заказывают в специальном небольшом салоне, но также электронные пишущие машинки, видеокассеты, персональные компьютеры. На одном из этажей можно выпить кофе, в подвальных рестораничках — пообедать, в специальном уголке — сделать платные копии с любых материалов — хоть с личного письма.

Впрочем, японцы вообще необыкновенно любят снимать копии — возможно, потому, что иероглифический текст труднее, чем буквенный, переписать или перепечатать на машинке, даже электронной. С другой стороны, иероглифы и знаки японской

слоговой азбуки двух типов очень компактны и хорошо воспринимаются зрительно. Наверное, поэтому перед началом докладов по китайскому языкознанию, на которых мне часто приходилось бывать в Институте культур и языков Азии и Африки при Токийском институте иностранных языков, всем присутствующим обычно раздавали авторские тезисы-резюме, размноженные на ксероксе. Все настолько привыкли держать перед глазами во время сообщения какие-то материалы, что без них чувствовали себя просто неудобно. Помнится, когда известный американский лингвист стал делать доклад по китайской исторической диалектологии, не снабдив аудиторию тезисами, собравшиеся вскоре восстали и вежливо, но настойчиво потребовали размножить английский конспект, что и было немедленно сделано, хотя устно доклад тут же переводился на японский. Копируются, конечно, не только рукописные материалы, но также и нужные разделы книг, журнальные статьи, редкие издания. Сделать ксерокопию иногда дешевле, чем купить книгу, и этим широко пользуются студенты. Поэтому на Канде да и в других районах Токио часто можно увидеть вывески небольших копировальных ателье. Устанавливаются платные копировальные машины и в небольших магазинах, торгующих товарами на каждый день, в холлах многоквартирных домов. Ради одной только копии или самой обычной книги вряд ли отправятся в роскошный «Сансэйдо» и те молодые люди, которые изо дня в день наводняют Канду. — скорее их привлечет какая-нибудь студенческая лавка, предлагающая «все, в чем нуждаются учащиеся». На молодежь рассчитаны также многие спортивные магазины, кафе и ресторанчики Канды — в том числе и предлагающий русскую кухню трактир «Балалайка» с резной отделкой под избу.

Некоторые из книжных магазинов Канды вполне обычны и для других районов города. Там, где живут или часто бывают иностранцы, довольно многочисленные в Токио, встречаются лавки, торгующие новыми или старыми западными изданиями, прежде всего английскими (среди подержанных иногда попадаются списанные из библиотек американских баз). По всему городу разбросаны также магазины, специализирующиеся на так называемой «графике для взрослых» — порнографической иллюстрированной литературе, традиционно процветающей и повсюду доступной в Японии (ее можно купить даже в уличных автоматах). Как правило весьма вульгарная, в некоторых своих рисованных вариантах «графика для взрослых», однако, продолжает традиции знаменитого простонародного городского жанра — гравюр укиё-э, которые воспевали «быстротекущий мир» городских увеселений и иногда весьма откровенно изображали эротические сцены. Несколько магазинов Канды продают новые и старые журналы японских комиксов «манга», которые поражают разнообразием тем и стилей, как традиционных, восходящих к старинной японской карикатуре, так и новейших западных. Выпускаются комиксы огромными тиражами и стали основным чтением большинства подростков и детей: без «манга» — так же как без телевидения и электронных видеоигр — японские ребята не мыслят свою жизнь. Впрочем, многие взрослые увлекаются специально рассчитанными на них комиксами не меньше, чем дети.

И все же лицо Канды определяется не современным гигантом «Сансэйдо», молодежными заведениями или магазинами, рассчитанными на обычного читателя. Оно озадачено бесчисленными специализированными лавками новых и особенно старых книг, згущенными литературой только по определенной теме: по истории или музыке, кино или рыболовству, японской филологии или западному изобразительному искусству. Одна лавка предлагает словари и справочники, другая — старые и новые детские книги, третья — литературу по традиционному японскому театру. Два магазина специализируются на книгах из Советского Союза и о Советском Союзе. Советские издания пользуются успехом не только у специалистов-русистов, но также у японских востоковедов, многие из которых изучают русский язык и следят за нашей литературой.

Для того чтобы понять истинную душу Канды, нужно также обязательно заглянуть в антикварные лавки с их ароматом дальневосточной старины. Небольшие и не слишком ярко освещенные, они до сих пор предлагают достаточно богатый выбор традиционных японских иллюстрированных книг, изданных на особой бумаге «васи». Здесь же все еще можно купить свитки и отдельные листы гравюр укиё-э — не современные копии, вроде тех, что разложены в сувенирных лавках, а подлинные старые оттиски, некоторые из которых были когда-то сделаны мастерами-печатниками

с рисунков достаточно прославленных художников. В одной из антикварных лавок мы как-то купили на память гравюру укиё-э, изображающую актера театра кабуки на фоне залива и кораблей. Ее автор, Ёсинуку, достаточно известный, но поздний художник, творил в конце XIX в., и в его гравюрах уже явственно ощущается дыхание нового времени. Другая известная на Канде антикварная лавка расположена на втором этаже современного здания и специализируется на материалах по истории Эдо-Токио, старинных картах, открытках, альбомах фотографий, описаниях японских префектур, а также старых книгах из Маньчжурии и Кореи. Есть на Канде и магазины, торгующие монетами, среди которых очень много старинных китайских, марками. Особую прелесть ей придают традиционные заведения вроде крошечной мастерской, изготавливающей еще с прошлого века кисти для каллиграфии и рисования, ценимые знатоками. Помимо кистей, здесь продаются и три других из «четырёх сокровищ кабинета ученого», как их когда-то называли в Китае, — бумага, брикеты туши, украшенные рельефными рисунками и иероглифами, и традиционные плоские тушечницы для ее растирания, изготовленные из камня знаменитыми резчиками.

Меня же на Канде интересовали прежде всего те лавки, где можно было купить книги по китайской истории, литературе, языкознанию.

Два основных больших магазина, специализирующихся на изданиях из КНР и Гонконга — «Тохо» (по-китайски произносится «Дунфан») и «Утияма сётэн», — расположены почти напротив друг друга на узенькой улочке. Оба не испытывают недостатка в покупателях, но особенно известен у японских синологов старейший в стране по части торговли китайскими книгами «Утияма сётэн». Имя одного из его основателей, Утияма Кандзо, к тому же вошло в историю китайской литературы благодаря близкому знакомству этого человека с Лу Синем. Начав в Шанхае с продажи глазных лекарств, Утияма открыл в 1917 г. небольшую лавку японских книг и литературных журналов (их охотно покупали жившие в то время в городе японцы). Частым посетителем лавки, а затем другом ее владельца стал после своего переезда в Шанхай Лу Синь, всегда питавший большой интерес к японской литературе. В 1931 г. великий китайский писатель даже укрывался в лавке Утияма от гоминьдановцев, а позднее книготорговец помогал своему другу в издательских делах. Как сообщает В. В. Петров, Утияма Кандзо переправлял в Токио для печатания изготовленные в Шанхае матрицы составленного Лу Синем альбома гравюр советских художников, который в Китае того времени напечатать было невозможно. Таким же образом при содействии Утияма Лу Синь издал сборник публицистических и художественных произведений советских авторов, переведенных на китайский язык Цюй Цюбо, уже после гибели переводчика¹.

В 30-е гг. с помощью Утияма Кандзо появилась и небольшая токийская лавка, в которой его брат и невестка начали продавать китайские книги для специалистов по Китаю и живших в Японии китайцев. В наши дни наследница этой небольшой лавки — фирма «Утияма сётэн» на Канде — занимает отдельное здание. Во главе фирмы стоит сын ее первых владельцев, а нынешний штат сотрудников — продавцов и библиографов — составляет около двух десятков человек. Торговля постоянно расширяется. Сейчас она ведется в двух торговых залах, где литература выставлена как бы несколькими слоями.

При входе всегда разложены рекламки учреждений и мероприятий, имеющих отношение к Китаю: школ и курсов китайского языка, фестивалей фильмов КНР, гастролей театральных трупп, выставок. Дальше лежат китайские иллюстрированные журналы, путеводители по Пекину, Шанхаю, Гуанчжоу, разговорники. В глубине на полках стоят более серьезные книги по истории, экономике, литературе, языкознанию, рассчитанные на людей, имеющих определенную подготовку. Довольно много книг дневникового характера, написанных японскими журналистами и бизнесменами, работавшими в Китае. И, наконец, на втором этаже можно обнаружить книги старинного китайского образца с костяными застежками и другие издания, которые интересуют, видимо, лишь специалистов-китаеведов.

На первом этаже продаются также китайские пластинки, магнитофонные и видеокассеты с записями народной и классической музыки, спектаклей пекинской оперы, уроков китайского языка. Здесь же выставлены для всех желающих бесплатные библиографические материалы, которые издает сама фирма. Стоит к тому же один раз оставить в магазине свой адрес — даже просто подписаться на китайские журна-

лы, — как прямо домой начинают поступать по почте (тоже, конечно, бесплатно) открытки со списками новых поступлений и библиографические буклеты по интересующей клиента тематике. Адрес на открытках и конвертах при этом напечатан магазинным компьютером, ведущим учет постоянных покупателей. Но издания из КНР и без рекламы расходятся, как правило, достаточно быстро. «Распродано», — с вежливой улыбкой объявляют продавцы и рекомендуют впредь оставлять заказы заранее.

Одна из китайских лавок Канды, с большими золотыми иероглифами на стеклянных дверях, предлагает литературу, выпущенную на Тайване. В этой лавке не увидишь популярных книг в пестрых обложках, иллюстрированных журналов, пластинок. Зато на полках как бы представлены тысячелетия китайской цивилизации — выстроились конфуцианские классики, династические истории, антологии китайской литературы. Просторный стеллаж отведен книгам западных сиологов. И в этом случае предпочтение отдается классике — сочинениям первых миссионеров в Китае, переводам Дж. Легга, многотомным трудам Дж. Нидэма. Дела в обычно малолюдном тайваньском магазине вершит хозяин-китаец — рослый, респектабельный, как будто с военной выправкой. Он пишет что-то за маленьким столом в глубине лавки, принимает деньги, заворачивает покупки в бумагу с рисунками в старинном стиле барельефов эпохи Хань. Рядом суетится пожилой помощник, расставляет по полкам новые поступления. Изданий прошлых лет, в том числе академических журналов, очень много, однако пытаться заказать то, что уже распродано, бесполезно.

Впрочем, китайские издания, исчезнувшие на Канде, иногда можно найти в других местах — около знаменитого Токкийского университета, расположенного к северу от Канды, или в районе станции Еёги, находящейся в западной части Токио на пересечении двух линий городской электрички. Эта станция редко упоминается в обычных путеводителях по столице, но тем не менее хорошо известна молодым людям в Токио и за его пределами. Круглый год тысячи будущих абитуриентов наводняют пристанционные улочки, устремляясь в одну из самых крупных и уважаемых в стране репетиторских школ — «Семинар Еёги», готовящий к вступительным экзаменам в высшие учебные заведения. Неподдалеку разместилась также считающаяся лучшей в Токио вечерняя школа русского языка. Говорят, что даже студенты, не надеясь на университетские знания, совершенствуют в ее крошечных аудиториях свой разговорный русский язык. Установлен в «районе знаний» около Еёги и памятник прилежному ученику — незаметная фигурка мальчика с вязанкой хвороста за спиной, читающего на ходу книгу. Как гласит предание, несмотря на бедность, этот старательный мальчик стал выдающимся конфуцианским ученым.

Немало вокруг станции книжных магазинов, где всегда стоят молодые люди, изучая, выбирая или просто читая на месте книги (у японцев существует даже особое понятие — «стоячее чтение»). Есть здесь и небольшая книжная лавка, торгующая китайскими изданиями. Расположена она на третьем этаже небольшого здания, занятого рестораничками. Хозяин-китаец обычно сидит где-то в заднем помещении, а редкие посетители просматривают тесно забытые полки в двух маленьких не слишком опрятных комнатах, перебирают громоздящиеся пачки, лавируют в узких проходах в поисках нужной книги или в надежде на случайную находку. Обращаться к хозяину за помощью как-то не принято, да и почти бесполезно. Похоже, что он разбирается в своем хаосе хуже специалистов-покупателей, которые сами великолепно ориентируются в лавке. Один такой знаток и привел меня к станции Еёги, порекомендовав обращаться сюда за изданиями прошлых лет, уже исчезнувшими на Канде.

Причину же того, что китайские книги и журналы быстро раскупаются, японские синологи объясняют не только относительной дешевизной китайских изданий и традиционным интересом, который всегда испытывали японцы к своему соседу. Успех литературы о Китае, по их мнению, обусловлен и тем особым отношением многих современных японцев к китайской культуре, которое даже получило название «китайского бума».

Об истории культурных контактов между Японией и Китаем написаны тысячи страниц. Китайское влияние можно обнаружить в японской литературе и философии, архитектуре буддийских храмов и традиционной живописи, театре. Но и более позднем сценическом жанре кабуки, прикладном искусстве и японской кухне, в том числе и буддийской вегетарианской. Хорошо известно, что знаменитые на весь мир японские пейзажные сады, икэбана и чайная церемония возникли под влиянием континентальных

и прежде всего китайских религиозных и эстетических представлений. Однако большинство японцев и тем более иностранцев, жаждущих японской экзотики, уже не воспринимают все эти виды японского искусства как привнесенные из-за границы.

Одни из заимствованных художественных форм выработали на новой почве свои собственные стили — подобно каллиграфии, которая охватывает у японцев не только китайские иероглифы, но и два вида азбуки, созданной в Японии на основе иероглифики. Несколько менее известный, но весьма характерный пример из области прикладного искусства — изготовление воздушных змеев, которым гордятся сейчас многие японские префектуры. Некогда заимствованное из Китая вместе с бытующим и сегодня в Японии обычаем запускать змеев во время Нового года, оно достигло своей вершины в XVII—XIX вв. — в период расцвета простонародной городской культуры эпохи Эдо. Тогда же искусство рисования змеев испытало на себе влияние другого эдоского городского жанра — гравюр укиё-э — и затем распространилось в своем новом виде по всей стране. В провинции особенности различных школ гравюр укиё-э наложились на разнообразные стили местных художественных промыслов. В результате в современной Японии существуют десятки разновидностей змеев, рисунками на которых можно любоваться в парках на Новый год, на особых праздниках-соревнованиях, в музеях.

Другие заимствования из Китая — такие, как карликовые деревья бонсай или миниатюрные пейзажи на подносе бонсэки, сходство которых с китайскими очевидно, — необыкновенно органично вошли в японскую жизнь. На бытовом уровне часто не воспринимается как заимствованный и древний китайский солнечно-лунный календарь, которым на протяжении столетий пользовались японцы и другие народы Дальнего Востока (в Японии он был отменен в пользу европейского только к концу XIX в.). И поныне изображения животных, соответствующих каждому году одного из малых циклов этого календаря, занимают важное место в японском прикладном искусстве, особенно в народной игрушке и в тех его формах, которые связаны со встречей Нового года.

В то же время те предметы и явления китайской материальной и духовной культуры, которые либо никогда не были хорошо известны в Японии, либо сохранились у себя на родине в несколько ином виде, вызывают у многих современных японцев большой интерес.

На японские конкурсы каллиграфии приглашаются сейчас и китайские мастера. Вошла в моду гимнастика тайцзицюань — недаром магазин «Утияма сётэн» посвятил ей и всему комплексу китайского военного искусства ушу отдельный библиографический буклет. Китайская традиционная медицина, которая издавна царствовала в Японии, на протяжении последней сотни лет была значительно потеснена европейской. Однако в последние годы она вновь ожила: аптеки китайских лекарств «кампоку» встречаются по всему Токио, но особо ценятся те заведения, которые предлагают лечебные чаи, включающие настоящие китайские травы, минералы и вещества животного происхождения или сделанные в самом Китае травяные таблетки. В Токио есть магазины китайских вещей, торгующие не столько полезными предметами, которые ничем не отличаются от массовых японских и продаются в любых универмагах, сколько забавными безделушками, вещами, характерными для китайского, но не японского быта: заводными игрушками, которых давно нет в Японии, огромными красными значками времен «культурной революции», армейскими кепками со звездочками, телогрейками, шелковыми халатами.

Пользуются успехом в Японии художественные фильмы про ушу, многосерийные телевизионные путешествия по Китаю. После одного из них возникло увлечение китайскими вещами в стиле «Шелковый путь» (хотя сам Шелковый путь при этом называется в духе нового времени сочетанием, заимствованным из английского — «Сируко родо»). На одной из токийских улиц есть ресторанчик «Тонко» (по-китайски «Дуньхуан»). Возможно, он возник еще до того, как по телевидению был показан сериал «Шелковый путь», рассказавший и об этом древнем городе в провинции Ганьсу, а в одном из универмагов Гиндзы устроена выставка знаменитых фресок из дуньхуанских пещерных храмов. Но в сегодняшнем Токио подобное название не может не восприниматься как символ нового увлечения китайской экзотикой. Недавно также сообщалось о завершении съемок совместного японо-китайского художественного фильма «Легенда о Дуньхуане» по мотивам произведения известного японского писателя Я. Иноуэ. Встречаются мотивы дуньхуанских фресок и на фирменных заклад-

ках, которые вручает «в благодарность за покупку» все тот же магазин «Утияма сэтэн» на Канде.

Иероглифическая письменность, книги, конфуцианское уважение к книжной учености в свое время пришли в Японию из Китая. Здесь они попали на чрезвычайно благоприятную почву. Уже в XVII—XIX вв., в период самоизоляции страны в эпоху Эдо, в Японии были основаны десятки тысяч школ «тэракоя». Здесь детей в возрасте от шести лет учили читать и писать. К середине XIX в. в стране было уже 43 % грамотного населения². Еще до начала второй мировой войны Япония была страной сплошной грамотности, а сейчас неполное среднее (девятилетнее) образование получают девять классов³. Ежегодно в стране издается около 20 тыс. книг новых наименований, ввозится литература с Запада, из СССР, из Китая, и большая часть ее находит своего покупателя и читателя. Те же из японцев, кто в течение года не раскрывает ни одной книги (таких около 40 %), обычно читают журналы. Славу одной из самых читающих наций мира японцы завоевали и благодаря газетам: почти все жители Японии — от освоившего достаточное количество иероглифов школьника лет двенадцати до почтенного старца — просматривают ежедневно хотя бы один газетный выпуск. Люди проводят часы в книжных магазинах в поисках нужных изданий, читают периодику в транспорте. Государственные и муниципальные библиотеки в Токио обычно занимают новые благоустроенные здания. Всеобщая грамотность, высокий уровень образования, любовь к печатному слову, необыкновенная книжная любознательность — это, безусловно, те богатства современной Японии, которыми можно объяснить и ее достижения в области экономики.

¹ См.: В. В. Петров. Лу Синь и Цю Цюбо. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 4, с. 132—133.

² «Look Japan», 1983, № 10, р. 3.

³ В. М. Алпатов. Япония: язык и общество. М., 1988, с. 11, 15.

СИС — СОЦИУМ, ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Выше образование — выше зарплата

По данным министерства труда Японии, в последние годы в стране наметилась благоприятная тенденция к повышению заработной платы для лиц, окончивших университеты и колледжи страны. В 1988 году среднемесячная зарплата у мужчин, окончивших университеты, составила 152,1 тыс. иен, двухгодичные колледжи — 132,3 тыс. иен, у окончивших среднюю школу зарплата равнялась 120,3 тыс. иен, что соответственно выше на 3,3 %, 3,1 % и 1,9 %, чем в 1986 году.

Среднемесячная зарплата у женщин, окончивших университеты, составила 149 тыс. иен, двухгодичные колледжи — 125,8 тыс. иен, окончивших среднюю школу — 113,8 тыс. иен. Разрыв в доходах у мужчин и женщин, окончивших различные вузы страны, стал меньше, чем в предыдущие годы.

Сигарета — убийца

Согласно опубликованным результатам общенационального обследования, проведенного корпорацией «Ниппон табако», в Японии курит 40 % японцев, то есть более 23 млн. человек. В 1987 г. от рака, вызванного пристрастием к курению, погибло 200 тыс. японцев.

По данным Академии медицинских наук Китая, одна четвертая часть населения страны (около 250 млн. человек) страдает пристрастием к табаку. Если не будут предприняты меры, ограничивающие курение, то к 2025 году около 2 млн. человек будут умирать от различных болезней, вызванных чрезмерным потреблением табака.

Икэбана: школы и направления

Р. Б. НОЗДРЕВА

Многочисленные школы и направления японской аранжировки цветов представляют собой весьма сложную структуру как в историческом разрезе, так и в рамках одной эпохи. В истории развития школ и направлений икэбаны можно выделить три периода:

— период возникновения и становления икэбаны (эпоха Муромати. XIV—XVI вв.), когда складываются такие направления, как «Татэбана», «Икэнобо», «Рикка», «Тябана»;

— период закрепления канонов, традиций и правил (эпохи Момояма и Эдо, XVI—XIX вв.), когда совершенствуются уже сложившиеся школы и получают развитие более поздние направления: «Какубана», «Корю»;

— период современного развития (начиная с эпохи Мэйдзи по настоящее время, XIX—XX вв.), когда возникают и развиваются такие направления аранжировки цветов, как «Охара», «Согэцу» и ряд др.

Каждую из школ икэбаны отличают самобытность и специфические особенности, только им присущие каноны аранжировки. В то же время их развитие проходило в условиях взаимопроникновения, взаимовлияния и взаимообогащения, что позволяет рассматривать икэбану как единое монолитное направление японского национального прикладного искусства.

Не имея возможности дать исчерпывающую характеристику всем школам и направлениям икэбаны, кратко рассмотрим особенности наиболее представительных и традиционных школ, сохранивших и не утративших своей значимости, а также более новых, современных течений икэбаны, получивших признание и популярность в Японии в настоящее время.

«Татэбана»

Именно с возникновения «Татэбана» связано в Японии зарождение самого искусства составления букетов. Становление школы «Татэбана» произошло в эпоху Муромати, когда сёгун Есимити Асикага, обладавший, как пишут историки, утонченным вкусом и покровительствовавший искусствам, стал уделять большое внимание развитию архитектуры, живописи, интерьеру, садовому искусству, театру Ноо, чайной церемонии и другим видам национального искусства. В этот же период в эстетическую систему были внесены демократические начала, открывшие возвышенность и одухотворенность в обычной житейской деятельности человека.

Слово «Татэбана» означает «стоящие цветы», то есть поставленные в вазу букеты, которые ранее предназначались только для подношения к алтарям Будды, а в эпоху Муромати стали использоваться и для внутреннего убранства жилых помещений. Букеты «Татэбана» характеризуются крупными размерами, а также большими элементами композиции, своим художественным обликом напоминают величественную красоту японских феодальных замков.

Определенные каноны составления букетов были заимствованы из Китая, однако японские мастера внесли в них свое понимание красоты и выработали свой стиль и систему аранжировки цветов. Школа «Татэбана» включала в себя три разновидности методов составления букетов: «Рикка», «Суна-но моно» и «Дотаба», которые отличала друг от друга в первую очередь техника составления композиций. «Рикка» предусматривала аранжировку цветов в вертикальном сосуде, «Суна-но моно» — в широкой низкой вазе-чаше с песком, «Дотаба» — скрепление элементов композиции в единый букет.

«Икэнобо»

Это направление в японском искусстве составления букетов также берет свое начало с эпохи Муромати, когда в городе Киото, резиденции сёгунов, был построен прекрасный храм — известная достопримечательность Киото — Гинкакудзи (Серебряный павильон), поражающий своим архитектурным и художественным изяществом. Этот павильон стал важным этапом в эволюции японской жилищной архитектуры. Он объединил черты дворцового стиля «синдзэн» с элементами новых жилых сооружений стиля «сёин». Характерным для последнего было выделение части главной комнаты в подобие кабинета, в стене которого встраивалась широкая ниша — «токонома», в которой, помимо полки для книг и письменных принадлежностей, было отведено место для произведений искусства («мэйбуцу»), служивших украшением помещения и определяющих эстетическое впечатление от внутреннего убранства жилища. В качестве «мэйбуцу» использовались как свитки живописи или каллиграфии, так и вазы с букетами цветов. Красота «мэйбуцу» подчеркивалась особым освещением — свет падал через специальное окошечко в боковой стенке ниши.

В это время искусством аранжировки цветов владело множество замечательных мастеров икэбаны, такие, как Рюами, Соами, Ноами. Однако наибольшую славу снискали работы и мастерство настоятеля храма Роккакудо монаха Икэнобо. Его считают родоначальником японской национальной школы икэбаны. Именем Икэнобо и названо одно из основных направлений икэбаны в Японии. Храм Роккакудо по праву считается одним из старейших храмов Киото, а ряд историков утверждает, что он более древний, чем сам город Киото.

Для школы «Икэнобо» свойственно строгое следование старым традициям и канонам, что позволило ей на протяжении более чем 45 поколений сохранить свой первоначальный стиль и мастерство. С точки зрения художественности и структуры композиции, характерной для школы «Икэнобо», можно отметить стремление к плавным линиям и изгибам ветвей и стеблей растений, строгость и простоту форм, отсутствие ярких красок и пышности.

«Рикка»

Школа «Рикка» развилась как самостоятельное направление аранжировки цветов, выделившись из «Татэбана», и ее часто называют «поздней Татэбана». В эпохи Муромати, Момояма и Эдо икэбана использовалась для того, чтобы продемонстрировать великолепие, пышность и богатство, а также для украшения жизни и жилищ японской дворцовой знати и военного дворянства, которое стало проявлять стремление к роскоши, к утонченной эстетике жизни, бывшей ранее предметом их осуждения и даже презрения. В наибольшей степени такому подходу соответствовала школа «Рикка», достигшая наибольшего расцвета в эпоху Эдо и с некоторыми изменениями сохранившаяся до наших дней.

Букеты, выполненные в стиле «Рикка», отличаются монументализмом, величественной красотой, представляют собой композиции, впечатляющие богатством форм и красок. Они состоят в больших высоких сосудах и используют только семь предметов для выражения идеи составителя. Важным считается придание ветвям заданной конфигурации, что достигается с помощью проволоки и ряда специальных приемов.

«Тябана»

В этот временной период развитие получило искусство составления букетов для устроителей чайных церемоний «Тябана». Композиции в стиле «Тябана» были приближены ккусам простого народа и отличались миловидностью, небольшими размерами, скромностью, простотой и лаконичностью, исходили из требований соответствия архитектурной композиции японских чайных домиков («тясицу»), атмосфере церемонии чаепития как таковой.

Небольшие размеры и естественные материалы, из которых строятся чайные домики, создают представление о горной келье — символе бренности земной жизни, а выложенные камнем тропинки окружающего их садика как бы напоминают об

извилистой горной дороге, ведущей в «просветленное царство Будды». Согласно этому стилю, в небольшую миниатюрную вазочку или сосуд достаточно поместить один цветок и один или несколько листочков или стеблей, чтобы передать утонченность и особую одухотворенность обстановки самоуглубления и философской мысли, которые сопутствуют чайной церемонии.

«Какубана»

В конце эпохи Эдо зарождается новая школа икэбаны «Какубана», знаменующая собой развитие символики в японском искусстве аранжировки цветов. Структурная композиция букета складывается из трех понятий-элементов: «небо» (самый высокий элемент — ветка, стебель или цветок), «земля» (самый низкий элемент) и «человек» (средний по высоте элемент). Подобная символика призвана олицетворять гармонию, единство и взаимозависимость элементов мироздания: Вселенной, нашей планеты и человечества, неся в себе большую философскую идею.

Школа «Какубана» в композиционном и структурном отношении оказалась более простой для освоения (например, в сравнении с «Рикка»), снискала большую популярность среди японцев и дала начало различным более поздним направлениям икэбаны, таким, как «Тэндзидзин», «Тэндзидзин сансай» и др.

«Корю»

Направление «Корю» строго и консервативно соблюдает требования к составлению букетов, складывавшиеся в нем веками. Например, при построении цветочной композиции строго соблюдается правило, по которому стебельки цветов и ветки деревьев исходят из одного центра или линии, плотно примыкая один к другому, и только в дальнейшем в результате изгибов и ответвлений образуют объемную композицию. Причем это правило закрепления оснований стеблей и веток в одной точке является общим требованием для всех разновидностей школы «Корю».

Все вышеназванные традиционные школы сохранились в Японии до настоящего времени и объединяют широкий круг поклонников и учеников.

«Охара»

Эта школа представляет собой одну из современных, исходя из предложенной ранее классификации, школ икэбаны в Японии и является крупным центром обучения и пропаганды японской аранжировки цветов. Она объединяет около 86 тыс. мастеров-учителей и около 1 млн. учеников. В городах Токио и Кобэ действуют два основных центра этой школы в Японии, помимо которых насчитывается около 170 ее филиалов в стране и 2 центра и около 50 филиалов за рубежом.

Отличительной особенностью школы «Охара» является существенное развитие традиций стиля «морибана» (горизонтальная композиция), который лежит в основе творчества мастеров большинства школ икэбаны и считается наиболее популярным и широко применяемым в Японии. Причем если ранее для традиционных направлений японской аранжировки цветов был свойствен именно вертикальный стиль составления букетов, то есть в высоких сосудах, то современные направления икэбаны, и прежде всего школа «Охара», дали импульс к развитию и совершенствованию горизонтального стиля составления букетов, когда цветы, стебли, трава и ветви крепятся с помощью специальной металлической накладки «кэндзан» в мелких горизонтальных вазах-чашах, дающих зрителю возможность наслаждаться красотой растительности на фоне воды, что в существенной степени приближает композицию к естественной красоте природы.

В городе Кобэ рядом с центром «Охара» расположены галерея искусств «Охара» и мемориальный зал «Морибана», последний, по замыслу создателей, призван показать значимость этого стиля в современной практике составления букетов в Японии и вклад школы «Охара» в его развитие.

Основной особенностью этого стиля является стремление воссоздать красоту природы и растений в их естественном окружении, причем не только передать по возможности первоначальную красоту ландшафта, но и дополнить ее искусством и идеями в

понимании прекрасного самого мастера-составителя. Как правило, такого рода букеты в наибольшей степени призваны соответствовать определенному времени года.

Школа «Охара» сумела определить теоретические основы слияния воедино старинной традиционной формы «хэйка» вертикального стиля (в ряде других школ она также называется «нагэирэ») и относительно современного способа аранжировки цветов «морибана». Можно также отметить, что руководитель школы «Охара» Охара Хоун впервые в Японии попытался привнести в искусство икэбаны черты абстракционизма и авангардизма.

Перечень школ и направлений икэбаны в Японии, а также характеристику их особенностей можно продолжить и дальше. Однако, как отметил в своей книге «Согэцу икэбана» Софу Тэсигахара, основоположник и ведущий мастер занимающей особое место в развитии современной икэбаны школы «Согэцу», «нет смысла пытаться определить специфику каждой из многочисленных школ икэбаны»¹. Тэсигахара указывает на их большое количество, тесное увязывание стилей и переплетение правил, а также сложность определения четко очерченных особенностей и специфических сторон, позволяющих произвести строгую классификацию и оценку значения каждой из школ икэбаны. Это роднит икэбану с другими видами искусства, такими, как живопись, графика, скульптура.

Следуя совету большого мастера и исследователя икэбаны в Японии, откажемся от желания разобраться во всей многоликости японских школ и течений икэбаны. Важно понять, что современные наиболее популярные школы икэбаны вобрали в себя многовековой опыт стремления человека к пониманию красоты природы, совершенства окружающего мира. Из современных школ икэбаны в Советском Союзе наибольшую популярность получила школа «Согэцу». Подробному разбору особенностей этой школы, характерных для нее правил и подходов к составлению букетов мы намерены посвятить материал в одном из очередных номеров журнала.

¹ Тэсигахара Софу. Согэцу икэбана.— Токио: Сюфу-но юся, 1967.— С. 41.

СИС — СОЦИУМ, ИНФОРМАЦИЯ, СТАТИСТИКА

Образование в Китае

По данным Государственного комитета по делам просвещения КНР, 500 тыс. юношей и девушек Китая окончат вузы и получат дипломы о высшем образовании в 1989 году.

70 вузов КНР ведут подготовку национальных кадров страны. Только в вузах китайской столицы в 1988 г. обучалось более 6600 представителей национальных меньшинств.

Каждый третий специалист — женщина

По данным «Жэньминь жибао», в настоящее время в Китае насчитывается 8,7 млн. женщин — кадровых работников, занятых в административном аппарате страны — на 94,6 % больше, чем в 1978 году; 70 тыс. женщины занимают руководящие посты уездного уровня.

По последним данным, каждый третий специалист в Китае — женщина.

Дорогие читатели!

Получив первые номера «Проблем Дальнего Востока» в этом году, вы, конечно, заметили, что они «одеты» в новую нарядную обложку. Много нового и интересного для себя нашли вы, очевидно, и в самом журнале. Редакция делает все возможное, чтобы наше издание, выходящее на русском, английском, японском и испанском языках, становилось более интересным, разнообразным, содержательным.

Рады, что наши усилия не проходят даром. Об этом свидетельствует увеличивающееся количество читательских писем в редакцию из разных уголков нашей страны, а также из-за рубежа. Мы знакомим вас лишь с некоторыми из них. Но обязательно будем учитывать в нашей работе все высказанные читателями предложения и критические замечания. Ждем от вас заполненные анкеты, опубликованные в № 1 за 1989 год. Данные этого опроса помогут нам в большей мере понять специфические интересы читателей и удовлетворять ваши запросы.

Сообщаем, что в 1989 г. число подписчиков журнала на русском языке увеличилось на пятьдесят процентов по сравнению с прошлым годом. Мы вновь напоминаем всем, кто хотел бы постоянно читать «Проблемы Дальнего Востока»: в связи с тем, что розничная продажа журнала ограничена, самый надежный способ приобрести его — это оформить подписку. Вы сможете сделать это без ограничений в течение всего года и в любом отделении связи.

Ждем ваших новых писем и предложений, дорогие читатели.

• • •

Честно говоря, я охотно читаю журнал «Проблемы Дальнего Востока», особенно его последние номера. И не потому, что мне посчастливилось стать одним из первых китайских авторов Вашего издания. Считаю, что сам по себе это очень содержательный журнал. В нем постоянно публикуются интересные статьи об экономике и политике стран Дальнего Востока. В последних номерах особенно много писали о Китае: о проводимой в стране реформе, политической жизни, истории, культуре, философии, религии, традициях и т. п.

«Проблемы Дальнего Востока» — это научный и общественно-политический журнал. Поэтому в первую очередь он делает упор на глубоком освещении политических и экономических вопросов, но одновременно уделяет и должное внимание философии, культуре, традициям стран Востока. В рубриках «Музей традиций и обычаев», «Исторические эскизы» и других авторы рассказывают о таких интересных исторических фактах и событиях, о которых знают далеко не все китайцы. Скажем, серия статей А. Долина о монастыре Шаолинь и традициях ушу. В ней автор не только рассказал, каким классическим военным искусством и наукой жизни является ушу, но и представил богатый материал по истории этого уникального достояния китайского народа.

Содержательные и многоплановые статьи журнала придают ему широкую панорамность. Так что читать его не только интересно, но и всегда почерпнешь много поучительного. Хотя я и не всегда согласна со взглядами авторов статей, это не мешает мне считать «Проблемы Дальнего Востока» одним из своих любимых журналов. Насколько мне известно, многие наши китайские аспиранты и стажеры, которые учатся в Советском Союзе, также с большим вниманием читают этот журнал. Жаль только, что из-за небольшого тиража его трудно приобрести в розничной продаже.

На стажировке в Москве я нахожусь уже четыре месяца. За это время познакомилась со многими советскими людьми и имела возможность беседовать с ними, убедиться в том, что советский народ испытывает большие симпатии к китайскому народу, живой интерес к современному Китаю и происходящим в нем изменениям. На встречах мне задавали множество самых разных вопросов, которые касались всех сторон жизни Китая. Думаю, что ответы на многие из этих вопросов можно было бы опубликовать в Вашем журнале. Вот отсюда у меня возникла мысль: неплохо было бы ввести новую рубрику «Вопросы и ответы». Читатели имели бы возможность получать своевременные и квалифицированные ответы на интересующие их вопросы.

Думается, было бы неплохо, если бы журнал выходил и на китайском языке. Тогда для него открылась бы еще одна большая дверь во внешний мир. Я, как китайский читатель, радовалась бы этому событию.

Китай и Советский Союз — две самые большие социалистические страны мира. Несмотря на многолетнюю изоляцию, наши соседние народы не теряли интереса друг к другу. В наших странах существуют много вопросов, которые мы решаем или должны разрешить. Это подчеркивает необходимость достижения понимания и изучения друг друга, установления тесных контактов и об-

мена опытом в проведении экономических реформ в КНР и СССР. Экономическая реформа в Китае идет уже десять лет. Нам всегда интересно знать, как смотрят на нашу реформу и политику иностранцы, тем более когда наш опыт анализируется крупными зарубежными специалистами, в частности экономистами. В этом отношении журнал «Проблемы Дальнего Востока» играет и, безусловно, будет играть важную роль. Будем надеяться, что в дальнейшем он внесет еще больший вклад в развитие контактов и обмен опытом между нашими народами.

ЯН ИМИН,
доцент Пекинского института
управления экономикой,
Народный депутат г. Пекина

• • •

Вот уже более десяти лет читаю Ваш журнал. Считаю, что в последнее время он изменился в лучшую сторону, стал намного разнообразнее и интереснее. Заметно увеличилось количество материалов о крупнейшей стране Азии — Китае. И это вполне естественно. Полностью одобряю тематический план редакции на 1989 год, опубликованный в прошлогоднем, шестом номере журнала. Хотелось бы видеть больше материалов в таких рубриках, как «Шаги китайской реформы», «История и современность», «Музей традиций и обычаев». Думаю, что журнал только бы выиграл, если бы на его страницах публиковалось что-то вроде «Основ китайского (а также японского) языка».

Мне кажется, что сейчас особенно интересен и полезен японский метод управления производством и контроля за качеством продукции. Видимо, существуют японские исследования и работы, посвященные психологии производственных отношений, отношений «начальник — подчиненный» и т. п. Публикация такого рода материалов в Вашем издании принесла бы большую пользу.

БАХТИН В. М., 39 лет,
начальник
патентно-информационного
отдела
Кирово-Чепецк, Кировская область

• • •

Ознакомившись с содержанием журнала «Проблемы Дальнего Востока» и, в частности, изучив опубликованную в его № 2 за 1988 г. статью Ю. Г. Скороходова «Советский Дальний Восток — проблемы и перспективы», я пришел к выводу о невозможности публикации в журнале заказанной Вами статьи с моими воспоминаниями «О «великих стройках» Дальнего Востока». Эти воспоминания идут вразрез с урапатриотическим содержанием упомянутой статьи и общей «международной» направленностью Вашего издания.

Ю. Г. Скороходов, ответственный сотрудник Госплана РСФСР, сам того не желая, раскрыл причины нереальности нынешней программы комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района до 2000 года, на что указывала и «Правда» от 4.IX.1988 г. (см. статью Л. Пятилетовой «Цифры ради»). А ведь пропаганда этой программы и была основной целью автора статьи «Советский Дальний Восток — проблемы и перспективы».

Главной бедой составителей программы была их полная неосведомленность об истинном состоянии народного хозяйства ДВЭР на данном этапе. Это видно уже из первых абзацев рассматриваемой статьи. В них, в частности, говорится: «За годы последних пятилеток произошли существенные сдвиги в развитии и размещении производительных сил Дальнего Востока, совершенствовалась их отраслевая и территориальная структура. Досрочное открытие движения поездов на Байкало-Амурской магистрали, формирование Южно-Якутского территориально-производственного комплекса, Комсомольского промышленного района, сооружение Нерюнгринской и Приморской ГРЭС, Зейской, Бурейской, Вилюйской и Колымской ГЭС, Билибинской АЭС и других важнейших энергетических объектов позволили за последние 15 лет удвоить в этом регионе промышленное производство».

Но ведь это все большая неправда! (Более детальное обоснование этой точки зрения А. В. Стоценко смотрите в его статье, публикуемой ниже в нашем журнале, несмотря на сомнения, высказанные автором письма.— Прим. ред.)

...Никакого совершенствования отраслевой и территориальной структуры производительных сил Дальнего Востока не произошло, да и не могло произойти. ДВЭР, благодаря своим огромным размерам и ничтожной плотности населения не был и не может быть при нынешнем положении дел единым экономическим комплексом. Когда же сотрудники Госплана будут принимать во внимание, что по своей площади он равновелик крупнейшим государствам мира — Китаю, США и Бразилии, а по плотности населения в десятки, а то и в сто раз меньше их!

Следовательно, ДВЭР в целом обречен на очаговое развитие. Даже между двумя ближайшими, относительно промышленно развитыми и в какой-то мере заселенными краями — Приморским и Хабаровским до настоящего времени нет сколько-нибудь тесных экономических связей. Приморский край, например, может обходиться без машиностроительной продукции Хабаровского края, за исключением, возможно, морских судов.

На подобные вопросы в изложенной Ю. Г. Скороходовым программе ответов нет. Наоборот, вся она составлена с сугубо континентальным сибирским уклоном. Что же касается тихоокеанской зоны СССР, то о ней упоминается лишь в самом конце его статьи, где говорится, что в прибрежной тихоокеанской зоне СССР, наряду с прочими зонами, «определены конкретные направления проведения природоохранных мероприятий».

Эту рецензию на статью в Вашем журнале и мои воспоминания я все же направляю в Ваш адрес в надежде, что они в какой-то мере помогут Вам сориентироваться при освещении проблем развития советского Дальнего Востока. Не предлагайте только туннеля под Татарским проливом. Правда, недавно услышал по радио, что после большого перерыва из-за штормовой погоды на переправе Ванино — Холмск вновь вышли все девять паромов. Следовательно, подача полупустых вагонов на остров и порожняка с острова обеспечена. Конечно, туннель более был бы к месту. Но он ведь будет стоить миллиарды и не окупит себя никогда. Гораздо проще заставить сахалинцев снабжать самим себя всем, чем снабжает их материк. Что же касается сахалинских углеводородов, то они давно уже подаются на материк по нефте- и газопроводу.

Всего Вам хорошего.

Ваш А. В. СТОЦЕНКО,
Заслуженный деятель науки СССР,
г. Владивосток

Недавно познакомился с шестым номером Вашего журнала за 1988 год. Он не просто понравился, а прямо-таки потряс меня. Ничего подобного (а тем более в нашей глуши) я давно не читал. Если у вас где-нибудь «залежались» другие номера журнала, я бы их с огромным удовольствием приобрел. А если бы Вы помогли подписаться на Ваш журнал на 1989 год — это была бы фантастика! Хорошо было бы также получать Ваши тематические планы.

ВЛАДИМИР ЛИЗУНОВ, 34 года, геолог.
Поселок Октябрьский, Сусуманский район,
Магаданская область.

В тематическом плане Вашей редакции в шестом номере журнала за 1988 год, я прочитал о том, что Вы намерены опубликовать материалы о комплексе древнекитайской гимнастики тайцзицюань. Мне кажется, это не совсем правильно, поскольку этот вид ушу неоднократно освещался в нашей прессе, например, в журнале «Физкультура и спорт» и других спортивных периодических изданиях, в книге Г. Лувсана «Очерки методов восточной рефлексотерапии», в казахском журнале «Айра» («Заря») и др.

Предлагаю в плане сохранения высокого престижа Вашего журнала среди поклонников ушу опубликовать другие комплексы, к примеру, «Змеи», «Обезьяны», «Орла» и т. д. Лично я рекомендовал бы уже апробированный комплекс дыхательной гимнастики системы цигун «Лебедь», очень эффективный для больных с ослабленным здоровьем и в целях профилактики.

Искренняя благодарность за публикацию серии статей А. А. Долина, за творчеством которого следим давно. Почему бы журналу не начать также публикацию «И цзин» («Книга перемен») Шучю-кого или работ японца Судзуки? Это намного повысило бы тираж Вашего журнала, а для любителей восточной классики и искусства стало бы великолепным подарком.

А. КУЗЬМИН, историк,
инструктор городского центра ушу
г. Алма-Ата.

А. О «великих стройках» Дальнего Востока

(записки заслуженного
деятели науки СССР)

А. В. СТОЦЕНКО

Втор этих строк проработал на Дальнем Востоке 55 лет, посещал Китай, КНДР, Японию, а также некоторые страны Европы и Соединенные Штаты Америки.

В молодости я прошел трехлетнюю «стажерскую» практику в Донбассе по водоснабжению крупнейших предприятий Краматорска, Донецка, Макеевки. Начинал рядовым и закончил помощником главного инженера Донецкого отделения Донбассводтреста по строительству. И уже там столкнулся с географической неграмотностью и гигантоманией, царящими в проектных и научно-исследовательских организациях Москвы, Ленинграда и других крупных городов СССР. В те времена в самом Донбассе проектировались лишь отдельные «нижелимитные» здания и сооружения.

Осуществляя технический надзор за строительством со стороны заказчиков — краматорских заводов и Донбассводтреста, я со всей энергией, присущей молодости, добивался упрощения, удешевления, а то и просто исключения из планов строительства крупных объектов гидротехнического назначения. В результате нажил себе врагов не только в проектных организациях Москвы и Ленинграда, но и в тогдашней столице Украины Харькове. Именно эта вражда заставила меня сменить адрес и уехать подальше от всех столиц.

Но как потом оказалось, попал я из огня да в полымя. Ибо все 55 лет моя производственная, научно-исследовательская и общественная деятельность проходила в непрерывной борьбе с этой самой географической малограмотностью и гигантоманией тех же столичных проектных и исследовательских организаций, только еще более высокого ранга, вплоть до Академии наук СССР и Главпроектов Госстроя СССР и РСФСР.

Еще не добравшись до Владивостока, я столкнулся с двумя гигантскими начинаниями. Когда я пересек в августе 1932 г. границу между Забайкальем и Дальним Востоком, увидел множество людей в арестантской одежде, занимавших все пероны, теплушки и «коммунальные заведения» станций. Это были «бамовцы», преемники которых потом, спустя полвека, состыковали звеном из драгоценного металла величайшую на планете дорогу — «дорогу в никуда», как теперь величают БАМ сами строители.

Тогда я просто не поверил своим глазам и ушам. Еще бы! Проехал около 7000 км от самой густонаселенной части СССР до самой пустынной (ведь от Читы до Хабаровска и по сей день нет сколько-нибудь крупного города) и везде, не считая областных центров, видел лишь железнодорожников да их жен, торговавших только молоком и яйцами. Но тогда умные люди объясняли необходимость БАМа как объекта приложения труда многих тысяч уголовников и раскулаченных.

А в Хабаровске, где располагался только что созданный Дальводстрой, в распоряжение которого я был откомандирован, мне предложили принять на себя другую «стройку века» — Пермскую площадку (ныне Комсомольск-на-Амуре). У меня хватило благоразумия, несмотря на свои 25 лет, отказаться от столь лестного предложения, так как я узнал, что годовая программа этого строительства на 1932 г. составляла 60 млн. руб. Сметная же стоимость всех вместе взятых строек Донбасса, подведомственных донецкому отделению Донбассводтреста, едва достигала 50 млн. руб. Впоследствии я убедился в правильности своего решения. Этот объект строился десятилетиями. Именно для него прокладывали БАМ, а также осваивали Ургал, который должен был обеспечить будущий завод «Амурсталь» коксующимся углем. Однако уголь оказался не совсем коксующимся, и «Амурсталь» перевели на переработку металлолома, собираемого со всего Советского Союза. В результате Комсомольск превратился в огромную обузу для экономики Дальнего Востока. Он получает все сырье и полуфабрикаты с дальнего Запада, перерабатывает их вдвое более дорогими рабочими руками дальневосточников и большую часть готовой продукции отправляет обратно на запад страны, навстречу сырью.

Первым объектом, с которым я столкнулся на Дальнем Востоке, был так называемый «Седанстрой» — первый крупный гидроузел на Дальнем Востоке, на реке Седанка, предназначенный для водоснабжения Владивостока. Гидроузел был запроектирован московским Водоканалпроектом, составителем генеральной схемы водоснабжения Донбасса, с которым мне пришлось воевать, и запроектирован также с большими излишествами.

Достаточно сказать, что для водоснабжения Владивостока с населением около 200 тыс. жителей строилась плотина длиной около 1000 м и высотой 28 м, образующая водохранилище с отдачей воды всего 24 тыс. куб. м в сутки. Этого должно было хватить только на 10 лет. Поэтому Водоканалпроект тогда же приступил к изысканиям под следующую очередь водоснабжения на большей реке — Лянчике. Плотина была запроектирована из аллювиальных отложений реки, покрываемых огромным противоточным железобетонным экраном общей площадью 33 тыс. кв. м и толщиной 40 см.

Пришлось полностью переделывать весь проект. Тело плотины решили отсыпать из суглинки, благо карьер его был отрыт в 800 м от плотины, а экран отменить. Зная по опыту чрезмерную осторожность Водоканалпроекта в водохозяйственных расчетах, пришлось пересчитать заново водоотдачу и довести ее до 35 тыс. куб. м, после чего перепроектировать все прочие объекты (насосные станции, очистные сооружения, водоводы и пр.).

Но самым главным недостатком проекта была приложенная к нему смета. Все это грандиозное сооружение было оценено всего в 7,5 млн. руб. (в ценах 1930 г.). Когда я прибыл на стройку, уже было затрачено свыше 5 млн. руб., хотя к отсыпке плотины еще не приступали. Только на вербовку и на обустройство рабочих и ИТР было затрачено свыше 2 млн. руб., в то время как по смете на это отводилось менее 100 тысяч. Пришлось самому пересоставить и смету (к чему я привык еще в Донбассе), сумма составила 17,5 млн. руб. И ее пришлось отстаивать в Наркомате коммунального хозяйства.

Об этом первом объекте приходится писать подробно, так как он оказался типичным. Все другие, гораздо большие по объему и стоимости объекты гидротехнического строительства, а также все железнодорожные стройки вплоть до БАМа, запроектированные столичными институтами, оценивались ими ниже фактической стоимости не на проценты, а на десятки процентов, а то и на сотни. К примеру, третья очередь водоснабжения Владивостока из реки Артемовки, построенная спустя 30 лет, обошлась в три раза дороже первоначальной стоимости, заявленной московским Гипрокоммунводоканалом. Она была сооружена в противовес отвергнутому московской организацией подземному, более совершенному и дешевому объекту. Он был крайне невыгодным для проектирования — не требовалось ни плотин, ни очистных сооружений.

В 1935 г. я принял на себя руководство кафедрой строительного производства на инженерно-строительном факультете Дальневосточного политехнического института, что обеспечило самую тесную связь со всеми крупными стройками почти всего Дальнего Востока. Студенты факультета, как правило, проходили производственную практику на них, работая мастерами и прорабами в течение всего теплого времени года, включая и летние каникулы. Все дипломное проектирование факультета осуществлялось под руководством кафедры на базе реальных проектов. Помимо этого, кафедра публиковала через местные издательства сметные и другие нормативные справочники, так как общесоюзные нормативные источники зачастую не учитывали геофизических и экономических особенностей Дальнего Востока. Связь с производством осуществлялась и путем участия кафедры в техническом надзоре за строительством и в приемке законченных объектов.

В 1950 г. я защитил в Москве докторскую диссертацию на тему, связанную с особенностями строительства на Дальнем Востоке. Несмотря на довольно критическую оценку диссертации всеми оппонентами, ученый совет принял ее единодушно. Верх взял фактический материал, собранный со всего юга Дальнего Востока, включая Китай, КНДР и Японию, и обработанный новым математическим методом. В следующем, 1951 г. мною был организован отдел гидроэнергетики и водного хозяйства при Дальневосточном филиале АН СССР, который принял самое широкое участие в научно-исследовательских и проектных разработках едва ли не всех «великих» строек Дальнего Востока.

Крупнейшей из них была эпопея, имеющая отношение к Амуру. В организованной тогда Амурской (Хэйлунцзянской) советско-китайской экспедиции мне предложили ответственные посты заместителя начальника всей экспедиции и начальника ее Уссурийского отряда. Правда, через пару лет меня отстранили от поста заместителя ввиду расхождений во взглядах на основные задачи экспедиции с СОПСом Академии наук СССР, руководившим всей экспедицией. В то время как СОПС решал проблему Амура путем строительства на нем огромного каскада ГЭС, не считаясь с затоплением и подтоплением всех низменностей Приамурья, наш отдел настаивал на регулировании стока всех горных притоков Амура с минимальным затоплением земель, но зато с максимальным энергетическим, экологическим и экономическим эффектом.

Отделом совместно с китайскими гидротехниками из Пекинского университета, Хэйлунцзянского проектного института водного хозяйства и Чаньчуньского гидроэнергопроекта была составлена схема, с пояснениями на обоих языках, по водохозяйственному использованию бассейна реки Уссури. По схеме на самой Уссури не намечалось ни одного водохранилища и ни одной ГЭС, а на ее притоках и составляющих реках, а также на смежной реке Суйфунхэ размещалось свыше

20 водохранилищ. Они избавляли от наводнений Приханкайскую, Уссурийскую и Суйфунскую низменности, обеспечивали водой свыше 200 тыс. га рисовых плантаций на советской и китайской частях бассейна, давали электроэнергию Приморскому краю и провинции Хэйлуцзян и обеспечивали водотранспортную связь Амура с Амурским заливом Японского моря.

Необходимо отметить, что китайские институты немедленно приступили к проектированию гидроузлов на притоке Уссури Мулинхэ, Нонни, Суйфунхэ и др. Часть из них вскоре была построена. У нас же ленинградский Гидроэнергопроект, принявший в принципе нашу схему, начал проектирование с самых мощных объектов, «совершенствуя» и тем самым усложняя схему.

В качестве первоочередных объектов им были облюбованы ГЭС на самых крупных притоках Амура — Зее и Бурее. Ведь столичные гидротехники, зараженные гигантоманией, не признают ГЭС менее миллиона киловатт. И вот проектируются и строятся самые мощные, но, к сожалению, и самые удаленные от потребителей ГЭС. Проектируются они с начала 30-х годов, строятся уже более 20 лет и еще будут строиться не менее 10 лет, если учесть и строительство самых высоконапряженных линий электропередач протяженностью многие сотни и даже тысячи километров свозом безлюдных тайгу и мари. Вопреки мнению Ю. Г. Скороходова (см. «Проблемы Дальнего Востока». — 1988. — № 2. — С. 6) Бурейская ГЭС еще не построена и будет строиться еще не менее 5 лет, а главные ЛЭП Зейской ГЭС еще не сданы в эксплуатацию. Да и Приморская ГЭС еще не достроена.

В настоящее время включена в план строительства и первая ГЭС в Приморском крае — Дальнереченская, также самая большая из всех, предложенных нашей совместной схемой. К счастью, не самая далекая, напротив, располагаемая наиболее рационально, если учитывать нужды Хабаровского края и китайской провинции Хэйлуцзян.

В Китае в отличие от нас уже построено и строится множество малых и средних ГЭС. Но при решении проблемы Амура китайские гидротехники предлагали подключить Амур к Великому китайскому каналу, что тянется вдоль побережья Желтого моря, от Шанхая до Тяньцзиня. С этой целью мыслилось проложить канал «Сунляю», соединяющий верхнее течение реки Ляохэ, впадающей в Желтое море, с рекой Сунгари, крупнейшим притоком Амура. Интересная деталь: этот проект рассматривался на совещании в Шеньяне почему-то под председательством начальника экспедиции с советской стороны С. В. Клопова. После четырехчасового обсуждения председательствующий закрыл совещание, заявив, что мы не специалисты и ничего посоветовать не можем. Пришлось нам, дальневосточникам, вмешаться, извиниться за него и дать, как я считаю, мудрый совет нашим китайским коллегам отказаться от проекта канала, хотя бы уже потому, что в связи с тяжелой ледовой обстановкой на Амуре и в низовьях Сунгари канал не будет работать не менее 5—6 месяцев в году. Этот довод, как потом нам стало известно, их убедил, и они отказались от его проектирования.

В конце 1938 г. в связи с закрытием Технического отделения Академии наук СССР и созданием Академии строительства и архитектуры отдел Гидроэнергетики и водного хозяйства был передан последней. На его основе и с участием всех кафедр инженерно-строительного факультета ДВПИ был создан Дальневосточный НИИ по строительству, директором которого назначили меня. Главной задачей ДНИИ стало обеспечение строительной индустрии Дальнего Востока строительными нормами и правилами в особых климатических, геоморфологических, гидрологических и океанографических условиях этого региона.

С этой задачей институт справился, разработав и опубликовав «дополнения и изменения к действующим СНИП (строительным нормам и правилам)» и методические указания, инструкции и рекомендации вроде «Рекомендаций по проектированию генеральных планов судоремонтных предприятий в условиях Тихоокеанского побережья СССР» или «Инструкции по учету волн цунами при размещении объектов строительства в районах побережья Курильских островов и Камчатского полуострова» и десятки других.

Но и в этой работе мы столкнулись со знакомыми препонами со стороны столичных исследователей и проектных организаций, поскольку проектирование всех сколько-нибудь крупных предприятий, а тем более «Большого Владивостока» осуществлялось московскими и ленинградскими организациями. Местным проектировщикам доверялись лишь разработка рабочих чертежей больших строек и самостоятельное проектирование второстепенных объектов.

Обсуждение проектов проходило в горячих и долгих баталиях. Генеральные проектировщики никак не хотели верить, что Владивосток, расположенный на одной параллели с Сухуми, холоднее Москвы, а по жесткости климата (совместному влиянию низких температур и высоких скоростей ветра) не уступает Якутску, и приступили к проектированию его из железобетонных панелей толщиной лишь 25 см. Так длилось свыше года. Выручил нас возглавлявший ученый совет Госстроя РСФСР академик В. А. Трубин, принявший нашу сторону. В итоге Владивосток был построен из панелей толщиной 35 см, достаточной для сохранения тепла, да и то с большим ежегодным перерасходом топлива.

Но самым большим недостатком столичных проектов была застройка всего города лишь железобетонными коробками в 9—12—16 этажей без учета рельефа, на самых высоких отметках. В результате был создан город — самый дорогой не только в строительстве, но и в эксплуатации из-за чрезмерно большого вертикального транспорта тепла и воды. Если раньше вода из Седанкинского водохранилища была самой дешевой в стране, то теперь она стала самой дорогой. Еще

бы! Сейчас система водоснабжения имеет не две ступени подъема, а четыре, поскольку воду приходится подавать на высоту до 200 м.

И в наши дни из железобетонных панелей строится не только Владивосток, а весь край, все города и села, и не только жилые дома и промышленные объекты, но и коровники и т. п. Деревянное же строительство сворачивается из года в год. А ведь Приморье да и Дальний Восток в целом — самые лесистые регионы страны. И вся древесина — от корейского кедра до даурской лиственницы — по прочности и гнилоустойчивости, а следовательно, по долговечности превосходит сибирскую и европейскую. В том же Владивостоке, самом теплом и дождливом месте в крае, еще служат сотни деревянных зданий, построенных до революции и ни разу с тех пор не ремонтировавшихся.

Есть что-то оскорбительное в том, что мы сейчас совсем не используем древесину, хотя бы внутри зданий (перегородки — и те гипсопроткатные из Сибири), а за бесценно вывозим ее, даже неошкуренную, в Японию, где и сейчас она широко применяется в строительстве. Когда закончат БАМ, единственным массовым грузом на восток станут еще оставшиеся леса Хабаровского края и Амурской области. После их вырубки будет холодная пустыня, так как древесина Дальнего Востока потому так прочна и долговечна, что образуется в условиях сурового климата в течение многих десятилетий и даже столетий.

В конце 1969 г. в связи с начавшейся мелиорацией этой пустыни гидротехнический отдел и лаборатория ДВНИИСа во главе со мной были переброшены на нее и создали новый общедальневосточный институт — ДальНИИГиМ (Институт гидротехники и мелиорации). Нам несложно было организовать не только сам институт, но и сеть научных отделов, лабораторий и опытных мелиоративных станций по всем краям и областям Дальнего Востока. К тому времени нашей научной школой дальневосточников-строителей, геофизиков и гидротехников было подготовлено 3 доктора и свыше 50 кандидатов технических, географических и экономических наук.

Но, к великому сожалению, вскоре выяснилось, что Министерству водного хозяйства и мелиорации и его дальневосточному главку мы не нужны. Наши предложения по мелиорации сводились прежде всего к приведению в порядок уже эксплуатируемых земель путем простейшего водоотведения, регулирования речного и склонового стока и использования для орошения рисовых плантаций вод многочисленных горных рек с одновременным получением энергии для сельского хозяйства. Так поступают все наши соседи — китайцы, корейцы, японцы. А министерству и главку нужны были новые госхозы на целинных и залежных землях, благо их у нас миллионы гектаров. И осушать их надо было обязательно с помощью того же железобетона, керамики и полимеров, для чего было построено много заводов во всех краях и областях. Орошение же рисовых плантаций росчерком пера одного из заместителей министра решено было осуществлять с помощью перекачки воды из единственного крупного озера Дальнего Востока — Ханки с помощью ее по антикаскадам вверх по питающим его рекам. Таким образом создали кругооборот канализационной воды, от которой глупят и озеро и плантации, чему причина — агрохимия.

Вся беда была в том, что нас слушали, соглашались, даже аплодировали на конференциях союзного масштаба, но делали по-своему из чисто «хозяйственных» соображений. Ведь материалоемкость и энергоемкость — основа рентабельности деятельности всех министерств и их главков.

Пришлось мне, уже перешедшему возрастной рубеж руководителя научных учреждений, вернуться в Академию наук, но теперь не в филиал, а в Дальневосточный центр Академии наук СССР, где решено было создать Институт экономики океана. Благо, работая в ДВФАНе, в ДВНИИСе и ДальНИИГиМе, я не порывал связи с кафедрами строительного производства и гидротехники ДВПИ, где продолжал готовить научные кадры по экономике строительства, преимущественно гидротехнического, в том числе и морского.

В Институте экономики океана уже с первых дней воцарилась гигантомания. Да и само безграмотное с научной точки зрения его наименование обязывало заниматься именно Тихим океаном, хотя общие задачи всего Дальневосточного научного центра ограничивали подведомственную ему акваторию только северо-западной частью океана до границы экономической зоны других дальневосточных стран. Временное же руководство института считало необходимым изучение экономики всего Тихого океана от Чукотки до Огненной Земли. Но с приходом из Ленинграда постоянного руководителя — специалиста по экономике горной промышленности Кольского полуострова задачи института были расширены уже до Мирового океана.

Это направление поддерживается и руководством всего Дальневосточного отделения (бывшего Центра) Академии наук. И другие его институты пытаются решать не менее грандиозные задачи. Например, самой актуальной задачей объявлена добыча углеводородов из-под дрейфующих льдов, в частности из месторождений у Северного Сахалина. Как следствие, БАМ лишается 70 % предназначенной для переброски по нему западносибирской нефти. К другим наиболее актуальным проблемам отнесено извлечение железисто-марганцевых руд со дна океанов, использование энергии приливов Пенжинской губы — самой удаленной от всех потребителей Советского Союза и других дальневосточных стран.

Словом, чем грандиознее проблема, тем желательнее она ученым. История последних десятилетий показывает, что большие провекты приводят в восторг и министров, и руководство дальневосточных краев и областей.

Именно это стремление всех и вся к решению для еще не обжитого региона масштабных

проблем привело к тому, что современный Дальневосточный экономический район, обладающий большими природными ресурсами, стал самым разорительным для всей страны. Сельское хозяйство района влечет жалкое существование, не удовлетворяя и наполювину потребностей населения в продовольствии. Конечно, здесь могло бы помочь самое могучее в СССР рыбное хозяйство, но, руководимое из европейской части СССР, оно почти всю свою продукцию экспортирует еще дальше на Восток или, наоборот, на Запад, минуя глубинные районы ДВЭР.

Наша дальневосточная лесная промышленность давно уже превратилась в сырьевую базу других стран и не обеспечивает древесиной ни строительства, ни судостроения, ни бытовых потребностей населения Дальнего Востока.

Машиностроительная промышленность ДВЭР, в особенности Хабаровского края, получающая металл и металлоизделия с запада страны, до 90 % готовых машин и прочей продукции туда и отгружает. А самая необходимая для освоения океана отрасль — судостроительная — упрятана в глубь материка. Да что там судостроительная! Гражданским судам недостает даже судоремонтных предприятий, и наших моряков и рыбаков выучает Сингапур.

Дальневосточная энергетика непомерна трудо-, транспорто- и энергоемка. Угли добываются преимущественно в карьерах, но их теплотворность незначительна (как правило, ниже 3500 кал), влажность и зольность повышенные, а объемы вскрышных работ и отвалы пустой породы очень велики. В итоге на самообслуживание энергетиков всех профессий — от углекопов до истопников — и всех транспортников, а также на перевозку горючего и его отходов уходит не менее трети вырабатываемой энергии. Приморский край по числу городов и поселков, а также кварталов в самом Владивостоке, заселенных энергетиками всех рангов, занимает одно из первых мест в СССР, за исключением разве что Донецкой и Кемеровской областей. И это край, который по удельной мощности его рек, муссонов и зимней инсоляции стоит на первом месте в СССР.

Самым же узким местом ДВЭР является его внутренний межрайонный транспорт. Относительно сносно соединены между собой всеми видами транспорта и связи лишь краевые и областные центры. Из-за тяжелой ледовой обстановки, в особенности Охотского моря и главной реки региона — Амура — и его притоков, морской и речной транспорт может действовать нормально только в теплое время года, а оно здесь длится менее шести месяцев. Да и летом каботажный транспорт незначителен. Железнодорожная сеть, за исключением юга Приморского края, ничтожна. Да и автомобильных дорог у нас мало, и все они невысокого класса.

Однако самой «смелой» и разорительной для государства в ДВЭР стала строительная индустрия на базе сборного железобетона, в особенности после того, как из общегородской (в каждом столичном городе Дальнего Востока) она стала превращаться в общекраевую, а затем общедальневосточную и далее — в общеазиатскую. Железобетонные панели и блоки Приморья доставляются не только в зону БАМа, но и в Сибирь (до Тюмени!). Видимо, потому, что там нет своего щебня и песка. Хабаровск готов сейчас отгрузить в Тюмень и полносборные комплектные здания различного назначения. Главным недостатком современных промышленных конструкций, в том числе и поступающих в зону БАМа из Кишинева, Тбилиси, Москвы, является абсолютная непригодность их для самого жесткого в СССР климата, каким славится Дальний Восток. Конечно, можно достичь нормального температурного режима и в них, но при перерасходе топлива в два-три раза. Тем более что из столиц исходят указания: в целях закрепления трудящихся на Дальнем Востоке строить для них квартиры из расчета не менее 20 м² (!) на человека.

В настоящее время на Дальнем Востоке второй год осуществляется Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил ДВЭР, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г. Но, как свидетельствует «Правда» (см.: «Правда», — 1988. — 4 сентября, статья Л. Пятилетовой «Цифры ради»), ее выполнение резко отстает от намеченных рубежей по большинству отраслей народного хозяйства; мало того, по мнению местных партийных и советских органов, поставленные задачи могут быть выполнены лишь чудом.

Но, на наш взгляд, они не только невыполнимы, но и в значительной мере не соответствуют главным задачам перестройки. Составленные по заявкам около 40 министерств и госкомитетов СССР, а также местных органов, они почти не уменьшают перечисленные нами недостатки и даже, наоборот, приумножают их.

Так, например, по Приморскому краю из общего объема капиталовложений, испрашиваемых 38 заказчиками, в 11 090 млн. руб. (на весь период 1986—2000 гг.) на реконструкцию действующих предприятий приходится лишь 1074 млн., то есть менее 10 %.

А в Хабаровском крае еще хуже. Как известно, его машиностроительная промышленность на 90 % работает на западные районы СССР. И тем не менее ее мощность предполагается увеличить ни много ни мало в 3,9 раза.

К великому счастью для Дальнего Востока, в настоящее время прорабатываются меры «льготного режима», изложенные М. С. Горбачевым в его сентябрьском (1988) выступлении в Красноярске. Выполнение их потребует от промышленности, да и от всех других отраслей народного хозяйства ДВЭР, поворотов с западного широтного направления на южное меридианальное. Ту же машиностроительную промышленность района следует не расширять, а полностью реконструировать применительно к запросам КНР, КНДР и СРВ. И не просто реконструировать, а перевести на двух-трехменную работу. А для этого надо строить не новые заводы, а новые микрорайоны, и не только для советских граждан, но и для граждан других дальневосточных стран.

КНИЖНОЕ
ОБОЗРЕНИЕСовременное
китайское право

Основы теории права / Под ред. Сунь Гоуа.— Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 1987.— 512 с. (на кит. яз.).

Научная значимость рецензируемой книги выходит за пределы учебного пособия и в известной мере соответствует значению монографического исследования. Помимо глубокого анализа рассматриваемых вопросов, тому имеется простая причина — все еще наблюдающаяся в Китае нехватка монографических исследований по отдельным разделам теории права. Поэтому фундаментальный характер данной работы, рассмотрение в ней практически всей проблематики общей теории китайского права, а также учебно-методическая направленность издания обусловили, на наш взгляд, ее существенную научно-педагогическую и практическую ценность.

В рецензируемой работе содержится значительный по объему материал по типичному для общетеоретической работы кругу вопросов, который, как правило, в неизменном виде переходит из одного издания в другое и поэтому нет необходимости останавливаться на нем. Гораздо интереснее, как нам представляется, обратить внимание читателей на те положения, которые имеют принципиальное теоретическое значение или же относятся к категории новейших в правоведении КНР.

Большое внимание в работе уделено проблемам правопонимания. Им предшествует обстоятельное изложение истории вопроса, взглядов ученых ряда стран, в том числе Советского Союза, ознакомление с которыми помогает уяснить авторскую позицию. Разработка проблем правопонимания советскими учеными показана на примере их достижений в 20-е годы (П. И. Стучка, Е. Б. Пашуканис), а также концепции, возобладавшей в советском правоведении к концу 30-х годов. При этом отмечается, что после XX съезда КПСС советские юристы раскритиковали концепцию права 30-х годов как нормативистскую, абсолютизирующую волевой элемент в праве, принимающую значение материальной детерминации права (с. 79).

По мнению авторов, некоторые советские ученые «расширяют правопонимание вплоть до того, что включают в понятие права всю юридическую надстройку общества» (с. 79). Полагая, что наличие объективного права

(институциональное образование, близкое к тому, что понимается под термином «закон») уже само по себе означает наличие и субъективных прав (юридические возможности, свобода поведения, принадлежащие конкретному лицу), авторы пишут: «Сведение права к совокупности или системе норм вовсе не означает, что право отрицает субъективные права... Включение или невключение субъективных прав в определение права не составляет принципиального вопроса в теории. Что касается попыток включить все правовые явления в понятие права, в действительности это означает ликвидацию правопонимания, что едва ли принесет пользу как в теоретическом, так и в практическом плане» (с. 80).

Таким образом, выступая за узконормативное правопонимание, авторы дают следующее его определение: «Социалистическое право выражает общую волю и общие интересы народа, руководимого рабочим классом, и обусловлено объективными потребностями развития социалистического общества; это система общеобязательных норм, разработанных или утвержденных социалистическим государством и обеспечиваемых принудительной силой государства. Посредством определения прав и обязанностей участников общественных отношений оно устанавливает, защищает и развивает выгодные для социализма общественные отношения и общественный порядок. Поскольку социалистическое право регламентирует действия, добровольно соблюдаемые широкими народными массами, оно является мощным оружием народа, используемым им для своей защиты, удара по врагам, а также для борьбы с правонарушениями и преступлениями» (с. 162).

Это определение права по своим основным признакам существенно отличается от правопонимания, предложенного авторами аналогичного издания Пекинского университета 1980 г.¹ В него не включены такие положения, как «право защищает, укрепляет и развивает социалистические общественные отношения», «право выражает волю народа». Эти положения в большей мере отражали волевой элемент в праве, отодвигая на второй план другие его существенные элементы. Справедливости ради следует отметить, что правопонимание учебника 1980 г. было продуктом правовой идеологии КНР дореформенного периода, выражавшей характер и содержание правовых явлений тех лет.

Определение права в рецензируемой книге воплотило в себя большие изменения, происшедшие в социальной действительности Китая в пореформенный период. Так, в определении подчеркивается, что правовые нормы вовсе не являются субъективно-произвольными, а обусловлены объективными потребностями развития социалистического общества, то есть обусловлены теми объективно сложившимися в данных условиях общественными отношениями, природа кото-

рых требует правового опосредования и воздействия. Отсюда шаг к следующему важному и богатому по содержанию положению — право защищает и развивает «выгодные для социализма общественные отношения». Это обстоятельство следует рассматривать как существенное расширение представлений о социальной роли права, превращение права в инструмент регулирования имеющих полное право на существование разнородных общественных отношений и целенаправленного использования их потенциала в интересах социализма.

Положение правопонимания — право выражает «общий интерес и волю народа» — призвано акцентировать внимание на то объективное обстоятельство, что интерес является реальным основанием правоотношений, что правовое регулирование, не учитывающее в должной мере интересы и притязания социальных субъектов, обречено на неудачу. Это положение наполняет реальным содержанием другой тезис правопонимания о том, что «социалистическое право регламентирует действия, добровольно соблюдаемые широкими народными массами», то есть правореализация, по мнению авторов, обеспечивается главным образом воспитанием, убеждением и отражением в правоотношениях движения интереса, а также в необходимых случаях применением мер государственного принуждения.

Вместе с тем необходимо отметить определенную противоречивость позиции авторов — стремление пригласить значение волевого элемента в праве и раскрыть его созидательные функции соседствует у них с оценкой взгляда на право советского правоведения конца 30-х годов как «основанного на идеях классиков марксизма относительно чужести права...» (с. 79). Такие рассуждения являются случайными, они объясняются, наш взгляд, желанием авторов выдержать размеры учебно-методического издания, а уже не выходить за рамки общей концепции левой идеологии КНР, придерживающейся узконормативного правопонимания с достаточно сильным волевым элементом. По мнению крупного представителя широкого правопонимания в юридической науке КНР правоведа Чжан Цзунхуо, взгляды советских юристов на право конца 30-х годов, продолжают доминировать в современном Китае².

Авторы критически относятся и к получившим распространение в современном Китае взглядам о частичной классовости права. «Некоторые товарищи полагают, что в отношении таких норм технического характера, как «Закон об охране окружающей среды», «Закон о санитарии пищевых продуктов», которые выполняют общесоциальные функции, очень трудно сказать, какой классовостью они обладают» (с. 67). Отстаивая позиции о классовости всех правовых явлений общества, авторы убедительно говорят о том, что право

есть не просто совокупность норм, а единая функциональная система, пронизанная общими принципами и установками, неизбежно накладываемыми отпечаток и на те нормы и практику их применения, которые прямо не выражают классовые интересы или же не связаны с ними напрямую. «При анализе сущности права необходимо использовать взаимосвязанные, комплексные подходы и методы... если те или иные правовые нормы отрывать от всей системы права и рассматривать их изолированно, то не удастся постичь их сущность... Функции классового господства права и общесоциальные функции имеют единую сущность — они с разных сторон служат делу укрепления положения господствующего класса» (с. 67—80).

Отмечая стремление авторов в ряде случаев оставаться в рамках общепринятых в национальном правоведении взглядов, необходимо также подчеркнуть, что во многих случаях им присущ новаторский подход в осмыслении правовых явлений Китая в условиях демократизации общественной жизни, коренной экономической реформы. Так, в упомянутом учебнике 1980 г. отрицалась какая-либо возможность преемственности права и утверждалась необходимость полного уничтожения буржуазного права (с. 209, 213). В книге эти вопросы рассматриваются с принципиальных позиций допустимости использования после победы пролетариата права старого общества. При этом подчеркивается, что это обстоятельство «отнюдь не означает возникновения противоречия между классовостью права и его преемственностью... Социалистическое право не только критически воспринимает правовую культуру, правовую технику прошлого, но и на новой основе выводит их на качественно высокий уровень... Форма старого права наполняется новым содержанием, отвечающим потребностям нового класса, социалистических общественных отношений» (с. 138—140).

Авторы предприняли достаточно плодотворную попытку по-новому рассмотреть сложнейшие вопросы китайской политической системы о соотношении политики и права. В учебнике 1980 г. в целом утверждается приоритет политики над правом, при этом не усматривается социальных зон, где наблюдалось бы абсолютное преобладание правового аспекта (с. 228—234). В рецензируемой работе для определения содержания политики в ней выделяются уровни (в зависимости от масштабов целей и задач политики), взаимодействие которых с правом имеет свои особенности и разное социальное значение. Речь идет о генеральной, основной и конкретной политике (с. 182). Взаимодействие политики и права на уровнях генеральной политики и основной политики, по мнению авторов, выражается в активном воздействии политики на разработку и принятие тех или иных законодательных актов, решений правительства (с. 185). Что касается взаимодейст-

вия конкретной политики и *цзя*, то имеется своего рода конкуренция регулятивных свойств этих категорий. Авторы придерживаются принципиальной позиции о необходимости поддержания престижа права, то есть хотя конкретная политика может выполнять роль права (с. 183), обращая к ней можно только при отсутствии соответствующих правовых норм. «...В ряде случаев, когда еще отсутствуют правовые нормы, можно действовать исходя из требований политики. В такой ситуации политика практически играет роль права. Но после издания закона или его совершенствования, обращение к политике следует прекратить» (с. 191).

В этой же связи подвергнуты резкой критике традиционные представления о вере в «правление личности». «Если действие, которое намеривается совершить руководитель, в соответствии с законом не должно совершаться или же его порядок не отвечает установленной законом процедуре, то возникает противоречие между «опорой на высказывания» и «опорой на закон»» (с. 202). Для разрешения подобных, весьма распространенных, противоречий, по мнению авторов, следует формировать новые связи между «верхними и нижними звеньями» социальной действительности, характер которых позволял бы «низшим звеньям» осуществлять активный контроль за деятельностью «верхних звеньев» на основе закона (с. 203).

Рассматривая важный вопрос о социальных функциях права, авторы выделяют в них регулятивные и охранительные функции (с. 218). При этом обосновывается необходимость сбалансированного подхода в вопросе о соотношении двух функций права с учетом конкретной социальной ситуации, социальных целей, особенностей правоприменения. Но в целом авторы выступают за приоритет регулятивных функций права, заявляя, что «в обстановке социальной стабильности, планомерного и ускоренного развития общества охранительные функции права сужаются» (с. 209). Дисбаланс соотношения двух функций права наблюдается тогда, когда «отрицается значение права как социального регулятора», «при широкой трактовке одной функции права, что, в частности, выражается в рассмотрении права как орудия диктатуры», «при выпячивании роли уголовного права», «при рассмотрении права в качестве универсального средства решения всех проблем общества» (с. 222). На этих исходных посылах построен порядок описания авторами отраслей национального права. Уголовное право в системе законодательства стоит на пятом месте после конституционного, административного, гражданского и семейного права (с. 370). В учебнике 1980 г. в этом перечне уголовному праву отведено второе место, сразу после конституционного.

В контексте этих рассуждений совершенно правильно, на наш взгляд, авторы показывают возрастающую роль права в решении задач

хозяйственной реформы и подчеркивают три основных направления реализации правом своей важнейшей социальной функции — закладывание исходных начал реформы, регулирование конкретных шагов реформы, закрепление результатов реформы (с. 233). Отмечается, что «с углублением реформы и развитием национальной экономики все большее число экономических отношений и видов экономической деятельности требуют правового опосредования» (с. 233).

Однако говоря об организации управления экономикой на новых началах, диктуемых реформой, как нам представляется, в работе недостаточно корректно выделяются три самостоятельных метода управления — экономический, административный и правовой.

Правильные положения работы о расширении созидательных аспектов национальной права вступают в явное противоречие с нежеланием авторов увидеть рациональные элементы в получающих распространение в правоведении Китая взглядах о необходимости деления социалистического права на частное и публичное. Аргументация авторов, отрицающих разделение частнопровых и публично-правовых функций социалистического права, основанная на утверждении о том, что частнопровые отношения приводят к противопоставлению интересов личности и общества, в современных условиях выглядит неубедительной (с. 361).

Большой интерес представляет теоретическое обоснование авторами места и роли инфраюридических образований в общей системе социального контроля китайского общества. Органы «под-юстиции» — народно-примирительные комитеты и аналогичные им организации китайского народа — «играют неоценимую роль в развитии социалистической демократии, в укреплении социалистической законности, защиты общественного порядка». Авторы делают важный и в теоретическом, и в практическом плане вывод, что «одной из главных причин прочности социалистической законности в Китае является наличие мощной поддержки деятельности народных масс. Большому числу правонарушений, преступлений в их зародыше удается выскользнуть из поля зрения специальных органов, но им не уйти от внимания широких народных масс» (с. 509).

Рецензируемая книга — свидетельство больших достижений ученых китайского правоведения. Она дает богатый материал о правовой системе социалистического Китая, обогащает наши знания о сущности права, общих закономерностях и конкретно-исторических путях его развития.

Э. З. ИМАМОВ,
кандидат юридических наук

ПОПРАВКИ

В № 2 за 1989 г. на стр. 77, 4—5-я строка снизу, вместо слова «новое» читать «традиционное».

В конце стр. 145 выпала следующая строка: «...связывалось необходимостью искать собственные.».

Технический редактор *Т. Ерохова*

Сдано в набор 24.03.89. Подписано в печать 30.05.89. А 03230
Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 19,5. Усл. кр.-отт. 39,6.
Уч. издат. л. 30,32. Тираж 14 226 экз. Заказ 789
Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли 119817, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Государственного комитета СССР по делам издательств
и книжной торговли 142300, г. Чехов Московской области

НОВЫЕ КНИГИ

Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая / Пер. с кит.— М.: Политиздат, 1988.— 256 с.— 60 к.

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования.— Новосибирск: Наука, 1989.— 432 с.— 7 р. 20 к. 1600 экз.

Голос яшмовой флейты: Из китайской классической поэзии в жанре цы / В пер. М. Басманова; Грав. Л. Ильиной.— М.: Худож. лит., 1988.— 423 с., ил.— 2 р. 30000 экз.

Богатуров А. Д. Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья: 70—80-е гг.— М.: Наука, 1988.— 197 с.— 1 р. 70 к. 1800 экз.

Мировой социализм и Движение неприсоединения / Отв. ред. И. И. Коваленко, Р. А. Тузмухамедов.— М.: Междунар. отношения, 1988.— 255 с.— 4 р. 20 к. 1800 экз.

Славинский Б. Н. Внешняя политика СССР на Дальнем Востоке. 1945—1986.— М.: Междунар. отношения, 1988.— 335 с.— 1 р. 70 к. 11000 экз.

Тань Аошуан. Учебник современного китайского разговорного языка: Для вузов.— 2-е изд., испр.— М.: Наука, 1988.— 719 с.— 1 р. 40 к. 10000 экз.

Сенаторов А. И. Сэн Катаяма: Научная биография.— М.: Наука, 1988.— 323 с., ил.— 2 р. 60 к. 1550 экз.

Тихвинский С. Л. Китай и всемирная история.— М.: Наука, 1988.— 589 с.— 4 р. 60 к. 5000 экз.

Шкадов И. Н. Озеро Хасан. Год 1938.— М.: Воениздат, 1988.— 96 с.— (Героич. прошлое нашей Родины).— 30 к. 50000 экз.

Мудров Б. Г. Яновский Н. М. Карманный русско-китайский словарь: Ок. 8500 слов.— 2-е изд., стереотип.— М.: Рус. яз., 1988.— 212 с.— 1 р. 60 к. 20000 экз.

«Чжуд-ши» — памятник средневековой тибетской культуры / Пер. с тибет.; Отв. ред. С. М. Николаев, Р. Е. Цубаев.— Новосибирск: Наука, 1988.— 348 с.— 1 р. 50 к. 140000 экз.